

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

BETWEEN MOSCOW AND BRUSSELS

MOSCOW
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

МЕЖДУ МОСКВОЙ И БРЮССЕЛЕМ

МОСКВА
2016

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)
М43

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *К.В. Никифоров* (ответственный редактор)
кандидат исторических наук *Н.Ю. Калашиникова*

Рецензенты:

доктор политических наук *Е.Г. Пономарева*
кандидат исторических наук *Т.А. Покивайлова*

М43 Между Москвой и Брюсселем. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. — 336 с.

ISBN 978-5-7576-0356-8

Москва, Брюссель, Центральная и Юго-Восточная Европа, ставшая европейской периферией; неизбежная трансформация Евросоюза и влияние на этот процесс стран региона; Балканы в треугольнике Россия-НАТО-ЕС и другие проблемы.. Авторы книги предпринимают попытку обобщить опыт внешнеполитической эволюции региона, четверть века назад именовавшегося Восточной Европой, и определить вектор его развития на ближайшее будущее.

Для научных сотрудников, преподавателей, студентов, широкого круга читателей.

Moscow, Brussels, Central and South-Eastern Europe, which has become the European periphery; the inevitable transformation of the European Union and the impact of the states of the region; the Balkans in the triangle Russia-NATO-EU and other problems... The authors of the book make an attempt to summarize the experience of foreign and political evolution of the region named Eastern Europe just a quarter of a century ago and to determine vector of development of these countries for the near future.

For researchers, teachers, students, wide range of readers.

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-7576-0356-8

© Институт славяноведения РАН, 2016
© Коллектив авторов, текст, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю 7

РАЗДЕЛ I.

Москва, Брюссель и европейская периферия

Глава 1. Четыре аспекта восточноевропейской трансформации 10

Глава 2. На переломе десятилетий: поиски вектора внешнеполитической ориентации региона (конец 1989–1991 гг.) 26

Глава 3. Кризис проектов и европейская периферия 44

Глава 4. Россия и эволюция на Балканах..... 59

Глава 5. Евроскептицизм в Центральной и Юго-Восточной Европе как исследовательская проблематика..... 71

РАЗДЕЛ II.

Евросоюз: интеграция и трансформация.

Фактор Центральной и Юго-Восточной Европы

Глава 6. Внешняя политика Румынии при Т. Бэсеску (2004–2014 гг.): цели и итоги 82

Глава 7. Евроинтеграция Болгарии: ожидания и реальность 96

Глава 8. Республика Словения: 11 лет с Европейским союзом109

Глава 9. Grexit. Казус Греции: инцидент или прецедент?116

Глава 10. Региональное сотрудничество как инструмент европейской и евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы.....130

Глава 11. ЕС и общественное мнение в странах Центральной Европы в начале XXI в143

РАЗДЕЛ III.**Венгрия и Польша: революции в прошлом,
эволюция в настоящем**

- Глава 12.* Венгерская осень 1956 г.:
оценка событий в СССР
и посткоммунистической Венгрии 2000–2010-х гг.158
- Глава 13.* Венгрия в процессе восточноевропейских
системных преобразований XX века.176
- Глава 14.* Е. Гедройц и Ю. Мерошевский
о формировании восточного направления
внешней политики современной Польши193
- Глава 15.* Российско-польские отношения
в контексте украинского кризиса205
- Глава 16.* Президентские выборы в Польше 2015 г.218

РАЗДЕЛ IV.**Балканы в треугольнике Москва–НАТО–ЕС**

- Глава 17.* Сербия на пути в ЕС: есть ли шанс?232
- Глава 18.* Военное сотрудничество Сербии с США248
- Глава 19.* Новая власть в Республике Хорватия:
новый ли политический курс?268
- Глава 20.* Военно-политические аспекты
сближения Республики Хорватия и НАТО278
- Глава 21.* Конфликт исторической памяти
на периферии Евросоюза: хорватский праздник
VS сербский траур299
- Глава 22.* Албанский фактор во внутривнутриполитическом
развитии Македонии (1991–2006 гг.)325
- Список научных трудов Э.Г. Задорожнюк (избранное) 336

К юбилею Эллы Григорьевны Задорожнюк

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Предложенный читателю коллективный труд «Между Москвой и Брюсселем» имеет в чем-то необычную судьбу. Она заключается в том, что книга выросла из состоявшейся в Институте славяноведения РАН в июне 2015 г. презентации другого коллективного труда – «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития» (М., СПб., 2015). В то же время жанр презентации часто порождает некоторые проблемы, поскольку авторам того или иного научного труда говорить о себе, тем более говорить комплементарно, не совсем удобно, а кроме них книгу, как правило, еще никто прочесть не успел. Вот и выливаются порой подобные презентации в праздные и вежливые разговоры вокруг и около.

Наконец, этой книгой авторам хотелось бы поздравить с юбилеем доктора исторических наук Эллу Григорьевну Задорожнюк, заведующую Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. Именно в рамках этого Отдела создавались этот и другие научные труды по истории упомянутого региона в постсоциалистический период.

На этот раз от такой практики захотелось уйти, и презентация фактически была заменена небольшой конференцией на тему представленного научного труда. В свою очередь, эта конференция и стала основой следующего коллективного труда, как раз того, который читатель держит в своих руках. В этом смысле судьба книги вполне обычна.

В настоящее время историография чаще всего бывает представлена двумя типами книг – индивидуальными монографиями, являющимися итогом многолетних исследований, и коллективными трудами, отражающими текущий научный процесс. Таковым и является представленный труд. В данном случае это еще и текущие исторические события, за которыми историк, политолог или иной специалист едва успевает поспевать.

Книга «Между Москвой и Брюсселем» состоит из четырех разделов, расположенных по принципу от общего к частному. Так, в первом разделе речь идет о смене вектора развития всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы и об общерегиональных проблемах; во втором – о проблемах, связанных с расширением Евросоюза почти на весь этот регион; наконец, в третьем и четвертом разделах рассматриваются трансформационные проблемы, характерные соответственно для стран Центральной Европы и Балкан. Отдельные главы труда посвящены Болгарии, Венгрии, Греции, Македонии, Польше, Республике Сербской (Босния и Герцеговина), Румынии, Сербии, Словении и Хорватии.

Все эти проблемы выделены авторами неслучайно. В сегодняшнем полицентричном мире на события в Европе влияют прежде всего силы треугольника, состоящего из США, Евросоюза (совместно – объединенный Запад) и России. Последние события на Украине привели к сплочению Запада и попыткам дальнейшего вытеснения из Европы России. Тем не менее, политические и экономические отношения между Москвой и Брюсселем остаются чрезвычайно важными.

Не менее важными остаются и отношения между Россией и «новыми европейцами» в лице стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Россия не может позволить себе второй раз наступать на те же грабли, когда в начале 1990-х годов проблемы в отношениях с этими странами Москва пыталась решать не напрямую, а главным образом через Вашингтон, Берлин или Париж.

Константин Никифоров

РАЗДЕЛ I

МОСКВА, БРЮССЕЛЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

К. В. Никифоров*

Глава 1.

Четыре аспекта восточноевропейской трансформации

Автор исследует процесс трансформации стран Центральной и Юго-Восточной Европы, акцентируя внимание на четырех аспектах: терминологический дискурс, внутривнутриполитические потрясения, фактор внешнего влияния и этнические проблемы.

Ключевые слова: Восточная Европа, СССР, Центрально-Восточная Европа, Центральная и Юго-Восточная Европа, «бархатные революции», «цветные революции», проблема внешнего доминирования, моноэтничность.

The author explores the process of transformation in Central and South-Eastern Europe, focusing on four main aspects: terminological discourse, internal political turmoil, the factor of external influence and ethnic issues.

Keywords: Eastern Europe, the Soviet Union, Central and Eastern Europe, Central and South-Eastern Europe, the «velvet revolution», «color revolutions», the problem of the external domination, mono-ethnicity.

Четверть века назад пришел в движение обширный регион к востоку от Западной Европы. Прошло уже достаточно времени, чтобы оценить, что случилось тогда со странами этого забродившего пространства, и понять, что с ними происходит сегодня¹. Остановимся лишь на четырех аспектах состоявшейся или еще продолжающейся там трансформации.

* Константин Владимирович Никифоров – доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН, член бюро Национального комитета российских историков, вице-президент Международной ассоциации и председатель Национальной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы.

Терминология

Начинать, наверное, нужно с дефиниций. До всех изменений 1990-х годов этот регион в послевоенное время (и даже раньше) назывался Восточной Европой. Здесь был создан восточный блок во главе с Советским Союзом, который во времена биполярного мира противостоял блоку западному во главе с США. После краха европейского социализма и восточного блока восточноевропейский регион вновь распался на исторические части: Центральную Европу (минус ГДР, плюс Австрия и Словения), Юго-Восточную Европу (Балканы и карпато-балканская Румыния) и Восточную Европу (европейские республики бывшего СССР без стран Балтии).

Однако появились и новые дефиниции. Можно, например, упомянуть никогда не существовавший ранее и исторически бессмысленный термин «Западные Балканы» (постюгославские государства – минус Словения и плюс Албания). Но прежде всего надо говорить о наименовании «Центрально-Восточная Европа», которым стали обозначать рассматриваемый нами регион, но главным образом – Центральную Европу с Украиной и Белоруссией (границы с Юго-Восточной Европой остаются размытыми). Следуя этой логике, традиционная Восточная Европа и восточнославянские земли оказались разделенными. Россия при таком делении в лучшем случае понимается как Восточно-Восточная Европа (как вариант – Северо-Восточная), а то и вовсе никакой Европой уже не считается.

К слову сказать, термин «Центрально-Восточная Европа» совсем не новый. Еще в 1950 г. бывший профессор Варшавского университета О. Халецкий опубликовал в США диссертацию «Пределы и разделы европейской истории». Он критиковал деление Европы на Западную (романскую и германскую) и Восточную (прежде всего славянскую, но, в сущности, более разнообразную). Халецкий предложил делить Европу на четыре части, для чего он наряду с Западом и Востоком выделял обширную Центральную Европу, состоящую из Центрально-Западной Европы (немецкоязычные страны) и Центрально-Восточной Европы (приблизительно между Германией и Россией). Россия в его понимании составляла отличный от Европы регион – Евразию².

Направление, основоположником которого оказался Халецкий, сначала набрало силу среди историков-эмигрантов из Польши и других стран региона, работавших преимущественно в США. Затем сторонники такого определения нашлись в Польше и Венгрии, наиболее свободных коммунистических странах³. Попутно сторонники концепции «Центрально-Восточной Европы» отказывали в праве на существование и некогда довольно популярному, особенно в немецкоязычной среде, термину – «Срединная Европа»⁴.

Конечно, самый сильный импульс развитию концепции «Центрально-Восточной Европы» придал крах европейского коммунизма и расчленение Советского Союза, которое закончилось провозглашением суверенитета Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии. В 1992 г. под эгидой поляков была основана Федерация институтов Центрально-Восточной Европы для осуществления сотрудничества польских, литовских, украинских и белорусских историков. Результаты этого сотрудничества, как пишет польский историк Е. Ключовский, уже заметны. Меньше понимания подобной трактовки региона, по его словам, у историков «к югу от Карпат»: «Выражение "Центрально-Восточная Европа" вызывает у них сомнение, особенно если в ее состав включается Украина»⁵.

Наконец, Е. Ключовский не может не признать серьезных разногласий с российскими коллегами по поводу термина «Центрально-Восточная Европа», отмечая, что такого термина «в традиционной русской историографии нет». Понимая, что это название, по крайней мере, спорно, польский историк подчеркивает, что «разные исторические школы иногда отстаивали и отстаивают разные положения» и «порой эти определения диктовались и диктуются геополитическими интересами»⁶.

С последним трудно спорить, но представляется, что как раз политическими соображениями и вызвано во многом появление термина «Центрально-Восточная Европа» вместо традиционного в российской историографии деления территории к востоку от Западной Европы на три части: Центральная, Юго-Восточная и Восточная Европа.

Конечно, любые схемы и дефиниции не отражают полностью реальную жизнь, и они могут уточняться и пересматри-

ваться, но тогда новые определения не должны вызывать больше вопросов, чем старые. Пока же необходимость введения в научный оборот термина «Центрально-Восточная Европа» совсем не убеждает. Повторим: слишком уж предложенная схема выглядит политически мотивированной.

Между тем, термин «Центрально-Восточная Европа», родившийся в польских головах на чужбине, автоматически перенимается в некоторых российских работах последнего времени. Правда, как правило, форма воспринимается без содержания, этот термин, распространяется на весь регион Центральной и Юго-Восточной Европы, но не на Украину и Белоруссию. Сошлемся, в частности, на коллективный труд в трех томах бывшего Института международных экономических и политических исследований РАН⁷ под названием «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века»⁸.

Внутриполитические потрясения

С точки зрения внутриполитической ситуации регион Центральной и Юго-Восточной Европы (да и Восточной тоже) в последние 25 лет переживал процесс трансформации или транзакции. Перехода от одной общественно-экономической системы – к другой, возвращения к рынку и частной собственности, реставрации капитализма по марксистской терминологии. Или – используя модную ныне теорию модернизации – можно сказать, что осуществлялся возврат от альтернативной модернизации, проходившей после Второй мировой войны, окончательно, кстати сказать, заглохшей, к модернизации догоняющей, копирующей западные образцы, означающей по сути вестернизацию. К этой догоняющей модернизации страны региона приступили уже во второй раз в своей истории, учитывая их развитие с конца XIX в. и в межвоенный период.

Кстати, Россия во многом повторяла региональное развитие. Различие было лишь в том, что альтернативная модернизация началась здесь намного раньше – сразу после октябрьских событий 1917 г.

Такой серьезный цивилизационный переход, который испытывали страны региона, редко обходится без войн и революций. Он и начался с так называемых «бархатных революций» 1989 г., которые далеко не везде были «бархатными»⁹. Не

обошлось и без войн – на постюгославском и постсоветском пространстве. Затем по некоторым странам региона прокатилась вторая волна потрясений – так называемые «цветные революции» начала XXI в.

Причем, сербская «октябрьская» (или «бульдозерная») революция 2000 г. была одновременно последней «бархатной» и первой в ряду «цветных». Именно она открыла череду новых революций на постсоциалистическом пространстве Европы. Фактически это было второе издание «бархатных революций», то есть, революций в тех странах, где преобразования оказались половинчатыми и не решили задач первых «бархатных революций».

Точно по сербскому сценарию произошли затем «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» и «евромайдан» на Украине. В какой-то степени созвучны им события, приведшие несколько раз к смене власти в Киргизии.

Общее между двумя типами революций – «бархатными» и «цветными» – протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Особенность же «цветных революций» начала XXI века в том, что они чаще всего проходят во время выборов. В конце прошлого столетия именно многопартийные выборы были главным завоеванием оппозиции и основным механизмом смены власти во многих странах на востоке Европы. Попытка пересмотреть или даже ликвидировать это завоевание часто оказывается последней каплей, переполняющей чашу терпения.

Можно найти еще много отличий между первым и вторым изданиями «бархатных революций». И все они проявились еще 5 октября 2000 г. в Белграде.

Это выход на авансцену молодого поколения, абсолютно аполитичного в 1989 г. В частности, в Сербии отличилась молодежная организация «Опора», в Грузии – «Хмара», на Украине во время «оранжевой революции» – «Пора» и т.п. Это и несравненно большая помощь новым оппозиционерам со стороны Запада, для которого революции 1989 г. были в определенной степени неожиданными.

Ко второму изданию революций все изменилось. Они происходят на западные деньги и по жестким западным лекалам. Отсюда и поразительное сходство революционных сценари-

ев в Сербии, Грузии или на Украине. Однако понятно, что если бы условия для таких революций не созрели, то не помогли бы никакие денежные вливания.

В целом «цветные революции» нацелены на борьбу с коррупцией и бюрократическим произволом новых властей, с социальной незащищенностью, вопиющим расслоением и кичливыми сверхдоходами правящих кланов¹⁰. Одновременно эти революции призваны решить качественно новые задачи, а не только привести к смене власти. Они направлены не только против «бюрократически-авторитарного режима и кланового капитализма», но и на смену принципов построения государства, то есть переходу от монополизма к плюрализму и расчленению власти»¹¹.

Другими словами, «цветные» или «электоральные революции» начала XXI в. призваны:

- во-первых, доделать то, что не смогли довести до конца «бархатные» революции 1989 г. Именно поэтому они и происходят в относительно менее развитых государствах;

- во-вторых, «цветные революции» нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в период постсоциалистической трансформации, «приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на дальнейшее развитие»¹².

И если для центральноевропейских государств – Польши, Чехии, Словакии и др. – для проведения постсоциалистической трансформации хватило, по-видимому, одного революционного импульса, то для некоторых постсоветских государств понадобились новые революционные потрясения. Можно предположить, что и этого может оказаться недостаточно. Ничего необычного в этом нет. Достаточно вспомнить, что для многих государств Западной Европы в свое время при утверждении буржуазного строя понадобилась целая серия революций в течение всего XIX в. Самый хрестоматийный в этом плане пример дает французская история.

Внешнеполитический фактор или Проблема внешнего доминирования

Понятно, что небольшие страны Центральной и Юго-Восточной Европы всегда были скорее объектом, нежели субъек-

ектом международных отношений. Они довольно быстро потеряли независимость и вошли в состав более крупных образований. И даже относительная крупная по региональным меркам Польша, в конце концов, оказалась разделенной между еще более крупными соседями. Только после окончания Первой мировой войны и распада четырех империй страны региона обрели независимость. Однако и в дальнейшем не они определяли ход исторического развития, а на них в решающей степени влияли все крутые повороты европейской и мировой истории.

Так, 40-е годы прошедшего столетия были связаны с процессом фашизации этих государств. Эта политика, инициатором которой была гитлеровская Германия, но в которой достаточно активно участвовала и Италия, затронула Венгрию, Словакию, Румынию, Болгарию, Албанию, осуществлялись попытки ее распространения на Югославию. Разумеется, как это обычно и бывает, такая политика прикрывалась разговорами о «новом порядке», о «заинтересованности в сохранении мира» и т.п. После Мюнхенского сговора установился протекторат над Чехией, а после начала войны была оккупирована Польша, а затем и Югославия. Оккупация охватила также многие территории европейской части Советского Союза.

Период фашизации региона вследствие победы в войне СССР и союзников был относительно недолог. Но затем, с точки зрения внешнего доминирования в Центральной и Юго-Восточной Европе, пролегал период в половину с лишним века, и он был отмечен важным и в чем-то схожим процессом. Процесс этот, сопровождавшийся также соответствующим идеологическим обеспечением – советизация Восточной Европы.

Последний процесс, о котором надо упомянуть, говоря о трансформации региона и внешнем влиянии на Центральную и Юго-Восточную Европу, и который мы наблюдаем в настоящее время – это «натоизация». И как бы мы к нему не относились, подчеркнем: в нем нет ничего исключительного. Не претендуя на полную аналогию, заметим также, что процесс «натоизации» Балкан, в свою очередь, как и все предыдущие, прикрывался и прикрывается рассуждениями о новом

мировом порядке, об укреплении стабильности в Юго-Восточной Европе, об утверждении там демократических ценностей.

Подчеркнем еще раз. Конечно, природа у режимов стран «оси», советского образца и НАТО – совершенно различна. Но даже отмеченное нами некоторое внешнее сходство довольно красноречиво.

Любопытно, что самый сильный отпор всем трем процессам на Балканах – фашизации, советизации и «натоизации» – давала одна и та же страна: Югославия, прежде всего ее сербское население. Вспомним, что в конце марта 1941 г. правительство Югославии подписало соглашение о присоединении к Тройственному союзу, и это вызвало в Белграде массовые демонстрации под лозунгом «Лучше война, чем пакт», а затем и государственный переворот. Да и во время Второй мировой войны на территории Югославии против немцев и их пособников был фактически открыт второй фронт, задолго до того, как его открыли страны антигитлеровской коалиции. Причем подавляющее большинство участников Сопrotивления были сербы. Вспомним и 1948 г., когда конфликт между Й. Брозом-Тито и И. Сталиным привел к выходу Югославии из так называемого «социалистического лагеря». И, наконец, яркое доказательство всему сказанному дает югославский кризис 1991–2001 гг., где опять именно сербы упорно сопротивлялись западной экспансии в бывшей Югославии.

Процесс «натоизации» Балкан, о котором мы ведем речь, важен не только сам по себе. Он тесно связан и с более крупной проблемой – формированием новой системы европейской безопасности. Более того, в международных отношениях эта проблема была самой важной после окончания холодной войны и прекращения блокового противостояния. Россия, будучи одним из полюсов прежнего биполярного мира, выступала, как известно, за создание всеобъемлющей системы безопасности на основе общеевропейской организации – ОБСЕ. Однако услышана не была и успеха не имела. После некоторого колебания США посчитали себя единственным победителем в холодной войне, который имеет право действовать, исходя из логики «победитель получает все».

Фактически это означало начало предела сфер влияния, заполнение вакуума, образовавшегося после крушения СССР и восточного блока. Где-то такой передел шел мирно: НАТО расширялось на Восток, к блоку присоединялись некоторые восточноевропейские страны. Где-то, как на сербских территориях бывшей Югославии – это происходило насильственным, военным путем. Впрочем, как мы отмечали, и процесс фашизации шел как мирным, добровольным, так и военным, насильственным путем. Сочетанием разных факторов отличался и процесс советизации, причем не только в сталинский период, но и гораздо позже, когда возникла, например, доктрина ограниченного суверенитета социалистических стран, известная как «доктрина Брежнева».

Расширение НАТО на Восток и вмешательство Запада под предводительством США в югославский кризис привели к складыванию новой, натоцентристской модели европейской безопасности. И можно даже назвать точное время, когда оба этих связанных между собой процесса обозначились со всей определенностью: это 1993-й год. Тогда, как известно, было принято принципиально решение начать расширение НАТО. И тогда же США начали активно вмешиваться в югославский и, в частности, боснийский кризис, который в тот период выдвинулся на первый план. Под натовское ружье были поставлены все – и ОБСЕ, которое в результате стремительно маргинализировалась, и миротворцы ООН.

По свидетельству работавшего в Белграде представителя Службы внешней разведки России В. Зайцева, в январе 1994 г., после принятия решения о расширении НАТО на Восток, у США уже существовали планы использовать конфликт в Югославии для создания условий по перебазированию американских войск из Германии на Балканы. Тем самым появилась бы «возможность контролировать как пути через Черное море к Каспийскому нефтяному бассейну, так и через Малую Азию к Персидскому нефтяному району»¹³. Характерны и воспоминания главы Службы безопасности президента России А. Коржакова. Он рассказывает, что весной 1995 г. начальник Главного разведуправления Генерального штаба России Ф. Ладыгин передал через него президенту Б. Ельцину конфиденциальное письмо. В нем, на основе оперативной

и аналитической информации, был расписан «весь сценарий НАТО по Югославии вплоть до будущих бомбардировок в связи с косовским конфликтом»¹⁴.

Так или иначе, но инициированный Западом передел мира, «натоизация» Центральной и Юго-Восточной Европы и попытки ее распространения на Грузию и Украину (что вновь не обходилось без вооруженных конфликтов) поставили на ближайшую перспективу крест на романтической мечте о единой «Большой Европе», о Европе, по словам Ш. де Голля, от Атлантики до Урала, о горбачевской идее общеевропейского дома, о Европе без разделительных линий и блокового противостояния и даже о кругосветной зоне безопасности от Ванкувера – до Владивостока.

Россия все больше оттесняется от остальной Европы, в том числе и с помощью расширения НАТО, развертывания на российских границах американского ПРО, реализации программы «Восточное партнерство». Разделительные линии на европейском континенте никуда не исчезли, как мечталось многим четверть века назад, а просто переместились на восток, вплотную к российским границам. В последнее время эти разделительные линии только окрепли.

Повторим, что события на востоке Европы, разрушение двухполюсного мира и окончание холодной войны были использованы Западом не для объединения континента и создания более справедливого и безопасного мироустройства, а для укрепления своего геополитического положения. Геополитика вообще после краха биполярного мира выдвинулась на передний план. И если почти весь XX в. был веком идеологического противостояния¹⁵, то теперь оно заменено противостоянием геополитическим.

Этническая ситуация

Говоря об этом аспекте изменений в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы в конце XX – начале XXI вв., нужно, прежде всего, иметь в виду два момента.

Во-первых, следует напомнить, что существуют два взгляда на нацию. Первый: политическая гражданская нация, когда это понятие связывается с государством. И второй: этническая нация, где на первый план выходит этнокультурная бли-

зость. И этот второй подход, в отличие от Западной Европы, до сих пор доминирует в ментальности восточноевропейцев. Не случайно на востоке Европы провалились все попытки сформировать гражданские нации. Безрезультатно окончилось и конструирование «сложных этносов»: югославов, чехословаков, «новой исторической общности – советского народа». Наоборот, на Балканах в XX в. выделились новые этносы – македонцы, боснийские мусульмане (боснийцы, босняки), черногорцы, а в Восточной Европе все увереннее заявляют о себе как об отдельной нации карпатские русины.

Во-вторых, процесс национального разграничения, в отличие от Западной Европы, на востоке Европы никогда не был полностью завершен. Прежде всего, это касается Балкан. Это провоцировало многочисленные конфликты, особенно на этапе национального возрождения. Решение межэтнических проблем часто виделось в создании более крупных многонациональных государств, поглощавших внутри себя не только разные народы, но и их территориальные споры. Самый яркий пример дает Югославия, нереализованными остались многочисленные планы Балканской или Дунайской федераций¹⁶.

В конце прошлого века решение национальных противоречий в многонациональных государствах, наоборот – начали искать в их делении на более-менее моноэтнические части. Распались и СССР, и Чехословакия, и Югославия.

В течение всего XX в. Центральная и Юго-Восточная Европа была ареной многочисленных войн, в том числе двух мировых. Они привели к многочисленным жертвам и насильственным перемещениям больших групп населения. Например, только на территории так называемого Независимого государства Хорватии во время Второй мировой войны были убиты 500 тыс. сербов, 80 тыс. цыган, более 20 тыс. евреев и несколько тысяч людей других национальностей¹⁷.

О трагедии европейских евреев надо сказать особо. В Восточной Европе доля еврейского населения сократилась после войны до 0,9%. В Венгрии осталось всего 1,5% евреев, в Болгарии – 10%. Относительно благоприятнее сложилась судьба евреев в Румынии, где уцелело 57% еврейского населения¹⁸. Но потом и из Румынии начался их отток. И если до войны в этой стране было 750 тыс. евреев, то в начале XXI в. их осталось

менее десяти тысяч¹⁹. Не стала исключением Россия. К концу XIX века в Российской империи существовала самая большая еврейская община мира; сегодня, по последней переписи, осталось немногим более 156 тыс.

Но и развязавшим войну немцам предстояло испытать крупные этнические чистки. Первыми с депортациями столкнулось немецкое население Советского Союза. После начала войны около 500 тыс. немцев были высланы из Автономии немцев Поволжья. Всего места проживания в европейской части России и Закавказье были вынуждены покинуть около 800 тыс. немцев²⁰. В конце войны немецкое население стран Центральной и Юго-Восточной Европы сначала бежало вместе с отступавшей армией, а затем в течение нескольких лет было насильственно выселено из своих домов в Польше, Чехословакии, Югославии и других стран.

Например, в Воеводине до Второй мировой войны было около 500 тыс. немцев. По переписи же 2002 г., в этом сербском крае оставалось только около 3 тыс. немцев, а во всей Сербии их было менее 4 тыс.

Иначе в первые послевоенные годы происходило в Румынии, где осталось три четверти немецкого населения²¹. Немцы стали покидать эту страну позже, уже во время правления Н. Чаушеску. В итоге в регионе Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы фактически исчезла более чем 10-миллионная довоенная немецкая диаспора. Пострадали и союзники немцев – венгры, итальянцы, болгары.

Таким образом, после войны прекратили существование два общих для этого региона национальных меньшинства – евреи и немцы. Было сильно ослаблено и третье общерегиональное национальное меньшинство – цыгане.

Фактически везде в Восточной Европе происходили попытки создания монолитных в этническом отношении государств. Отношение к национальным меньшинствам было подорвано гитлеровской Германией, которая в предыдущий период активно разыгрывала карту своего меньшинства в ряде сопредельных стран. К тому же в сложившихся после войны условиях «в международном сообществе стало преобладать мнение о целесообразности защиты не коллективных, а индивидуальных прав представителей национальных меньшинств. Счи-

талось, что соблюдение всеобщих прав человека повсюду гарантирует одинаковую правовую защиту для всех, в том числе и малых этнических групп»²².

Тенденция к моноэтничности еще больше проявилась в конце XX в., когда, как уже говорилось, на востоке Европы на национальные республики распались все три федерации – Югославия, Чехословакия и Советский Союз. В частности, в результате «войны за югославское наследство» была полностью переформатирована этническая карта бывшей Югославии.

Так, в Хорватии в годы войны, по некоторым данным, из Республики Сербская Краина были изгнаны 330 тыс. хорватов. В то же время по переписи 2001 г., по сравнению с переписью 1991 г., в Хорватии не стало 380 тыс. сербов²³. Масштабы этнических чисток оказались сопоставимы, только хорваты после окончания войны смогли вернуться в свои дома, а сербы – нет. Хорватия превратилась, по существу, в моноэтническое государство, в котором осталось не более 4% жителей, принадлежавших к национальным меньшинствам²⁴. В любом случае впервые за 300 и более лет в Хорватии не осталось территорий с компактным проживанием сербов.

Еще большие последствия для этнических перемен имела война, разразившаяся в Боснии и Герцеговине. В ходе этой войны из 4,5 млн жителей довоенной югославской республики более 2 млн покинули свои дома. Из восточной части Боснии были изгнаны около 800 тыс. боснийских мусульман, из ее западной и центральной части – около 600 тыс. сербов и из той же центральной части – около 300 тыс. хорватов. Примерно половина беженцев покинула Боснию. Другая половина – переселилась на территории, контролируемые соотечественниками.

Фактически в сегодняшней Боснии и Герцеговине и Республика Сербская, и обе части Федерации БиГ стали национально однородными. Сразу после войны в Республике Сербской представителей несербской национальности оставалось не более 10%. Бошняки на контролируемых ими землях составляли 80–85% населения. И, наконец, в хорватской части Федерации проживало около 98% хорватов²⁵.

Война в Косово (1998–1999 гг.) и натовские бомбардировки сербско-черногорской Югославии (1999 г.) привели к новым

волнам беженцев. После того, как Косово полностью перешло в руки НАТО и косовских албанцев, край покинули около 250 тыс. сербов²⁶. Косово и Метохия, где и так было около 90% албанцев, стало еще более моноэтническим образованием.

В целом считается, что за годы югославского кризиса со своих мест были прямо или косвенно изгнаны около 4 млн человек²⁷. Проигравшая «войны за югославское наследство» Сербия оказалась на первом месте в Европе по количеству беженцев и вынужденных переселенцев, которых насчитывалось более миллиона.

Важно еще раз подчеркнуть, что везде на постюгославском пространстве во время череды войн и их урегулирования четко прослеживалась одна и та же тенденция: тенденция к моноэтничности – сколько бы ни говорили об обратном, о мультиэтничности и мультикультурности многочисленные западные посредники.

Похожая ситуация наблюдается и в других странах Юго-Восточной Европы. Так, в Албании албанцев – 95%, в Болгарии болгары составляют 85,3% населения, а в Румынии румын – 89,5%. То же самое можно сказать и про центральноевропейские страны: в Венгрии – 98% венгров, в Польше – 97% поляков, в Чехии – 94,4% чехов, в Словакии – 85,7% словаков. Иная картина наблюдается лишь в Македонии, где 67% относят себя к македонцам, 29,9% – к албанцам²⁸. Но в Македонии тенденция, общая с другими странами региона, была прервана навязанным извне Охридским соглашением 2001 г.

Подчеркнем, что эта тенденция к моноэтничности существенно отличает восточноевропейский регион от Западной Европы, в которой, особенно в послевоенный период и в последние годы, заметно увеличилась мультиэтничность. Она даже породила идеологическое обоснование этого процесса в виде концепции мультикультурализма. Новая ситуация возникает сегодня после вступления стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Европейский союз, где эти противоположные тенденции неминуемо пересекаются.

Правда, в последнее время в мультикультурности стали разочаровываться и в Западной Европе. Не так давно лидеры сразу трех ведущих западноевропейских стран – канцлер Германии А. Меркель, президент Франции Н. Саркози и премьер-

министр Великобритании Д. Кэмерон заявили о крахе политики мультикультурализма в своих странах.

Кстати, разразившийся в самое последнее время кризис, связанный с наплывом в Европу беженцев из Большого Ближнего Востока, только укрепляет отмеченные тенденции. Беженцы не задерживаются в балканских странах и даже Венгрии, которые являются для них транзитными, и еще больше увеличивают мультиэтничность именно Западной Европы.

Попутно заметим, что Россия в какой-то степени вписывается в оба отмеченных нами процесса – на востоке и западе Европы. В процентном отношении русских в России намного больше, чем в Советском Союзе – почти 81% вместо немногим более 50%. И таким образом, Россия повторяет путь всей Восточной Европы. В то же время дает о себе знать имперское прошлое, хотя Советский Союз и был государственным образованием особого рода. Приезд в бывшую «метрополию» выходцев из национальных окраин на глазах увеличивает мультиэтничность России. И в этом плане Россия идет по стопам Великобритании, Франции, Нидерландов и других стран Западной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Такая попытка предпринята недавно в Институте славяноведения РАН. Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. М., СПб., 2015.

² *Клочовский Е.* Вступление // Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкрё М.-Э., Клочовский Е., Самсонович Г., Вандич П. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009. С. 9–11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 17; см. также: Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. СПб., 2009.

⁵ *Клочовский Е.* Вступление. С. 17.

⁶ Там же. С. 14–16, 17.

⁷ Еще раньше – Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, а ныне – составная часть Института экономики РАН.

⁸ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945–1965. М., 2000; Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966–1989. М., 2002; Т. 3. Ч. 1–2. Трансформации 90-х годов. М., 2002.

⁹ Подробнее см.: История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; Обще-

ственные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия). М., 2008; Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.

¹⁰ *Иноземцев В.* Трудный возраст элиты. Новые «народные революции» кардинально отличаются от событий, имевших место шестнадцать лет назад // Независимая газета. 2005. 6 апреля.

¹¹ *Шевцова Л.* Россия – год 2005: логика отката. Основные тенденции развития власти, экономики, социальной и внешней политики // Независимая газета. 2005. 21 января.

¹² *Рябов А.* Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra. 2005. Т. 9. С. 19–20.

¹³ *Зайцев В.* Тайные планы США становятся явными // Независимая газета. 1999. 13 апреля.

¹⁴ *Смиренский М.* Александр Коржаков: Президенту еще в 1995 году говорили, что может случиться в Югославии через четыре года // Парламентская газета. 1999. 10 апреля.

¹⁵ Т. М. Исламов называл XX в. «веком тоталитаризма, подобно тому, как XV в. вошел в историю как век Гуманизма и Возрождения, XVIII – век Просвещения и Ratio-Разума, а XIX – век Романтизма и победного шествия по континентам буржуазной цивилизации». См.: Исламов Т. Век тоталитаризма // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М., 1999. С. 3.

¹⁶ Подробнее см.: Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. М., 2014.

¹⁷ Vesti B 92 za 22.04.2011.

¹⁸ *Марьина В.В., Яжборовская И.С.* Глава 12. Гулкое эхо прошлого. Послесловие // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 502–503.

¹⁹ См.: Lenta.ru. Новости. 05.11.2010 // <http://lenta.ru/news/2010/11/05/grave/>.

²⁰ *Ваннер Я.* Глава 2. Массовые депортации в СССР // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. С. 84.

²¹ Марьина В. В., Яжборовская И. С. Указ. соч. С. 501.

²² Там же. С. 503.

²³ Vesti B92 za 20.11.2008.

²⁴ См., например: Боич О., Сабов Д. Мир в обмен на демократию // Итоги. 1996. 10 сентября.

²⁵ Там же.

²⁶ См., например: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 679.

²⁷ Напомним, что население Социалистической Федеративной Республики Югославии составляло около 22 млн человек.

²⁸ *Марьина В.В., Яжборовская И.С.* Глава 12. Гулкое эхо прошлого. С. 510.

Э. Г. Задорожнюк*

Глава 2.

На переломе десятилетий: поиски вектора внешнеполитической ориентации региона (конец 1989–1991 гг.)

На основе новых архивных документов автор исследует процесс поиска оптимальной модели внешнеполитической ориентации стран Центральной и Юго-Восточной Европы, приемлемой как для Востока, так и для Запада. В статье выявлен комплекс причин (в первую очередь – фактор объединения Германии) безальтернативной прозападной переориентации стран региона.

Ключевые слова: Центральная и Юго-Восточная Европа, СССР, Западная Европа, внешнеполитическая ориентация, оптимальная модель, форсированное объединение Германии.

Relying on the case of new archival documents the author explores the process of finding the optimal model of foreign policy orientation of Central and South-Eastern Europe, acceptable to both the East and the West. The paper identified a range of reasons (first of all – a factor of German unification) uncontested pro-Western reorientation of the region.

Keywords: Central and South-Eastern Europe, the Soviet Union, Western Europe, foreign policy orientation, optimal model, the forced unification of Germany.

Дилемма «Восток или Запад», представшая с конца XX века в качестве альтернативы «Москва или Брюссель», в истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы обострялась неоднократно. Ее решение сопровождалось драматическими, порой и трагическими, коллизиями. Не стал для этих государств

* Элла Григорьевна Задорожнюк, доктор исторических наук, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

исключением и век XX-й, когда «вечный поиск» своего места между Востоком и Западом, поиск некоего идеального выбора, не только не прекращался, но и достиг кульминации в конце 1980-х-начале 1990-х-годов.

Тогда, на переломе этих десятилетий, казалось, что наконец-то реально появился уникальный исторический шанс заняться поиском и воплощением оптимальной, выстроенной на демократических началах, модели отношений в триаде Москва – Центральная и Юго-Восточная Европа – Брюссель. Но действительно ли в тот период имели место попытки «перезагрузки»?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться к исходной точке пройденного этими странами 25-летнего пути. К предельно краткому по историческим меркам временному отрезку. А именно: к концу 1989–1991 гг.

Новое его видение побуждается обращением к первоисточникам, среди которых особый интерес представляют документы Архива Горбачев-фонда (фонд М. С. Горбачева и фонд его советника в 1988–1991 гг. – В. В. Загладина). Именно в эти годы Загладин неоднократно встречался с представителями политической элиты – как стран Запада, так и Центральной и Юго-Восточной Европы, обсуждая с ними поиск новых векторов внешней политики.

Политические и государственные деятели Запада в обозначенное время (конец 1989–1991 гг.) разрабатывали различные концепции будущего Европы как единого геополитического пространства. В Москве эти проблемы обсуждались не менее активно, при этом ключевой являлась идея общеевропейского дома, которая поддерживалась лидерами как ряда стран бывшего «восточного блока», так и западных государств. Не исключалось также сохранение и реформирование устоявшихся в годы холодной войны международных экономических и военных структур.

Поискам некой матрицы взаимоотношений в указанной выше триаде была посвящена встреча советского и американского президентов 2–3 декабря 1989 г. на Мальте.

Тогда, как известно, в числе прочих обсуждались перспективы Варшавского договора и НАТО, СЭВа и Общего рынка с акцентом на сохранении данных структур.

Обратимся к весьма любопытной части диалога из аналитической справки В. В. Загладина от 3 декабря 1989 г.:

«М.С. Горбачев – Отношения ФРГ и ГДР – крупный вопрос. Мы не склонны преуменьшать его значения. История распорядилась так, как она распорядилась, и пусть она же решает. Мы знаем мнение наших союзников – оно такое же. Для меня германский вопрос не закрыт. И в отношении будущего немцы должны определиться сами. Сейчас есть два государства, оба – члены ООН, оба – члены различных военных союзов. Оба – участники Хельсинкского процесса. Без развития этого процесса никаких вопросов в Европе решить невозможно, в том числе и германского.

Дж. Буш – Меня сейчас немцы толкают, чтобы я плясал чечетку на берлинской стене. Это не подходящее для президента занятие. Положение серьезно. Воссоединение несвоевременно. В позиции Коля много эмоций – он говорил со мной буквально со слезами на глазах. Я должен это учитывать. Но политическая позиция Коля иная. Он исходит из верных посылов. Нельзя торопить события, подобные вопросы нельзя решать опрометчиво. Геншер меньше поддается эмоциям.

М. С. Горбачев – Эмоции понятны, но поддаваться конъюнктурным соображениям нельзя. Забывать о содержании процессов опасно. Кроме того, в разговоре со мной, Коля говорил одно, а сделал другое.

Дж. Буш – Со своим планом из 10 пунктов он поторопился. Однако надо учитывать, что процесс создания конфедерации или федерации может пойти и помимо нас.

М. С. Горбачев – А где тогда будет единая Германия? В НАТО? В ОВД? Или станет нейтральной?

Дж. Буш – Пока что это преждевременные вопросы»¹.

В вопросах Горбачева – с учетом дальнейшего хода событий, звучащих, скорее, риторически – сквозит некая неопределенность, связанная, в первую очередь, с динамичной политикой еще одного мощного игрока – Германии.

В другом документе, в официальной записи беседы президентов СССР и США от того же 3 декабря, замечен уже совершенно иной настрой. «Пусть НАТО и Варшавский договор, – заявил советский лидер, – становятся все в большей мере

политическими, а не только военными организациями, и пусть меняется их конфронтационная природа...»².

Как показали дальнейшие события, данное заявление советской стороны некоторое время служило своего рода камертоном в определении внешнеполитической ориентации политической элиты ряда стран региона. В этом же русле выстраивались и предпочтения лидеров ряда стран Запада, и их видение места стран региона в Европе, включая и ГДР как неотъемлемую его часть.

Не случайно сходные идеи излагали (в хронологическом порядке):

- Польский премьер Т. Мазовецкий – на встрече с М. С. Горбачевым в Москве 24 ноября 1989 г. (т.е. за 8 дней до Мальты). Представитель победившей в стране антикоммунистической оппозиции сказал тогда: «Польша и впредь намерена соблюдать свои союзнические обязательства, в том числе и по Варшавскому договору и в СЭВ». И далее: «В связи с Вашей идеей общеевропейского дома хотел бы заметить, что в этом доме у нас с Вами квартиры на одной лестничной площадке»³.

- В том же ключе звучали и заверения государственных деятелей Запада, в первую очередь Германии. Так, 5 декабря 1989 г., т.е. через день после Мальты, министр иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншер утверждал: «В современных условиях существующие союзы (НАТО и ОВД. – Э.З.) имеют стабилизирующее значение, им предстоит еще долго существовать»⁴.

- На следующий день, 6 декабря 1989 г., в Киеве будущий сооснователь ЕБРР, а тогда советник президента Ф. Миттерана Ж. Аттали на встрече с В.В. Загладиным выразил опасения в связи с программой из 10 пунктов Г. Коля и предложил французский вариант обустройства Европы. Фрагмент этой беседы в записи В. В. Загладина представлен так:

«Четкая позиция СССР в пользу невмешательства во внутренние дела братских стран, проявившая себя и в нашем отношении к событиям в ГДР, озадачила французское руководство. С одной стороны, оно искренне и с удовлетворением приветствовало тот факт, что “доктрина Брежнева” канула, наконец, в Лету, но, с другой стороны, невольно задавало себе вопрос: а не означает ли эта линия, что СССР уже как бы примирился с воссоединением Германии и не будет ничего предприни-

мать, чтобы избежать его? Это вызывало страх, близкий к панике. Франция никоим образом не хочет воссоединения Германии. Хотя и понимает: в конце концов, оно осуществится. И когда Ф. Миттеран в ходе разговора с Горбачевым убедился: СССР разделяет эту позицию, он успокоился и “воспрял духом”. Далее Ж. Аттали подчеркнул необходимость как можно быстрее начать создание структур через границы блоков, через демаркационную линию Восток-Запад. Такие структуры не позволят Германии действовать в одиночку и даже в случае воссоединения помешают ей осуществить свои гегемонистские претензии»⁵.

Необходимостью соблюдения приоритетов пронизано и послание М. С. Горбачеву Г. Коля, которое тот передал через своего посредника К. Ламмерса, спикера фракции ХДС/ХСС в Бундестаге ФРГ. 20 декабря 1990 г., на встрече с Загладиным в Москве (с глазу на глаз), Ламмерс просил передать Горбачеву следующее: «Канцлер заверяет, что он отнюдь не желает “в одиночку решать германскую проблему”, отдает себе отчет в том, что она может решаться только “в рамках общеевропейского процесса”»⁶.

В связи с этим можно утверждать, что в конце 1989 г. гипотетическое воссоединение Германии пока еще тесно увязывалось с общеевропейскими процессами и подчинялось логике ухода от конфронтационных моделей.

Иными словами, преобладавшую в ходе переговоров установку можно афористически сформулировать так: нет единой Европы, нет и единой Германии. Но, как известно, все произошло с точностью до наоборот.

Эти же взгляды в самом начале 1990 г. разделял и чехословацкий президент В. Гавел, который 26 февраля 1990 г. в беседе с Горбачевым в Москве подчеркивал необходимость ликвидации раскола Европы, создания новой системы безопасности, которая «заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского договора и НАТО... Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности. Словом, надо поставить точку под Второй мировой войной

и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР»⁷.

Тем самым, лидеры и Польши (до Мальты), и Чехословакии (вскоре сменившей свое название на ЧСФР) – после нее, несмотря на отказ от социалистической идеи, продолжали связывать свои страны с организационной структурой ОВД, не педалируя при этом вопрос кардинальной смены вектора своей внешней политики. Схожей позиции придерживались лидеры и других стран – как региона, так и Западной Европы.

Однако в течение всего 1990 г., особенно с весны, значительный вес стал приобретать новый фактор: единение Германии. Как развивались события в дальнейшем, как разрешились упомянутые «преждевременные вопросы» в версии Буша, чем обернулось «долгое существование союзов» в версии Геншера и «структур через границы блоков» в версии Аттали, хорошо известно. Лидеры ФРГ, на словах поддерживая достигнутые на Мальте договоренности, фактически торпедировали их. Тем самым, подготовка кардинального изменения баланса сил в Европе со стороны ФРГ происходила практически синхронно с активным поиском странами Центральной и Юго-Восточной Европы и Москвой моделей обустройства Европы, приемлемых и для региона, и для Востока, и для Запада.

Неприкрытую тревогу в связи с возможным объединением Германии высказывали политические деятели ЧСФР, где, по иронии истории, стремительно нарастали как раз дезинтеграционные процессы в рамках федеративного государства. Так, председатель Федерального собрания ЧСФР А. Дубчек на встрече с Горбачевым в Москве 21 мая 1990 г. отмечал: «Везде, где можно, я говорю нашим: “Братцы, осторожно, нельзя игнорировать объединение Германии, чрезмерно уповать на экономические связи с Западом. Можно попасть в кабалу. И тогда не поможет размахивание национальным флагом – суверенитет уйдет... Для нас исключительно важно, развивая связи с Западом, не терять взаимовыгодных отношений с Советским Союзом”»⁸. Своими опасениями, связанными с возможным объединением Германии, поделился и советский лидер. Этот фрагмент беседы выглядит так: «М.С. Горбачев –

В связи с нынешними процессами объединения Германии мы и перед ФРГ, и перед США поставили ряд вопросов, над которыми придется поразмышлять серьезно. Мы ведь не можем не видеть стремление некоторых политических сил Запада “погреть руки” на трудностях, связанных с перестройкой в СССР, на сложностях преобразований в Восточной Европе. Игра идет крупная. Конечно, в нее будут втягивать и вас, и венгров, и поляков⁹.

А. Дубчек – Поляки, имея в виду неопределенность позиции Коля по вопросу о восточной границе объединенной Германии, ведут себя довольно настороженно. Ведь они-то особенно хорошо помнят, как из Германии пришли две мировые войны¹⁰.

М.С. Горбачев — По вопросу объединения Германии, ее вхождения в НАТО мне пришлось недавно подробно беседовать с Бейкером. Я прямо сказал ему, что если не будет в полной мере обеспечена безопасность Советского Союза, то не будет обеспечена и международная безопасность в самом широком смысле. Мы будем вынуждены вообще по-иному взглянуть на всю стратегическую ситуацию. Нужно ли нам продолжать переговоры по СНВ, по обычным вооружениям? Необходимо искать взаимоприемлемые решения с учетом интересов всех¹¹.

Далее Горбачев в сердцах продолжал: «Если вся объединенная Германия войдет в НАТО, то, может быть, и нам вступить в этот союз? Словом, я предложил своего рода домашнее задание для президента Буша¹².

А. Дубчек – И, как видно, довольно сложное¹³.

М.С. Горбачев – Иначе и быть не может, ведь дело идет о повороте к принципиально новой европейской и мировой структуре международных отношений. Именно в этом состоит вопрос. К нему нельзя подходить с узких, конъюнктурных позиций, диктуемых только лишь узкопартийными соображениями очередного пребывания на президентском посту от выборов до выборов. Решая такого рода вопросы, мы не имеем права думать только о сегодняшнем дне, закрывая глаза на то, что будет завтра... Имея дело с американцами, приходится учитывать их сугубо прагматический подход к целому ряду принципиальных проблем, перемены в их позициях¹⁴.

Обсуждавшийся на переговорах круг вопросов, в первую очередь международная обстановка, не вселяли оптимизма, поскольку все очевиднее становилась тяга Германии к объединению, до которого оставалось каких-то четыре месяца. Остается добавить, что тревожные настроения в связи с форсированным объединением Германии высказывали не только ее ближние соседи с Востока, но и западный сосед – Франция, а также отделенная морем Англия; не только президент-социалист Ф. Миттеран, но и премьер-министр-консерватор М. Тэтчер.

Если вернуться к другим политикам ЧСФР, то выраженная А. Дубчеком тревога по отношению к перспективе объединявшейся Германии наличествовала и у них. В июне 1990 г. В. В. Загладин находился в Праге, на общеевропейском симпозиуме Красного Креста на тему «Европа на переходном этапе» и имел встречи и беседы с представителями чехо-словацкой политической элиты, ставшей правящей в результате первых свободных парламентских выборов 8–9 июня 1990 г.

В ходе этих встреч был сделан акцент на практической реализации модели отношений с Москвой стран региона в целом и с ЧСФР, в частности. Это, как отмечается в аналитической справке Загладина, «практически все лидеры Гражданского форума (блок, на который опирается президент В. Гавел и который на выборах получил более половины голосов); советник президента (наиболее близкий к нему человек) А. Вондра; ближайший советник министра иностранных дел (по должности – пресс-секретарь МИД) Л. Добровский; представители “Возрождения” (“Оброды”), сотрудничающей с форумом организации коммунистов, исключенных из партии в 1969 г.; директор Института международных отношений МИД ЧСФР И. Котик; профессор Карлова университета, главный редактор журнала “Международная политика” А. Орт; бывший секретарь ЦК КПЧ, а ныне видный деятель форума В. Славик и др.»¹⁵.

В ходе этих встреч, проходивших в индивидуальном порядке и носивших преимущественно конфиденциальный характер, затрагивались вопросы как внутривосточного положения ЧСФР, так и ее внешнеполитической ориентации. Так, 13 июня 1990 г., то есть сразу же после выборов, на встрече с За-

гладиным в Праге советник президента Гавела Вондра, как следует из аналитического документа, заявил: «Мы хотим “вернуться в Европу”. Но, по мнению президента, “возврат в Европу” не будет осуществляться без СССР и тем более против СССР. Идти надо вместе. Ясно, однако, что для этого надо окончательно разрушить возникшее в прошлом недоверие, прежде всего – со стороны ЧСФР. Оно коренится в событиях 1968 года, но также и в том, что ныне пришедшие к руководству в Праге люди – это либо те, кого в СССР после 1968 года считали “врагами социализма”, либо те, кто воспринимал Москву, находившуюся в прекрасных отношениях с прежним руководством, как основное препятствие на пути свободно выражения чехословацким (так в оригинале. – Э.З.) народом своей истинной воли. Политика перестройки, в частности – во внешней политике СССР, начала интенсивно разрушать это недоверие со стороны Праги. И здесь личные контакты, возможность откровенных, “без дипломатии” и утаивания друг от друга “беспокоящих моментов” приносят наибольшую пользу»¹⁶.

Особо Вондра выделил «вопрос о проведении уже в ближайшее время необходимой работы по осуществлению решений, принятых на заседании П[олитического] К[онсультативного] К[омитета] в Москве. Он подчеркивал значение незамедлительного приступа к этой работе, с тем чтобы страны О[рганизации] В[аршавского] Д[оговора] выполнили все взятые на себя в Москве обязательства. Это будет влиятельным стимулом ускорения процесса ускорения общеевропейского строительства и перехода от блоковой к общеевропейской системе безопасности. Вондра просил передать советскому руководству просьбу с вниманием отнестись к этим сообщениям. Рассуждая в более широком плане о перспективах общеевропейского процесса, Вондра говорил о том, что серьезное влияние на его ход окажут итоги совещания НАТО на высшем уровне в июле [1990 г.]. С учетом этих итогов, можно будет посмотреть, что нам предлагать дальше. Было бы – еще раз вернувшись к этой теме сказал Вондра – хорошо, чтобы главы НАТО, собравшись в Лондоне, уже увидели бы, что ОВД не только провозгласил свои намерения, но уже начинает практическую их реализацию. Однако в любом варианте надо стремиться к тому, чтобы в ноябре (1990 г.) завершить подготовку реформы ОВД, то

есть, чтобы к декабрьской встрече 35 государств СБСЕ всем было ясно – что и как изменилось на Востоке. Завершение этой работы, окончание венских переговоров по сокращению обычных вооружений даст 35-ти [государствам] возможность приступить к формированию общеевропейских структур. До 1992 года, то есть до Хельсинки-2, важно в принципе отработать основы общеевропейской системы безопасности, а в финской столице принять соответствующие решения. Понятно, параллельно важно завершить решение внешних аспектов объединения Германии. *Оба процесса должны быть синхронизированы* (выделено мной. – ЭЗ.). И в этом плане преобразование ОВД и НАТО имеет огромное значение, равно как и проработка основ общеевропейских структур»¹⁷.

Из данного фрагмента беседы следует, что чехо-словацкой стороной вопрос о приоритете процессов общеевропейского строительства не акцентировался, однако на первый план не выдвигалось и объединение Германии. ЧСФР видела решение проблемы в синхронизации двух процессов, в их взаимозависимости.

И на второй встрече, состоявшейся 14 июня уже с советником министра иностранных дел ЧСФР И. Динстбира Л. Добровским, снова был затронут вопрос об объединении Германии. И, что особенно важно, говорилось о «связи этого процесса с общеевропейским строительством». Добровский отметил, что «пожалуй, позиции СССР и ЧСФР здесь практически одинаковы. Мы, продолжал он, проявляем собственные инициативы, но они “далеко не уходят” от ваших. Предложение трех государств (ЧСФР, Польша, ГДР) по общеевропейским структурам, которое только что было передано государствам-участникам общеевропейского процесса, по существу есть не что иное, как попытка “завязать в один узел” идеи, уже высказывавшиеся СССР, а также другими государствами как Востока, так и Запада. Плюс этого предложения Добровский видит в том, что в нем участвует и ГДР, причем, как ему известно, МИД ГДР имел по этому поводу консультации в Бонне и там его поддержали. А это весьма важно на будущее»¹⁸.

Тем самым, будущее региона, даже за несколько месяцев до объединения Германии, как в ЧСФР, так и в Польше по-прежнему связывалось с существованием ГДР.

Особое внимание собеседник Загладина уделил вопросу о подготовке «“нового проекта” Варшавского договора»¹⁹. Далее, аргументируя необходимость реформирования ОВД, а, следовательно, не отрицая сам факт существования Варшавского договора и в будущем, Добровский отмечал: «Ранее не только в Венгрии, но и у нас возникали сомнения насчет целесообразности сохранения каких-то военных структур ОВД. Но теперь сомнений “почти не осталось”. Конечно, никто, наверное, и в Москве сейчас не думает о возможности “большой войны”, но какие-то малые конфликты на востоке Европы возникать могут, и хотя бы для их прекращения определенные военные структуры полезны. В заключение этой темы Добровский говорил о том, что, как в строительстве общеевропейского дома, так и при реформе ОВД предстоит еще преодолевать “психологические трудности” – старые стереотипы, старое отношение друг к другу как в системе “Восток-Запад”, так и в отношениях между странами Востока. Что касается первого, то хотя “образ врага” уже заметно поослаб, подорван, но его “остатки” все-таки еще остаются. Он, Добровский, в Копенгагене говорил об этом с Дж. Бейкером, призвал его способствовать тому, чтобы “пересмотреть идеологический образ врага, который еще силен в НАТО”. Бейкер сперва не понял, о чем идет речь, но потом сказал, что это верно и заверил, что постарается “довести эту важную мысль” до своих союзников. Что же касается второго, то есть отношений между странами Востока, то тут, очень осторожно заметил собеседник, надо “преодолеть некоторые психологические барьеры, связанные с тем, что хотя руководство всех стран – участниц ОВД уже твердо встало на новый путь, многие люди, призванные идти по этому пути, это – те же люди, которые работали в старых условиях и старыми методами”. Нам всем, говорил он, надо как-то преодолевать эти барьеры, на деле строить отношения по-новому»²⁰.

В аналитическом документе, суммирующем проходившие в Праге в июне 1990 г. встречи, Загладин резюмирует: «Общую обстановку в стране все без исключения собеседники характеризуют, во-первых, как новый этап “революции 1989 года”, как переход от “эмоциональной” к “рациональной”, “рабочей” ее фазе, и, во-вторых, как период “прояснения” обстановки, более четкого определения расстановки и размежевания сил, что,

очевидно, серьезно повлияет на дальнейший ход и характер событий в стране»²¹.

Значительное внимание, как констатирует Загладин, его собеседники уделяли вопросам внешней политики, включая отношения с СССР. В целом, по его словам, «можно сделать вывод: обстановка далеко еще не определилась, возможны различные варианты поворотов». «В том, – пишет далее он, – что касается отношений между ЧСФР и СССР, представляется, что нынешний период открывает для нас значительные возможности создания основ для нормального, даже хорошего их развития на долгосрочную перспективу». Эти возможности определялись рядом обстоятельств, в числе которых Загладин выделил следующее: «Во-первых, политическая линия руководящих кругов окончательно еще не сформировалась. Идут споры. Общий для всех их участников момент в том, что касается внешней политики, – подтвердить “полное возвращение ЧСФР ее суверенитета”. Однако руководители республики понимают, что без нашей перестройки, без нового мышления никаких изменений в их стране не произошло бы». В ряду отмеченных в документе «конкретных вопросов с чехословацкой стороны ставился практически один: о необходимости ускорить работу по реализации договоренностей, достигнутых на московском Совещании ПКК. Почему-то членам делегации ЧСФР на этом совещании (прежде всего, тем, кто вел подготовительную и техническую работу, показалось, что у нас нет желания действовать в нужном темпе, что мы вроде бы хотим «потянуть», ссылаясь на то, что времени для разработки концепции к предстоящей первой встрече представителей стран ОВД (Прага, начало июля) мало. Стремился разуверить собеседников, говорил, что мы настроены на активную работу. Но не думаю, чтобы эти аргументы были достаточно убедительными. Новое руководство ЧСФР будет доверять только действиям, но не словам»²².

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что все эти и встречи, и беседы, на которых обсуждались не лишённые креативности варианты и модели взаимоотношений ЦЮВЕ с Москвой и Западом, проходили на фоне готовившегося Западной Германией форсированного поглощения Германии Восточной, которое, как известно, произошло 3 октября 1990 г.

В конце 1990 г., то есть уже после этого знакового события, в одном из своих аналитических материалов Загладин пишет: «На протяжении последних месяцев мне пришлось побывать в двух странах Восточной Европы – Чехословакии и Румынии, а также на достаточно авторитетном политическом и научном уровне беседовать (в том числе – во время встречи в верхах в Париже) с представителями этих стран, а также Польши, Болгарии, Венгрии и Югославии. Складываются определенные соображения, подводящие к некоторым практическим выводам»²³.

Примечателен один из таких выводов, о котором не без горечи пишет Загладин в этом документе: «В определении внешнеполитического курса [в этих странах] практически повсюду значительную роль играют соображения экономического характера. Из всех бесед одно вытекает с несомненностью: если бы СССР обладал большими экономическими возможностями, тяга стран Восточной Европы к Западу была бы меньшей, чем сейчас»²⁴.

Как можно заметить, акценты в беседах несколько сместились: речь шла уже не о планах и задачах реформирования ОВД и НАТО, т.е. о сохранении баланса сил в Европе, а о иных сюжетах, вызванных наложением таких факторов, как объединение Германии и предполагаемое наращивание ею своего экономического потенциала, с одной стороны, и кризисные процессы в экономике, грозившие распадом СССР – с другой.

В следующем, 1991 г., такого рода процессы лишь усугублялись, что и вело к отчуждению стран региона от Москвы. Как известно, в начале 1991 г. СССР перешел в расчеты со странами СЭВ на конвертируемую валюту, в апреле распускались военные структуры ОВД, а 28 июня 1991 г. – СЭВ.

В аналитических материалах Загладина этого периода появляются новые тревожные мотивы, связанные уже с усложнявшейся ситуацией в СССР. Так, 1 октября 1991 г. он встретился с помощником сенатора Э. Кеннеди Ларри Горовицем (беседа носила конфиденциальный характер). «По словам Л. Горовица, – говорится в документе, – в руководящих кругах США все больше распространяются пессимистические настроения в отношении ситуации, складывающейся в нашей стране, в том числе – перспектив нынешнего руководства страны (в широком смысле слова) и его возможности действительно влиять на ход событий. Дж. Буш в своем окружении, например, говорил

на прошлой неделе (перед телефонным разговором с президентом СССР): Горбачев – мой друг, я лично исполнен доверия к нему, я готов ему всячески помогать. Но я сомневаюсь, а что это даст? Ведь практически власть ускользает из его рук. Вообще власти, как таковой, в Союзе нет. Есть разные власти и их реального соотношения, их относительного влияния никто, кажется, даже в СССР, не представляет»²⁵. «Далее Горовиц сообщил, что после посещения Америки Л. Кравчуком Дж. Буш направил послу Страусу личную информацию (Горовиц ее видел), в соответствии с которой Украина в конце концов полностью отделится от Союза. Посол сомневается в этом, понимая, что ситуация на Украине совсем не однозначная. По мнению Страуса, маневрирование Л. Кравчука ныне – не что иное, как предвыборная кампания. Как и каждый политик, Кравчук хочет “сперва сохраниться”, а уж затем займет более определенную позицию. Тем не менее, мнение о неизбежности отделения Украины в США весьма распространено. И это также трактуется как свидетельство слабости позиций Президента СССР»²⁶, – констатирует Загладин.

На этом фоне и обнаруживалось тяготение лидеров стран региона к НАТО. Примечательна в данном контексте аналитическая справка Загладина о посещении им Североатлантического альянса 9–11 октября 1991 г., т.е. спустя ровно год после событий на Западе (объединение Германии), почти 2 месяца после событий на Востоке (путч 19–21 августа) и за два месяца до Беловежских соглашений. Из бесед, проходивших в Совете НАТО, а также в Верховном главнокомандовании союзных вооруженных сил НАТО (ШЕЙП*) вытекали, по словам Загладина, «следующие основные наблюдения и выводы, касающиеся уже происшедших изменений в деятельности этих организаций и продолжающейся работы по их обновлению»²⁷. «Начало обновлению стратегии НАТО, – отмечается в документе, – положили решения сессии Совета НАТО в Тэрнбери (июнь 1990 г.) и особенно сессии Совета НАТО на высшем уровне в Лондоне (июль 1990 г.). Как подчеркивали собеседники, толчком для принятия этих решений были

* Supreme Headquarters Allied Powers Europe (SHAPE) – Верховное главнокомандование объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

“новое мышление”, изменения, происшедшие на его основе во внешней политике СССР и, как результат, перемены в Восточной и Центральной Европе. Римская сессия Совета НАТО на высшем уровне (ноябрь 1991 г.) должна не только подвести итоги уже проделанной работы, но и наметить пути ее продолжения. Значительное влияние на подготовку к этой сессии оказали события в СССР 19–21 августа 1991 г., которые поначалу привели к приостановке на несколько дней работы по изменению стратегии союза с учетом возможности того, что внешняя политика СССР может и измениться, а тогда придется “поворачивать вспять”. Но затем, после поражения путчистов, расцененного как свидетельство необратимости перемен в СССР, работа была возобновлена»²⁸.

Конечно, переговоры до августовских событий и после них – это диалог со сдвигающимися позициями обеих сторон. Тонкий аналитик Загладин это зафиксировал, но, естественно, общей линии во внешней политике пока еще единого СССР не изменил. Более того, он искал новые возможности для маневра и выделял в позициях участников переговоров нюансы во взглядах политических элит стран бывшего ОВД, уже ощущавших притягательную силу североатлантического военно-политического блока.

«С нашей стороны, – пишет Загладин, – активно ставился вопрос об отношении НАТО к просьбам восточноевропейских стран о вступлении в члены Союза (выделено в документе. – ЭЗ.). Ответы были однозначными: принимать страны Восточной Европы в НАТО не собираются, но определенное сотрудничество с ними развивать следует. «Вакуум вреден всегда, особенно в военной области, говорил посол ФРГ в НАТО фон Плётц. Далее посол рассуждал о том, что по существу страны Восточной Европы подтолкнули к размышлениям о вступлении в НАТО мы сами. Сперва стимулом для этого был затянувшийся процесс нормализации отношений с нашими бывшими союзниками, затяжка с оформлением новых договоров и выдвижение при этом “неприемлемых условий”, а затем, в еще большей степени, путч 19–21 августа. Именно после путча зондаж насчет возможности вступления в НАТО со стороны Польши, Чехословакии и Венгрии значительно активизировался. Обращаясь к этому вопросу, первый зам. Генсека НАТО

А. де Франкис отметил: надо разработать какую-то общую концепцию безопасности, которая, не предусматривая членства стран Восточной Европы в НАТО, обеспечивала бы им какие-то гарантии их безопасности, разумеется, при участии СССР. Однако де Франкис обеспокоен позицией наших республик, особенно Украины, “двусмысленное” поведение которой может усилить в Восточноевропейских государствах стремление “опереться на плечо НАТО”. По словам А. де Франкиса, а также зам. генсека Г. (в оригинале – Д. – Э.З.) фон Мольтке и зам. главнокомандующего Д. Клаусса, предложения Дж. Бейкера и Г.-Д. Геншера (оперативный ответ на которые с нашей стороны получил высокую оценку) направлены как раз на то, чтобы, не принимая в НАТО новых членов, создать “структуру взаимопонимания и сотрудничества”, имеющую трансатлантический характер. Вместе с тем подчеркивалось: если в СССР “будут повторяться события августа” или если у нас начнутся “пограничные войны” (внутри страны), то Восточную Европу в НАТО “придется принять”. Французы, судя по словам посла Д. Робэна, с большой настороженностью встретили предложения американцев и немцев. Вслух Робэн говорил о том, что эти предложения создают угрозу вступления стран Восточной Европы в НАТО и, стало быть, усиления этого блока. На деле же, как можно было понять, он усматривает в формировании “трансатлантической структуры сотрудничества” опасность умаления роли Франции, а одновременно – и роли Европейских сообществ»²⁹.

В целом на вопрос, что следует считать точкой отсчета в развороте Центральной и Юго-Восточной Европы с Востока на Запад, можно дать однозначный ответ: отпадение одного из региональных ключевых звеньев, то есть ГДР, в качестве первого шага продвижения НАТО на Восток. Приведенные архивные документы демонстрируют начало безальтернативной переориентации региона на западные структуры (НАТО, ЕС и др.), но форсированное его «вхождение в Европу» так и не оказалось полномасштабным, о чем и свидетельствуют итоги 25-летнего развития стран региона³⁰.

С 1992 г. страны региона стали дружно демонстрировать усердность в Европу, вызванную комплексом причин, первое место среди которых, на наш взгляд, занимала интеграция

Германии и вхождение в одночасье одной из составных частей Центральной и Юго-Восточной Европы – Восточной Германии – в НАТО и ЕС. Это не только существенно укрепляло ФРГ и евроатлантические и европейские структуры, но и способствовало – после стремительного разрушения ОВД и СЭВ – ослаблению СССР. Тогда, за фасадом громких слов о демократии, равноправном сотрудничестве для многополярного мира, еще не были видны угрозы, таившиеся за этим «вхождением в Европу».

Таким образом, дистанцирование от советской модели общественного развития не предполагало в конце 1989–1991 гг. автоматического отказа от сложившихся организационных форм международного экономического и военного сотрудничества стран Центральной и Юго-Восточной Европы с Москвой. Однако уже шли подспудные процессы, которые исподволь подготовили феномен достаточно неожиданной смены геополитических ориентиров во всех странах, расположенных между границами СССР и Западной Европы, причем серьезнейшую роль в этих процессах играла одна из точек бифуркации – форсированно объединявшаяся Германия и вторая, полярная ей, точка – стремительно распадавшийся Советский Союз. Строительство общеевропейского дома или же реализация других моделей единого европейского пространства откладывались на будущее, оказавшееся крайне неопределенным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 3. Загладин В.В. (далее – Ф. 3). Некоторые элементы к оценке итогов встречи на Мальте. 2–3 декабря 1989 г. z89dec03doc

² Цит. по: Задорожнюк Э.Г. Революции 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности Центральной Европы // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 70.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 3. Жак Аттали в Киеве. 6 декабря 1989 г. z89dec06doc

⁶ Там же. О беседе со спикером фракции ХДС/ХСС в Бундестаге ФРГ по вопросам разоружения К. Ламмерсом. 20 декабря 1989 г. z89dec20a doc

⁷ *Задорожнюк Э.Г.* Указ. соч. С. 65–66.

⁸ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1. Горбачев М.С. (далее – Ф. 1). Запись беседы М.С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. 90may21doc

⁹ *Горбачев М.С.* Собрание сочинений. Т. 20. Май-июнь 1990. М., 2011. С. 50.

¹⁰ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. 90may21doc

¹¹ *Горбачев М.С.* Указ. соч. Т. 20. С. 50–51.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. 90may21doc

¹⁴ *Горбачев М.С.* Указ. соч. Т. 20. С. 51.

¹⁵ Архив Горбачев-Фонда. Ф.3. О некоторых выводах из бесед в Праге 11–13 июня 1990 г. z90jun11doc

¹⁶ Там же. Основное содержание беседы с советником Президента ЧСФР А. Вондрой. 13 июня 1990 г. z90jun13c doc

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Основное содержание беседы с пресс-секретарем МИД ЧСФР Л. Добровским. 14 июня 1990 г. z90jun14doc

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. О некоторых выводах из бесед в Праге 11–13 июня 1990 г. z90jun11doc

²² Там же.

²³ Там же. О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике. октябрь 1990 г. z90oct doc

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Помощник сенатора Э. Кеннеди о настроениях в США. 1 октября 1991 г. z91oct b doc

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. О беседах в НАТО. 9–11 октября 1991 г. z91oct11doc

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX-начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М., СПб., 2015.

Ф. А. Лукьянов*

Глава 3. Кризис проектов и европейская периферия

Автор исследует возможные последствия назревшей трансформации в ЕС, которая неизбежно затронет всю европейскую периферию, включая постсоветское пространство.

Ключевые слова: Европейский союз, европейская интеграция, НАТО, Центральная и Юго-Восточная Европа, Алексис Ципрас, Ангела Меркель, Вольфганг Шойбле, Франсуа Олланд, Си Цзиньпинь.

The author explores the possible consequences of a full-blown transformation in the EU, which will inevitably affect the entire European periphery, including the post-Soviet space.

Keywords: European Union, European integration, NATO, Central and South-Eastern Europe, Alexis Tsipras, Angela Merkel, Wolfgang Schaeuble, Francois Hollande, Xi Jinping.

Лето 2015 года, вероятно, когда-нибудь будет упоминаться в учебниках как веха в истории европейской интеграции. Драматизм коллизии, связанной с угрозой дефолта Греции и выхода страны из зоны евро, проявился и в закрученной интриге (финал был открытым), и в накале человеческих страстей, но самое главное – в осознании качественной перемены, случившейся в сообществе.

Как бы то ни было, судьба Греции важна не только для нее, но для будущего всей еврозоны, а, возможно, и Европейского союза.

* Федор Александрович Лукьянов – профессор-исследователь НИУ ВШЭ, Председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике. Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

«Компромисс» июля 2015 года не решил греческих проблем, и через какое-то время все те же вопросы вернутся на повестку дня в еще более острой форме. То есть, справиться с ними в прежнем формате еврозоны не получится. А если статус-кво сохранить не удастся, это станет импульсом к давно назревшей трансформации ЕС. От ее исхода зависит очень многое, в частности, такое переустройство неизбежно скажется на всей европейской периферии, включая постсоветское пространство.

Европейская интеграция зародилась внутри ядра, которое по своим очертаниям примерно совпадало с империей Карла Великого, и первые двадцать лет (если считать от создания Европейского объединения угля и стали) не выходила за ее пределы. Революционным шагом стало вступление в 1973 г. Великобритании, которое значительно укрепило атлантическую составляющую и внесло в континентальную экономическую психологию ЕЭС элемент англосаксонского либерализма. Внутри сообщества установился баланс интересов крупных держав. Франция была политическим лидером, Германия – экономическим, Великобритания сочетала в себе и те, и другие качества, а страны, наподобие Италии, оставались на вторых ролях, но обладали достаточным влиянием. Конструкция сохраняла устойчивость, несмотря на то, что внутри каждого из этих грандов лихорадило.

Достигнутая стабильность ядра позволила приступить к расширению в сторону окраин, прежде всего в Южную Европу. В 1980-е гг. состав пополнился за счет Греции, Испании, Португалии – стран намного более проблемных, но сообщество было уверено в своей способности абсорбировать их без урона для проекта.

Конец холодной войны открыл возможность для дальнейшей быстрой экспансии. Сначала присоединились нейтральные государства (Австрия, Финляндия, Швеция), которые в период противостояния предпочитали благоразумно держать дистанцию от любых объединений. Потом наступила очередь бывшего социалистического мира. В первое десятилетие XXI века Европейский союз распространился на большую часть территории Западной и Восточной Европы, запустив параллельно и процесс углубления интеграции: единая

валюта, общая внешняя политика, попытка принятия конституции...

Одновременное расширение и углубление, казалось, друг другу противоречили, но своя логика была. Имелось в виду, что центр, ядро, укрепляет единство, усиливая тем самым притяжение для внешней орбиты, то есть тех, кто в ядро по своим объективным показателям войти не сможет. Или сможет потом.

Стройность замысла нарушилась по нескольким причинам. Международная обстановка в новом столетии осложнилась, и Евросоюзу требовались яркие примеры своей успешности, а расширение было легче представить именно так, и его политическая значимость выросла. Само выделение нового ядра в виде создания зоны евро породило разговоры о расслоении Европы на разные категории, поэтому риторику относительно равноправия и открытости «элитного клуба для всех» пришлось резко усилить.

Принятие Греции в еврозону в значительной степени было обусловлено культурно-политическими резонами (колыбель европейской цивилизации, родина демократии), а на ее сомнительную экономическую состоятельность решили закрыть глаза. Гранды полагали, что с одной безалаберной страной они справятся.

Относительная мягкость подхода к кандидатам на присоединение к единой валюте, а точнее – доминирование в этом процессе политической логики над экономической целесообразностью, привели к размыванию ядра. Виновата, конечно, отнюдь не только Греция. Германия и Франция внесли очень большой вклад в расшатывание всей системы, позволяя себе самим отступать от ими же провозглашенных принципов фискальной дисциплины¹.

Как бы то ни было, к моменту, когда разгорелся, а потом достиг кульминации долговой кризис, эпицентр которого располагался в Афинах, от внутреннего баланса, который гарантировал устойчивость проекта в лучшие времена, не осталось и следа. Политико-экономический упадок Франции, намерение Великобритании поставить вопрос о выходе из ЕС, резкая активизация части Восточной Европы (из-за России и Украины) и политические кризисы в другой ее части заставляют Гер-

манию – последнюю из по-настоящему дееспособных стран Евросоюза – принимать решения, которые в Берлине никто принимать не хочет.

Вынужденное лидерство Германии диктуется не столько ростом ее амбиций, сколько осознанием того, что европейский проект, в рамках которого страна чувствует себя надежно и уверенно и из которого она извлекает максимальные выгоды, никто другой не спасет.

Необходимость принять решение об уходе Греции из еврозоны, если до этого все-таки дойдет на следующем этапе, открывает путь к укреплению или даже очищению ядра, его избавлению от элементов периферии. Не случайно испанское левое движение Подемос, аналог греческой СИРИЗЫ, опасалось, что греческий дефолт спровоцирует не только новый финансовый обвал Испании (а она только начала выбираться из своего долгового кризиса), но и сознательные действия Берлина и его единомышленников по широкой санации еврозоны. Примечательно, кстати, что ни Подемос, ни СИРИЗА, будучи антисистемными силами, не выступают с антиевропейских позиций², как, например, французский Национальный фронт, который бросает вызов истеблишменту справа. Левые понимают, насколько их странам, в принципе, выгодно участие в единой Европе, но требуют ее демократизации и реформы экономической модели.

Греция обнажила концептуальную проблему: Европа больше не знает, что делать со своей периферией. Если раньше универсальным решением считалось постепенное расширение ЕС и втягивание все новых стран в зону действия общеевропейских норм и правил, то теперь лимит, похоже, исчерпан. Дальнейшее увеличение числа стран-членов будет нести исключительно новые проблемы, тем более что в очереди сегодня стоят государства, отягощенные отнюдь не только экономически.

Попытка перейти виртуальную границу бывшего СССР (Балтия не в счет, она всегда была на особом положении) привела к такому резкому возрастанию трений с Россией, что европейцы попросту ошарашены и не понимают, что делать дальше. Помимо этого, Европа столкнулась с удивительной для себя субстанцией, которая не поддается тем действиям, ко-

торые сработали в Центральной Европе. Даже если отложить в сторону Украину, где все повторяется примерно по одной схеме из века в век, и никто ни на чем не учится, убедительным примером служит Молдавия. Достижения европейского выбора этой страны, на которые всегда указывали в назидание тем же украинцам, рассеиваются как дым в условиях непрекращающихся свар, неослабевающего олигархического контроля и дробления электорального поля, выгодного оппозиции или откровенным фрикам. Внешняя европеизация на фоне деградации экономики и эрозии общества – примета всей европейской периферии. От Греции и Балкан (где особенно ярким примером является Македония, по меткому выражению Ивана Крастева, «застрявшая в лифте истории»³) – до западной части бывшего Советского Союза.

Беда в том, что отделиться от этой самой периферии ядро не может, ведь «промежуточная Европа», оставленная без попечения, не раз приводила континент к острым конфликтам и даже большим войнам. С этой точки зрения идея расширения ЕС и НАТО на Восток имела смысл – как попытка раз и навсегда ликвидировать «серую зону», порождающую соперничество и хаос. Но не получилось. И теперь зона неопределенности возвращается со всеми ее рисками. Насколько европейское ядро способно на новом этапе справиться с нестабильностью на периферии, зависит от того, сумеет ли это самое ядро восстановить внутренний баланс. А именно – обеспечить лидирующую роль Германии без того, чтобы спровоцировать страх всех остальных государств перед назревающей германской гегемонией.

«Выбрав так называемый жесткий курс, министр финансов Шойбле создал впечатление, будто мы можем извлечь пользу, избавившись от Греции в еврозоне, нам это дешевле обойдется. По-моему, совершенно искаженное представление. Это неправильно с моральной точки зрения, такой шаг станет началом распада. И никто не представляет себе, что произойдет потом. Германия взяла на себя лидирующую роль в Европе, и в этом случае вовсе не позитивную». Это цитата из интервью федерального канцлера Австрии Вернера Файманна газете «Der Standard»⁴, которое он дал на следующий день после «разрешения» греческого кризиса в июле.

Вена – ближайший и самый надежный союзник Берлина в ЕС; австрийская экономика не только теснейшим образом связана с германской, но и построена по такой же модели. Отношение к хозяйственной практике эллинов в Австрии столь же осуждающее, как и в других странах-донорах. Однако то, что произошло в связи с Грецией, насторожило даже австрийцев, не говоря о других странах. Французский премьер Мануэль Валльс, призывая депутатов Национального собрания одобрить выделение очередного пакета помощи Афинам, заявил: «Каждый за себя» не может быть языком Европы. Мы не сдадим Грецию и греков. Место Греции – в Еврозоне и Европейском союзе»⁵. Франция первой, еще до самих греков, подавляющим большинством ратифицировала договоренности, достигнутые на недавнем саммите ЕС.

Откуда вдруг такая любовь к солидарности (особенно у привыкших командовать и не любящих платить французам) и симпатии к Греции, которую давно и небезосновательно костерят за безответственность? Из чувства самосохранения. Большинство комментариев по всей Европе сводились к тому, что после рекордного по продолжительности саммита Евросоюза объединение стало другим. Прежде всего, потому что европейцы впервые в современной истории увидели Германию, которая не уговаривает, а беспощадно диктует.

Справедливости ради надо сказать, что Берлин долго сопротивлялся роли, которая ему сейчас выпала. Вся европейская политика с середины XX века была построена на базовой предпосылке – Германия не имеет политических амбиций. Ей было позволено развиваться экономически и поддерживать – прежде всего, материально – курс «старших товарищей». В остальном победители, в первую очередь Франция, извлекли уроки из кошмара Версаля, когда желание максимально унижить Германию после Первой мировой войны привело ко Второй мировой.

Проект европейской интеграции, родившийся именно во Франции, был великой идеей, сочетавшей в себе точный экономический и дальновидный политический расчет. Со временем баланс становился только прочнее – экономический потенциал Германии рос параллельно с политическим влиянием Франции, обе опоры укрепляли друг друга. Несколько упрощая,

можно сказать, что, форсируя введение евро, Париж подразумевал в будущем Европейском союзе примерно такую модель. Германия, известная фискальной добросовестностью, отвечает за финансовую стабильность, по сути, распространяя на новые европейские деньги мощь и устойчивость своей немецкой марки. А Франция остается безусловным политическим патроном всей расширяющейся и углубляющейся конструкции.

В Париже не учли, что усложняющейся конструкцией будет все труднее управлять, а внешняя среда резко изменится к худшему. В этих условиях здоровая экономика куда более надежная опора для власти, чем политические амбиции.

Германия, надо сказать, колебалась до последнего, опасаясь расстаться с собственной валютой, ставшей для страны настоящим талисманом, символом возрождения из руин после катастрофы нацизма. Журнал «Der Spiegel» вышел с говорящей обложкой: Ангела Меркель на фоне разрухи и заголовок – «Женщина развалин»⁶. Так называли жительниц Берлина, которые в 1945 г. разбирали завалы столицы рейха, превращенного в груды камней. Сегодня речь идет о руинах единой валюты – «если провалится евро, рухнет Меркель». Опять же надо быть справедливыми – отнюдь не нынешний канцлер отвечает за фатальные изъяны, которые оказались заложены в саму конструкцию европейских денег⁷. Но последствия легли на плечи Меркель, которая, начиная с 2010 г., стала архитектором программы «спасения» Греции.

Комментировать ее результаты излишне – все и так очевидно. Вопрос, однако, не только и не столько в Греции и даже евро. Эти пять лет – период стремительных изменений ситуации и внутри Европейского союза, и вокруг него, в результате которых Берлин из относительной политической провинции превратился в неоспоримый центр, а Германия осталась единственной по-настоящему дееспособной страной ЕС. Именно на нее и свалилась вся ответственность за будущее проекта, что, в общем, логично: ФРГ как самая сильная экономика является основным выгодоприобретателем еврозоны. Однако вся предыстория отучила немцев от претензий на лидерство, а тени прошлого (в смысле опасений соседей по Европе) дают о себе знать немедленно, как только возникает движение в сторону такого лидерства.

Берлин зажат в клещи. С одной стороны, жизненная потребность сохранять и укреплять Евросоюз, ведь (помимо экономических выгод) его нормативно-правовые рамки – спасительное доказательство, что Германия не стремится к единоличному диктату. С другой – необходимость принять меры воздействия на партнеров для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование еврозоны. Но попытка давления вызывает опасения, а увеличение нажима – растущее противодействие.

В принципе, Берлин старался соблюдать политесы, оставаясь в границах настойчивого и непреклонного, но все же убеждения. Но фортель Алексиса Ципраса, который решил сыграть ва-банк, объявив референдум против кредиторов, взбесил Германию. Меркель и Вольфганг Шойбле отбросили условности и обрушили всю политико-экономическую мощь Союза на греческого премьера, который вернулся за переговорный стол, как он полагал, с убедительным мандатом на сопротивление. Грецию по этому столу и размазали, дабы продемонстрировать всем, что импровизации, не одобренные «начальством» ЕС, караются крайне жестоко. И перестарались, потому что напугали не только и даже не столько Грецию, сколько всех партнеров, и, в первую очередь, Францию и Италию. Не случайно Франсуа Олланд, послушно следовавший за Меркель во всем, просто-таки встал на дыбы, потребовав вообще снять с обсуждения вопрос о выводе Греции из евро⁸. Столь же решительно против Берлина выступил и премьер Италии Маттео Ренци⁹, ранее критиковавший Грецию за недостаточные реформы. Германия вышла за рамки того имиджа, который она себе сама долго и старательно создавала – «Macht in der Mitte», держава в центре, что подразумевало не только географическое положение, но и эталон умеренности и спокойной взвешенности по всем вопросам¹⁰.

Так называемый компромисс, которого достигли в Брюсселе, оставил у всех ощущение тяжелой безысходности. В то, что объявленные меры решат проблему Греции, никто не верит. МВФ, не склонный к сочувствию должникам, открыто заявляет, что к Афинам нужен более гуманный подход. Правительства стран Еврозоны вынуждены в очередной раз обращаться за разрешением на участие в «спасении» к собственными пар-

ламентам, где растет оппозиция всему курсу на «оздоровление». Как написала в комментарии газета «Guardian», европейская «семья» показала, что может обходиться со своими членами крайне жестоко. О демократии как принципе стараются вообще не вспоминать – слишком абсурдно это звучало бы после фантазмагории с плебисцитом, который сначала устроил Ципрас, а потом денонсировала европейская номенклатура. Греция же почти утратила контроль над собственной судьбой. Ей диктуют не только что делать, но и в каком темпе – немедленно.

Но главный итог – Берлин оказался в своеобразном моральном вакууме. Для Германии ситуация очень неблагоприятная, ведь в силу тяжелой истории XX века страна больше других нуждается в том, чтобы ее действия воспринимались как нравственно оправданные и безупречные. Если этого нет – а сейчас часть государств упрекают Берлин в меркантилизме, другая часть шокирована жестокостью – фундамент только возникающего германского лидерства начинает шататься.

Возможные последствия. Юг Европы, перепуганный перспективой «германского порядка», попытается консолидироваться вокруг Франции – единственной страны ЕС, способной составить противовес Германии. Париж сам судорожно ищет опору, что может привести к неожиданному крену в сторону США. Вашингтон с большим неудовольствием смотрит на художества ЕС, причем склонен возлагать ответственность на Берлин – за негибкость и нежелание учитывать весь спектр обстоятельств, в том числе геополитическую значимость Греции. Отношения Германии и Соединенных Штатов сейчас вообще нехороши на фоне все новых откровений про прослушивание АНБ немецких канцлеров.

Происходящее на континенте не может не повлиять на настроения в Великобритании, где предстоит референдум о членстве в ЕС. Дэвид Кэмерон обещал избирателям, что добьется от Брюсселя и Берлина больших уступок, после чего подданные королевы смогут с чистой совестью проголосовать за Евросоюз. События вокруг Греции не обещают, что Лондону пойдут навстречу в его желании пересмотреть ряд европейских правил – Германия твердо стоит на страже статус-кво.

С другой стороны, эффект может быть и обратным – выход Великобритании окончательно разрушит внутриевропейский

баланс, а это крайне невыгодно Берлину. Так что возможны как раз демонстративные уступки Лондону (или их имитация), чтобы помочь Кэмерону выиграть референдум.

Все это повышает вероятность заключения масштабного европейско-американского договора – Трансатлантического торгового и инвестиционного соглашения, которое спасет Запад на новой основе под американской эгидой. Чем тяжелее дисгармония внутри ЕС, тем больше тяга припасть к сильному плечу США, как в старые добрые времена. Та же Германия может испугаться новой самостоятельной ответственности, видя, как все получается.

Потрясения в ядре не могут не сказаться на европейской периферии – той, что уже вошла в состав Евросоюза, но явно не занимает там равноправного положения с грандами, и той, что оказалась между различными проектами.

Украина – наиболее яркое проявление феномена, наблюдаемого практически по всему постсоветскому пространству: провалившийся транзит, неспособность обеспечить устойчивое развитие стран, образовавшихся на территории бывшего СССР, самообман «выбора», который якобы нужно сделать. Посткоммунистическими странами Центральной, Восточной и части Юго-Восточной Европы (Словении, Хорватии, Румынии, Болгарии) повезло больше – они вступили в Европейский союз на этапе его подъема, получив определенный «якорь». О том, насколько успешны результаты этого присоединения, можно спорить¹¹, но местные правительства, по крайней мере, разделили ответственность с Брюсселем и ведущими европейскими столицами. Балканам повезло даже меньше, чем бывшим республикам СССР – им просто некуда деваться, кроме как интегрироваться в состав Европейского союза, но перспективы их принятия сейчас весьма призрачны. Между тем, некоторые из этих государств, например, Босния в том виде, как она была создана в Дейтоне двадцать лет назад, просто могут существовать только в составе объединения и фактически под его управлением. Кризис европейского ядра для этой части периферии может оказаться фатальным.

Несмотря на внутренний кризис, ЕС пока не преодолел экспансионистской инерции, что в наибольшей степени проявляется в восточном направлении. Тем более, что это в целом

поощряется Соединенными Штатами, хотя они сильно разочарованы крайне низкой эффективностью европейцев. Но дальнейшее движение на Восток означает, во-первых, гарантированные потрясения (Россия больше уступать не намерена), во-вторых, продолжение внешней конкуренции за все эти территории и попыток разделить наследие распавшегося Советского Союза.

Каждый следующий эпизод масштабнее и опаснее предыдущего: достаточно сравнить грузинский кризис 2008 года с нынешним – украинским.

Основные действующие лица – Россия, Европейский союз, США, – что бы они ни заявляли, рассматривают ситуацию как «игру с нулевой суммой». Москва твердо нацелена на то, чтобы любой ценой не позволить Западу и дальше распространять влияние на бывшие союзные республики. Брюссель и европейские столицы утверждают, что не осуществляют экспансию (подобные категории противоречат принятому в ЕС самоописанию). Но на деле происходит именно это.

Евросоюз не идет на компромиссы по нормативно-правовой базе взаимодействия со странами постсоветской периферии, настаивая на применении своих норм. И это притом, что устойчивость этих норм в самом Евросоюзе сейчас уже не кажется настолько же незыблемой, как еще лет пять назад. Соединенные Штаты рассматривают бывшее советское пространство сквозь стратегическую призму, отсюда постоянное возвращение к идее расширения НАТО или, по крайней мере, использование перспективы членства в альянсе как политического инструмента.

В теории страны, которые становятся объектами конкуренции, могут извлекать выгоду, играя на противоречиях. Для этого, однако, нужны по-настоящему крупные государственные деятели масштаба Ли Куан Ю. Если же сложные партии принимаются разыгрывать руководители калибра Виктора Януковича, это разрушительно для их государств.

Когда конкуренция становится опасной, крупные державы склонны «зафиксировать прибыль», заключить текущую сделку, чтобы «переварить» приобретенное и начать новый раунд соперничества. Отсюда популярная среди дипломатов идея о новом издании Хельсинкского процесса, тем более что

в этом году Заключительному акту исполняется 40 лет. Но тогдашний успех повторить невозможно, поскольку Хельсинкские принципы, которые и сегодня никто не оспаривает, опирались на существовавший в то время баланс сил и согласие сторон о сферах влияния в Европе.

В 2015 г. формализованные сферы влияния не в чести, западные страны гневно отвергают саму эту идею, и это объяснимо.

Запад не считает Россию настолько сильной, а в перспективе и устойчивой, чтобы с ней было нужно вступать в серьезные переговоры. Но и Россия, видя реальное состояние европейского проекта, не понимает, почему она должна идти на уступки. В условиях, когда обе стороны пребывают в состоянии не вполне понятной и явно не очень желанной трансформации, ни о каких больших сделках, наподобие Хельсинки, речи быть не может.

Здесь возникает уже российская проблема, которая не выходит за рамки общего заколдованного круга. Россия не избежала той же беды – четверть века переходного периода привели в концептуальный тупик. Российский путь, естественно, отличался от траектории остальных постсоветских стран, прежде всего тем, что России как раз не надо было метаться между конкурирующими за нее центрами силы. Впрочем, внешнюю борьбу мы успешно заменили внутренней – бесконечным спором русских между собой о цивилизационной принадлежности и экзистенциальном выборе.

В результате, как ни парадоксально, Россия оказалась в ситуации государств-соседей – тема «выбора» между Европой и Азией, ЕС и Китаем, обсуждается теперь в практическом ключе.

Более того, в любой западной дискуссии об этом говорят постоянно, приходя к выводу, что Россия, мол, сделала заведомо проигрышную ставку на Пекин и это приведет ее к статусу подчиненного партнера растущего китайского дракона. Иными словами, идея о том, что надо, в конце концов, выбрать, с кем строить будущее – характерная особенность западной политической культуры (Россия в этом смысле – ее неотъемлемая часть), и в ней заведомо заложен конфликт.

При этом очевидно, что постсоветскому пространству нужна другая модель взаимоотношений, которая не ставила бы го-

сударства перед эфемерным и деструктивным «выбором будущего», а обеспечивала бы ресурсы для развития.

Символично, что инициатива председателя КНР Си Цзиньпина об Экономическом поясе Шелкового пути была обнародована как раз в то время (осень 2013 г.)¹², когда Россия и ЕС приближались к кульминации противостояния за Украину. Китай руководствуется противоположным подходом – демонстративно дистанцируется от всякой конкуренции, предлагая проект (масштабные инвестиции в инфраструктуру), который не отрицает, а «огихает» все остальные, а при возможности готов их и впитать в себя.

Тем более, что по масштабу ресурсов, которые Пекин способен предоставить, соперничать с ним не может никто. Иными словами, остальные игроки (Россия, Евросоюз, США) действуют в Евразии прежде всего политическими инструментами, что провоцирует рост трений. Китай же предлагает «живые деньги», остро необходимые для развития всех стран вдоль Шелкового пути (от Центральной Азии через Каспийский регион в Восточную и Южную Европу и Балканы), и политическую индифферентность.

Пекин, конечно, руководствуется не соображениями благотворительности, а четко формулируемыми национальными приоритетами. И ни один юань не будет вложен без понимания того, какую отдачу он принесет. Однако сами страны получают импульс, который при разумном подходе смогут развивать уже сами либо привлекая других партнеров.

Речь здесь не собственно о Китае, а о смещении акцента на развитие. Возвращение к Хельсинкскому процессу, о котором много говорят сейчас в Европе, само по себе ничего нового не принесет, только обострит и без того имеющиеся противоречия. Если уж обращаться к тому периоду как модели, то нужно качественное ее переосмысление. Во-первых, вопросы европейской безопасности сегодня бессмысленно обсуждать в географических рамках Европы. Теперь в игре как минимум вся Евразия, слишком уж все взаимосвязано, а значит, круг участников должен быть другим¹³.

Во-вторых, из «меню» Хельсинкского процесса, а оно было разделено на три «корзины» – военно-политическую, соци-

ально-экономическую и гуманитарную – европейской периферии, постсоветскому пространству и всей Евразии в целом, прежде всего, нужна вторая. Две другие «солировали» в предшествующие эпохи. Первая – в годы собственно холодной войны, именно она и обеспечивала устойчивость взаимоотношений. Третья – в 1990-е и 2000-е гг., когда считалось, что вопросы безопасности и экономического роста фактически ушли другим организациям (НАТО и ЕС), а ОБСЕ должна стать «ведомством по демократии». И то, и другое сегодня провоцирует конфронтацию.

А вот с идеей устойчивого развития в качестве главной философии Евразии поспорить невозможно, как в свое время невозможно было оспаривать десять Хельсинкских принципов. Но для этого действительно нужно переключить сознание со снова вошедшего в моду духа холодной войны на другой регистр. Кстати, в большом евразийском проекте нынешняя европейская периферия перестанет быть таковой, получая шанс превратиться в часть развивающегося ядра уже новой интеграционной общности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ На эту тему, см., в частности, Павленко С. Ю. Стоит ли говорить о будущем величии Германии? // <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Stoit-li-govorit-o-buduschem-velichii-Germanii-17552>

² На эту тему – онлайн семинар РСМД и Валдайского клуба «Глобальные альтернативы левых сил в XXI веке // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6102#top-content.

³ Macedonia at the Crossroads. By Ivan Krastev. The New York Times. June 9, 2015 // http://www.nytimes.com/2015/06/09/opinion/macedonia-at-the-crossroads.html?_r=0

⁴ Faymann: Deutsche Rolle in Griechenland war nicht positiv,

Der Standard, 15. Juli 2015 // <http://derstandard.at/2000019181272/Faymann-Deutsche-Rolle>

⁵ French MPs overwhelmingly back Greece bailout deal// <http://news.yahoo.com/french-mps-overwhelmingly-back-greece-bailout-deal-162450455.html>

⁶ Die Truemmerrfrau. Scheitert der Euro, scheidert Merkels Kanzlerschaft // Der Spiegel. 2015. 4 VII. N 28.

⁷ Operation Self-Deceit: New Documents Shine Light on Euro Birth Defects. By Sven Böll, Christian Reiermann, Michael Sauga and Klaus Wiegrefe // <http://www.spiegel.de/international/europe/euro-struggles-can-be-traced-to-origins-of-common-currency-a-831842.html>

⁸ Hollande and Merkel clash over Greece, Juncker shuts up // <http://www.euractiv.com/sections/euro-finance/hollande-and-merkel-clash-over-greece-juncker-shuts-315935>

⁹ Italy's Renzi to tell Germany to accept Greece deal: newspaper // <http://www.reuters.com/article/2015/07/12/us-eurozone-greece-renzi-idUSKCN0PM08320150712>

¹⁰ Наиболее подробно такая философия изложена в книге Херфрида Мюнклера, которая вышла весной 2015 года. Muenkler H. Macht in der Mitte. Koerber-Stiftung, 2015.

¹¹ См., например, *Павленко С.Ю.* Борьба с коррупцией вместо стратегии развития // <http://www.globalaffairs.ru/number/Borba-s-korruptciei-vmesto-strategii-razvitiya-16113>; *Глазьев С.Ю.* Такие разные интеграции // <http://www.globalaffairs.ru/number/Takie-raznye-integracii-16252>

¹² «Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее». Выступление Председателя. КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете // <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>

¹³ *Караганов С.А.* Евроазиатский выход из европейского кризиса // <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Evroaziatskii-vykhod-iz-evropeiskogo-krizisa-17541>

Л. Г. Абрамов*

Глава 4.

Россия и эволюция на Балканах

В статье рассматривается тема эволюции Центральной и Юго-Восточной Европы, преимущественно Западных Балкан, роль и место России в этом регионе.

Ключевые слова: Центральная и Юго-Восточная Европа, Западные Балканы, европейская периферия, Европейский Союз, НАТО, Восточное партнерство, Жак Делор, теория концентрических кругов.

The article deals with the topic of the evolution of Central and South-Eastern Europe, mainly the Western Balkans, and Russia's role in the region.

Keywords: Central and South-Eastern Europe, the Western Balkans, European periphery, European Union, NATO, the Eastern Partnership, Jacques Delors, the theory of concentric circles.

В этой статье мне хотелось бы затронуть тему эволюции Центральной и Юго-Восточной Европы, может быть, более плотно – эволюции стран Западных Балкан и роли России. Как развивался этот процесс за последние два с половиной десятилетия, и какое место в нем принадлежит России?

* Леонид Григорьевич Абрамов – заместитель директора 4-го Европейского департамента МИД РФ, кандидат экономических наук. В 1998–1999 гг. – руководитель гуманитарного направления Регионального центра в Гнилане Миссии ОБСЕ в Косово. В 2000 г. – политический советник МИД России при Российском воинском контингенте KFOR. В 2001–2004 гг. – советник-посланник Посольства России на Кипре; в 2004–2008 гг. – Специальный представитель МИД России по кипрскому урегулированию. С 28 января 2010 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Албании.

Чтобы ответить на этот вопрос, для начала надо понять, как позиционирует себя сама Россия: где мы и кто мы.

Наши зарубежные коллеги ведут на сей счет бурные дискуссии. Некоторые из них предлагают называть нас Северо-Восточной Европой. Быть может, кто-то другой заявит, что мы – Северо-Западная Евразия?.. Игры с географией, на самом деле, всегда мотивированы геополитически, вряд ли стоит их недооценивать, равно как и мотивы их участников. Задайте вопрос, скажем, нашим друзьям-китайцам: считают ли они себя, к примеру, Восточной Азией? Думаю, в Пекине, по меньшей мере, удивятся.

Поэтому давайте исходить из того, что Россия остается Россией, независимо от того, кто, с какой стороны и с каким чувством на нас смотрит. Россия остается такой, какая она есть, страной со своей исторической ролью и своеобразием, прагматической позицией, умением, а главное, стремлением неуклонно защищать свои национальные интересы. Разумеется, мы – неотрывная часть европейской истории и европейской культуры в широком смысле этого слова. Не надо забывать и о прогрессивном историческом (некоторые, возможно, предпочли бы слово «цивилизующем») значении России в проникновении европейской культуры и знаний на Восток, в частности, в Центральную Азию.

Теперь о понятии европейская «периферия», о котором также звучит немало мнений. Применимо ли оно к странам Центральной и Юго-Восточной Европы? Лично я согласен с правильностью использования этого термина. Но давайте посмотрим, *какая* это периферия. Для этого вспомним одного из создателей новой модели Евросоюза Жака Делора – экономического идеолога европейской интеграции, а точнее – его *теорию Европы «концентрических кругов»*. Она имеет далеко не академическое значение. Ее принципы послужили сначала основой положений Единого европейского акта (1986 г.), а позднее – Маастрихтского договора (1992 г.). Затем они были развиты в механизмах единой европейской валюты и Лиссабонского договора о реформе ЕС (2009 г.), существенно расширившего процедуру совместного (эксперты говорят – зачастую, наднационального) принятия решений Советом ЕС и Европарламентом. Была изменена формула голосования ква-

лифицированным большинством. Состоялась реформа институциональной архитектуры ЕС, включая создание постов Председателя Европейского совета и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности и их аппаратов. Началась реализация механизмов «продвинутого сотрудничества» с участием отдельных государств-членов. И в русле этой реформы продолжают развиваться «концентрические круги» ЕС.

Позволю себе напомнить о них в самых общих чертах.

Есть «*страны-гранды*», основавшие Европейские сообщества: ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург.

Есть присоединившийся к ним в 1970-х, 1980-х и начале 1990-х гг. *второй круг* также достаточно экономически и административно развитых стран.

Есть *третья волна* евроинтеграции (2004–2007 гг.) – в основном из постсоциалистических стран. Некоторые из них претерпели существенные трудности шоковой терапии. Хотя вступление в ЕС стало затем мощным стимулом к экономическому росту, показатели эффективности, технологического и инновационного развития их экономик продолжают заметно отставать от европейских «грандов». Что касается базовых социальных стандартов, то отставание не только не преодолено, но и углубилось в ряде случаев. Этот вывод следует из подробного развернутого анализа экспертов ИЭ РАН¹. Периферийный характер третьего концентрического круга – что уж говорить о последующих – подтверждается и Евростатом.

Показательно, что на этапе вступления эти страны зачастую испытывали затруднения в плане соответствия высоким европейским стандартам административной, судебной систем, правам человека и прочим идеалам. Имевшие место в ходе предварительных переговоров натяжки в оценках «новобранцам» хорошо известны.

Примечательно, что именно со времени успешного принятия в Евросоюз и в НАТО бывших членов ОВД и бывших советских республик Балтии отмечается подъем антироссийской пропаганды. В частности, после «пятого расширения» блока (2004 г.) президент Румынии Траян Бэеску начал громко выражать интересы того лагеря, к которому он стал принадлежать. Аналогично и в странах Балтии, и в Польше в конце

1990-х гг. (в 1999 г. состоялось «четвертое расширение» НАТО) от критики коммунистической идеологии как-то плавно развернулись к русофобии и антироссийской пропаганде.

Как говорил выдающийся русский философ Зиновьев, «целились в коммунизм, попали в Россию». Причина понятна. Ругать то, что уже побеждено – непрагматично. От оголтелого антикоммунизма (в том числе и по внутривнутриполитическим соображениям) было затруднительно ожидать дополнительного «наваара» для подпитки новых внешнеполитических целей. Тем более, что в России, кстати, в отрицании социалистических идей перещеголяли тогда многих относительно благополучных «братьев по соцлагерю». Строительство нового «интернационала», на этот раз на антикоммунистической платформе, как видно, не отвечало геополитическим интересам Запада. Действительно, для консолидации блоковой идеологии, подготовки «новобранцев» к последующей военно-политической экспансии было нелишне своевременно найти в России образ врага. Перешли к антироссийской пропаганде. Феномен весьма примечательный, характерный и для современного развития. Нынешний украинский кризис еще в большей степени дал поводы русофобам.

Четвертый концентрический круг – это страны, реализующие соглашения об ассоциации и свободной торговле с ЕС. Шесть из них, в основном, страны Балкан: Албания, Македония, Сербия, Черногория, а также соседняя Турция получили статус кандидата. С некоторыми из них начаты переговоры о соответствии критериям членства по отдельным главам. Причем переговорные сценарии и порядок рассмотрения переговорных глав серьезно различаются от страны к стране: весьма неодинаково как реальное соответствие техническим критериям вступления, так и оценки «политической зрелости» стран-кандидатов. По сравнению со странами предыдущей волны, в отношении последних куда в меньшей степени просматривается стремление Еврокомиссии делать скидки на социалистическое прошлое или на внутреннее кризисное развитие. Спешки с полноправным членством особо не наблюдается. Одна из причин – уверенность, что с орбиты Евросоюза, прежде всего в отношении внешнеполитической и экономической привязки, эти кандидаты не сойдут.

Момент истины как в политическом истеблишменте, так и в экспертном сообществе стран-кандидатов в плане выбора внешнеполитического ориентира, настал в феврале 2014 года: кризис вокруг Украины образовал в Европе новую разделительную линию (анализ причин и движущих сил произошедшего выходит за рамки данной статьи). Увы, подавляющее большинство стран – пусть некоторые и не сразу – последовали известной евроатлантической линии.

Перспективы многомиллиардных потерь от введенных ими не по своей воле антироссийских торговых санкций и утраты перспектив выгодных, зачастую безальтернативных для своей экономики, проектов и возможностей сотрудничества с Россией пока не стали препятствием. Даже у некоторых наших давних друзей. Та же Черногория, руководство которой совершило за последние годы разворот в своих симпатиях – яркий пример.

Складывается впечатление, что как-то там привыкли полагаться на российское великодушие. Черногория и Сербия, напомним, имеют с Россией соглашения о свободной торговле. И, соответственно, приобрели такие же соглашения с ЕС. Между тем, такой порядок противоречит логике многосторонней торговой дисциплины, по сути, скрытое дотирование с российской стороны этих экономик. Остроту данной торгово-экономической ситуации не следует недооценивать. Стоит вспомнить, что аналогичное положение с «двойной зоной» свободной торговли сложилось во втором полугодии 2013 года в отношениях Россия-Украина-Евросоюз, хотя объемы российско-украинского торгово-экономического оборота многократно превышают нашу торговлю с балканскими странами, и ущерб несопоставим. Тогда наши озабоченности, неоднократно высказанные в дипломатическом порядке, в Брюсселе услышать не захотели. Более того, посодействовали майданному перевороту. Общеизвестны негативные последствия произошедшего для стабильности на Украине, да и для общеевропейского сотрудничества в целом.

По опыту «четвертого-пятого расширений» НАТО и в связи с нападками на Россию по украинскому кризису приходится констатировать, что когда наступает критический момент, на эсовской периферии – предмете нашего рассмотрения –

проявляется, в большей или меньшей степени, русофобия. Принимаются те ли иные антироссийские декларации, звучат, словно под копырку, исполненные заявления официальных лиц. Показательно, что страны-новобранцы делают под козырек в выполнении военно-политических обязательств – независимо от того, зачтена ли им внешнеполитическая (32-я) глава предвступительных переговоров. Опять же – с большей или меньшей степенью готовности. К примеру, в Румынии – с большей (она раньше начала евро-атлантическую интеграцию), в Болгарии, с учетом исторически сложившихся про-российских симпатий – в меньшей. Но все равно: размещение командно-штабных и вооруженных структур НАТО в этих странах происходит.

Кстати говоря, если альянсу что-то потребуется – то же самое, как показывает опыт, может происходить и в некоторых других странах. В Черногории, например, объекты НАТО существуют с конца 1990-х гг. Хотя интеграция Черногории и в НАТО, и в ЕС с формальной стороны и не завершена.

Поэтому разговоры о примате жестких технических критериев членства, о соблюдении выверенной процедуры переговорного процесса, о необходимости на основе согласия всех стран-участниц ЕС затвердить соответствие кандидата европейским регламентам, призывы обеспечить победу над коррупцией и верховенство закона мне лично напоминают решения XXIV и XXV съездов КПСС. Своего рода идеология. В то время как реальность совсем иная. Штампы, призванные создать образ демократического процесса рассмотрения заявок на вступление, внедряются не просто так. Практическая работа с кандидатами носит конкретный характер. Приходит команда – и под козырек!

В постлиссабонской системе концентрических кругов внешнеполитическая привязка формируется «сверху» еще до стадии кандидатства. После украинского кризиса она стала еще более явной – с откровенным применением антироссийских критериев. Опасный для соседей характер роста нестабильности на Украине продемонстрировал отчетливый результат такой политики: в большинстве стран ЕС ресурс для критики нашей страны истончается, за исключением стран Балтии. Польши и некоторых других, питающих к нам исторические

фобии. В столицах стран ЮВЕ, в отличие, кстати, от некоторых полноправных членов ЕС, предпочитают, однако, пока не вылезать публично с собственным мнением.

Приверженность соответствующих стран единым внешнеполитическим установкам контролируется Еврокомиссией и другими аппаратами основных институтов ЕС. Формирующиеся же на основе европейских регламентов системы законодательства, правоприменительные, судебные и административные структуры (включая набор политэлит и управленческих кадров) служат своего рода обеспечивающим механизмом сотрудничества и контроля.

Неслучайно зависимость политического курса и успеха в продвижении переговоров отчетливо просматривается по опыту переговорного процесса ряда стран региона.

Наряду с антироссийскими декларациями по украинскому кризису – показательно, что в ряде стран они появились с запозданием в пять-шесть месяцев по сравнению с лидерами ЕС – есть и другие примеры. Вспоминается эволюция линии Белграда по Косово, вынужденное урегулирование некоторыми другими балканскими странами на последнем этапе их переговорного процесса с ЕС ряда территориальных и экономических претензий друг к другу.

По сравнению с «полноправными» членами ЕС (при всех различиях в реальной степени влияния отдельных стран на принимаемые внешнеполитические решения) участники «четвертого концентрического круга» выступают, скорее, в роли ведомых институтов ЕС. Их полномочия ограничены рамками двусторонних дискуссий с представителями стран-участниц и евроинститутов, ведущихся «за порогом» Европейской внешнеполитической службы и Общей политики в сфере безопасности и обороны. Образуется своего рода разрыв между реальными обязанностями и формальными правами. Дефицит подлинно независимых и суверенных решений стран-кандидатов ограничивает возможности по отстаиванию национальных интересов их стран и народов, усиливает зависимость от евробюрократии.

Происходящие на основе Лиссабонского договора изменения в структуре и функционировании ЕС и, соответственно, в организации и осуществлении расширительного процесса

накладываются на традиционно непростую балканскую реальность. Вспомним только последние события: вылазка террористов в Македонии в апреле 2015 г., перманентные (хотя и с большей или меньшей активностью) всплески паналбанской риторики, рецидивы межэтнической вражды в июне-июле по поводу годовщины трагедии в боснийской Сребренице. Есть ли уверенность, что усиливающиеся субъективизм и централизация процесса выработки и принятия внешнеполитических решений ЕС не наложатся на турбулентный, зачастую – труднопредсказуемый характер развития в регионе, и не усилят далее риски нестабильности в этом беспокойном уголке? До сих пор ответ на этот вопрос был отрицательным, в том числе по опыту вмешательства западных стран в другие «горячие точки» – Афганистан, Ирак, Сирия, Ливия. Перечень можно продолжать.

Складывающаяся с большей или меньшей остротой в разных странах-кандидатах внутривнутриполитическая ситуация также не способствует преодолению усиливающегося кризиса в расширительном процессе ЕС. «Вынужденная неполноценность» стран-кандидатов усугубляется и в результате проявляющихся в последние месяцы противоречий между позициями членов ЕС полного состава. Перечень непростых тем увеличивается: переговоры по греческому финансовому кризису, противодействию нелегальным масштабным иммиграционным потокам, кризисному урегулированию, участию в операциях в зарубежных «горячих точках». Желанное же полноправное членство остается далеко за горизонтом. Перспективы скорейшего приема балканских кандидатов выглядят далеко не такими радужными, как это имело место на таких же этапах в предшествующем «круге» расширения ЕС.

С еще большими трудностями приверженцы расширенной евроинтеграции столкнулись в *пятом концентрическом круге*. Внешнеполитическая и экономическая консолидация стран Восточного партнерства (ВП), изначально задуманного в качестве проекта Европейского союза с целью поддержать разнотемпное развитие интеграционных связей с шестью республиками бывшего СССР: Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Белоруссией, пока оборачивается демонстрацией растущей разницы в подходах «фокусных»

стран. На саммите ВП в Риге (май 2015 г.), метко названном встречей заниженных ожиданий, произошло размежевание по ключевым вопросам актуальной повестки. Достоянием общест-венности стали известные ранее специалистам по внешней политике антагонизмы во взглядах участников ВП на пер-спективы сотрудничества в области безопасности в Европе, причины и последствия украинского кризиса и роль России. Как минимум, две страны уже официально связали свое буду-щее с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Президент третьей – Азербайджана (И. Алиев так и не прибыл в Ригу), вы-ступая 13 июля 2015 г. на заседании кабмина, заявил, что ЕС находится в духовном и экономическом кризисе, и Баку будет выбирать для вступления другие, *более равноправные* объеди-нения (курсив автора)².

Еще более показательным симптомом кризиса расшири-тельного процесса является то обстоятельство, что в плане ВП в фаворитах у принимающих решения в Евросоюзе находятся страны, мягко говоря, не передовые в плане уровня корруп-ции, показателей экономического развития, положения в об-ласти верховенства закона. Это лишний раз подтверждает, что критерии евроинтеграционного процесса носят достаточно формальный характер. В 1990-е гг. первыми в очереди на при-соединение стояли страны, хотя и отстающие от «ядра» ЕС, но относительно более прогрессивные в отношении экономи-ческого, социального, технологического и административно-го развития.

Многие по результатам Риги поспешили заговорить о пол-ном провале этой идеи. Не думаю, что они целиком правы. Хотя внутри ВП и углубился раскол между группами стран в соответствии с различиями их внешнеполитических и эконо-мических интересов, они, скорее всего, будут продолжать с ЕС диалог разной интенсивности. «Фокусные» страны по-прежнему остаются в зоне экономического притяжения Ев-росоюза, разумеется, далеко не одинаковой степени. Это об-стоятельство несет в себе и позитивное зерно. Закладываются объективные возможности для формирования в перспективе на взаимовыгодной основе общеевропейского экономическо-го пространства, где «фокусные» страны ВП – участницы ЕАЭС могли бы получать дополнительные преимущества. Вот только

не будет ли этот потенциал разрушен стратегами от евробюрократии, как это произошло с Украиной?

Почему же Брюсселю в своей политике расширения все чаще приходится поступаться принципами и опираться далеко не на самые передовые столицы? Почему в Брюсселе и в ведущих странах ЕС продолжают евроинтеграционные усилия, несмотря на то, что наиболее благополучные страны воздерживаются от погони за «европейской мечтой», и все чаще слышны заявления о кризисе интеграционной модели, основанной на фактическом делении на «старших и младших»?

Политика определяется экономикой. И есть жесткие экономические детерминанты расширительной политики ЕС. Процветание и стабильные темпы развития европейских «грандов» в значительной степени зависят не только от интенсификации, повышения эффективности внутренней экономики, но и от экстенсивного фактора – увеличения емкости единого рынка товаров, услуг, труда и капиталов за счет присоединения к нему новых территорий на основе расширения интеграционного пространства.

Ядро ЕС попросту не обойтись без периферии. Недостаточная конкурентоспособность вновь интегрируемых и, как правило, сравнительно менее эффективных экономик выступает дополнительным инструментом поддержания динамики экономического роста высокоразвитого ядра ЕС. Точно также сохранение структурных разрывов в технологических, инновационных уровнях формирует льготные возможности для немецких, французских, британских и прочих крупнейших держателей технологий и инвестиций, банковских и фондовых операторов, оборачивается сохранением рынков сбыта для менее конкурентных товаров и услуг, дополнительных источников дешевой рабочей силы и прочих структурных преимуществ.

Если в системе концентрических кругов состоит экономический смысл «перманентного расширения» европейской интеграции, то природа ее кризиса задана постлиссабонской моделью функционирования ЕС.

Вацлав Клаус, президент Чехии в 2003–2013 гг. и автор наиболее успешной в Центральной Европе экономической ры-

ночной реформы, определил проблему, как «демократический дефицит», т.е. отсутствие политической ответственности³.

По авторитетному мнению В. Клауса, не принесла пользы полная передача полномочий государств-членов ЕС «командующим высотам» Европы, т.е. Брюсселю; централизация, регулирование, стандартизация, гармонизация всего континента; общее и мощное движение к общеевропейскому управлению.

Наиболее тревожное экономическое явление Европы – кризис государственного долга, что наглядно продемонстрировал Grexit. Эта проблема стала необратимым результатом введения единой монеты, курса и процентной ставки в странах с различными экономическими параметрами. К словам В. Клауса о том, что «данное политическое решение было принято при полном игнорировании существующих экономических принципов» можно лишь добавить – и в силу значительного соблазна получать дополнительные преимущества в результате произошедшего косвенного ограничения конкуренции и навязывания вне рыночной модели регулирования экономических связей внутри ЕС.

Решая насущные задачи ликвидации последствий греческого кризиса (если они вообще могут быть ликвидированы при сохранении национально-государственных систем налогов и социальных гарантий), в странах еврозоны все больше склоняются к выводу, что более вероятен сценарий разноскоростной интеграции с консолидацией наиболее продвинутого «ядра» и сохранением периферийных «концентрических» кругов. Он более предпочтителен, в том числе по экономическим соображениям, чем стимулирование процесса сближения полного состава членов ЕС. Если так, то наши страны – предметы сегодняшнего рассмотрения – обречены продолжительное время оставаться на периферии Евросоюза. Возможно, и Европы, если преимущества установления связей с ЕАЭС останутся у них нереализованными.

Россия всегда – исторически, политически и экономически – была влиятельнейшим игроком в ЦЮВЕ и на Балканах.

Нет сомнений, что останется таковым и впредь. И вывод, как представляется, состоит не только в том, что Россия сделала много для состоявшегося экономического и культурного развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти данные широко известны. Важнее другое.

Страны из четвертого, а частично – из третьего и пятого концентрических кругов, будут с большим или меньшим успехом эволюционировать в направлении периферии Европейского союза. В обозримый период всем им вряд ли удастся приблизиться к ядру ЕС по степени влияния на принимаемые в Брюсселе решения. Соответственно, они останутся заложниками растущих в Европейском союзе противоречий и проблем.

Происходящая в регионе в настоящее время реструктуризация экономик, государственных и административных структур выдвигает новые региональные страны-лидеры, своего рода точки роста и влияния. Их предстоит определить на основе научного анализа. Наряду с этим неизбежно будет расти притягательная сила евразийской интеграции и ЕАЭС как разумной демократической и равноправной альтернативы, сотрудничество с которым предоставляет дополнительные возможности.

Останется ли данный регион периферией ЕС или будет мостом общего европейского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока – покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского Союза: проблемы адаптации. М., 2010.

² <http://www.Politobzor.net/59436>

³ Чит. по: Россия и Европа. Энергия сотрудничества. Т. 3. М., 2014. С. 29.

Л. Е. Горизонтов*

Глава 5.

Евроскептицизм в Центральной и Юго-Восточной Европе как исследовательская проблематика

В статье намечены основные проблемы, которые предстоит решать исследователям евроскептицизма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Фиксируются субрегиональные и страновые особенности евроскептицизма, его дифференциация на твердый и мягкий, правый и левый, оппозиционный и находящийся у власти, проамериканский и пророссийский, в социуме и политикуме, основанный на ценностях и прагматический. Отмечается необходимость учитывать влияние на регион евроскептических настроений в Старой Европе и России.

Ключевые слова: евроскептицизм, европейская идея, Европейский союз, Центральная Европа, Балканы, Старая Европа, Россия, миграции.

The article outlines key problems to be solved by the researches of euroscepticism in Central and South-Eastern Europe. It reveals sub-regional and national peculiarities of euroscepticism, its classification of hard and mild, right and left, oppositional and in power, pro-American and Russia-friendly, public and political class, values-based and pragmatic ones. The author also stresses the necessity to pay attention to the influence of eurosceptic mood in Old Europe and Russia on the region under review.

Keywords: euroscepticism, European idea, European Union, Central Europe, Balkans, Old Europe, Russia, migrations.

Феномен евроскептицизма и его проявления в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ) достаточно давно оказались в поле зрения представляющих различные научные

* Леонид Ефремович Горизонтов – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

дисциплины исследователей, работы которых, возможно, уже заслуживают специального историографического анализа. Однако тема вовсе не утратила своей новизны, а актуальность ее только растет: материала для осмысления накапливается все больше, и можно прогнозировать, что главное в развитии евроскептицизма еще предстоит. Попытаемся в постановочном ключе обозначить основную его проблематику, рассмотрение которой существенно для понимания судеб Европы в целом и, особенно, ее центральной и юго-восточной частей, исторически тесно связанных с Россией.

Европе, которая длительное время являлась главным средоточием мировой силы и локомотивом модернизации, несомненно, принадлежит особое место в истории. Свою притягательность она усилила ответом на вызовы глобализации, создав самый масштабный сегодня интеграционный проект – Европейский союз. После крушения советского блока в его орбиту попала периферия континента – Центральная и Юго-Восточная Европа.

Идея европейского выбора, вхождения или возвращения в Европу традиционно была популярной среди жителей региона, получая все более массовую поддержку. В последние десятилетия XX века она стала тождественна со стремлением получить членство в Евросоюзе, решительно порвав с социалистическим прошлым. Для Новой Европы вступление в ЕС сделалось приоритетом постсоциалистического транзита.

Тем не менее, характерные для евроскептицизма послылы различимы уже в ходе дискуссии об условиях присоединения стран ЦЮВЕ к ЕС, как это бывало и много раньше, например, в случае с Великобританией. В дальнейшем популярность европейской идеи стала зависеть от успешности амбициозного интеграционного проекта, у которого наряду с многочисленными сторонниками появились и влиятельные оппоненты. Осуществление европейской мечты постсоциалистических стран совпало с кризисными явлениями в объединенной Европе, обострившими противоречия как между государствами, так и внутри каждого из них.

Чтобы выявить особенности евроскептицизма в Центральной и Юго-Восточной Европе, следует учитывать его более широкий контекст и исторические обусловленности. В целом

евроскептицизм с его стремлением сохранить национальную и цивилизационную специфику, апеллируя к традиционным ценностям, может рассматриваться как европейский вариант антиглобализма. Как антиглобалисты в планетарном масштабе, евроскептики, по сути, предлагают свое альтернативное видение евроинтеграции.

Необходимо отметить, что радикальное расширение ЕС, начатое в 2004 г., стимулировало распространение евроскептицизма как в Старой, так и в Новой Европе. Оплотом евроскептицизма делались страны-доноры, несущие на себе основное бремя Евросоюза и недовольные стремлением Новой Европы к получению преференций и увеличению присутствия своих граждан в западной части континента. Противоречия между Старой и Новой Европой способны вызвать напряжение между евроскептиками. Вместе с тем распространение евроскептицизма в Старой Европе оказывает стимулирующее воздействие на его развитие в ЦЮВЕ.

Неоднозначным является отношение евроскептиков к США. При этом антиамериканские настроения характернее для Западной, чем Центральной и Юго-Восточной Европы, где сторонники евроскептицизма нередко стремятся использовать особые отношения с заокеанским партнером в качестве противовеса Евросоюзу. Проамериканский курс предполагает подчеркивание фундаментального значения НАТО в обеспечении всеобщей безопасности и активное продвижение мифа о российской угрозе. Вступлению стран ЦЮВЕ в ЕС, как известно, предшествовало их приобщение к Североатлантическому альянсу. В этой связи для ряда стран Новой Европы оказалось весьма привлекательным британское позиционирование: островное государство имеет давнюю традицию «блестящей изоляции» от дел континента и в то же время руководствуется приверженностью англосаксонской солидарности. Для изучения евроскептицизма представляет интерес продолжающееся ныне обсуждение вопроса о трансатлантической зоне свободной торговли.

Однако в геополитическом, ресурсном, историческом отношении ЦЮВЕ тесно связана с европейским контекстом, причем не только западным, но и восточным. Пессимистически оценивая экономические перспективы своих стран на прострaнстве ЕС, некоторые евроскептики делают ставку на раз-

витие партнерских отношений с обладающей емким рынком Россией. Важное значение имеет то, что ЦЮВЕ является потребителем и транзитером российских углеводородов. Можно говорить и о прагматическом расчете получить двойной бонус: от России, стремящейся сохранить свои позиции в Европе, и от Евросоюза, шантажируемого нарушением солидарности в противостоянии России.

Выбор между евроатлантической и евразийской идеей, понимаемой как строительство Большой Европы от Лиссабона или Дублина до Владивостока, имеет принципиальное значение. В целом новоевропейские скептики в меньшей степени, чем западноевропейские, готовы сблизиться с Россией, хотя и могут порой идти вразрез с лояльным Брюсселю и Вашингтону мейнстримом. Руководствуясь собственными представлениями о благе своих стран, они поддерживают расширение ЕС на восток (стратегия «восточного партнерства»), вызывающее сомнения западноевропейцев.

Таким образом, среди евроскептиков региона можно встретить как русофобов, так и русофилов. Гораздо сложнее представить евроскептика, индифферентно относящегося к России. Следовательно, изучение евроскептицизма в ЦЮВЕ самым непосредственным образом связано с выстраиванием отношений ее стран с Российской Федерацией.

Сильны позиции евроскептиков и в самой России. Будучи носителями традиционных ценностей, они находят точки соприкосновения с консервативными евроскептиками за рубежом. Примером может служить диалог Русской православной церкви и католической церкви в Польше на почве неприятия неолиберальных новаций. Оппонируя в последнее время Большой семерке, выступая за многополярный мир, Россия вызывает сочувствие левых евроскептиков.

Понимание евроинтеграции странами региона проявляется в их отношении к Шенгенской зоне и зоне евро. Если западный евроскептицизм болезненно реагировал на отмену визовых ограничений, то для жителей ЦЮВЕ свободное передвижение и трудоустройство составляло едва ли не самое очевидное преимущество вступления в ЕС. Значительная часть стран региона воздерживается от введения евро, стремясь обезопасить себя от потрясений, угрожающих еврозоне.

Влияние евроскептицизма усиливает то, что характерные для него воззрения находят адептов как на правом, так и на левом флангах общественно-политического спектра. Правые евроскептики акцентируют в качестве ключевой цивилизационной скрепы христианство и пропагандируют национальные ценности, что зачастую имеет следствием ксенофобию на религиозной и национальной почве.

Левый евроскептицизм склонен выдвигать на первый план неравенство бедных и богатых стран, интерпретируемое как результат несправедливого распределения ресурсов. Как и антиглобализм в целом, он унаследовал идею социальной справедливости, главным носителем которой ранее выступала мировая система социализма. Чем острее социально-экономические проблемы, чем меньше дивиденды от членства в ЕС, тем лучше предпосылки для развития подобных настроений. Прослеживается корреляция между динамикой ВВП и градусом евроскептицизма, на который, разумеется, влияют также неэкономические факторы. Важнее, однако, делается новая система координат – сравнение с макроэкономическими показателями успешных стран Старой Европы, болезненно воспринимаемое неопитами Евросоюза.

Евроскептицизм создает предпосылки для сближения на основе его установок правых и левых политиков. Это наблюдалось на пике греческого кризиса 2015 г. как в самой Греции, где левые евроскептики вступили в коалицию с правыми силами, так и в транснациональном измерении (в частности, поддержка правыми французскими евроскептиками курса СИРИЗЫ, возглавляемой Алексисом Ципрасом). В своей рассчитанной на мобилизацию электората популистской риторике правые и левые евроскептики могут не только сближаться, но и конкурировать.

Естественными носителями евроскептических настроений выступают те социальные слои, которые считают себя пострадавшими от перемен после вступления их стран в Евросоюз. Так, весьма уязвимыми оказались аграрии. Греческий кризис показал легкость консолидации преобладающей части общества вокруг лозунга облегчения внешних обременений.

Новоевропейский скептицизм имеет специфические корни, связанные с особенностями региона. Историческое от-

ставание вызывает необходимость ускоренного, догоняющего, отчасти даже имитационного развития. Преобладание славянского населения позволяет евроскептикам обращаться к славянофильской риторике. Имеются в ЦЮВЕ и свои региональные проекты неэтнического характера, охотно апеллирующие к прошлому. Глубокий след оставил социалистический эксперимент, способный вызывать не только отторжение, но и ностальгию по социальному государству. Диктат Брюсселя неизбежно сравнивается с диктатом Москвы по степени ущемления государственного суверенитета. Такое сопоставление требует корректного обращения с историческим материалом, учета исследований историков. Необходимо помнить, что система зависимости в советском блоке не исключала и всесторонней поддержки со стороны СССР, и более высокого по сравнению с ним уровня жизни в странах-сателлитах.

Отличительной особенностью Центральной Европы является то, что евроскептикам в этом регионе неоднократно удавалось занять ключевые государственные посты. Пришедшая в 2005 г. к власти в Польше партия братьев Качиньских «Право и справедливость», политический успех которой после перерыва имеет шанс повториться в 2015 г., продемонстрировала антироссийский и проамериканский курс, создав при этом напряженность в польско-германских отношениях. Острые противоречия с Брюсселем возникли у Венгрии, правительство которой с 2010 г. во второй раз возглавил Виктор Орбан. Венгерский опыт особенно показателен в том плане, что ЕС в конечном счете вынужден принимать как данность приход к власти евроскептиков, отстаивающих приоритет национальных интересов. Неприятные для ЕС заявления неоднократно звучали также из Праги, в частности, из уст президентов Чехии Вацлава Клауса и Милоша Земана.

Означает ли это, что вступившая в ЕС в 2004 г. Центральная Европа спустя всего несколько лет превратилась в сплошную территорию евроскептицизма? Любой однозначный ответ на данный вопрос существенно исказил бы действительную картину. Евроскептики во власти, как правило, не выходят за рамки мягкого евроскептицизма, позиционируя себя «евро-реалистами», хотя их декларации и, реже, практические шаги нарушают действующий канон политкорректности. Они вы-

нуждены учитывать и участие своих стран в привлекательных программах ЕС, и отсутствие консенсуса в политическом классе и обществе по поводу европейской солидарности.

По-иному выглядит ситуация в странах, расположенных южнее. Социально-экономическая детерминанта современных Балкан – их относительная бедность, одновременно делает востребованным общеевропейский проект и создает почву для противоречий с богатыми странами. Балканские страны, за исключением Словении, вступали в ЕС несколько позже центральноевропейских, имея при этом худшие стартовые позиции (Румыния, Болгария) и не получая пропуска в Шенгенскую зону. Значительная же часть Балкан остается за пределами Евросоюза, ожидая своей очереди на вступление. В постъюгославских Македонии, Черногории и Сербии фиксируется спад еврооптимизма. В числе балканских кандидатов находятся государства со значительной долей мусульманского населения (Албания, Босния и Герцеговина), чье присутствие неуклонно увеличивается в сопредельных странах. Особое место занимает Сербия, пережившая натовские бомбардировки 1999 г. и потерю Косова. Определенное значение имеют и русофильские традиции православных балканских народов.

Впрочем, не они сейчас формируют внешнеполитический вектор. В Черногории тяготение к ЕС было настолько сильным, что, обретя государственную независимость, она стала использовать в качестве национальной валюты евро. Сейчас черногорская правящая элита демонстративно действует в фарватере европейской солидарности, сворачивая связи с Россией. В своем стремлении в ЕС на достаточно серьезные уступки пожеланиям Брюсселя, похоже, готова и правящая элита Сербии.

Разнообразие Балкан увеличивает Греция – представитель беднейшей части Старой Европы, страна, которую принято также рассматривать в контексте Европы Южной. Греческий случай примечателен тем, что встал вопрос о выходе страны из ЕС (в более мягкой форме – из еврозоны). Перспектива греческой сецессии побудила Брюссель искать компромисс. Опыт Греции показателен также метаморфозой евроскептицизма: радикальные в бытность свою оппозиционной силой левые евроскептики, придя к власти, сделали разворот в сторону еврореализма.

Где градус евроскептицизма выше: в политическом классе или населении стран ЦЮВЕ? Считается, что в Польше евроскептицизм более характерен для элит, нежели для общества, тогда как в Болгарии картина противоположная. Подобный диссонанс умонастроений является важным показателем политического климата в стране, посылающим сигнал о грядущих коллизиях. Общественная реакция на происходящие экономические, демографические, международные процессы корректирует стратегии политиков, способствуя организационному структурированию сил евроскептической ориентации на политической арене. Со своей стороны, политики способны оказывать влияние на общественные настроения.

Для евроскептиков-политиков принципиально важно использовать в борьбе за власть мобилизационный ресурс евроскептицизма, его способность повести за собой протестный электорат. То, что подобный расчет срабатывает, говорит о многом. Показательны уровень явки и характер предпочтений на выборах в Европарламент, евроскептическое крыло которого является продуктом волеизъявления избирателей. В целом интерес к евровогугу в странах региона существенно ниже средневропейского, хотя имеются заслуживающие внимания исключения из общего тренда. Показательна и динамика выборов в национальные парламенты. В ЦЮВЕ ротация находящихся у власти политических сил, в процессе которой шансы одержать победу имеют не только центристы, но также правые и левые, все более принимает форму соперничества еврооптимистов и евроскептиков. Евроскептицизм перестал быть маргинальным явлением, превратившись в системный фактор политической, в том числе международной жизни.

Важным фактором роста влияния евроскептицизма служит координация усилий евроскептиков из разных стран. Для этого они используют прежде всего парламентские площадки ЕС. Даже находясь в меньшинстве у себя дома, евроскептики получают возможность излагать свою точку зрения на общеевропейских форумах.

Может ли ЦЮВЕ, постоянно генерирующая региональные интеграционные инициативы, формулировать их в русле евроскептицизма? Отвечая на этот вопрос, надо учитывать, что многие страны Новой Европы нацелены на расширение ЕС

в восточном направлении. Евросоюз выступает в качестве неременной составляющей регионального проектирования. Евроскептическая риторика едва ли пригодна для привлечения новых членов, наиболее вероятного на волне еврооптимизма. Препятствия координации усилий создают и этноцентричность евроскептицизма, и асинхронность ротации во власти скептиков и оптимистов в разных странах.

Евроскептики обнаружили готовность оппонировать европейской солидарности и по такой острейшей сегодня проблеме, как афроазиатизация Европы. Тема миграций всегда занимала видное место в повестке евроскептицизма. Новоевропейские скептики выступают против массового отъезда своих сограждан за рубеж, староевропейские скептики не приветствуют мигрантов, прибывающих в их страны из ЦЮВЕ. Все евроскептики отрицательно относятся к мигрантам из неевропейских регионов. Однако мигрантофобия особенно ярко проявилась в центральноевропейских и балтийских странах, где не расположены платить ни по старым счетам прежних имперских метрополий, ни даже по новым счетам НАТО.

Если для большинства стран Центральной Европы защитная реакция носит превентивный характер, то в Венгрии массовый приток мигрантов уже стал суровыми буднями, побудив руководство в очередной раз продемонстрировать свой евроскептический нонконформизм. Негативное отношение к установлению Брюсселем квот по приему беженцев демонстрирует как большая моноэтничная Польша, так и небольшая Латвия, где опасаются критического для судьбы страны падения удельного веса титульной нации. Государства, в полной мере воспользовавшиеся возможностями Шенгенского соглашения, которое укрепило позиции местных еврооптимистов, оказались в числе противников политики гостеприимства. Помимо всего прочего, массовая миграция из неевропейских регионов уменьшает шансы реализовать масштабные планы расширения ЕС на пути восточного партнерства. Показательно стремление обсуждать миграционную проблематику на площадке такого регионального объединения, как Вишеградская группа.

Политическое будущее евроскептицизма зависит от того, сумеет ли он сплотить под своими знаменами массового из-

бирателя и протестные движения. Влияние евроскептицизма будет определяться его распространением в либеральном центре политического спектра, составляющем оплот еврооптимистов. Способным ли он окажется в условиях высокой безработицы и ограничения трудовой миграции внутри ЕС повести за собой еврооптимистически настроенную молодежь, у которой национальная идентичность вытесняется европейской? Сумеют ли эффективно взаимодействовать правые и левые евроскептики, евроскептики из разных стран и субрегионов ЦЮВЕ, евроскептики из Старой и Новой Европы? Решатся ли евроскептики на сближение со своими единомышленниками вне Евросоюза? Существенно также, как будет меняться отношение евроскептиков к евроатлантическому проекту, в первую очередь к руководящей роли США в Европе. Станет ли евроскептицизм могильщиком Евросоюза или же подтолкнет его к реформированию, которое в конечном счете сделает интеграционный проект более стабильным и жизнеспособным?

Независимо от решения этих вопросов, можно прогнозировать, что всякий кризис солидарности в ЕС будет впредь связан с евроскептицизмом. По мере разрушения общественно-политического консенсуса перестает казаться очевидным тождество европейского выбора с членством в ЕС, состоятельность которого все более ставится под сомнение. Евроскептицизм представляется зонтичной стратегией, детерминируемой не только и не столько идейными ценностями, сколько прагматическими интересами политических акторов.

РАЗДЕЛ II

ЕВРОСОЮЗ: ИНТЕГРАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ. ФАКТОР ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. Б. Кириллов*

Глава 6.

Внешняя политика Румынии при Т. Бэеску (2004–2014 гг.): цели и итоги

По мнению автора статьи, основным итогом президентства Т. Бэеску состоит в том, что внешняя политика Румынии стала устойчиво ассоциироваться с политикой Польши – притом, что исторически для Румынии были характерны иные внешнеполитические традиции.

Ключевые слова: внешняя политика Румынии, великие державы, Европейский союз, НАТО, развертывание элементов ПРО в Европе, Т. Бэеску, Г. Георгиу-Деж, Н. Чаушеску, И. Илиеску, Э. КонстантINESКУ, К. Йоханнис.

According to the author, the main result of Basescu's presidency is that the foreign policy of Romania became steadily associated with the policy of Poland – despite the fact that Romania has historically been characterized by different foreign policy traditions.

Keywords: foreign policy of Romania, the great powers, European Union, NATO, the deployment of missile defense elements in Europe, T. Basescu, G. Georgiu-Dej, I. Ilescu, N. Chauskesku, E. Konstantinesku, K. Yohannis.

В декабре 2014 г. в Румынии завершилось президентство Траяна Бэеску. В должности президента он отличался бескомпромиссной манерой поведения, стремился замкнуть на себя принятие всех наиболее важных политических решений. Особенно ярко это проявлялось во внешней политике. Эти вопросы решались Т. Бэеску единолично, без предварительного

* Виктор Борисович Кириллов – проректор МГИМО, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки. Заместитель председателя Совета Учебно-методического объединения вузов РФ по образованию в области международных отношений.

одобрения со стороны правительства и наиболее влиятельных партийных лидеров. Интерпретация президентом национальных интересов Румынии входила в противоречие с историческими традициями румынской дипломатии и имела принципиальное сходство с логикой внешнеполитического поведения, характерной для Польши и прибалтийских государств.

Под традициями румынской дипломатии понимается, прежде всего, ориентация на наиболее мощный внешний центр силы при поддержании активных политических связей со всеми другими центрами силы. Исторически Румыния, как правило, стремилась иметь надежные военно-политические гарантии, но рассматривала их сугубо прагматически, не руководствуясь интересами своих более сильных союзников.

Способность Румынии практически в любых обстоятельствах сохранять пространство для внешнеполитического маневра неоднократно приводила к крупным успехам румынской дипломатии – даже в сложных внешних условиях.

Данная особенность внешней политики Румынии ярко проявилась на раннем этапе существования объединенного румынского государства – в период от объединения Дунайских княжеств на рубеже 1850-х–1860-х гг. до провозглашения независимости в 1877 г. Возникновение объединенной Румынии было вызвано специфическими обстоятельствами, сложившимися в результате поражения России в Крымской войне. Россия, стремясь создать предпосылки для ревизии Парижского мира, ослабить австрийское влияние в низовьях Дуная и восстановить свои позиции как покровителя национально-освободительного движения балканских народов, поддержала в этом вопросе позицию Франции, несмотря на то, что новому государству предстояло стать барьером против российского влияния на Балканах.

Указанный период характеризовался повышенной конфликтностью международных отношений в Европе: вскоре после окончания Крымской войны произошли новые войны между великими державами (в 1859 г., 1866 г., 1870–1871 гг.). Румыния в максимальной степени использовала противоречия между великими державами, избегая однозначной внешнеполитической ориентации. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. особое внимание уделялось отношениям с Францией, подде-

рживавшей при Наполеоне III «принцип национальностей»¹. В этих условиях Наполеон III рассчитывал, что избрание на румынский престол прусского принца Карла Гогенцоллерна, приходившегося ему родственником по материнской линии, будет способствовать реализации французских интересов². Ошибочность этих расчетов вскоре стала очевидной: с 1867 г. отношения Румынии с Францией значительно осложнились, а франко-прусская война 1870–1871 гг. закрепила отход Румынии от профранцузской позиции.

То, что западноевропейские великие державы не были готовы поддержать стремление Румынии к независимости от Османской империи³, предопределило сближение Румынии с Россией в условиях подъема национально-освободительного движения на Балканах. Заключение политической и военной конвенций между Россией и Румынией в апреле 1877 г., начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг. создали внешнеполитические условия для провозглашения независимости Румынии в мае 1877 г.

Но роль России в данных событиях не привела к установлению пророссийской ориентации внешней политики Румынии: еще до окончания войны с Турцией отношения между странами обострились в силу разногласий по Южной Бессарабии.

Признание независимости Румынии западноевропейскими великими державами по итогам решений, принятых на Берлинском конгрессе, стимулировало поиск Румынией нового места в системе международных отношений, стремление примкнуть к более сильной стороне. В 1882 г. оформился Тройственный союз. В румынском руководстве пришли к выводу, что разрыв между Россией и Германией представляется неизбежным⁴. Принимая во внимание, что Россия и Великобритания периодически балансировали на грани войны, Румыния считала, что баланс сил в Европе сложился не в пользу России, и в 1883 г. примкнула к Тройственному союзу.

По сравнению с 1880-ми гг., в начале XX века в Европе существенно изменился баланс сил. В противовес Германии и возглавляемому ею Тройственному союзу, Великобритания примкнула к русско-французскому союзу. В новой международной обстановке Румыния формально продолжала оставаться союзником Германии по Тройственному союзу, но по итогам визита в Румынию в июне 1914 г. министр иностран-

ных дел России С. Д. Сазонов сделал верный вывод, что в случае войны Румыния присоединится к той стороне, которая сможет обеспечить ей наибольшие выгоды⁵.

Так и произошло. Являясь к началу войны союзницей стран Тройственного союза, Румыния в 1916 г. вступила в войну на стороне Антанты – но лишь в тот момент, когда казалось, что в результате брусилковского прорыва крах Австро-Венгрии может наступить раньше, чем Румыния сможет претендовать на часть ее территории. После того, как румынская армия потерпела ряд поражений, а Россию охватили революционные процессы, Румыния вышла из войны в первой половине 1918 г., а в январе 1918 г. оккупировала Бессарабию – часть территории своего союзника. Это соответствовало интересам Центральных держав, которые оказали Румынии определенную поддержку, рассчитывая вбить клин между Москвой и Бухарестом и смягчить для Румынии последствия потери Добруджи. Установление румынского контроля над Бессарабией позволило министру иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернину сделать вывод, что Румыния по Бухарестскому миру 1918 г. приобрела намного больше, чем потеряла⁶.

В условиях краха Центральных держав Румыния вновь вступила в войну на стороне Антанты – за день до выхода Германии из войны. В рамках мирных переговоров румынская дипломатия в максимальной степени использовала страх западноевропейских держав перед революционной угрозой⁷, добиваясь территориального расширения за счет России и Венгрии, охваченных революционными процессами.

В конечном счете, Румынии удалось получить поддержку западноевропейских держав по вопросу о присоединении не только Трансильвании и Буковины, но и Бессарабии. Таким образом, Бухарест не утратил фактического контроля над Бессарабией, оккупация которой в 1918 г. была осуществлена при покровительстве центральных держав. Гибкость, адаптивные способности румынской дипломатии оказались поразительными.

В межвоенный период Румыния проводила традиционный внешнеполитический курс. В 1920-е-середине 1930-х гг. Румыния была активной участницей профранцузской системы союзов в Восточной Европе: входила в состав Малой Антанты, заключила союз с Польшей, в 1930-е гг. стала одной из стран

Балканской Антанты. Но с середины 1930-х гг. в связи с усилением влияния Германии и ослаблением Франции, все эти союзные обязательства остались на бумаге.

После отставки главы МИД Н. Титулеску в 1936 г. Румыния демонстрировала готовность встроиться в новую систему международных отношений в Европе с учетом возросшей роли Германии. При этом к началу Второй мировой войны у Румынии были британо-французские гарантии, предоставленные ей в апреле 1939 г. От данных гарантий Румыния отказалась в июле 1940 г. – после поражения Франции.

После того, как СССР восстановил контроль над Бессарабией, при активной роли Германии были изменены границы Румынии с Венгрией и Болгарией. Румынское руководство решило не сопротивляться германскому диктату, а полностью переориентироваться на Берлин. В июне 1941 г. румынские войска вторглись в СССР.

После сокрушительного разгрома основных сил румынских войск под Сталинградом Румыния стала активно искать пути сепаратного выхода из войны с западными державами⁸. Данные попытки, предпринимавшиеся в русле традиций румынской дипломатии, оказались безрезультатными. В итоге Румыния вышла из войны в августе 1944 г. – после начала Яско-Кишинёвской операции. Румыния повернула оружие против Германии и Венгрии и добилась, казалось, невозможного: по итогам послевоенного урегулирования ее территория расширилась по сравнению с ситуацией на 22 июня 1941 г. (за счет присоединения Северной Трансильвании). Главную роль в этом сыграло стремление Румынии установить привилегированные отношения с СССР – в особенности, по сравнению с Венгрией. Как отмечают исследователи, Румыния «проиграла войну, но выиграла мир», в то время как Венгрия проиграла и войну, и мир⁹.

С 1947–1948 гг. Румыния стала однозначно ориентироваться на Советский Союз, поддерживая его по всему спектру международно-политических проблем, в т.ч. в дипломатическом конфликте с Югославией. Но данный политический курс проводился Г. Георгиу-Дежем лишь до середины 1950-х гг. В 1954–1955 гг. наметился отход от этого курса, усилившийся после вывода советских войск из Румынии в 1958 г.

Несмотря на то, что Румыния была союзником СССР по ОВД, во время Карибского кризиса она по дипломатическим каналам информировала США, что останется нейтральной в случае войны с СССР¹⁰.

Внешнеполитический курс на равноудаленность Румынии от СССР и США, оформившийся в конце правления Г. Георгиу-Дежа в первой половине 1960-х гг., достиг апогея при Н. Чаушеску. В основе внешней политики Н. Чаушеску было стремление в максимальной степени использовать противоречия между СССР и США (а также между СССР и КНР) и совместить поставки дешевых советских ресурсов с доступом к западным кредитам и технологиям, при этом сохраняя военно-политические гарантии СССР и избегая повышенных расходов на оборону.

На протяжении большей части правления Н. Чаушеску, до рубежа 1970-х–1980-х гг., эта политика достигала своих целей. США и другие западные страны проявили значительный интерес к политическому и экономическому сотрудничеству с Румынией, особенно после осуждения Н. Чаушеску действий стран ОВД в отношении Чехословакии в 1968 г.

При этом Румыния не испытывала серьезного давления со стороны СССР: Н. Чаушеску рассматривался как гарант сохранения социалистического строя в Румынии. В конечном счете, политику Н. Чаушеску постигла неудача, главной причиной которой стало снижение ее адаптивных способностей после решения о полной выплате внешнего долга и начала «перестройки» в СССР, что подорвало как внешнеполитические, так и экономические позиции Румынии.

В начале 1990-х гг., при президенте И. Илиеску, Румыния, в отличие от других стран социалистического содружества, не стремилась к отказу от особых отношений с СССР в военно-политической сфере, желая сохранить их в модифицированном виде.

Румыния была единственной из стран ОВД, которая в апреле 1991 г. подписала с СССР договор в соответствии с т.н. «формулой Квицинского», предполагавшей отказ восточноевропейских стран от вступления в НАТО. В первую очередь, это было вызвано неопределенностью перспектив отношений Румынии с Западом в условиях внутривосточной нестабильности и ухудшения межнациональных отношений в Тран-

силывании. Несмотря на то, что указанный договор не вступил в силу и Румыния с 1992 г. начала активно стремиться к вступлению в НАТО, при Илиеску внешняя политика Румынии сохраняла определенную гибкость, что соответствовало долгосрочным традициям румынской дипломатии.

В конце 1990-х гг., в президентство Э. Константинуеску, Румыния перестала проявлять те элементы самостоятельности во внешней политике, которые сохранялись при Илиеску. Так, Румыния поддержала агрессию НАТО против Югославии, с которой ранее имела достаточно конструктивные отношения. Правление Э. Константинуеску можно рассматривать как важный этап на пути к разрыву с историческими традициями румынской дипломатии, произошедшему при Т. Бэеску. Но слабость внутривластных позиций Э. Константинуеску и возвращение к власти И. Илиеску в 2000 г. позволили ограничить развитие данного процесса.

И. Илиеску продолжил курс на вступление в НАТО и ЕС, но с учетом его политического опыта и традиций румынской дипломатии вступление Румынии в НАТО в 2004 г. не могло рассматриваться как гарантия сохранения внешнеполитической ориентации Румынии на США в долгосрочном плане. Следует отметить, что исторически Румыния никогда не была надежным союзником. В Румынии членство в военно-политических структурах традиционно рассматривалось сугубо прагматически – как средство получить гарантии безопасности, не предоставляя взамен гарантий лояльности. Можно было ожидать, что, сохраняя членство в НАТО, Румыния получит возможность проводить относительно самостоятельную политику, придавая особое значение не только отношениям с США, но также отношениям с ведущими странами ЕС (в первую очередь, Германией и Францией), Россией и Китаем.

Т. Бэеску, впрочем, придерживался иных взглядов – о том, что Румыния должна строго следовать внешнеполитическому курсу США практически в любых ситуациях. В публичных выступлениях в 2004 г. он неоднократно использовал формулировку «ось Вашингтон – Лондон – Бухарест». В этой формулировке обращало на себя внимание следующее:

– во-первых, отсутствие упоминания о ЕС и ведущих странах ЕС (в перечне столиц нет ни Парижа, ни Берлина, ни Брюсселя);

– во-вторых, заявка на роль субрегионального лидера (упоминались не двусторонние отношения с США, а геополитические комбинации в Европе, в которых Румынии отводилась роль одного из главных центров);

– в-третьих, поддержка британской модели поведения в отношениях с США (что было особенно актуально с учетом недавних противоречий по Ираку между странами Запада).

В соответствии с таким подходом, Румыния в отношениях с США должна была стать аналогом Польши в Юго-Восточной Европе – предсказуемым и надежным союзником, открыто оппонирующим России по широкому кругу вопросов и имеющим весьма осторожное отношение к политическому курсу Германии и Франции.

Бэеску предпринял последовательные шаги для того, чтобы усилить привязку внешней политики Румынии к США – прежде всего, в военно-политической сфере. В декабре 2005 г. он дал согласие на размещение на территории Румынии четырех военных баз США. Румыния стала первой страной в Восточной Европе, предоставившей свою территорию для постоянного военного присутствия США.

Следует отметить, что к этому времени иностранные войска не находились на территории Румынии с 1958 г., когда из страны были выведены войска советские. Решение Румынии о размещении военных баз США повлияло на позицию Болгарии, в 2006 г. последовавшей ее примеру. Эти действия были предприняты в нарушение положений Основопологающего акта Россия – НАТО 1997 г. и вызвали серьезное беспокойство России. В частности, о размещении войск США в Румынии и Болгарии говорилось в Мюнхенской речи В. В. Путина в 2007 г.¹¹

После того, как в сентябре 2009 г. США приостановили планы по развертыванию элементов ПРО в Польше и Чехии, Бэеску в 2010 г. дал согласие использовать в этих целях территорию Румынии. С 2013 г. началось размещение в Румынии наземного комплекса ПРО «Иджис», оснащенного ракетами-перехватчиками «Стандарт-3». Вследствие активного участия в создании глобальной системы ПРО США Румыния вошла в число государств, которые, по словам начальника российского генштаба В. В. Герасимова, «становятся объектами первоочередных ответных действий» России¹².

Кроме того, Т. Бэеску активно стремился к изменению военно-морского баланса сил на Черном море. В ходе визита в США в сентябре 2005 г. он заявил, что Россия воспринимает Черное море как «русское озеро» и что существует необходимость интернационализации его режима по примеру Средиземного¹³. В этом вопросе позиция Румынии входила в противоречие с позицией России и Турции: чтобы ослабить их позиции в Причерноморье, Румынией предпринимались попытки создать альтернативу ОЧЭС, не увенчавшиеся успехом.

По данным WikiLeaks, после войны в Грузии в августе 2008 г. президент Румынии в разговоре с американским сенатором Р. Лугаром утверждал, что США должны повлиять на позицию Турции для того, чтобы она дала согласие установить военно-морское присутствие НАТО в Черном море и «уравновесить» силы российского Черноморского флота¹⁴. В 2010 г. Румыния была единственной страной, подвергшей критике продление срока пребывания Черноморского флота России в Крыму.

Румыния также активно поддержала планы по вступлению Украины и Грузии в НАТО. В этой связи символично, что Бухарест стал местом проведения саммита НАТО в апреле 2008 г., на котором этот вопрос был ключевым. Не способствовало развитию отношений с Россией и то, что Румыния занимала наиболее однозначную позицию из всех стран региона в отношении проекта «Южный поток», руководствуясь, прежде всего, политическими соображениями.

Особое место во внешней политике Бэеску занимали отношения с Молдавией. Президент Румынии публично и однозначно сформулировал основную долгосрочную цель румынской политики на молдавском направлении – объединение двух стран. Никогда ранее об этом не заявлялось столь открыто, как в ноябре 2013 г.: по мнению Т. Бэеску, вступление в НАТО было первой основной задачей румынской политики, вступление в ЕС – второй, а «третьим фундаментальным проектом Румынии должно стать объединение с Молдавией»¹⁵. В ноябре 2010 г. он утверждал, что объединение с Молдавией может произойти в течение следующих 25 лет и что восточная граница ЕС пройдет по Днестру¹⁶.

Заявление о границе по Днестру, возможно, является не случайным и может быть интерпретировано как готовность не

претендовать на левобережную часть Приднестровья в случае реализации планов по объединению с Молдавией.

В то же время в президентство Бэеску появились сведения, что руководство Румынии не исключает возможности использовать потенциальное обострение ситуации в Приднестровье как повод для военно-политического вмешательства в дела Молдавии с расчетом на поддержку со стороны НАТО. Вывод об этом можно сделать из упомянутого выше разговора Бэеску с Р. Лугаром в августе 2008 г. Особую обеспокоенность в этой связи вызывает заявление Т. Бэеску после ухода с поста президента – о том, что объединение с Молдавией может быть как добровольным, так и принудительным. На предрасположенность к военно-политическим авантюрам указывает и его известное заявление 22 июня 2011 г. о том, что на месте И. Антонеску он тоже напал бы на СССР в июне 1941 г., «потому что у него был союзник, и была территория, которую необходимо было вернуть»¹⁷. Это высказывание можно рассматривать не только во внутриполитическом (популистском) контексте: приведенные аргументы (наличие территории, которую, с точки зрения Бэеску, необходимо вернуть в состав Румынии, и необходимость следования политике союзника) отражают и внешнеполитическую логику Т. Бэеску.

К концу президентства Бэеску его подход к отношениям с США, ЕС и Россией, а также откровенная риторика в отношении Молдавии стала вызывать все больше критики со стороны влиятельных политиков страны. Так, в начале 2015 г. А. Нэстасе (бывший премьер-министр, основной соперник Бэеску на президентских выборах 2004 г.) отмечал, что внешнеполитический курс Румынии, который проводился с 2005 г., «блокировал» ее возможности – в частности, не способствовал развитию отношений Румынии со странами БРИКС¹⁸.

Критику со стороны видных румынских политиков вызывало и стремление Бэеску создать во внешней политике образ врага, игнорируя возможности улучшения отношений с Россией.

Значит ли это, что после ухода Т. Бэеску с поста президента внешнюю политику страны ожидают серьезные перемены? По-видимому, нет. Основные его решения на посту президента (о размещении военных баз США и элементов ПРО) уже не могут быть пересмотрены. Для того, чтобы потребовать у США

вывода войск, необходимо быть личностью масштаба Ш. де Голля – таких политиков в Румынии, да и во всем ЕС, нет, как нет и внешнеполитического ресурса для претворения такого решения в жизнь.

Как это ни удивительно, с начала 2010-х гг. до украинского кризиса внешнеполитический курс Румынии воспринимался, как более проамериканский, нежели политика Польши, и имел самую сильную антироссийскую составляющую среди бывших стран ОВД.

При Т. Бэеску Румыния стала основным проводником влияния США в Юго-Восточной Европе, и изменить сложившееся положение дел крайне сложно. Гипотетически постепенного отхода от этого курса можно было бы ожидать в случае прихода к власти социал-демократов. Но во время обострения борьбы за власть в 2009-м, 2012-м и в 2014 годах симпатии США были на стороне их оппонентов, что не позволило социал-демократам занять должность президента и сбалансировать внешнеполитический курс страны. По мере усиления влияния США – как на внешнюю политику, так и внутриполитические процессы в Румынии – сделать это будет еще сложнее.

В последние годы стало заметным стремление США и ряда их союзников в Европе не допустить возвращения социал-демократов на пост президента Румынии. Так, в 2009 г. М. Джоанэ, объявивший о своей победе на основании предварительных данных, не получил никакой поддержки на Западе и был вынужден смириться с победой Бэеску, достигнутой с минимальным перевесом, обеспеченным, по официальным данным, голосованием румын за рубежом. В 2014 г., когда победа В. Понты казалась предрешенной, против него на территории стран ЕС целенаправленно использовались грубые политтехнологии. Ключевое значение сыграли демонстрации румынских мигрантов в западноевропейских городах, получившие широкое освещение в румынских и западных СМИ. Помимо этого, в 2012 г. один из наиболее влиятельных лидеров социал-демократов, бывший премьер-министр А. Нэстасе, был подвергнут тюремному заключению при полном бездействии Запада (на фоне активной западной реакции на аналогичную ситуацию на Украине в начале 2010-х гг.).

В 2012 г. США оказали Бэеску поддержку, когда парламент во второй раз объявил ему импичмент, а на референдуме подавляющее большинство избирателей (88%) выступило за отставку президента. Можно предположить, что США более не нуждаются в таких лидерах, как И. Илиеску, А. Нэстасе или В. Понга, которые воспринимаются продолжателями традиционного внешнеполитического курса Румынии. Напротив, США заинтересованы в том, чтобы курс Т. Бэеску заложил основу новой длительной традиции румынской дипломатии, и последовательно и успешно добиваются данной цели.

В настоящее время изменения в политике Румынии могут заключаться лишь в некотором усилении германского вектора румынской политики при сохранении преимущественной ориентации на США. Глава внешней разведки Румынии Э. Хеллиг, назначенный после ухода Бэеску с поста президента Румынии, в начале 2015 г. переформулировал «ось Вашингтон – Лондон – Бухарест» в «ось Вашингтон – Берлин – Бухарест»¹⁹. Такой подход был вполне ожидаемым со стороны Клауса Йоханниса – немца, ставшего президентом Румынии. Но эти изменения, особенно в контексте украинского кризиса и усиления противоречий с Россией, пока носят, скорее, декларативный характер и не приводят к трансформации основополагающей логики отношений с Вашингтоном и Москвой, сложившейся при Бэеску.

В отношениях с Молдавией внешнеполитические последствия президентства Т. Бэеску также являются очень важными. То, что его радикальные заявления о Молдавии не создали проблем в отношениях Румынии с США и Западной Европой, способствует более уверенному позиционированию Румынии в этом вопросе. Так, в предвыборной программе К. Йоханниса говорилось, что «если граждане Республики Молдова не хотят объединения, никто не может их заставить, но если они его хотят, никто не может помешать им это сделать»²⁰.

Эти заявления в несколько более умеренной форме подтверждают основной посыл Т. Бэеску: Румыния считает изменение послевоенных границ возможным и оправданным в определенной ситуации. По итогам президентства Бэеску об этом говорится не намеками, как в 1990-е гг. и первой половине 2000-х гг., а достаточно открыто.

Последствия президентства Т. Бэеску оказались более значительными, чем можно было ожидать в 2004 г. Отход от многолетних традиций румынской дипломатии при Бэеску может стать не временным явлением, а началом достаточно длительного периода, в который Румыния не будет балансировать между внешними центрами сил, придавая отношениям с США исключительное значение. Этому способствуют и военно-политические решения, принятые Бэеску, и украинский кризис, и наличие определенных устремлений в отношении Молдавии, которые никогда не заявлялись столь открыто, как в последние несколько лет. Основным итогом президентства Т. Бэеску состоит в том, что внешняя политика Румынии стала устойчиво ассоциироваться с политикой Польши – притом, что исторически для Румынии были характерны иные внешне-политические традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Очерки политической истории Румынии (1859–1944) / Ред. И.И. Минц, Н.И. Лебедев. Кишинев, 1985. С. 29.

² *Мадиевский С.А.* Политическая система Румынии: последняя треть XIX – начало XX в. Монархия, парламент, правительство. М., 1980. С. 105.

³ *Зальшикин М.М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения: 1875–1878. М., 1974. С. 53–56.

⁴ *Виноградов В.Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003. С. 144.

⁵ *Виноградов В.Н.* Румыния: медленный дрейф к Антанте // В «пороховом погребке Европы»... С. 371.

⁶ *Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 286.

⁷ *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010. С. 86–89.

⁸ *Лебедев Н.И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 418–419, 425–429, 435–441, 449–450.

⁹ *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008. С. 221.

¹⁰ *Garthoff R.L.* When and Why Romania Distanced Itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. 1995. Spring. P. 111.

¹¹ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10.02.2007) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс] // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (Дата доступа: 01.06.2015)

¹² Выступление начальника ГШ ВС РФ [В.В. Герасимова] «Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации в современных условиях» (16.04.2015) // Официальный сайт Минобороны России. [Электронный ресурс]. <http://mil.ru/pubart.htm?id=12016246@cmsArticle> (Дата доступа: 01.06.2015)

¹³ Băseșcu: Rusia tratează Marea Neagră ca pe un lac rusesc // Ziarul de Iași, 17.09.2005. [Электронный ресурс] // <http://www.ziaruldeiasi.ro/national-extern/basescu-rusia-trateaza-marea-neagra-ca-pe-un-lac-rusesc~ni3r7j> (Дата доступа: 22.05.2015)

¹⁴ Basescu Tells Sen. Lugar Romania Facing Hard Choices in Wake of Georgia Conflict (29.08.2008) // Wikileaks, cable 08BUCHAREST687. [Электронный ресурс] // <https://wikileaks.org/cable/2008/08/08BUCHAREST687.html> (Дата доступа: 22.05.2015)

¹⁵ Băseșcu vrea unirea cu Republica Moldova: Sângele apa nu se face! // Ziare.com, 27.11.2013. [Электронный ресурс] // <http://www.ziare.com/basescu/presedinte/basescu-vrea-unirea-cu-republica-moldova-sangele-apa-nu-se-face-1270107> (Дата доступа: 01.06.2015)

¹⁶ Rusia are o «ostilitate» față de România // Romania Liberă. 2010. 29.11. [Электронный ресурс] // <http://www.romanialibera.ro/opinii/interviuri/rusia-are-o--ostilitate--fata-de-romania-207830> (Дата доступа: 27.05.2015)

¹⁷ Rusia este revoltată din cauza declarațiilor lui Băseșcu despre trecerea Prutului // Mediafax.ro, 30.06.2011. [Электронный ресурс] // <http://www.mediafax.ro/externe/rusia-este-revoltata-din-cauza-declaratiilor-lui-basescu-despre-trecerea-prutului-8417704> (Дата доступа: 02.06.2015)

¹⁸ Năstase A. În relația cu UE am rămas blocați pe linia politica lansată în 2005; economic, zona BRICS e interesantă // Agerpres.ro, 23.04.2015. [Электронный ресурс] // <http://www.agerpres.ro/politica/2015/04/23/adrian-nastase-in-relatia-cu-ue-am-ramas-blocati-pe-linia-politica-lansata-in-2005-economic-zona-brics-e-interesanta-21-09-40> (Дата доступа: 02.06.2015)

¹⁹ România, în anul mării dezordini mondiale. Opinie de E. Hellvig // Evenimentul Zilei. 2015. 20.02. [Электронный ресурс] // <http://www.evz.ro/romania-in-anul-marii-dezordini-mondiale.html> (Дата доступа: 03.06.2015)

²⁰ Iohannis K. România lucrului bine făcut. [Program prezidențial, 2014]. P. 74. [Электронный ресурс] // <http://www.iohannispresedinte.ro/files/userfiles/Program-prezidential.pdf> (Дата доступа: 03.06.2015)

Е. Л. Валева*

Глава 7.

Евроинтеграция Болгарии: ожидания и реальность

Болгария остается одной из беднейших и наиболее коррумпированных стран ЕС. Стране так и не удалось достичь уровня развития более старых членов Союза в области экономического развития, качества жизни, демократии и управления. Социальные аспекты адаптации к стандартам ЕС вызывают в Болгарии протесты. Тем не менее, болгарское общество продолжает оказывать поддержку членству страны в ЕС, хотя уже не ожидает быстрого повышения жизненного статуса в связи с ним.

Ключевые слова: Болгария, Европейский союз, Европейская комиссия, еврооптимизм, евроскептицизм, Шенгенская зона, еврофонды, коррупция.

Bulgaria remains to be one of the poorest and most corrupt countries in the EU. The country has not managed to reach the level of the older members of the Union in economic development, quality of life, democracy and governance. Social aspects of adaptation to EU standards cause protests in this country. However, the Bulgarian Society continues to support the country's membership in the EU, although it does not expect rapid improvement of living status.

Keywords: Bulgaria, the European Union, European Commission, eurooptimism, euroscepticism, the Schengen area, eurofunds corruption.

После роспуска в середине 1991 г. Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора основным направлением болгарской внешней политики стало стремление к включению в экономические, политические,

* Елена Любомировна Валева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

военные и другие западноевропейские и евроатлантические структуры. Европейская интеграция для Болгарии предполагала значительную структурную перестройку, включавшую административную реформу, реформы в сферах социального обеспечения, здравоохранения, образования, а также сближения болгарской законодательной базы с системой законов, принятых в странах ЕС. Эти преобразования затрагивали не только государство и его органы, но и все общество, каждого гражданина. При этом психологический настрой болгар в связи со вступлением в Евросоюз не оставался неизменным. Накануне присоединения в Болгарии господствовал «еврооптимизм». Немало болгар искренне надеялись, что с 1 января 2007 г. их жизнь коренным образом изменится в лучшую сторону. К сожалению, правительство, сосредоточившее все свои усилия на том, чтобы обеспечить прием в ЕС, почти ничего не сделало в плане информации населения о том, что же будет потом, что ждет предпринимателей, крестьян, мелкий и средний бизнес и т.д. При вступлении Болгарии в ЕС ожидания оптимистов были связаны с долгожданным повышением уровня жизни, расширением возможностей отдыха, работы и обучения за рубежом. Однако с вхождением в ЕС явно завышенные надежды большей части общества не оправдались, и вполне естественно, что среди болгар стал нарастать «евроскептицизм», тем более что в 2007 г. страна являлась скорее донором, чем реципиентом (один только членский взнос в ЕС составил 640 млн левов). «Евроскептики» не без основания опасались также новой волны эмиграции. В стране уже давно достигнута критическая точка отлива рабочих рук, ощущается нехватка высококвалифицированных кадров. Накануне вступления в ЕС болгарская эмиграция, состоявшая в основном из молодежи, насчитывала около 1 млн человек¹ (при 7,5 млн населения), из которых половина с высшим и средним специальным образованием. В свете катастрофической демографической ситуации в Болгарии, имеющей отрицательную динамику, вопрос о том, чтобы остановить процесс отъезда молодежи на Запад, стоит очень остро.

Социологические опросы свидетельствуют, что хотя большинство болгар не почувствовали изменений к лучшему в своей жизни после принятия страны в ЕС, тем не менее, около 70%

населения одобряют этот шаг. Наиболее высоко это одобрение среди молодых людей в возрасте до 30 лет, хорошо образованных, а также среди людей с высоким уровнем жизни². Основным завоеванием большинство считает свободу передвижения и возможность учиться и работать за границей. В результате финансирования Евросоюза значительно улучшилась дорожная инфраструктура страны, быстрыми темпами строится метрополитен в Софии, проводится ремонт общественных зданий, школ, библиотек и т.д. Европейские средства используются для научно-исследовательской и инновационной деятельности.

В то же время в ходе анкетирования «25 лет демократических перемен в Болгарии», проведенном в 2014 г., отмечалось, что судебная система, сельское хозяйство, коррупция и борьба с организованной преступностью – сферы, которые были проблемными еще до вступления Болгарии в ЕС – остались практически без изменений³. Болгария по-прежнему остается одной из беднейших и наиболее коррумпированных стран Евросоюза. Ей так и не удалось достичь желанного уровня развития более старых членов ЕС в области экономического развития, качества жизни, демократии и управления – в отличие от некоторых стран со сходной исторической судьбой. В 2014 г. Болгария занимала последнее место в ЕС с точки зрения покупательной способности и объема ВВП на душу населения (40% от среднего по ЕС уровня) – быть бедным в «клубе богатых» оказалось серьезным вызовом для населения. Причины такого положения как внешние, связанные с мировым экономическим кризисом и долговым кризисом в еврозоне, так и внутренние – необдуманные действия болгарских правительств. Интеграционные процессы привели к новому разделению стран ЦЮВЕ, при котором страны Юго-Восточной Европы сформировали новую европейскую экономическую периферию.

Неполное выполнение требований Брюсселя стало причиной отсрочки планов Болгарии по вступлению в Шенген и в еврозону. Эта тема уже долгое время присутствует в повестке дня болгарского общества. И хотя сигналы поддержки болгарским усилиям в последнее время подавали Франция, Германия и другие страны-члены ЕС, а также председатели Ев-

ропейской Комиссии, Европейского парламента и Европейского совета, Болгарии постоянно предъявляются все новые и новые требования, в результате чего данная цель становится все более похожей на движущуюся мишень.

В декабре 2014 г. Болгария решила предпринять нестандартный ход на своем пути к членству в зоне свободного перемещения товаров и людей. Вице-премьер по координации европейской политики и институциональным вопросам Мелена Кунева (бывший еврокомиссар от Болгарии) представила на заседании болгарского правительства специальную книгу «Болгария в Шенгене», где собраны документы и фотографии, являющиеся доказательством готовности страны к вступлению. Книга, переведенная на английский язык, была передана по линии МИД во все страны-члены ЕС для ознакомления с болгарскими усилиями и результатами⁴. Целью этого политического диалога было привлечение максимального числа государств в поддержку присоединения Болгарии. По мнению Куневой, это беспрецедентный случай, когда два государства, Болгария и Румыния, через 10 лет после подписания Договора о присоединении к ЕС и 4 года спустя после первого подтверждения готовности Болгарии на вступление в Шенген, все еще ожидают политического решения о вхождении в Шенгенскую зону. В договоре о принятии в Шенгенское пространство есть только одно требование: выполнить технические параметры, и Болгария его выполнила.

В качестве доказательства этого в книге опубликованы заключения Комиссии по оценке морских, воздушных и сухопутных границ, из которых видно, что в отношении пограничного контроля Болгария в состоянии полностью применять шенгенское законодательство. Говорится и о мерах, соответствующих европейской практике, принятых с целью усовершенствования достигнутых стандартов и гарантирования высокого уровня безопасности на внешних границах ЕС и Шенгенского пространства. В издании опубликованы также планы болгарского правительства на овладение кризисной ситуацией, связанной с усилившимся миграционным потоком в Республику Болгария. Специальная глава посвящена сотрудничеству болгарских пограничных властей с Румынией, Турцией, Грецией, Македонией и Сербией. Доказывая 100%-ную

готовность страны к охране внешних границ ЕС, болгарское правительство настаивало, чтобы принятие страны в Шенген не увязывалось с результатами доклада Европейской Комиссии по Механизму сотрудничества и проверки за 2014 год.

Как известно, со времени вступления в ЕС 1 января 2007 г. Болгария, как и Румыния, находились под пристальным наблюдением со стороны Европейской Комиссии в трех сферах: судебная система, борьба с коррупцией и управление европейскими фондами. Общественное мнение в обеих странах показало, что большинство граждан учитывают важную роль ЕС в преодолении проблем в их государствах и около 70% настаивают, чтобы наблюдение Еврокомиссии продолжилось до выравнивания стандартов с остальными странами Евросоюза. Мониторинговый механизм Европейской Комиссии предполагает опубликование раз в год докладов об успехах обеих стран в области правосудия, борьбы с коррупцией и организованной преступностью. В 2014 г. первый зампреда ЕК Ф. Тиммерманс предупредил, что в очередном докладе комиссии по Болгарии уже не будет расплывчатых оценок прогресса страны в реформировании сферы правосудия и внутреннего правопорядка, и что его оценка будет максимально честной (до этого ЕК поддерживала принятие Болгарии в Шенген с помощью аргументов, что страна уже соответствует необходимым техническим критериям)⁵.

В докладе за 2014 г. отмечалось, что, к сожалению, Болгария не продемонстрировала существенного прогресса по сравнению с прошлым годом (при сопоставлении с Румынией результаты наблюдения ЕК оказались не в пользу Болгарии). С начала членства до настоящего времени к Болгарии было применено около 330 санкций из-за различного рода нарушений, но 260 из них уже закрыты. В 2014 г. Брюссель начал еще 47 подобных процедур в отношении Болгарии, их число по сравнению с прошлым годом выросло вдвое⁶. Причинами такого неутешительного положения является, прежде всего, нестабильная политическая обстановка, которая тормозит введение европейских директив. Однако ясно, что без проведения структурных, законодательных и административных реформ Болгария не сможет избавиться от штампа «второсортного члена Евросоюза».

В июне 2015 г. президент РБ Росен Плевнелиев наметил основные цели, которые стоят перед Болгарией в рамках ближайших трех лет: присоединение к Шенгенской зоне, к системе Единого европейского банковского надзора и к механизму ERM – 2, известному как «зал ожидания еврозоны». Эти цели необходимо достичь до 2018 г., когда Болгария примет на себя ротационное председательство в ЕС⁷.

Пока же болгарам все еще отказано в доступе к ряду европейских рынков труда, а имидж страны ухудшается из-за злоупотреблений при расходовании средств из еврофондов.

Еще 1 марта 2007 г. правительство приняло Национальную программу реформ на 2007–2009 г. и одобрило семь оперативных программ, которые предстояло представить Европейской Комиссии: «Транспорт», «Региональное развитие», «Окружающая среда», «Развитие конкурентоспособности болгарской экономики», «Развитие человеческих ресурсов», «Административный потенциал» и «Техническая помощь». Они предусматривались на период 2007–2013 гг. и должны были финансироваться из различных фондов ЕС и национального бюджета. К началу ноября 2007 г. ЕК одобрила все оперативные программы. Так, со стартом оперативной программы «Региональное развитие» на период 2007–2013 гг. Болгария получила возможность инвестировать в региональное развитие огромный финансовый ресурс в размере 1 млрд 600 млн евро.

Однако политическая коррупция привела к тому, что после исключительно критичного доклада Европейской Комиссии в июле 2008 г. (в нем говорилось о злоупотреблениях средствами еврофондов в сферах сельского хозяйства и строительства инфраструктурных объектов) ЕК приостановила субсидии для Болгарии по программам ИСПА и САПАРД на общую сумму в 825 млн евро. Кроме того, по программе ФАР ЕК лишила два болгарских агентства права работать с европейскими финансами.

Несмотря на принятую тогдашним правительством С. Станишева срочную программу действий по предотвращению блокирования средств ЕС, в следующем, 2009 г. Болгария заняла первое место в самом позорном рейтинге Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ) о злоупотреблениях с еврофондами. Больше всего злоупотреблений с деньгами

ЕС было раскрыто в секторе сельского хозяйства, в результате чего Еврокомиссия заморозила 140 млн евро по программе САПАРД. По другим программам также была заблокирована значительная часть средств Евросоюза. Ни в 2010 г., ни в 2011 г. не оправдались надежды болгарского руководства на ускорение процесса освоения европейских фондов, которые были выделены стране на бюджетный период 2007–2013 гг. в качестве поствступительной помощи по семи оперативным программам. Согласно данным комиссии по бюджетной политике Европарламента Болгария в 2011 г. занимала предпоследнее, 26 место в ЕС по освоению еврофондов.

Практически сразу после вступления в ЕС в центре внимания как в самой Болгарии, так и в Евросоюзе находились такие проблемные сферы, как борьба с коррупцией и организованной преступностью, поскольку по данным международной ассоциации «Прозрачность без границ» коррупция в Болгарии оставалась на уровне, значительно превышающим средний по ЕС. В самой стране лишь 14% болгар придерживались мнения, что усилия правительства в этой области эффективны, а 72% полагали, что ничего не делается⁸. Первый крупный скандал разразился в марте 2008 г., когда арестовали заместителя начальника Главной дирекции по борьбе с организованной преступностью И. Иванова за связи с преступными группировками. Разрастание скандала затронуло министра внутренних дел Р. Петкова и вызвало правительственный кризис.

Новый кабинет Б. Борисова объявил борьбу с политической коррупцией и преступностью своим приоритетом, что способствовало бы восстановлению доверия к Болгарии Евросоюзу и, в результате, разблокированию замороженных средств из еврофондов. В ответ на представленный пакет неотложных мер против организованной преступности и коррупции в высших эшелонах власти в феврале 2010 г. Евросоюз деблокировал миллионы евро по семи оперативным программам.

В конце 2009 г. – начале 2010 г. МВД провело ряд масштабных полицейских операций («Наглые», «Спрут», «Факиры» и др.), получивших широкий резонанс в болгарском обществе. Средства массовой информации почти ежедневно публиковали сведения о связях организованной преступности с представителями власти. В дальнейшем полицейские операции стали

проводиться регулярно, но лишь небольшая часть фигурантов оставалась под арестом после избранной судом меры пресечения в виде подписки о невыезде и еще по меньшему числу дел были открыты судебные процессы.

В докладе генерального директора ОЛАФ Дж. Кеслера за 2014 год отмечалось, что в Болгарии за последние 7 лет меньше половины его рекомендаций о расследовании дошло до суда. Впрочем, реакция властей на рекомендации ОЛАФ считается недостаточной во всех странах ЕС. Болгария оказалась на третьем месте по числу законченных расследований о злоупотреблениях с еврофондами за 2014 г. Страна приводится также как пример в случае с раскрытой аферой на 6,7 млн евро по предприсоединительной сельскохозяйственной программе САПАРД в 2010 г. Тем не менее, число прокурорских обвинений в Болгария по рекомендации ОЛАФ является неудовлетворительным, поэтому эта международная организация образовала рабочую группу, которая должна рассматривать каждый случай совместно с болгарскими властями и выяснить, почему ее оценки расходятся с их оценкой почти наполовину⁹.

В июне 2014 г. группа экспертов ОЛАФ находилась в Болгарии с целью расследования информации о злоупотреблении средствами из еврофондов высших чиновников судебной системы. Эксперты ОЛАФ представили документы и доказательства, которыми располагали, болгарской прокуратуре. В ноябре того же года на брифинге в МВД Болгарии Дж. Кесслер заявил, что Болгария по-прежнему нуждается в реформах ведомств по борьбе с мошенничеством и коррупцией. Он также добавил, что необходимо принятие четких обязательств и достижение результатов в этой сфере. В ответ министр внутренних дел РБ В. Вучков пообещал, что все случаи мошенничества и злоупотребления будут расследованы, раскрыты и санкционированы и что созданная для совместной работы с ОЛАФ дирекция «Защита финансовых интересов ЕС» неизменно останется частью МВД. Министр подтвердил поддержку Болгарии созданию Европейской прокуратуры для противодействия мошенничеству, связанному со средствами из еврофондов¹⁰.

Таким образом, можно констатировать, что усиленно декларируемая Софией борьба с оргпреступностью и коррупцией до сих пор не дала ожидаемых результатов.

Болгария находится на одном из последних мест в Евросоюзе по объему реально освоенных средств. Так, в 2012 г. было освоено 36,2% из трех структурных фондов (при среднеевропейском уровне в 47%)¹¹. Правда, в последнее время освоение Болгарией средств по новым программам улучшилось и проходит более быстрыми темпами, поскольку уже накоплен опыт и создан большой административный ресурс.

Социальные аспекты адаптации к стандартам ЕС вызывают в Болгарии (как и в других странах постсоциалистической Европы) большие протесты, поскольку процесс присоединения прошел без внимания к особенностям страны, без учета реальных экономических и социально-культурных проблем и потребностей. Реальное повышение доходов происходит крайне медленно. Так, покупательная способность домохозяйств в 2008 г. все еще не достигла уровня 1989 г. Источником незатухающего недовольства болгарского населения является чувство несправедливости. При этом оно вызвано не столько неравномерным распределением благ, вызывающим острую реакцию не привыкшего к сильному социальному расслоению болгарского общества, сколько видимой коррупцией и проявлениями организованной преступности¹².

Все более очевидной становится зависимость происходящего в Болгарии от геополитических и глобальных процессов, на которые болгарам трудно влиять в желаемом для них направлении. Так, в середине августа 2014 г. по требованию Еврокомиссии министерство экономики и энергетики Болгарии было вынуждено приостановить все действия по проекту «Южный поток», пока он не будет приведен в соответствие европейскому законодательству. Принятый Евросоюзом Третий энергопакет, в частности, запрещает одной и той же компании быть поставщиком ресурса и владеть газораспределительными сетями и требует, чтобы оператор газопровода предоставлял доступ к нему также третьей стороне.

На проходивших при низкой избирательной активности третьих выборах в Европейский парламент 25 мая 2014 г. Болгария вновь подтвердила свою европейскую ориентацию. По итогам выборов болгары послали в Брюссель преимущественно представителей правых консервативных и националистических политических сил с антироссийскими установками

во внешней политике. Из квоты в 17 депутатов, положенной Болгарии в европарламенте, шесть представляют правящую партию «Граждане за Европейское Развитие Болгарии» (ГЕРБ), четверо – Болгарскую Социалистическую Партию (БСП), ещё четверо – протурецкое Движение за Права и Свободы (ДПС), двое – коалицию «Болгария без цензуры» и один – Реформаторский блок¹³.

Осенью 2014 г. позиции Болгарии в Европейской комиссии заметно укрепились: болгарский еврокомиссар Кристалина Георгиева, отвечавшая до сих пор за международное сотрудничество, гуманитарную помощь и реакции во время кризисов, с 1 ноября 2014 г. заняла ответственный пост комиссара по бюджету и человеческим ресурсам. Она стала также заместителем председателя ЕК. На новой должности К. Георгиева будет следить за деятельностью генеральных дирекций по вопросам бюджета, человеческих ресурсов, переводов, а также Европейской службы по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ). Таких важных и ответственных функций в ЕК болгарский представитель ранее не получал. В отличие от остальных заместителей председателя ЕК Жана-Клода Юнкера, Георгиева должна заниматься не только координацией, но и разработкой политики распределения европейского бюджета. В качестве еврокомиссара по международному сотрудничеству, гуманитарной помощи и реакции во время кризисов до сих пор Георгиева управляла бюджетом в размере около 1 млрд евро в год. Сейчас она и ее команда будут управлять средствами в размере приблизительно 140 млрд евро в год¹⁴.

Свои новые функции Георгиева, разумеется, будет выполнять в интересах всего Европейского Союза, но они могут принести специфическую пользу и Болгарии. Георгиева должна контролировать сферы, которые являются крайне проблемными для Болгарии, и там надеются, что понимание проблем своей страны позволит К. Георгиевой эффективно содействовать их преодолению. Новый мандат Георгиевой совпадает с исключительно ответственным периодом подготовки Болгарии к предстоящему председательству в ЕС в 2018 г. В Болгарии надеются, что более ответственные позиции ее представителя в ЕК дают основание ожидать повышения авторитета страны в Брюсселе.

Сегодня большинство болгарского населения видит как плюсы, так и минусы членства Болгарии в ЕС. Сравнение между ожиданиями и реальностью лежит также в основе оценки успехов и неудач всего переходного периода. Результаты опросов показывают почти ту же картину – успехи в открытии Болгарии внешнему миру в результате вхождения в ЕС и провалы в сфере трансформации внутри страны. Все анкетирования последних лет показывают, что после 25 лет реформ, после выборов 9 составов парламента и 15 правительств, неизменно самыми невралгическими секторами остаются: здравоохранение, судебная система, безопасность, экономика и сельское хозяйство¹⁵.

Стало также очевидно, что после приема Болгарии в Евросоюз политическая ситуация не стабилизировалась, как прогнозировали многие политики и СМИ. Напротив, пропасть между основной массой населения и политическими и экономическими элитами углубилась, обострились и конфликты внутри самих элит, усилилось общественное недовольство, порожденное адаптацией к членству в Европейском Союзе. К примеру, выборы 18 депутатов в Европейский парламент в мае 2007 г. фактически вылились в вотум протеста против правящих партий и их политического курса¹⁶. Правительства и оппозиция постоянно ведут острые политические дебаты по поводу освоения средств Евросоюза, манипулируя общественным мнением и усиливая евроскептицизм.

Социологические опросы фиксируют достаточно высокий уровень разочарования ходом и результатами демократических и рыночных реформ на фоне углубляющегося тотального кризиса общественного доверия к институтам, политикам, судебной системе и чувства потери перспектив. В конце 2014 г. болгарское общество металось между идеализацией понятий «молодые годы», «работа для всех», «бесплатная медицинская помощь» и мозаичными воспоминаниями о «демонстрациях», «товарном дефиците», «ограничениях на выезд за рубеж», «отсутствии свободы» и «подавлении инакомыслия».

Тем самым общественное мнение выражает свое ощущение фундаментальной проблемы всего переходного периода – провала реализации принципа верховенства закона, существования неэффективных и коррумпированных институтов,

обеспечивающих злоупотребление властью и покровительство ему. Ряд политических феноменов недавней истории Болгарии показывает последствия этого процесса – постоянное и все более усиливающееся падение доверия к политикам и основным институтам представительской власти, политическая апатия, привыкание к покупке голосов избирателей, усиливающаяся роль популизма, играющего на недовольстве народа.

Однако, несмотря на многие нереализованные ожидания, нельзя сказать, что Болгария не выиграла от вступления в Европейский Союз. Верно, что эти ожидания были чрезмерно велики, а большие надежды приводят и к большим разочарованиям. В конечном итоге факты свидетельствуют, что сегодня Болгария получает средств из еврофондов больше, чем вносит в бюджет ЕС и в настоящее время еврофинансирование является одним из немногих источников роста болгарской экономики. Вероятно, не будучи членом ЕС, Болгария была бы еще более бедной страной, так как не могла бы использовать ресурсы фондов, осталась бы в изоляции, без инвестиций. Правительства вряд ли предпринимали бы усилия по борьбе с коррупцией и оргпреступностью, если бы не внешнее давление со стороны ЕС. Болгарские евродепутаты ставят и ищут решения национальных проблем, хотя и без особого успеха. Накал страстей в политической жизни и парламенте Болгарии был бы еще большим без оглядки на Европейский союз.

Возможно, все это объясняет тот факт, что, согласно регулярно проводимым Национальным центром изучения общественного мнения социологическим опросам, болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС, хотя уже не ожидает быстрого повышения жизненного статуса в связи с ним. На девятом году членства, в мае 2015 г. большая часть болгарских граждан (64,4%) оценивала его позитивно и лишь около одной пятой (21,8%) – негативно. По данным «Евробарометра», болгарские граждане находятся в числе тех, кто имеет наиболее высокое доверие к ЕС (наряду с поляками, румынами и ирландцами)¹⁷. Публичный образ Евросоюза в Болгарии значительно более позитивен, чем в среднем по ЕС, а негативные восприятия выражены в наименьшей степени.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Писарев П.* България пред вратите на рая // «Ново време». 2006. № 10. С. 10.

² http://www.bnr.bg/RadioBulgaria/Emission_Russian/Theme_Bulgaria_EU/Material/12-02-bg-eu-corrections.htm

³ <http://25freebg.com>

⁴ <http://bnr.bg/ru/post/100496818>

⁵ <http://bnr.bg/ru/post/100566112>

⁶ <http://bnr.bg/post/100489364/meglana-kuneva-prognozira-tejak-doklad-na-ek-za-bulgaria>

⁷ <http://bnr.bg/ru/post/100569942>

⁸ <http://www.mediapool.bg> за 7 декабря 2007.

⁹ <http://bnr.bg/post/100564249>

¹⁰ <http://bnr.bg/ru/post/100486717>; <http://bnr.bg/ru/post/100420887>

¹¹ *Проданов. Хр.* Шест години членство на България в ЕС // Ново време. 2013. № 7–8. С. 33.

¹² См., напр.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М., СПб., 2015. С. 60–71.

¹³ <http://bnr.bg/evroizbori2014/post/100413071>

¹⁴ <http://bnr.bg/ru/post/100459193>

¹⁵ <http://25freebg.com>

¹⁶ См.: *Валева Е.Л.* Евроинтеграция Болгарии: проблемы и перспективы // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.

¹⁷ http://osi.bg/downloads/File/2015/EuPI%20_May2015_EU_Survey_Bulg.pdf

Н. С. Пилько*

Глава 8.

Республика Словения:

11 лет с Европейским союзом

В 2004 г. Республика Словения вступила в Европейский союз. Однако эйфорию быстро сменили суровые будни. Экономические и социальные реформы, начатые правительством после вступления в ЕС, не нашли поддержки населения. Самым тяжелым испытанием стало введение новой системы налогообложения, а также сокращение заработных плат, социальных пособий и пенсий. Ситуация, сложившаяся в Словении в настоящее время, является своего рода отражением процессов, которые происходят в ЕС. Экономический и политический кризис, охвативший страны Европы, не обошел стороной и это небольшое государство.

Ключевые слова: Республика Словения, независимость, Европейский союз, кризис, дефолт, реформы.

In 2004 the Republic of Slovenia joined the European Union. However, the euphoria has been quickly changed by harsh everyday life. Economic and social reforms initiated by the government after joining the EU, did not find the support of population. The most difficult challenge was the introduction of a new tax system and the reduction of wages, social benefits and pensions. Current situation in Slovenia is a kind of reflection of the processes that take place in the EU. The economic and political crisis in Europe has not spared this small state.

Keywords: Republic of Slovenia, independence, the European Union, a crisis, default, reforms.

Словения, являвшаяся республикой союзного государства Югославия, получила независимость в 1991 г. В первые годы самостоятельного существования ей пришлось столкнуться

* Надежда Сергеевна Пилько – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН.

с целым рядом проблем, прежде всего экономического характера. Переход к рыночной экономике был довольно болезненным. В стране росла безработица, наблюдался низкий уровень экономического роста. Разрушение югославского рынка стало причиной перепроизводства. Рост инфляции привел к резкому падению уровня жизни населения страны, значительная часть которого оказалась за чертой бедности. Ситуацию несколько выправила приватизация. В соответствии с «Законом о преобразовании формы собственности предприятий в целях бесплатного распределения общественного капитала предприятий среди граждан Словении» от 11 ноября 1992 г., сотрудники предприятий стали действительными участниками этого процесса. Каждому выдавались приватизационные чеки. Чек мог быть использован владельцем для получения акций либо пая на предприятии, где он работал, или для приобретения акций предприятий, которые преобразовывали свою форму собственности. При этом стоимость приватизационных чеков различалась и зависела от стажа гражданина, получившего чек¹.

Перелом в экономике произошел довольно быстро. Уже в 1994 г. вырос внутренний валовой продукт, несколько снизилась инфляция. Увеличился объем торговли со странами ЕС. По официальным данным, Республика в то время начала стремительно приближаться к уровню развития стран ЕС. Довольно быстро Словения стала самым развитым из всех постсоциалистических государств.

Приоритетной целью Республики после получения независимости стало вступление в ЕС. Но для этого ей следовало выполнить ряд требований, одно из которых – создание комфортных условий для притока иностранных инвестиций. Следует отметить: главной отличительной чертой Словении являлось то, что она довольно долго была не слишком открыта для иностранного капитала. Это обуславливалось стремлением сохранить все наиболее крупные предприятия под своим контролем. В конце 2004 г. число предприятий, в которые были вложены прямые иностранные инвестиции, составляло всего 5,3% от общего числа всех компаний Словении, что вызывало недовольство ее ближайших соседей. Словения также должна была создать более прозрачную налоговую систему, увеличить

количество рабочих мест, укрепить социальную защиту, улучшить экологическую обстановку.

Референдум по вопросу о присоединении к ЕС состоялся 23 марта 2003 г. В нем приняло участие более 60% населения, почти 90% из них проголосовали за вступление в ЕС. Договор о присоединении был подписан в Афинах 16 апреля 2003 г., а 28 января 2004 г. ратифицирован Государственным собранием Республики Словения. 1 мая 2004 г. Словения стала членом ЕС. В июне 2004 г. состоялись первые выборы в Европарламент, явка на которые оказалась довольно низкой и составила всего 28,35%. По мнению некоторых словенских экспертов, это обуславливалось неосведомленностью населения о деятельности Европарламента, другие же связывают столь незначительный процент с неверием избирателей в то, что их малочисленные представители смогут оказывать влияние на решения парламента, в котором Словения занимает всего лишь семь мест. Вторые выборы в Европарламент состоялись в июне 2009 г. В целом по Европе в выборах приняло участие 43%, что было на 3% меньше, чем в 2004 г. Активность избирателей в Словении осталась прежней и составила 28%. Третьи выборы в Европарламент прошли в мае 2014 г. Процент проголосовавших снизился до 24. Словенские политологи объясняют это разочарованием в политике, проводимой ЕС.

Социальные реформы, которые стало проводить правительство после присоединения к ЕС, не получили поддержки населения. Самым тяжелым испытанием стало повышение налогов и введение системы, основанной на сложном фиксированном пропорциональном налоге. Следует также отметить, что в Словении очень сильны профсоюзы, а это не дает возможности правительству предпринимать жесткие меры в налоговой сфере, в сокращении бюджетников и т.д. Профсоюзы выступили против упрощения процесса увольнения рабочих, а также сокращения выплат во время болезни (ранее они составляли 80% от зарплаты). Уже осенью 2005 г. по стране прокатилась первая волна крупных демонстраций.

Вступив в ЕС, страна получила доступ к так называемым дешевым деньгам, что привело к росту строительного рынка и финансовых холдингов, которые в настоящее время стали убыточными. В июне 2005 г. правительство Республики было

вынуждено принять новую экономическую стратегию развития, что привело к пересмотру устоявшейся экономической системы. В 2007 г. Словения вступила в еврозону, а в 2008 г. в Европе разразился кризис. Возникшие в связи с этим трудности привели к тому, что рухнул словенский строительный сектор, существенно подорвав экономику страны.

В 2009 г. с целью экономии средств правительство приступило к пенсионной реформе: предполагалось повышение пенсионного возраста на три года. Кроме того, изменился закон о пенсионном и инвалидном страховании. Все это вело к резкому снижению доверия населения к Парламенту и правительству.

Довольно тяжелая ситуация сложилась в 2012 г., когда Словения оказалась на пороге дефолта. Валовая внешняя задолженность государства к концу декабря 2012 г. составила 40632 миллиона евро, превысив 120% ВВП². Высокий уровень внешней задолженности и отсутствие значительных золотовалютных резервов заставили международные рейтинговые агентства понизить уровень кредитоспособности страны, что еще больше осложнило получение иностранных заемных средств. Для того, чтобы избежать нависшего над страной дефолта, правительство начало проводить политику жесткой экономии государственных расходов. Эти меры больно ударили по тем, кто получал заработную плату от государства (следует отметить, что до 2004 г. реализовывалась программа повышения заработных плат и пенсий). Правительство собиралось сократить зарплаты бюджетникам на 15%, однако после долгих переговоров с профсоюзами снизило их на 8%. Реформы, проводимые правительством Янши, направленные на либерализацию рынка труда, под которой подразумевался найм компаниями работников по краткосрочным договорам и увольнение без социального пособия, на сокращение социальных пособий и зарплат бюджетникам, увеличение пенсионного возраста, были весьма непопулярны в обществе. В стране продолжились демонстрации. Экономия достигла таких пределов, что пришлось закрыть даже ряд словенских посольств в таких странах, как Ирландия, Португалия, Швеция и Финляндия, а также генконсульства в Нью-Йорке и Дюссельдорфе. Были даже сокращены праздничные дни в мае и на Новый год.

Правительство обосновывало свое решение необходимостью выполнения жестких требований ЕС и опасностью дальнейшего снижения кредитного рейтинга страны, после чего занимать деньги за границей пришлось бы по более высоким процентным ставкам. В 2012 г. были сокращены пенсии. Помимо этого, сократилось финансирование Люблянского университета, словенского олимпийского комитета, туристического союза, и т.д.³ Снижены выплаты по безработице, дотации на питание в школах и институтах. В то же время были повышены налоги на доходы и имущество, автомобили, плавсредства.

Остановить политику жесткой экономии попыталось правительство Аленки Братушек в 2014 г. Во время своего выступления в Парламенте она отметила, что проблема кроется в кризисе банковской системы. Новый кабинет должен сосредоточиться на рекапитализации банков, повышении эффективности управления финансовыми активами, консолидации государственных финансов для экономического роста. Кроме того, премьер планировала быстро оздоровить кризисные банки, а затем приватизировать государственные активы в них. Следует отметить, что большая часть невозвратных кредитов была выдана тремя крупнейшими банками Словении – Нова Люблянска Банка (Nova Ljubljanska Banka), Нова Кредитна Банка Марибор (Nova Kreditna Banka Maribor) и АБанка (ABanka). Из всех стран Евросоюза в Словении самый большой банковский государственный сектор. После вступления в 2004 г. в ЕС банковский сектор на 60% оставался государственной собственностью. Банки Словении отягощены плохими кредитами на сумму в 7 млрд евро, а это составляет 20% от ВВП страны. Другая проблема – выплата платежей по текущим кредитам в размере 2 млрд евро.

Ситуация, которая сложилась в Словении в настоящее время, является своего рода показателем тех процессов, которые происходят в ЕС. Экономический и политический кризис, охвативший страны Европы, не обошел стороной и Словению. За последний год политическая элита Республики начала процесс обновления. На авансцене появились новые деятели и партии. Доверие населения к старым партиям заметно снизилось, а новые лица вызывают интерес и пробуждают надежду на разрешение сложившейся ситуации. 25 августа 2014 г. Парламент

Словении избрал нового главу правительства, им стал М. Церар. В своей речи перед депутатами о приоритетах работы будущего правительства он отметил, что первоочередными задачами считает вывод государства из политического и экономического кризиса, возвращение доверия граждан к верховенству закона и органам власти. По всей вероятности, он намерен строить новое политическое сообщество, доказательством тому служит его отказ от коалиции с одной из старейших партий – Словенской демократической партией (СДП). По словам Церара, ядром кризиса является падение ценностей, которые отличали словенцев в прошлом и которые ушли в прошлое. Он, в частности, отметил: «Нашей общей целью должно быть возрождение наших ценностей и работа над тем, чтобы Словения создала общество, в котором мы работали бы сообща и где человек человеку – человек». Новое правительство Словении планирует повысить качество сбора налогов и сократить государственные расходы для снижения уровня дефицита бюджета. «Наша фискальная политика, – утверждал Церар, – будет ограничительной; нам придется сократить государственные расходы и повысить эффективность сбора налогов».

Экономика страны вовлечена в европейские экономические процессы, и кризис в Словении это, прежде всего, кризис Европы. Какие бы новые политические лидеры не появились, они не смогут существенно повлиять на ситуацию в стране. Единственное, что они могут сделать – это ускорить или замедлить разрушение национальной экономики страны. В настоящее время Словения переживает не лучшие времена, поскольку нет лидера, который смог бы решить накопившиеся проблемы. Заявления нового премьера подверглись критике со стороны лидера СДП Я. Янши. В частности, он отметил, что премьер не имеет четкой программы по выводу страны из кризиса, первый шаг к которому она сделала в 2004 г., вступив в Евросоюз. Таким образом, на примере этой небольшой страны мы можем наглядно увидеть, что необдуманное встраивание национальной экономики в глобальную макроэкономическую систему неизбежно ведет к краху первой. До того момента, как Словения стала членом ЕС, страна развивалась и у нее были неплохие показатели и перспективы, которых она, к сожалению, уже лишилась.

Словения терпит убытки и из-за внешней политики ЕС. Так, в случае реализации проекта «Южный поток» Республика могла бы получить 1,1 млрд долл., появились бы новые рабочие места. Нашими странами были проведены процедуры территориального планирования, сделаны исследования в области экологии, выполнены работы по базовому проектированию. Возможно, эти наработки все же найдут свое применение, но уже в другом проекте. В ходе визита в Словению Дмитрия Медведева в конце июля 2015 г. со словенской стороны обсуждался вопрос о присоединении Словении к новому проекту «Турецкий поток». По словам словенского премьера М. Церара, Словения постарается оценить свое место в новом проекте, и, если оно будет найдено, руководство сделает все, что в его силах, «для того чтобы принимать в этом участие»⁴. Словенская сторона понимала выгодность «Южного потока» для экономики своей страны и понимает выгоду «Турецкого потока», но отсутствие свободы в принятии решений и зависимость от политики ЕС мешают стране принимать самостоятельные решения, даже если очевидна их экономическая выгода для ее национальной экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ История Словении. М., 2011. С. 435.

² <http://svom.info/entry/351-sloveniya-v-tiskah-ekonomicheskogo-krizisa/>

³ <http://svom.info/entry/351-sloveniya-v-tiskah-ekonomicheskogo-krizisa/>

⁴ <https://www.facebook.com/media/set/?set=a.944253115639282.1073742009.173636189367649&type=3&pnref=story>

Н. Ю. Калашникова*

Глава 9.

Grexit. Казус Греции: инцидент или прецедент?

В статье исследуются причины текущего кризиса в Греции и его возможные последствия для еврозоны и Европейского Союза в целом.

Ключевые слова: Европейский союз, долговой кризис, новые европейцы, план Шойбле, Алексис Ципрас, Ангела Меркель.

The article examines the causes of the current crisis in Greece and its possible consequences for euro area and the European Union as a whole.

Keywords: European Union, the debt crisis, new Europeans, Wolfgang Schaeuble, Alexis Tsipras, Angela Merkel.

В мае 2015 г., когда Европа еще только ожидала кульминации «греческой трагедии», Банк Англии отправил ЕС черную метку. Лондонская «The Guardian» опубликовала «случайно оказавшиеся в ее распоряжении» данные исследования о возможных последствиях выхода Великобритании из ЕС¹. После скандальной утечки Банк официально признал, что, действительно, изучает риски возможного выхода страны из Евросоюза. Напомним, премьер-министр Дэвид Кэмерон обещал не позднее конца 2017 г. (теперь в партии консерваторов поговаривают об июне 2016 г.) провести референдум о том, должна ли страна оставаться в составе ЕС.

Позиция Лондона на сей счет высказывалась неоднократно: необходима кардинальная реформа отношений с Евросоюзом.

*Наталья Юрьевна Калашникова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

Одна из претензий касается свободы перемещения трудовых ресурсов: Британию наводнили миллионы мигрантов. Теперь эта армия гастарбайтеров прирастает гражданами Греции, Испании и прочих европейских стран, стоящих на грани экономического выживания. Но это далеко не все. В июльском отчете Financial Stability Report Банк Англии заявил, что ситуация вокруг Греции оказывает негативное влияние на финансовую стабильность Великобритании².

На островах и своих проблем хватает, говорят европессимисты: рекордные долги, бюджетный дефицит в 2015 г. дойдет до 13% – почти как у Греции. Еврооптимисты апеллируют к МВФ. По оценкам фонда, в Соединенном Королевстве ожидается продолжение устойчивого роста: 2,7% в 2015 г.³ Дискуссия, тем не менее, перетекла в конкретную плоскость: по дороге ли Лондону с единой Европой. Наряду с широко распространенным термином Gregzit (комбинация слов Greece и exit – выход, а точнее, вывод, Греции из еврозоны), появился еще один: Vregzit, предполагающий расставание Великобритании с ЕС.

Кризисный «новояз» в Евросоюзе сейчас в большой моде. Для обозначения государств, у которых в последнее время возникли финансовые проблемы, придумали аббревиатуру – PIGS (варианты – PIIGS и PIIGGS). «Подложить свинью» под финансовую систему ЕС, по этой логике букв, могут Португалия, Италия, Ирландия, Испания, Греция (что уже происходит в полную силу) и Великобритания (с приведенными выше оговорками).

Примечательно, что среди наиболее проблемных стран фигурируют старожилы ЕС. Новые европейцы (страны, переехавшие в «европейский дом» из «социалистического содружества») в черных списках вроде бы не значатся⁴. Что объясняется скорее субъективными, нежели объективными причинами.

Во-первых, это преимущественно небольшие экономики: еврочиновникам сейчас, мягко говоря, не до них. Во-вторых, европейская периферия прочно завязана на экономику Евросоюза и тотально зависима от нее. Так что греческие проблемы и грядущий, как прогнозируют многие эксперты, масштабный кризис PIGS (PIIGS или PIIGGS), а с ним – и ЕС, неминуемо отзовется на территории «к Востоку от Запада».

Долг без платежа

По данным Eurostat, в 2012 г. госдолг 17 стран Евросоюза, использующих евро, составил рекордные на тот момент 90,6% ВВП (по сравнению с 87,3% в 2011 г. и 85,4% в 2010 г.). Госдолг всех 27 государств ЕС вырос с 82,5% ВВП до 85,3%. Обязательства европейских государств и сальдо их бюджетов оказались существенно выше уровней, допустимых общеевропейским законодательством, согласно которому госдолг не должен превышать 60% ВВП, а дефицит бюджета – 3% ВВП.

Четырнадцать из 27 государств ЕС превысили эту планку. Лидер – Греция. На втором месте – Италия, на третьем – Португалия. Больше 60% ВВП по итогам 2012 г. оказались должны кредиторам Ирландия (117,6%), Бельгия (99,6%), Франция (90,2%), Великобритания (90%), Кипр (85,8%), Испания (84,2%), Германия (81,9%), Венгрия (79,2%), Австрия (73,4%), Мальта (72,1%) и Нидерланды (71,2%).

Тенденцию к сокращению госдолга продемонстрировали лишь 6 из 27 государств ЕС, среди них – Эстония (10,1% ВВП), Болгария (18,5% ВВП) и Люксембург (20,8% ВВП)⁵. Но уже в первом квартале 2015 г. аукнулось и на территории «к Востоку от Запада». Госдолг той же Болгарии продемонстрировал самый высокий в ЕС рост (на 10% от ВВП), на втором месте оказалась Хорватия (+ 6,2%), за ней – Словения (+ 4,8%). К концу первого квартала 2013 г. 17 стран еврозоны были должны уже 92,2% от их совокупного ВВП. По данным за 2014 г. Eurostat опять не порадовал европейскую общественность. Показатель «госдолг – к ВВП» тянул на 91,9%. В 2014 г. 28 стран накопили обязательств на 12 трлн. евро⁶.

Откуда долги и кто кредиторы?

Парадокс в том, что в Евросоюзе происходит своего рода обмен закредитованностью. В числе кредиторов Греции – главного участника PIGS (PIIGS или PIIGGS), помимо Германии и МВФ, числятся и члены клуба должников – Испания и Италия, а также французские банки, пребывающие не в лучшем состоянии. Структура греческого долга в 312,7 млрд евро (на момент исторического референдума) выглядела так. Европейскому фонду финансовой стабильности причиталась сумма

в 131 млрд; частным инвесторам и держателям краткосрочных облигаций – 80,7 млрд; правительствам стран ЕС – 53 млрд; Европейскому Центробанку (ЕЦБ) – 27 млрд; МВФ – 21 млрд евро.

Если вывести за скобки МВФ (финорганизацию, исторически контролируемую США), то игра в греческий кризис разворачивается в ограниченных пределах Евросоюза. Кто является кредиторами Испании и Италии, а также других проблемных стран ЕС, как реализуется эта кредитно-долговая круговерть внутри европейского пространства – тема для отдельного исследования. Хотя сухая статистика свидетельствует: на конец 2012 г. главным кредитором ЕС по межправительственным договорам в абсолютном выражении была Германия – 56,9 млрд евро. Германия остается им и поныне, причем в возрастающей тенденции. Вопрос: доколе?

План Шойбле

Сенсация случилась, когда страсти улеглись. В июле 2015 г. со страниц газет уже исчезли пугающие слова про греческий дефолт: Евросоюз одобрил Афинам бридж-кредит на 7,16 млрд евро⁷, чтобы те начали платежи МВФ и ЕЦБ. Произошло то, чего и следовало ожидать: стратегия ЕС в отношении Греции (и не только) осталась неизменной: кредиты, предоставляемые должникам в виде помощи, должны возвращаться кредиторам, а долги – оседать на бюджете должника.

Тогда-то ушедший в отставку экс-министр финансов Греции Яннис Варуфакис взялся за перо и отправил в газету «Zeit» статью, в которой назвал экономическое крушение Греции частью плана министра финансов ФРГ Вольфганга Шойбле по «очищению» Европейского валютного союза⁸. По словам Варуфакиса, Шойбле вместе с другими участниками еврогруппы, «намеренно усугублял» кризис в некоторых государствах. Якобы Варуфакису лично заявили, что Греция должна быть исключена из еврозоны, чтобы другим неповадно было нарушать финансовую дисциплину. Греция – «сакральная жертва», заключил Варуфакис. А далее – по списку. Как утверждал экс-министр, реструктуризация Еврозоны по Шойбле предусматривает наличие «управдома» для стран-участниц, который имеет право вето в отношении национальных бюджетов.

Не менее примечательно и последовавшее признание премьер-министра Греции Алексиса Ципраса: он, как оказалось, еще в марте 2015 г. знал о плане Шойбле относительно Grexit – изгнания Греции из еврозоны. «Но Меркель сказала мне, что план не действует, – рассказал Ципрас телеканалу ERT. – Я попросил представить анализ последствий Grexit. И понял, что выход из евро не является альтернативой».

Выслушаем, впрочем, и другую сторону. По опросу международной исследовательской компании YouGov, почти половина (48%) жителей ФРГ – финансового и экономического локомотива ЕС и главного кредитора Греции – поддерживают выход Афин из еврозоны. И только треть – против. Что касается соглашения по проблемам греческих долгов, то большая часть респондентов (56%) восприняла его негативно. При этом около 46% граждан высказались в поддержку Меркель (38% против); 49% одобряют действия Шойбле (32% не одобряют)⁹.

Статус-кво, так или иначе, сохраняется. Как объяснить, что вечный кредитор-Евросоюз и Греция – вечный должник (причем, безо всякой перспективы оправдать оказанное ему доверие), не могут жить друг без друга?

Античная история торго

«В 2008 г. Германия являлась крупнейшим импортером Греции. В свою очередь, 12% импорта Греции составляли германские товары. Поэтому стабильность греческой экономики, ее развитие затрагивает и сферу германских интересов»¹⁰.

Речь премьер-министра Йоргоса Папандреу, произнесенная в 2010 г., вызвала шквал эмоций. Греция, давно привыкшая жить не по средствам, легко расстается со своим прошлым, возмущались американские газеты. После Второй мировой войны роль ее опекуна выполняли США. Еще в 2009 г. Папандреу обращался в их финансовую вотчину – МВФ – за финансовой помощью. А теперь вдруг Афины делают такие реверансы Берлину!

Информационная волна поднялась неспроста. Речь Папандреу прозвучала в марте 2010 г. А накануне, в конце февраля, в ЕС разразился грандиозный – если не сказать, криминальный – скандал.

Еврочиновники как-то вдруг спохватились: обнаружилось, что Goldman Sachs и другие инвестбанки на протяжении нескольких лет «помогали» Греции скрывать реальную информацию о ее долговых обязательствах. Ангела Меркель негодовала: «Если выяснится, что банки, которые поставили нас на грань пропасти, еще и фальсифицировали статистику, это будет мировой скандал!».

Eurostat запросил у Афин информацию обо всех контрактах по деривативам, связанных с Goldman Sachs, начиная с 2001 г. и обещал вывести мошенников на чистую воду.

История имела поистине детективное продолжение: ее замяли...

Между тем, рецепт этой маленькой финансовой хитрости не разгадать мог разве только школьник. Суть, как установили независимые эксперты, в следующем. Афины якобы брали в долг у Goldman Sachs через свопы, а банк авансом кредитовал страну в счет будущих бюджетных поступлений. (Оговоримся: Goldman Sachs от комментариев на сей счет воздерживался). Так или иначе, недоверие к греческим финансовым властям спровоцировало рост ставки процента по госдолгу.

История давно минувших дней? Отнюдь. Если взять статистику посвежее, арифметика получается более, чем причудливая. Итак.

В 2014 г. ВВП – плюс 0,6%; в 2013 – минус 3,9%; в 2012 г. – минус 7. Но ВВП на душу населения по паритету покупательной способности при таких существенных колебаниях стоит, как утес: 25 859 долл. в 2014 г. – это больше, чем в России, Польше, Малайзии, Венгрии и Казахстане. 25 131 долл. в 2013 г. и 25 626 долл. в 2012 г.¹¹. При этом госдолг в 2014 г. тянет на 174,5% ВВП (175,1% – в 2013 г.). За чертой бедности оказались 44% населения¹².

Разобраться в этой магии чисел еврочиновники не то, чтобы не смогли. Скорее, просто не захотели. Во-первых, не стоило выносить сор из избы, и без того сотрясаемой кризисом. В конце концов, глобальная экономика становится все более виртуальной – с ее производными инструментами, фьючерсами на фьючерсы и не весть, как и в каких количествах печат-

тающимися долларами. Скрыться за этой ширмой, по крайней мере, на время, не так и сложно.

Во-вторых, Греция, как и прочая европейская периферия, воспринимается Германией – бесспорным лидером и «держателем» Евросоюза – как рынок сбыта. И не более того. Хотя по сравнению с докризисным временем, греческий рынок становится все менее востребованным.

Тут надо признать: Берлин боролся за Афины изо всех сил. Грецию спасали в 2010 г. при помощи «тройки» – Европейского Центрального банка, Еврокомиссии и МВФ. Но в 2014 г. общий размер национального долга Афин (включая банковские, кредиты под гарантии правительства и прямые целевые инвестиции) добрался до 565,7 млрд евро. Европа опять списала Греции 245,7 млрд евро. Причем, до половины этих средств – немецкие.

Возникает законный вопрос: где деньги? А деньги, как и положено, в банках. Только не в греческих.

Греция задолжала по большей части банкирам Германии и Франции, и «помощь» вернулась к ним. Берлин и Париж, таким образом, удержали на плаву и свою банковскую систему, и греческий рынок. Но этому предшествовала не менее увлекательная история.

Развитой социализм XXI века

Греция вступила в ЕЭС в 1981 г., став десятым государством-членом Европейского сообщества. Оппонентов внутри страны у этого решения тогда не было: большинство населения ожидало чуда – повышения уровня жизни и роста экономики.

Зачем это было нужно Европе? Евросоюзная команда тогда еще только формировалась. С политической точки зрения, Греция с ее выгодным географическим положением могла служить для Западной Европы форпостом на Балканах (в ту пору еще коммунистических), а заодно и неким противовесом Турции.

С экономической точки зрения, ЕЭС получал расширение зоны торговли. Греция же поначалу – практически ничего.

Экономика, основанная на сельском хозяйстве, услугах, морских перевозках и туризме, была далеко позади Европы всей. Зато у западных европейцев дело пошло на лад. Греки

быстро «подсели» на западные товары. В 2011 г. 65% греческой торговли приходилось на страны объединенной Европы (Германию, Италию, Великобританию). Покупали все: топливо, транспортное оборудование, машины, медицинские препараты. Греческий ответ Западу был несимметричным: фрукты, овощи, оливковое масло, текстиль. Из промышленных товаров – цемент, алюминий, сталь, продукты нефтепереработки. В итоге, к 2011 г. дефицит торгового баланса Греции составлял 2096 млн евро.

И все было бы скверно, если бы не античная мудрость премьер-министра Андреаса Папандреу (1981–1989 гг). Он сосредоточился не только на развитии частного предпринимательства, но и на социальной политике¹³.

Европе, по сути, был брошен вызов, которого та до поры предпочитала не замечать.

Греки дали понять, что сиртаки – зажигательный национальный танец, исполняемый в любое удобное для них время, по любому торжественному и не очень поводу, куда дороже указаний из Брюсселя. И остановиться в этом танце они не могут по сей день.

Папандреу, несмотря на отсутствие финансовых условий, волевым решением существенно увеличил зарплаты, государственное финансирование социальных проектов, пенсий, страховой системы и расширил госсектор. Социальные фонды и выплаты составляли в разные годы от 16 до 20% госбюджета, притом, что старение нации постепенно повышало возможности соцрасходов.

Деньги из потолстевших кошельков граждан уходили на покупку западных товаров. Собственный бизнес конкурировать с ними не мог. Дальнейшее – понятно.

Но и при таком поведении Афин терять этот рынок Европа вовсе не собиралась. То, что не удалось греческим коммунистам, сделали капиталисты из ЕС, построив в Греции развитой социализм в начале XXI века. От введения евро Греция выиграла едва ли не больше, чем другие страны ЕС.

Вы не можете потянуть соцстандарты на евроуровне? ЕС предоставит вам такие возможности. А тут еще сработала греческая смекалка: статистику начали чуть-чуть «корректиро-

вать» и одновременно повышать зарплаты, пенсии и социальные льготы. До 2011 г. в стране сохранялся 7,5-часовой рабочий день (введение 8-часового вызвало волну забастовок). Британская «The Telegraph», со ссылкой на источники в партии СИРИЗА, сообщила, что в апреле 2015 г. правительство Греции подготовило план по национализации банковской системы и введению драхмы, как параллельной с евро валюты. Этот план будет реализован, если Греция не сможет договориться с Европой. А переговоры эти могут длиться гораздо дольше, чем это кажется сейчас – вне зависимости от нынешних решений европейских и греческих властей¹⁴.

До референдума премьер-министр А. Ципрас говорил, что реформы, на которых настаивают ЕС и МВФ, ведут страну в пропасть. А условия, на которых Греция ранее получала кредиты, фактически привели страну к «гуманитарной катастрофе». После референдума, подтвердив всенародным волеизъявлением свои переговорные позиции, премьер призвал парламент поддержать соглашение с кредиторами, каким бы тяжелым оно ни было. Большинство депутатов поддержали законопроект под названием «Срочные меры для проведения переговоров и заключения соглашения с Европейским механизмом поддержки (ESM)», принятие которого было условием возобновления предоставления кредитов греческим банкам и новой программы помощи.

Предусмотренное этими мерами повышение НДС ведет к росту цен на продукты питания, топливо и услуги; главный же удар наносится по социальной сфере.

«Очевидно, что премьер-министр Ципрас предпринимает меры, которые он вряд ли бы поддержал во время своей предвыборной кампании, но это как раз те меры, которые страны-участницы Евросоюза считают необходимыми, если мы хотим восстановить доверие», – отметила глава МВФ Кристин Лагард.

Что дальше? Есть все основания предполагать, что следующий премьер, оказавшись в аналогичных «предлагаемых обстоятельствах», поведет себя так же, как Ципрас. И поначалу заявит, что правительство Греции не сможет выплатить долг и «не в состоянии дальше проводить политику, ведущую к нищете и бедности значительной части населения».

Кстати, как написал в Twitter экс-министр финансов РФ Алексей Кудрин, «без списания долга на одну треть в течение 1–1,5 лет вопрос выхода Греции из евро встанет снова»¹⁵. Но ни о каком списании речи не идет. В августе 2015 г. Греции предоставлен очередной пакет помощи. В течение трех лет Афинам будет доступна кредитная линия в 86 млрд евро. Впрочем, выдержит ли Греция жесткие условия этого кредитования, большой вопрос. Не исключено, что потребуются очередной референдум и дружное «охи» руководству Евросоюза.

Казус Греции опасен, ибо заразителен: зачем платить по долгам, когда можно жить не по средствам?

Что дальше? А дальше – тупик. Если, конечно, не представить себе сюрреалистическую ситуацию: лидеры стран и руководящие органы ЕС собираются на встречу ради решения ключевой проблемы: взаимосписания долгов. И этот саммит становится последним в истории ЕС.

Сиртаки по-европейски

Потерю Греции зона евро, конечно, переживет, полагает инвестиционный гуру Уоррен Баффет. Но без последующего разбора полетов ЕС не обойтись. «Будет неплохо, если страны валютного блока осознают важность соблюдения правил и придут к консенсусу в вопросах бюджетной политики, – заявил он телеканалу CNBC. – Я говорил о структурных проблемах единой валюты с момента ее введения... К ним можно приспособиться. Но некоторые страны не смогут этого сделать и захотят выйти из валютного союза. Не надо думать, будто нынешний состав еврозоны не подлежит изменениям».

Так думает не только Баффет. Так считают сами европейцы. По данным опроса, проведенного ICM Research во Франции, Германии и Греции с 20 марта по 9 апреля 2015 г., 31% респондентов считают необходимым отказаться от евро и вернуться к своим национальным валютам. При этом больше всего евроненавистников – в Германии (39%), уставшей от финансового «кураторства» в ЕС. 29% французов мечтают вернуть франк.

В Великобритании, как уже было сказано, вопрос стоит еще жестче: быть или не быть в Европейском союзе в принципе. Ситуация вокруг Греции, Испании и других слабеющих стра-

нах ЕС, а также будущее самого Евросоюза – главная тема англоязычных блогов и британских СМИ. Мнения такие: «Гнать Грецию из ЕС. Она нарушила все финансовые нормы. Жила не по средствам». Или: «Если евро обвалится, все, наконец, поймут, насколько абсурдна сама идея евро». Или: «Надо расформировать Евросоюз, пока страны не начали банкротиться одна за другой».

Мнения по поводу того, что делать с греческими долгами, естественно, разделились. 55% греков считают, что их надо попросту списать. Британцы и немцы категоричны: соответственно, 62 и 69% адресуют почетную миссию расплатиться по счетам Афинам. И только 8% респондентов считают, что ответственность должна нести «тройка»: Европейский Центробанк, МВФ и Европейская комиссия.

Восемь процентов – это и есть цена нынешней европейской солидарности.

Но греки стояли – и будут стоять – на своем. Даже, несмотря на уступки ЕС. Платить, так или иначе, им нечем. А «игра в бридж» – бридж-кредиты для расплаты с теми же кредиторами, дело бесперспективное.

«Европейская мечта умирает в Греции», – пишет «Financial Times». «Греческий сиртаки» теперь танцуют все. Эксперты спорят лишь о том, кому после Афин отведена солирующая партия.

Проколовшись на Греции, Goldman Sachs бьет тревогу по поводу Испании, считая ее главным претендентом на провал. WikiLeaks, в свою очередь, опубликовал записи переговоров министра финансов Франции с сенаторами, датированные еще 2012 г. Политики констатировали, что французская экономика пребывает в гораздо худшей форме, нежели кажется со стороны – нужны радикальные реформы. Прошли годы – реформ не случилось. Официально Франция никаких признаков тревоги не подает. Что это: бюджетная мистификация на манер греческой?..

Так или иначе, спасти эти страны будет не по силам ни руководящим органам ЕС в союзе с МВФ, ни, тем более, лидеру ЕС – Германии. А ведь это далеко не все: к кампании PIGS (PIIGS и PIIGGS) могут примкнуть «новые европейцы». Причину многие эксперты видят еще и в том, что стремительный

рост задолженности и «отстающих староевропейцев», и «новобранцев» связан со структурным дефицитом счета текущих операций, обусловленным экспортной экспансией Германии. Продолжение такой политики обрекает эти страны на аутсайдерство и годы стагнации.

«Рынки сбыта» теряют для лидеров «евроимперии» главную свою привлекательность: экономические проблемы тянут вниз спрос на товары из «метрополий». Идея общеевропейского рынка, ради которой, собственно и затевался ЕС, утрачивает смысл. На первый план выходят задачи, о которых в начале пути евроинтеграторам и подумать было страшно: периферийные «рынки сбыта» приходится поддерживать материально, а то и вовсе спасать. Такая модель интеграции неизбежно подтачивает основы еще крепко стоящих на ногах европейских экономик.

Империи рушатся под тяжестью своего величия, выйдя за пределы территорий, которыми способны управлять и, как показывает история, содержать.

...Какая партия в греческой игре отведена России? К счастью, небольшая. По данным ФТС, внешнеторговый оборот России с Грецией в 2014 г. составил 4,17 млрд долл. (на 39,2% меньше, чем в 2013 г.). В том числе, экспорт – 3,67 млрд долл. (снижение на 41,2%), импорт снизился на 18,8%. Доля Греции во внешней торговле России в 2014 г. – 0,5% (в экспорте – 0,7%, в импорте – 0,2%). В 2014 г. по объему товарооборота Греция занимала 33-е место среди торговых партнеров нашей страны.

Учитывая сложившуюся традицию, дружественные отношения между Москвой и Афинами наверняка таковыми и останутся. Но выступать в качестве кредитора Греции, наступая на европейские грабли, Россия вряд ли станет.

В выстраивании двустороннего экономического сотрудничества могут быть два варианта. Первый – начать скупать подешевевшие активы и инфраструктуру и попытаться мотивировать местное население к эффективной работе (что непросто). И второй: договориться о взаимовыгодных инвестиционных проектах и осуществлять их самостоятельно.

К первому варианту, судя по сообщениям в прессе, проявляют интерес некоторые российские предприниматели. К вто-

рому, по информации Минэнерго РФ, склоняются в российском правительстве.

В апреле 2015 г. прошли переговоры о строительстве газопровода через Грецию, Македонию и Сербию – в Центральную Европу. В июле новый министр энергетики Греции Панос Скурлетис подтвердил намерение участвовать в реализации проекта «Южно-Европейский газопровод» (SEP). Для его реализации греческий парламент даже одобрил решение о создании компании Energy Investments Public Enterprise S.A. (EIPE S.A.) – визави российской «ВЭБ Капитал». Но судьба этого начинания пока неясна.

Ранее министры энергетики двух стран обсуждали предложение Греции принять участие в тендерах на разведку и разработку 20 шельфовых блоков. 11 из них расположены вдоль западного побережья Греции, остальные – на южном побережье острова Крит.

В греческой драме еще не сыграно много действий и мизансцен. И чтобы в духе Антона Павловича Чехова греки могли бы с облегчением выдохнуть: «Здравствуй, новая жизнь!» (наполненная упорным трудом, без расточительства и долгов), этому талантливому и гостеприимному народу нужно, по меньшей мере, изменить себя. Но, как говорил Аристотель, «надежда – это сон наяву». Оливы, море, солнце, белый песок, да еще газовая труба и нефть на шельфе: чего еще надо, чтобы не просыпаться...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ <http://www.theguardian.com/business/2015/may/22/secret-bank-of-england-taskforce-investigates-financial-fallout-brexit>

² <http://www.bankofengland.co.uk/publications/Pages/fsr/2015/jul.aspx>

³ <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2015/01/pdf/texttr.pdf>

⁴ О современной ситуации в странах региона подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. М., СПб., 2015.

⁵ <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6796757/2-21042015-AP-EN.pdf/2a3922ae-2976-4aef-bb6e-af19bde6a236>

⁶ Ibidem.

⁷ <http://ria.ru/economy/20150720/1138093527.html>

⁸ <http://russian.rt.com/article/103571>

⁹ <https://yougov.co.uk/#/>

¹⁰ См. также <http://www.ixpos.de/IXPOS/Navigation/EN/your-business-in-germany.html>

¹¹ <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/>

¹² <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?sy=2012&ey=2014&sic=1&sort>

¹³ Подробнее см. <http://www.iap.gr/agp/content/Home.aspx?d=7&rd=5499005&f=-1&rf=-1&m=-1&rm=-1&l=1>

¹⁴ <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/11513341/Greece-draws-up-drachma-plans-prepares-to-miss-IMF-payment.html>

¹⁵ https://twitter.com/aleksei_kudrin/status/621625631407755264.

Ю. А. Буланникова*

Глава 10.

Региональное сотрудничество как инструмент европейской и евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы

В статье рассматриваются факторы, влиявшие на динамику развития регионального сотрудничества в Юго-Восточной Европе в 1989–2015 гг.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Западные Балканы, региональное сотрудничество, макрорегиональная стратегия, европейская интеграция, стратегия «Юго-Восточная Европа 2020».

The article reviews the factors influencing the dynamics of regional cooperation in South East Europe in the post-1989 period.

Keywords: South East Europe, Western Balkans, regional cooperation, macro-regional strategy, European integration, the SEE 2020 Strategy.

Первый импульс институционализации межбалканского сотрудничества был дан после завершения холодной войны. В условиях ослабления международной напряженности, развития хельсинкского процесса и утверждения кооперационной модели отношений между государствами двух противоположных общественных систем в Юго-Восточной Европе стали появляться региональные группировки.

Одной из первых организаций, призванных развивать региональное сотрудничество и содействовать хельсинкскому процессу, стала Центрально-Европейская инициатива (ЦЕИ). Она была учреждена в ноябре 1989 г. Австрией, Италией, Венгрией и Социалистической Федеративной Республикой Югославия (СФРЮ). После распада СФРЮ бывшие югославские

* Юлия Александровна Буланникова – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО (У) МИД России.

республики также вступили в ЦЕИ: Словения, БиГ, Хорватия – в 1992 г., Македония – в 1993 г. В 1996 г. участниками этой организации стали Болгария, Румыния, Албания. В 2000 г. – Союзная Республика Югославия, в 2006 г. – Черногория. Руководящие органы ЦЕИ расположены в Вене, где также работает Институт Подунавья и Срединной Европы.

Вследствие развития интеграционных процессов в Европе и внешнеполитической ориентации стран Центральной и Юго-Восточной Европы на присоединение к Европейскому союзу, изменились и стратегические задачи ЦЕИ. Так, в 1994 г., во время председательства Италии, определилась ее главная цель – содействие европейской интеграции стран-участниц¹. Кроме того, предпринимались шаги по структурной консолидации ЦЕИ. В ноябре 1994 г. встречи на высшем уровне стран-членов изменили формат на саммит ЦЕИ (встреча глав правительств) и встречи министров иностранных дел и отраслевых министров на ежегодной основе. В 1996 г. на Варшавском саммите было принято решение о создании Информационного и документального центра ЦЕИ.

Центрально-Европейская инициатива – наиболее крупная и стабильная региональная организация, ассоциированная с Евросоюзом. В связи со вступлением стран-участниц ЦЕИ в ЕС в повестке дня появились вопросы ее трансформации. Так, в ноябре 2007 г., на саммите ЦЕИ в Софии были приняты решения о структурных изменениях, сокращении аппарата и бюджетного финансирования, сокращении направлений деятельности. В 2008–2009 гг. ЦЕИ усилила координацию с другими региональными группировками, в частности с Адриатико-Ионической инициативой, Советом регионального сотрудничества.

В условиях распада биполярной системы международных отношений активизировалось взаимодействие причерноморских стран. В июне 1992 г. Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Россия, Турция и Украина приняли Декларацию о Черноморском экономическом сотрудничестве (ЧЭС), основными целями которого были названы превращение Причерноморья в регион мира и стабильности, расширение торгово-экономических связей государств.

Страны-участницы предприняли шаги по организационному укреплению ЧЭС и в 1998 г., подписав Устав Организа-

ции Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), вступивший в силу 1 мая 1999 г. Высшим органом ОЧЭС стал Совет министров иностранных дел. Саммиты глав государств и правительств проводятся по мере необходимости. В рамках организации действует Парламентская ассамблея (ПАЧЭС), пленарные заседания которой проходят два раза в год. В ОЧЭС созданы целевые структуры поддержки бизнеса: Черноморский банк торговли и развития, Деловой совет, Фонд развития проектов, Греческий фонд развития. В сфере безопасности страны-участницы ОЧЭС развивают сотрудничество в рамках черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия BLACKSEAFOR и операции «Черноморская гармония».

Мощным стимулом развития регионального сотрудничества стала необходимость стабилизации ситуации в ЮВЕ после разрешения конфликтов на территории бывшей Югославии. ЕС и США разработали ряд региональных интеграционных проектов – в дальнейшем они были адаптированы к присоединению балканских государств к европейским и евроатлантическим структурам.

После Боснийского кризиса (1992–1995 гг.), в декабре 1995 г., Европейский союз запустил Руайомонский процесс укрепления стабильности и добрососедства в Юго-Восточной Европе. В первую очередь, этот процесс был направлен на реализацию Дейтонских соглашений, развитие сотрудничества в области демократии и гражданского общества. В рамках Руайомонского процесса регулярно проходили межпарламентские встречи балканских стран и конференции неправительственных организаций.

Кроме того, в 1996 г. Евросоюзом был принят «Региональный подход для стран Юго-Восточной Европы», также предусматривавший реализацию Дейтонских соглашений, достижение политической и экономической стабилизации в странах Западных Балкан², развитие регионального сотрудничества.

На основе двустороннего соглашения о взаимопонимании, ЕС и США в декабре 1996 г. создали Кооперативную инициативу для ЮВЕ (СЕКИ), имевшую преимущественно экономический характер. Она была ориентирована на интенсификацию взаимодействия балканских стран в решении региональных экономических и экологических проблем посредством раз-

работки и реализации совместных планов действий, развитие рыночных отношений, привлечение инвестиций в частный сектор и расширение его участия в региональных проектах.

Впоследствии, во избежание дублирования других региональных организаций, Кооперативная инициатива для ЮВЕ была перепрофилирована на борьбу с оргпреступностью. Так, в Бухаресте, 26 мая 1999 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в деле предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней. В ноябре 2000 г. на основе этого соглашения стал функционировать СЕКИ-Центр, при котором Международная организация уголовной полиции (Интерпол) и Всемирная таможенная организация получили статус постоянных советников. ЕС усилил взаимодействие СЕКИ-Центра и Европейского полицейского ведомства (Европол), тем самым способствуя интеграции Балкан в «пространство свободы, безопасности и правосудия» ЕС. В октябре 2011 г. СЕКИ-Центр был преобразован в Центр по вопросам правоприменения для ЮВЕ.

Во второй половине 1990-х гг. появились механизмы военно-политического взаимодействия балканских государств. В 1996 г. США инициировали создание Совета министров обороны стран ЮВЕ (СМО ЮВЕ). Главными направлениями деятельности организации стали приграничный контроль, борьба с терроризмом, операции по оказанию помощи при стихийных бедствиях и катастрофах, а также миротворческие операции за пределами региона. Данная организация выступила связующим звеном стран ЮВЕ с НАТО.

Важнейшей составляющей деятельности Совета министров обороны стран ЮВЕ является проведение совместных учений. В августе 1999 г., в рамках СМО ЮВЕ, в соответствии с соглашением о многонациональных миротворческих силах Юго-Восточной Европы, была создана бригада SEEBRIG. Главными задачами SEEBRIG являются участие в миротворческих операциях под эгидой НАТО и ЕС, «коалициях желающих», урегулирование кризисных ситуаций и поддержание мира в регионе.

Одной из главных задач организации является обеспечение безопасности энергетической инфраструктуры. В январе 2008 г. подписан протокол СМО ЮВЕ «О дополнительных мерах безопасности при поставках энергоносителей из стран

Каспийского региона». В соответствии с ним, стороны обязывались проводить совместное патрулирование перекачки и других видов транспортировки по территории стран-участниц каспийских энергоресурсов, размещать постоянные патрульные контингенты вдоль транспортных коридоров.

После окончания Боснийского кризиса балканские страны выступили с собственной инициативой нормализации межгосударственных отношений в регионе. В июле 1996 г. в Софии, на встрече министров иностранных дел стран Юго-Восточной Европы была принята Декларация о добрососедских отношениях, стабильности, безопасности и сотрудничества на Балканах. В ней в очередной раз провозглашались задачи развития многостороннего взаимодействия в политической, торгово-экономической, гуманитарной сферах, сфере безопасности и выполнения Дейтонских соглашений. Софийская декларация 1996 г. стала учредительным документом регионального форума – Процесса сотрудничества в Юго-Восточной Европе. Впоследствии этот форум стал одним из главных механизмов всестороннего взаимодействия балканских стран.

Косовский кризис 1998–1999 гг. дал очередной импульс для углубления региональных связей. На фоне эскалации конфликта в автономном крае СРЮ Евросоюз инициировал принятие комплексной программы помощи экономическому и политическому развитию региона – Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ). ЕС – в сотрудничестве с другими участвующими и содействующими государствами, международными организациями и институтами – создавал возможности для укрепления демократических и экономических институтов. В Пакте стабильности содержались обязательства подписавших его балканских стран развивать двустороннее и региональное сотрудничество. В свою очередь, ПСЮВЕ «предоставит региону прочную европейскую привязку» (п. 18)³.

Руководящим механизмом Пакта стабильности стал «Региональный стол Юго-Восточной Европы», координировавший деятельность трех «рабочих столов»: по демократизации и правам человека; по экономическому восстановлению, развитию и сотрудничеству; по вопросам безопасности. При содействии ПСЮВЕ были созданы Адриатико-Ионическая инициатива (2000 г.), Инициатива укрепления социаль-

ной сплоченности (2001 г.), Инициатива по бассейну р.Сава (2002 г.), Процесс дунайского сотрудничества (2002 г.) и др.

Каждая из этих субрегиональных структур охватывала большинство сфер межгосударственного сотрудничества: экономику, инфраструктуру, безопасность, защиту окружающей среды, туризм, культуру и образование.

В 2008 г. Пакт стабильности для ЮВЕ трансформировался в Совет регионального сотрудничества (СРС). Основной целью этой трансформации была передача руководства процессами межбалканского сотрудничества в рамках ПСЮВЕ на региональный уровень. Одной из приоритетных задач СРС стало содействие европейской и евроатлантической интеграции балканских стран.

Одновременно с Пактом стабильности для ЮВЕ Евросоюз инициировал интеграционную стратегию для государств Западных Балкан – Процесс стабилизации и ассоциации (ПСА).

Данная стратегия, кроме соответствия копенгагенским критериям, выдвинула обязательное требование к западнобалканским странам: развитие межгосударственного сотрудничества. На Загребском саммите Европейского совета было подчеркнуто, что сближение стран Западных Балкан с ЕС невозможно без развития регионального сотрудничества: «демократия и региональное примирение и сотрудничество, с одной стороны, сближение каждого из государств с ЕС – с другой, составляют единое целое»⁴ (Декларация Загребского саммита). «Европейская перспектива» стала основным стимулом наращивания всеобъемлющего взаимодействия стран ЮВЕ.

Многосторонним механизмом подготовки балканских стран к интеграции во внутренний рынок ЕС стало Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (ЦССТ). В 2006 г. балканские государства (за исключением стран-членов ЕС – Греции и Словении) и Молдавия заключили Соглашение о внесении поправок в ЦССТ 1992 г. и присоединении к нему, получившее название ЦЕФТА-2006. Соглашение предусматривало создание свободного рынка товаров и услуг в ЮВЕ, ликвидацию торговых барьеров, либерализацию движения капиталов между странами-участницами и заменило собой более 30 двусторонних договоров о свободной торговле в регионе.

В связи с ориентированностью на ЕС ЦЕФТА-2006 выходит за рамки стандартного соглашения о свободной торговле и включает в себя такие вопросы, как соответствие продукции техническим стандартам и ветеринарно-санитарным нормам ЕС и соблюдение правил конкуренции.

В контексте евроинтеграции одной из приоритетных сфер многостороннего сотрудничества балканских государств является энергетическая. В 2002 г. ЕС запустил так называемый Афинский процесс, призванный восстановить и интегрировать региональные электро- и газопроводные системы в единый внутренний энергетический рынок. Создание общего энергетического рынка должно было обеспечить безопасность и стабильность поставок энергоресурсов в балканские страны, а также предоставить альтернативные возможности транспортировки углеводородов из каспийского региона и Центральной Азии в Европу. С точки зрения развития межгосударственного сотрудничества устойчивые региональные энергетические системы создали новые институциональные рамки взаимодействия балканских стран, способствовали установлению более тесных экономических и политических связей между ними.

Итогом Афинского процесса явилось подписание в октябре 2005 г. Евросоюзом и странами ЮВЕ – Албанией, Болгарией, Боснией и Герцеговиной, Македонией, Румынией, Сербией, Черногорией, Хорватией и МООНК (в качестве представителя Косово) – многостороннего Договора о создании Энергетического Сообщества. Тогдашний председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу назвал Договор «главным средством достижения мира и стабильности в Европе»⁵. Энергетическое Сообщество нацелено на дальнейшее расширение за счет новых региональных энергетических рынков – черноморско-каспийского и центрально-азиатского. В 2010 г. к Сообществу присоединилась Молдавия, в 2011 г. – Украина.

В вопросах транспортной политики страны Западных Балкан взаимодействуют в рамках субрегиональной организации «Транспортная обсерватория для Юго-Восточной Европы». Она была создана в июне 2004 г. при содействии Еврокомиссии в целях развития Трансьвропейской транспортной сети и общего рынка перевозок. В будущем ЕС планирует заменить данную организацию Транспортным Сообществом.

Межгосударственное сотрудничество в Юго-Восточной Европе развивается и в рамках региональной политики ЕС, призванной уменьшать социально-экономические диспропорции между странами-членами, отдельными территориями.

Балканские государства задействованы в новом интеграционном проекте региональной политики ЕС – «Макрорегиональная стратегия»⁶, направленном на развитие тесного сотрудничества между странами, составляющими единый географический ареал. Вместе с тем, для балканских государств-претендентов на вступление в ЕС «Макрорегиональная стратегия» несет дополнительную функцию – приобщение к функционированию Евросоюза без полноправного членства (т.е. без права на участие в принятии решений).

Брюссель создал три макрорегиона: балтийский, дунайский и адриатико-ионический. В декабре 2010 г. Еврокомиссия представила «Стратегию ЕС для дунайского региона», утвержденную Европейским советом в июне 2011 г. Она распространяется на 14 стран: Австрию, Германию, Венгрию, Словакию, Чехию, Словению, Хорватию, Болгарию, Румынию, Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, Молдавию и Украину.

«Стратегия ЕС для дунайского региона» состоит из четырех «опор» и одиннадцати приоритетных областей сотрудничества: 1. развитие внутрирегионального взаимодействия (*connecting the region*): улучшение мобильности и мультимодальности, содействие устойчивой энергетике, развитие культуры, туризма, контактов между людьми; 2. охрана окружающей среды (*protecting the environment*): восстановление и поддержание качества водных ресурсов, управление экологическими рисками, сохранение биологического разнообразия, улучшение ландшафтов, борьба с загрязнением воздуха и охрана почв; 3. содействие процветанию (*building prosperity*): развитие общества знаний посредством исследований, образования и информационных технологий, развитие человеческого потенциала, поддержка конкуренции между предприятиями, включая кластерное развитие; 4. укрепление региона (*strengthening the region*): развитие институционального потенциала и сотрудничества, совместное обеспечение безопасности и борьба с организованной преступностью⁷.

В июне 2014 г. Еврокомиссия представила «Стратегию ЕС для адриатико-ионического региона», основанную на Адриатико-Ионической инициативе 2000 г. В этот регион включены Италия, Греция, Словения, Хорватия, Албания, БиГ, Сербия, Черногория.

«Стратегия ЕС для адриатико-ионического региона» также состоит из четырех «опор»: 1. «голубой» рост (*blue growth*): «голубые» технологии, рыболовство и аквакультура, управление морской деятельностью и услугами; 2. развитие внутрорегионального взаимодействия (*connecting the region*): морской транспорт, интермодальные сообщения с внутренними регионами, энергетическая сеть; 3. улучшение качества окружающей среды (*environmental quality*): морская окружающая среда, трансграничные наземные ареалы обитания и биологическое разнообразие; 4. устойчивый туризм (*sustainable tourism*): разнообразие туристического предложения, ответственное управление в области туризма⁸.

В декабре 2013 г. ЕС приступил к созданию четвертого макрорегиона – альпийского, в состав которого вошла Словения, Австрия, Германия, Италия, Лихтенштейн, Франция и Швейцария. Этот макрорегион является наиболее экономически развитым, включающим в себя страны-локомотивы европейской интеграции. Брюссель планирует завершить к середине 2015 г. разработку «Стратегии ЕС для альпийского региона», в которой выделены три приоритета: конкурентоспособность и инновации, экологически дружелюбная мобильность, устойчивое управление энергетикой, природными и культурными ресурсами.

Во второй половине 2000-х гг. начался процесс фрагментации черноморского сотрудничества. Это было связано с намерением Брюсселя усилить свои позиции в Причерноморье в связи с повышением роли стран региона в качестве транзитных путей транспортировки энергоресурсов, с принятием в ЕС Румынии, Болгарии, а также с намерением уменьшить влияние здесь ОЧЭС, России и Турции. Одной из первых попыток изменить формат черноморского взаимодействия стала инициатива Румынии – Черноморский форум для диалога и партнерства. Президент Румынии Траян Бэеску заявил, что «Черноморский форум задуман как площадка для широкого

обсуждения политических вопросов на уровне глав государств всего региона»⁹.

В июне 2006 г. в учредительном саммите этой структуры приняли участие 10 из 12 стран ОЧЭС (кроме Албании и Сербии). Россия скептически отнеслась к новому интеграционному формату: «Предлагаемая новая структура не несет принципиальной новизны для развития сотрудничества в регионе и, очевидно, способна привести лишь к нежелательному распылению сил и средств»¹⁰. По итогам Бухарестского саммита, Румыния, Болгария, Греция, Украина, Молдова, Армения, Азербайджан, Грузия и Турция подписали Совместную декларацию Черноморского форума для диалога и партнерства. Однако форум прекратил свою деятельность после учредительного Бухарестского саммита.

Между тем, Еврокомиссия разработала новый многосторонний проект «Черноморская синергия – инициатива нового регионального сотрудничества» (апрель 2007 г.), призванный усилить присутствие и влияние ЕС в стратегически важном для него регионе. Он позиционировался как дополнение к Европейской политике соседства, переговорам о расширении с Турцией и стратегическому партнерству с Россией¹¹ и охватывал все причерноморские страны. Кроме того, «Черноморская синергия» рассматривалась Брюсселем как основной формат развития региональных интеграционных процессов, а ОЧЭС – как дополнительный институциональный механизм. В свою очередь, ОЧЭС заинтересована в установлении стратегических равноправных отношений с ЕС и расценивает программу «Черноморская синергия» как очередной шаг на этом пути.

В феврале 2008 г., по инициативе Брюсселя, в Киеве состоялась встреча министров иностранных дел стран ЕС и ОЧЭС, в ходе которой обсуждались вопросы взаимодействия двух организаций. По ее итогам участники приняли документ «О расширении отношений ЧЭС-ЕС». Кроме того, страны-члены ЕС и ОЧЭС (за исключением России) подписали совместное заявление, в соответствии с которым запускалась «Черноморская синергия» как общая инициатива. В документе были выделены приоритетные направления сотрудничества: энергетика, транспорт, коммуникации, торговля, морская политика, рыболовство, миграционная политика, правоприменение и борьба

с организованной преступностью. Эти области взаимодействия совпадают с повесткой дня ОЧЭС.

После принятия весной 2010 г. программы социально-экономического развития ЕС «Европа 2020. Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста» Брюссель инициировал разработку соответствующей стратегии для балканских государств-претендентов на вступление в Евросоюз. Под руководством Совета регионального сотрудничества национальные правительства, региональные организации выработали комплексную программу социально-экономического развития стран Западных Балкан.

В ноябре 2013 г. на конференции министров экономики Албании, Боснии и Герцеговины, Косово (РСБ ООН 1244), Македонии, Сербии, Хорватии, Черногории была принята стратегия – «Юго-Восточная Европа 2020. Рабочие места и процветание в европейской перспективе». Главными целями назывались повышение конкурентоспособности экономики и занятости, достижение социального сплочения (обеспечение достойных условий жизни всем группам населения). Страны планировали поднять рост ВВП на душу населения с 36,4% до 44% к 2020 г.; увеличить объем внешней торговли товарами и услугами с 94,4 млрд до 209,5 млрд евро к 2020 г.; сократить внешнеторговый дефицит с 15,7% ВВП до 12,3% ВВП в 2020 г.; создать 1 млн рабочих мест¹².

Для реализации поставленных целей в стратегии «Юго-Восточная Европа 2020» были определены пять так называемых «опор»: «интегрированный рост», «умный рост», «устойчивый рост», «инклюзивный рост», «управление для роста». Под «интегрированным ростом» понимается усиление экономической взаимозависимости западнобалканских стран и интеграция ЮВЕ в глобальную экономику. «Умный рост» подразумевает развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях. «Устойчивым ростом» называется более конкурентоспособная экономика, основанная на эффективном использовании ресурсов. Под «инклюзивным ростом» понимается высокий уровень занятости, социальное сплочение. «Управление для роста» подразумевает эффективное государственное управление, которое создает условия для экономического развития страны. Для каждой «опоры» были установлены количественные показатели.

Принятие мер, необходимых для реализации стратегии, находится в компетенции балканских государств. Общую координацию действий осуществляет Совет регионального сотрудничества.

Стратегия «Юго-Восточная Европа 2020» призвана объединить усилия западнобалканских стран в достижении более высокого уровня социально-экономического развития. Она предусматривает развитие многостороннего сотрудничества в ЮВЕ в таких областях, как энергетика, транспорт и связь, образование и инновации, защита окружающей среды и т.д.

Региональное сотрудничество в ЮВЕ развивается под воздействием таких факторов, как общая географическая, экономическая, культурно-историческая принадлежность государств, схожие задачи построения рыночной экономики и демократии. Основным фактором взаимодействия балканских стран в политической, военно-политической и торгово-экономической сферах являются ЕС и НАТО, определившие развитие регионального сотрудничества одним из главных условий их европейской и евроатлантической интеграции. Стремление балканских государств вступить в эти организации, с одной стороны, и заинтересованность Брюсселя интегрировать юго-восток Европы – с другой, привели к созданию многосторонних механизмов сотрудничества.

Между тем, развитию регионального сотрудничества препятствуют отсутствие современной инфраструктуры и коммуникаций, недостаток финансирования многосторонних проектов и инициатив, низкая степень экономической взаимодополняемости государств, а также наследие этнополитических конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Central European Initiative. 1989–2009 years. P. 12 // <http://www.cei.int/sites/default/files/attachments/publications/booklet%20final%20low.pdf>

² Евросоюз и НАТО выработали для решения поставленных ими сугубо прагматических задач обеспечения собственной безопасности концепцию «двух Балкан» – Западных и Восточных – с целью асимметричной интеграции этого весьма конфликтогенного региона в европейские и евроатлантические структуры. В субрегион Западные

Балканы включены Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория, Хорватия. Восточнобалканскими странами являются Болгария и Румыния.

³ Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы // Дипломатический вестник. 1999. № 9 // http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/2b52bc67d48fb95643257e4500435ef7/831ee7c82ca811dfc3256886005242ad!OpenDocument

⁴ The Declaration of the Zagreb Summit // http://ec.europa.eu/enlargement/enlargement_process/accession_process/how_does_a_country_join_the_eu/sap/zagreb_summit_en.htm

⁵ The EU and South East Europe sign a historic treaty to boost energy integration. IP/05/1346. Brussels, October 25, 2005 // http://europa.eu/rapid/press-release_IP-05-1346_en.htm

⁶ Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the governance of macro-regional strategies. COM(2014) 284 final. Brussels, May 20, 2014 // http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/cooperate/macro_region_strategy/pdf/gov_macro_strat_en.pdf

⁷ Communication of the Commission. The European Union Strategy for Danube Region. COM(2010) 715. Brussels, December 8, 2010. – P. 6–7 // <http://www.danube-region.eu/component/edocman/communication-of-the-commission-eusdr-pdf>

⁸ Communication of the Commission. The European Union Strategy for the Adriatic and Ionian Region. COM(2014) 357 final. Brussels, June 17, 2014. P. 6–10 // <http://www.adriatic-ionian.eu/component/edocman/36-communication-of-the-commission-eusair-pdf>

⁹ *Бэсеску Т.* Наши отношения с Россией были заморожены, и это была ошибка // Коммерсант. 2006. 29 мая. (№ 94).

¹⁰ Ответ официального представителя МИД России М.Л. Камынина на вопрос агентства «Интерфакс» относительно инициативы Румынии об учреждении «Черноморского форума диалога и партнерства». 371-14-03-2006 // http://archive.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/106e7bfcd73035f043256999005bcbbb/0adad261d2910a4ec3257131003738a6!OpenDocument

¹¹ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Black Sea Synergy – a new regional cooperation initiative. COM(2007) 160 final. Brussels, April 11, 2007. P. 2 // http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com07_160_en.pdf

¹² South East Europe 2020. Jobs and Prosperity in a European Perspective. P. 5 // <http://www.rcc.int/pages/62/south-east-europe-2020-strategy>

Н. В. Коровицына*

Глава 11.

ЕС и общественное мнение в странах Центральной Европы в начале XXI в.

Представлены реальные перемены в общественном мнении в странах бывшего социалистического блока, десятилетие назад вступивших в Европейский союз (Польша, Чешская Республика, Словакия и Венгрия) по наиболее актуальным для их населения в начале нового века политическим и экономическим проблемам.

Ключевые слова: Вишеградская группа, посттрансформационный период, динамика общественного мнения, сравнительное исследование.

Represented real changes in the public opinion in the countries of former socialist block, which ten years ago joined European union – Poland, Czech Republic, Slovakia and Hungary – on most actual for their population at the beginning of new age economic and political problems.

Keywords: Vyshegrad group, posttransformation period, dynamics of public opinion, comparative studies.

С 1999 г. осуществляет свою деятельность Центрально-европейская группа по изучению общественного мнения (CEORG – The Central European Opinion Research Group). Она включает четыре структуры, ведущие уникальное параллельное исследование общественного мнения в Чехии, Венгрии, Польше и Словакии по ряду важнейших для вишеградского региона тем. Это – чешский Центр по изучению общественного мнения Института социологии АН ЧР (CVVM SOÚ AV ČR –

* Наталья Васильевна Коровицына – доктор исторических наук, специалист в области центрально- и восточноевропейских исследований.

Centrum pro výzkum veřejného mínění Sociologického ústavu AV ČR), венгерский Центр социальных исследований (TÁRKI – Társadalomkutatási Intézet és Társadalomkutatási Informatikai Egyesülés), польский Центр изучения общественного мнения (CBOS – Centrum Badania Opinii Społecznej) и словацкое агентство FOCUS. Опросы производятся по единой методике более или менее систематически на репрезентативных выборках от 1 до 1,5 тыс. респондентов старше 18 лет.

Голосование на референдуме о вступлении в ЕС

Накануне вступления в ЕС в странах Центральной Европы неоднократно изучалось общественное мнение по поводу этого события, состоявшегося в мае 2004 г. В *ноябре 2002 г.* в ЧР, Венгрии и Польше проведено сравнительное исследование взглядов населения о референдуме по присоединению страны к ЕС. Наименьшая решимость прийти на референдум была зарегистрирована в ЧР – 46% твердо настроенных («решительно да») участвовать. В Польше доля «решительных» участников составляла 61%, в Венгрии – 68%. В Чехии «скорее да» сказал 31%, в Польше и Венгрии – около 10%. Общее намерение участвовать в референдуме, тем не менее, во всех трех странах было подобно и находилось на уровне 3/4. В референдуме чаще всего не участвовали бы поляки – 18%. В Чехии и Венгрии отказывались голосовать 14% и 15%.

Наибольшую поддержку членство в ЕС имело в 2002 г. в среде венгерского общества – в пользу его проголосовали бы 75%, против – 14% из числа желающих участвовать в референдуме, в Польше – соответственно 73% и 18%. По сравнению с Венгрией и Польшей в ЧР «за» было меньше – 62%, «против» – 29%. Тем не менее, и здесь сторонники членства явно преобладали над противниками. «Не знали» везде 10%.

В *январе 2003 г.* в трех центральноевропейских странах повторно исследовалось мнение населения об участии в референдуме о присоединении к ЕС и взгляды на процесс вхождения. В Польше и Венгрии ситуация оставалась неизменной. Постоянно наиболее активно проявляло себя венгерское население с 67% твердо настроенных прийти на референдум. Лишь немногим меньше «решительных» было среди польских

граждан (63%). В Чехии намерение участвовать в референдуме существовало у 79% граждан, в том числе у 42% – твердое. 8% не знали, придут ли, и 13% говорили, что не придут. За год численность последних практически не изменилась. Среди чехов, готовых проголосовать, произошли изменения: на 4 процентных пункта (далее – п. п.) снизилась доля твердо убежденных в участии, и на 6 п.п. увеличилась группа слабо настроенных прийти на референдум.

Что касается характера голосования на референдуме о вступлении в ЕС, во всех трех странах региона граждане, как и в 2002 г., выражали готовность поддержать присоединение. Традиционно более сдержанным оставалось согласие с присоединением в ЧР, которое проявили 2/3, отрицали его свыше пятой части избирателей. С ноября предшествующего года согласие чешского общества с интеграцией увеличилось на 4 п.п. и одновременно довольно значительно сократилась – на 6 п.п. – группа собиравшихся голосовать против. Отдать голос за вхождение в ЕС были настроены 74% польских и 70% венгерских избирателей. Если в Польше соотношение сторонников и противников за год не претерпело изменений, в Венгрии желание поддержать вступление страны в ЕС несколько сократилось. Группа противников в обеих странах установилась на уровне 18%.

Оказалось, что значительная часть респондентов в начале 2003 г. не располагала необходимой информацией о результатах переговоров с ЕС и не могла судить об их успешности: в Польше к этой категории относилось 30%, в Венгрии – 40%, в ЧР – 21%. Из трех стран наиболее обманутой в результатах переговоров считала себя чешская общественность. Как «хуже, чем ожидал» характеризовали достигнутые результаты почти 2/3 респондентов в Чехии, но всего 18% в Польше, 17% – в Венгрии. В ЧР только 6% оценили их как «лучше, чем ожидал» и в соответствии с ожидаемым – 36%. В Венгрии результаты очень успешными («лучше, чем ожидал») считали 11% и адекватными ожидаемым – 32%. Наибольшее удовлетворение проявило польское общество. Пятая часть его восприняла результаты переговоров с ЕС как очень успешные и 32% – как соответствовавшие ожидаемым.

Влияние мирового финансового кризиса и отношение к введению евро

В 2009 г. в ЧР, Венгрии, Польше, Словакии задавались вопросы: «повлияет или не повлияет, по Вашему мнению, финансовый кризис 2008 г. негативно на: а) Вас и Вашу семью, б) Вашу работу, в) чешскую/венгерскую/польскую/словацкую экономику?»; «Могли бы жители страны дать согласие на замену отечественной валюты общей европейской валютой евро?» (кроме Словакии, где уже с начала 2009 г. евро был введен как функционирующая валюта).

Результаты исследования во всех странах региона однозначно свидетельствовали, что большинство респондентов ожидали или уже ощутили негативные последствия мирового финансового кризиса. Жители всех странах практически сходились во мнении, что кризис имеет или будет иметь неблагоприятные последствия для национальной экономики. Представление, что он не окажет отрицательного влияния, встречалось лишь эпизодически и нигде не превышало 4%. Во всех странах в равной мере более половины населения констатировало, что мировой кризис на отечественную экономику уже оказал негативное воздействие. Однако в Венгрии, где его результаты к этому времени уже проявились особенно драматически, так заявляли свыше девяти опрошенных из десяти, в Словакии – 2/3, а в ЧР и Польше – почти по 3/5 населения.

Что касается неблагоприятного влияния кризиса на самого человека и его семью, здесь проявлялись более явные различия между странами. Самой худшей ситуация в этом отношении представлялась населению Венгрии, где лишь 6% полагали, что кризис их не коснется, тогда как более 2/3 констатировали, что он уже негативно повлиял и еще почти четверть лишь ожидала этого воздействия. Немного оптимистичней это обстоятельство воспринимали словаки. В числе тех из них, кто не предполагал неблагоприятного влияния кризиса на себе и своей семье, было примерно вдвое больше, чем в Венгрии. Причем доля лишь ожидаемых влияний, составлявшая здесь менее половины, была существенно выше, чем уже свершившихся отрицательных последствий – ровно треть. Среди чешских граждан по сравнению со словацкими еще несколько

больше тех, кто не ощущал негативных воздействий на себе и своей семье и, напротив, меньше тех, кто утверждал, что их кризис уже затронул. Наиболее оптимистически звучали мнения поляков, почти четверть которых считала, что их кризис непосредственно не коснется, причем эта доля сбалансирована с числом тех, кто воспринимал его неблагоприятное влияние как объективную реальность.

Достаточно похоже с точки зрения иерархии стран выглядела оценка влияния финансового кризиса на актуальную трудовую ситуацию людей. Вновь хуже всего положение оценивали венгры, из которых лишь каждый десятый думал о невозможности отрицательного воздействия происходящих событий на его занятости, тогда как $3/5$ рассматривали это как свершившийся факт, и еще свыше четверти допускали это влияние в будущем. В Словакии положение было лишь немногим лучше. Здесь доля людей, не ожидавших негативных последствий для своего рабочего места, лишь незначительно выше, чем в Венгрии, тогда как предполагали их и уже ощутили – примерно по $2/5$. Среди чехов тех, кто не ждал воздействия кризиса на свое рабочее место, незначительно больше в сравнении со словаками. В целом чешские взгляды несколько менее пессимистичны, чем в предшествующих двух случаях. По-прежнему наиболее благоприятная оценка ситуации со стороны поляков, свыше четверти которых утверждали, что их трудовой деятельности кризис не коснется. Это приблизительно столько же, сколько заявлявших, что на них кризис уже негативно повлиял.

В 2009 г. венгры и поляки в своем большинстве соглашались с идеей заменить существующую национальную валюту общим европейским евро, тогда как среди чехов доля его сторонников и противников была приблизительно сбалансирована с незначительным перевесом тех, кто введение евро вместо чешской кроны не приветствовал. В Венгрии, которая встречалась с наибольшими экономическими и финансовыми проблемами, примирились с потерей форинта $2/3$ жителей, а против евро выступала лишь их четверть. С польским злотым без труда рассталось бы немногим больше половины населения страны, а против было бы менее $2/5$.

Оценка членства в ЕС и отношение к евро

В *середине 2013 г.* жителям четырех центральноевропейских стран был предложен вопрос, как они оценивают членство своей страны в ЕС – положительно или отрицательно. Оказалось, что выше всего свое участие в ЕС ценят поляки: почти 3/5 назвали это «хорошим делом», треть – ни хорошим, ни плохим и «плохим делом» – всего один человек из двадцати. Со значительным отрывом от поляков, но все же очень позитивно воспринимали членство своей страны в ЕС жители Словакии, среди которых почти половина считала это «хорошим делом», нейтральной позиции придерживалось немногим больше трети и всего седьмая часть (14%) членство страны в ЕС видела в негативном свете. Оценка венгров гораздо менее благоприятная по сравнению со словаками: «хорошим делом» членство в союзе назвала треть, 2/5 – ни хорошим, ни плохим и немногим больше пятой части было недоволено участием в нем Венгрии. Хуже всего оценило участие своей страны в ЕС чешское общество, где доля позитивных (28%) и негативных (26%) взглядов по этому вопросу сбалансирована и, как в Венгрии, граждане чаще всего тяготели к нейтральному варианту ответа – ни хорошо, ни плохо.

Второй вопрос касался результативности членства страны в ЕС. Ответы на него обнаружили похожее на первую позицию распределение. Однозначно наиболее благоприятные оценки эффективности членства в союзе вновь демонстрировали поляки, свыше 3/4 которых свидетельствовали об успешности польского участия в ЕС, тогда как всего 13% высказывали противоположное мнение. Преимущественно позитивно, хотя и не так явно, как в польском случае, воспринимали результаты членства в объединении словаки, среди которых ровно 60% видели его достоинства, а 30% придерживались противоположной точки зрения. Взгляды чешского и венгерского обществ в этом отношении отличались между собой незначительно и практически сбалансированы (на уровне несколько выше 2/5).

Последний вопрос касался возможности введения евро как официальной валюты в трех странах Центральной Европы, где он еще не получил хождения (ЧР, Польша, Венгрия), и оценки уже состоявшегося его введения в Словакии. В начале второго десятилетия XXI в. обнаружился значительный рост скеп-

тицизма населения региона в отношении общеевропейской валюты по сравнению с упоминавшимся аналогичным исследованием 2009 г. В 2013 г. во взглядах по поводу перехода на евро и вступления в так наз. еврозону спустя десятилетие после интеграции в ЕС выявлены глубокие различия между жителями стран, которые пока в эту зону не вошли, с одной стороны, и населением единственной страны Вишеградской четверки, уже перешедшей на новую валюту, с другой.

Если словаки к осуществленному ими введению евро относятся ныне преимущественно положительно (56% при 40% сторонников противоположного мнения), жители трех других стран региона от этого шага в подавляющем большинстве теперь предпочитают отказываться, причем внутренние различия между теми, кто остается за пределами еврозоны, в отношении перспектив своего существования значительны, но не принципиальны. Наименее негативно на общем фоне к введению евро в настоящий момент относятся венгры, около четверти которых высказались в пользу этого шага, тогда как 3/5 составили несогласные, причем доля решительных противников перехода на евро в Венгрии достигала трети. В Польше и особенно в Чешской Республике отношение населения к евро самое отрицательное. У поляков общий уровень поддержки введения евро мало отличается от ситуации в Венгрии и составляет 24%, но здесь значительно выше доля решительных противников евро, достигающая ровно 2/5. Наименьшую готовность перейти на евро демонстрируют граждане ЧР. Среди них поддержка введения новой валюты составляет всего 18%, а 3/4 выступают против, причем почти половина евроскептического чешского общества – решительно против.

Оценка экономической ситуации

В начале нового века в восприятии текущей экономической ситуации в посттрансформационных странах региона при всех их различиях стабильно преобладал общий критический настрой. Тем не менее, в отдельные годы в оценке экономического положения в центральноевропейских странах позиция их жителей не была столь однозначной. Достаточно отметить, что, начиная с 2006 г. по 2012 г., неблагоприятной ситуацию с экономикой в своей стране считали не более трети жите-

лей Польши. В Чехии и Словакии аналогичный показатель наблюдался в период с 2006 г. до середины 2008 г., а в Венгрии – с 2001 г. до 2003 г.

В *июне 2007 г.* наиболее позитивно обстановку в своей стране характеризовали жители самой динамично развивавшейся в начале первого десятилетия 2000-х годов Польши, за ними с некоторым отрывом следовали словаки и чехи. В отличие от Чехии и Словакии, где оценки за прошедший год значительно не изменились, в Польше отношение общества к экономической ситуации страны стало благоприятней. Это означало, что у поляков продолжался тренд улучшавшейся оценки экономики, который обозначился с 2003 г. Их показатели наиболее позитивные за весь период с 1999 г. Восприятие словаков и чехов в долгосрочном контексте также относительно благоприятней, хотя сопоставимые или даже лучшие результаты здесь уже отмечались в прошлом (в случае ЧР «пик» пройден в начале 2006 г.). Совершенно отлична от всех трех стран оценка положения оказавшейся в самой трудной экономической ситуации Венгрии, население которой характеризовало ее крайне критически. Более половины венгров определяло состояние экономики своей страны как плохое, хотя и наблюдался позитивный сдвиг в сравнении с началом года, когда было почти 2/3 недовольных.

В *2008 г.* вновь лучше всего воспринималась людьми ситуация в Польше – единственной стране с преобладанием позитивной оценки над негативной (32%:21%). Далее с небольшим отрывом следовали Словакия (26%:29%) и Чехия (24%:33%). Хуже всего по-прежнему характеризовалась экономика Венгрии, которую одобряли всего 3% граждан, 73% составляли недовольные. С долгосрочной точки зрения речь здесь шла о худшей почти за десятилетие оценке.

Как показывают результаты опросов *2009 г.*, во всех четырех странах население воспринимало существующее положение чаще отрицательно. В Польше, где показатели были существенно лучше на общем фоне, регистрировалось преобладание негативного отношения (35% против 21% удовлетворенных), причем наибольшая часть общества (40%) выбрала здесь нейтральный ответ: «ни хорошая, ни плохая». В Венгрии, Словакии и Чехии, которые следовали в этой иерархии

за Польшей, ситуация была значительно хуже. Благоприятные суждения о состоянии экономики в этих странах проявлялись лишь эпизодически (3–5%), тогда как негативные оценки явно доминировали, достигая в Венгрии 56%, в Словакии – 63%, а в Чешской Республике – даже 68%.

Подобные взгляды формировались под влиянием наступившего мирового экономического кризиса – по-своему в каждой из стран региона. В Польше, которая в 2009 г. пережила резкое замедление темпов экономического роста, но осталась единственной страной ЕС, которую не постиг абсолютный спад экономики, снижение ее оценки населением было довольно выразительным.

Венгрия находилась в тяжелом экономическом положении уже ряд лет, что отчетливо проявлялось в весьма скептическом восприятии гражданами ситуации в стране, особенно со второй половины 2006 г., когда резко обозначились серьезные проблемы. Переломным моментом послужил известный политический скандал и последующая волна массовых антиправительственных демонстраций после заявления тогдашнего премьера Ф. Дюрчяня, который стремился убедить общественность в необходимости жестких реформ после того, как правительство в течение двух лет скрывало правду о состоянии национальной экономики. Долгосрочные проблемы с дефицитом бюджета и значительной внешней задолженностью страны в годы глобальной конъюнктуры удавалось лишь отодвигать, но не решать. С началом экономического кризиса в США Венгрия явилась одной из первых европейских стран, ощутивших его глобальные последствия. Население страны оценивало отечественную экономическую ситуацию как худшую в регионе стабильно с 2006 г. В последнее десятилетие благоприятные высказывания здесь практически не выявлены. Мнение венгров о состоянии экономики начало меняться к лучшему в 2013 г., эта тенденция усилилась в 2014 г., что соответствовало позитивным сдвигам в самом экономическом положении этой страны.

У чешской экономики, которая после рецессии 1997–1998 гг. непрерывно росла с 1999 г., особенно в 2003–2007 гг., негативные отклонения в оценках были в значительной степени обусловлены в этот период политически мотивированными дебатами о состоянии общественных финансов, бюд-

жетном дефиците и растущем общественном долге. В 2008 г. темпы экономического роста начали замедляться, что проявилось в резком росте критических оценок населения.

Траектория экономического развития Словакии напоминала развитие в ЧР. Быстро растущая словацкая экономика продемонстрировала в 2008 г. стремительное торможение темпа роста, которое с начала 2009 г. перешло в экономический спад. Соответственно и оценка ситуации жителями страны претерпела снижение, идентичное чешскому.

В целом по итогам трансформационного и посттрансформационного периодов, включая довольно успешное по некоторым показателям докризисное развитие, можно говорить о значительной корреляции между оценками текущей экономической ситуации населением стран Вишеградской группы – так наз. новых членов ЕС – и их реальной экономикой. Ведь именно в Польше объем реального ВВП в 2012 г. по сравнению с 1990 г. вырос немногим более, чем в два раза. Вместе с тем, в Словакии он составил 171,6%, Чешской Республике – 146,6%, а в Венгрии – менее 125%.

Оценка материального положения домохозяйств

В этом контексте интересно сравнить оценку жителями экономики стран с их оценкой собственных материальных условий жизни, достижение которыми западноевропейских параметров явилось, пожалуй, ключевой целью всего их пост-социалистического развития, особенно в ходе интеграции в Евросоюз.

Так, в Польше оценка ее жителями текущей экономической ситуации в течение всего периода после 1999 г. была в 2–5 раз ниже собственного материального положения. При этом восприятие последнего за все эти годы демонстрировало устойчивую положительную динамику, достигнув максимума к концу рассматриваемого периода, когда из 43% граждан, считавших свое материальное положение хорошим, 14% стали характеризовать его как очень хорошее.

Оценка собственного материального статуса чехами была еще выше, чем у жителей Польши. В сущности, это отражало только тот объективный факт, что средний уровень жизни в Чешской Республике всегда был выше, чем в других странах

Центральной Европы. Довольно существенно (на 10–15%) поднялась позитивная самооценка чехов после вхождения их страны в ЕС, в результате чего число удовлетворенных своим уровнем жизни чешских граждан стабильно составляло более трети всего населения. Однако в последние три года ЧР по этому показателю явно начала уступать Польше.

Примечательно, что оценка жителями Чехии текущей экономической ситуации оставалась, как и в Польше, в 2–4 раза ниже собственного материального положения, особенно в последние шесть лет.

Аналогичная тенденция наблюдалась и в Словакии, где удовлетворение состоянием своих домохозяйств испытывала примерно четверть ее жителей: за исключением 2007–2010 гг. негативные оценки здесь – в отличие от Польши и Чехии – преобладали над позитивными. Но текущую экономическую ситуацию своей страны как благоприятную (кроме 2007–2008 гг.) характеризовали менее 10% населения.

Таким образом, несмотря на некоторую – в отдельные годы довольно существенную – разницу в показателях, восприятие гражданами текущей ситуации в экономике своих стран и в собственных домохозяйствах на протяжении всего рассматриваемого периода принципиально оставалось одинаковым: собственное благосостояние всегда оценивалось более позитивно, чем положение дел в экономике своих стран.

Кардинально иная ситуация складывалась в Венгрии. Именно здесь намного ниже, чем в других странах региона, оценивалось положение в национальной экономике. Число благоприятно характеризующих ее жителей этой страны изредка и совсем незначительно превышало 5%, исключая, правда, начало века и последние два года – 2013 и 2014. Кроме того, позитивно состояние своих домохозяйств на протяжении всего периода оценивали лишь около 10% венгров. То есть – и это главное – количество венгерского населения относительно довольного экономической ситуацией как страны в целом, так и своих личных домохозяйств, в отличие от трех других стран Центральной Европы, до последнего времени оставалось практически одинаковым и при этом крайне небольшим.

Существует еще одна тенденция, значительно отличающая Венгрию от ее соседей по региону. В первой половине рас-

сма­три­вае­мо­го пе­ри­о­да чис­ло ее жи­те­лей, не­га­тив­но от­но­сив­ших­ся к сво­е­му ма­те­ри­аль­но­му по­ло­же­нию, мож­но впол­не со­пос­та­вить с ко­личес­твом та­ко­вых в трех дру­гих стра­нах. Здесь, как в Поль­ше и Сло­ва­кии, их бы­ло в пре­делах тре­ти, в ЧР – при­мер­но чет­верть. Но, на­чи­ная с 2006 г., чис­ло не­до­воль­ных со­сто­я­ни­ем сво­их до­мо­хо­зяйств в Сло­ва­кии и Че­хии оста­ется при­бли­зи­тель­но по­сто­ян­ным, в Поль­ше ста­биль­но со­краща­ется, а в Вен­грии, на­про­тив, ра­стет, дос­тиг­нув свы­ше по­ло­ви­ны на­се­ле­ния в 2012 г. Понятно, что этот рост про­ис­хо­дит за счет на­се­ле­ния, ра­нее счита­вше­го свое ма­те­ри­аль­ное по­ло­же­ние от­но­ситель­но удо­влет­во­ри­тель­ным. По­доб­ная ди­на­ми­ка по­сво­е­му под­твер­ждает тот факт, что имен­но Вен­грия боль­ше всего по­стра­да­ла по­сле сня­тия барь­е­ров на пу­ти им­пор­та из раз­ви­тых стран ЕС, ра­вно как и из­за их дис­кри­ми­на­ци­он­ной по­ли­ти­ки по до­та­ци­ям в агро­про­мыш­лен­ный сек­тор стран Цен­траль­ной Ев­ро­пы. И лишь с се­ре­ди­ны 2013 г., как и по дру­гим вен­гер­ским по­ка­за­те­лям, на­блю­да­ется по­зи­тив­ный сдвиг.

Оцен­ка смене­ системы в 1989 г.

В на­чале 2014 г. гра­ж­да­не Че­хии, Поль­ши, Вен­грии и Сло­ва­кии опра­шива­лись на те­му о том, сле­до­ва­ло ли, по их мнени­ю, ме­нять об­щес­вен­ную си­сте­му 25 лет на­зад и че­го боль­ше при­не­сли им ре­во­лю­ци­он­ные пе­ре­мены – при­об­ре­те­ний или по­терь.

Об­щес­вен­ность всех че­ты­рех Ви­ше­град­ских стран скло­ня­лась к пред­став­ле­нию о це­ле­со­об­раз­ности про­изо­шед­шей смене­ си­сте­мы. Од­на­ко сте­пень рас­про­стра­нен­ности это­го мнени­я раз­ли­ча­лась по стра­нам ре­ги­она. На­иболь­ше по­зи­тив­но со­бы­тия 1989 г. оце­ни­ва­ли гра­ж­да­не Поль­ши: 71% счита­л их опра­ван­ны­ми, в том чис­ле 39% – «ре­ши­тель­но». Про­ти­во­по­лож­ный взгляд вы­ска­за­ло немно­гим боль­ше де­ся­той ча­сти по­ля­ков (12%). На вто­ром ме­сте по уров­ню одо­б­ре­ния пе­ре­мен ока­за­лась Че­хия, где их под­дер­жи­ва­ли свы­ше 3/5 (63%) на­се­ле­ния. У че­хов более рас­про­стра­не­на сдер­жан­ная оце­нка – «ско­рее одо­б­ряю» (38%), тогда как «ре­ши­тель­но одо­б­ря­ла» лишь чет­верть всех опро­шен­ных. Кро­ме то­го, здесь вы­ше и до­ля тех, кто ду­мал, что смена си­сте­мы в 1989 г. бы­ла «ско­рее» или «ре­ши­тель­но» неопра­ван­ной. По­доб­ным обра­зом вы­ска­за­лись в об­щей слож­ности 29% че­хов. В Сло­ва­кии ре­во­лю­ци­он­ные пре­об­ра­зо­ва­ния по­зи­тив­но оце­ни­ли 56% рес­пон­ден­тов, при­

чем их решительные сторонники составляли менее 1/5. Иной точки зрения придерживался каждый третий словак. Наконец, наибольший скептицизм продемонстрировали жители Венгрии, менее половины (48%) которых назвали произошедшие перемены оправданными, а решительно поддержали их несколько более десятой части граждан страны (12%). Противниками смены системы, состоявшейся четверть века назад, назвали себя свыше трети (37%) венгерского общества.

Аналогично распределились ответы центральноевропейцев на вопрос о соотношении «плюсов» и «минусов» перемен, произошедших после 1989 г. И в этом случае наиболее оптимистичными выглядели граждане Польши, свыше 2/5 (45%) которых рассматривали баланс последствий «бархатной» революции как позитивный, еще свыше четверти (27%) – как уравновешенный и лишь 15% – как в той иной степени отрицательный. В Чешской Республике мнение о пользе трансформации высказали немногим больше трети (37%) респондентов, противоположный взгляд – 29% и почти столько же (30%) считали, что преобразования принесли приобретений столько же, сколько потерь. В Словакии и Венгрии зарегистрирован практически одинаковый результат: немногим больше четверти (27%) оценили перемены, скорее, позитивно – это люди, «выигравшие» от реформ. Вместе с тем 42% венгров и 35% словаков считали, что осуществленные перемены им больше повредили («проигравшие»). Еще треть жителей Словакии и пятая часть Венгрии рассматривала трансформационный баланс как нейтральный.

• • •

Представленное сравнительное социологическое исследование отношения населения стран Вишеградской четверки к ключевым вопросам членства в Евросоюзе не имеет аналогов в регионе. В результате его собран ценнейший массив данных, касающихся динамики взглядов центральноевропейских обществ на организацию ЕС на пороге вступления в него и в процессе десятилетнего членства, на негативное влияние мирового финансового кризиса и других обстоятельств на материальное положение жителей отдельных стран и их экономику, на готовность людей заменить отечественную валюту

общим евро и как результат – на оценки смены систем спустя четверть века после революционных сдвигов 1989 г., через полтора десятилетия открывших перспективу интеграции бывших соцстран Центральной Европы в Евросоюз.

Отношение к ЕС в странах региона определяется, прежде всего, оценкой материального положения респондентов и состояния экономики их стран, тем более, что выравнивание западно- и восточноевропейских экономических параметров считалось фундаментом евроинтеграции. Однако в восприятии текущей экономической ситуации во всех странах стабильно преобладал общий критический настрой, собственное благополучие стабильно оценивалось более позитивно. Две противоположности составляет мнение жителей Польши как страны с наиболее позитивным и демонстрирующим устойчивую положительную динамику отношением к экономической стороне членства в ЕС и Венгрии, пережившей за десять лет членства в союзе драматический спад оценок материального благополучия (до 5–10% удовлетворенных). Лишь в последние годы эта тенденция начала меняться. Чешское общество, уровень жизни населения которого традиционно опережает остальные страны региона, спустя десять лет членства оценивает его хуже всего. В рассматриваемый период обнаружился значительный рост скептицизма населения всех стран относительно вступления в еврозону (кроме уже вошедшей в нее Словакии). Наименьшую готовность перейти на евро демонстрировали граждане ЧР, причем половина евроскептического населения страны решительно против замены кроны на евро.

Поэтому наиболее позитивно в 2014 г. оценивали целесообразность смены систем поляки, а наименее – венгры, лишь каждый десятый из которых поддержал перемены. Почти вдвое больше граждан Польши отдавали приоритет «плюсам» «бархатной» революции над «минусами». В Чехии доли сторонников пользы и вреда трансформации были примерно одинаковыми. А в таких новых членах ЕС, как Венгрия и Словакия, доля проигравших от проведения реформ в полтора раза превосходила долю выигравших от произошедших перемен.

РАЗДЕЛ III

ВЕНГРИЯ И ПОЛЬША: РЕВОЛЮЦИИ В ПРОШЛОМ, ЭВОЛЮЦИЯ В НАСТОЯЩЕМ

А. С. Стыкалин*

Глава 12.

Венгерская осень 1956 г.: оценка событий в СССР и посткоммунистической Венгрии 2000–2010-х гг.

В центре внимания статьи – процесс пересмотра руководством КПСС и СССР прежних оценок венгерского восстания 1956 г. и советской акции по ее подавлению, происходивший в конце 1980-х годов, в условиях распада социалистической системы, и некоторые отзвуки этого процесса в посткоммунистической Венгрии 2000–2010-х гг.

Ключевые слова: Венгрия, события 1956 г., Горбачев, Восточная Европа, 1989 г.

The author concentrates on the evolution of the Soviet official view on the Hungarian events of 1956 in the years of Gorbachev's «perestroika» in connection with the crash of Communism in Central-Eastern Europe. He also touches some specific features of the reception of the Hungarian 1956 in the postcommunist Hungary of the XXI century.

Keywords: Hungary, Hungarian events of 1956, Gorbachev, Eastern-Central Europe of 1989.

Первым советским официальным документом, в котором содержалась оценка драматических венгерских событий осени 1956 г., стала Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами, принятая 30 октября, через неделю после начала мощного восстания в Будапеште, и опубликованная на следующий день в «Правде». В ней гово-

* Александр Сергеевич Стыкалин – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН.

рилось о том, что силы реакции и контрреволюции быстро присоединились к справедливому движению рабочих с целью использовать их недовольство для подрыва основ народно-демократической системы в Венгрии и для восстановления власти помещиков и капиталистов. Более развернутая оценка была дана в выступлении министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова на пленарном заседании Генассамблеи ООН 19 ноября: «Действия народных масс, выступивших 23 октября против тяжелых ошибок и извращений, допущенных прежним руководством Венгрии, были совершенно законными. Вскоре, однако, это здоровое движение попытались использовать в своих целях реакционные фашистские элементы, которые стремились подорвать народно-демократический строй и свергнуть его. Уже 23 октября, когда в Будапеште проходила демонстрация, в которой приняло участие немало трудящихся, воодушевленных хорошими побуждениями, руководители контрреволюционного подполья вывели на улицы заранее сколоченные вооруженные группы. Они спровоцировали в Будапеште массовые беспорядки, переросшие затем в мятеж антинародных сил», сделавший неотложной задачей по оказанию братской Венгрии интернациональной помощи, дабы предотвратить установление фашистского режима¹. Версия о том, что к изначально мирному, здоровому движению примазались поощряемые извне контрреволюционеры, нашла отражение и в публицистике конца 1956 – начала 1957 гг. Правительство И. Надя обвинялось, прежде всего, в слабости, сам Надь в уступчивости и оппортунизме, но никак не в предательстве социализма, большой акцент делался на критике прежнего руководства, команды Ракоши². Однако в течение считанных недель такая оценка была откорректирована; в пропагандистских брошюрах, написанных выезжавшими в Венгрию журналистами, события все чаще трактовались как контрреволюция с самого начала, а Надь обвинялся в сознательном предательстве³. Некоторые из изданий представляли собой тенденциозно выполненные подборки материалов, призванные проиллюстрировать априорно заданный тезис о контрреволюционном характере событий и реальной фашистской угрозе⁴.

Первые публикации в научных изданиях, в частности, исторических журналах, относятся к концу 1957 г. Подготовле-

ны они были в духе программных документов своего времени и едва ли не в первую очередь выступления Н. С. Хрущева на встрече с писателями в мае 1957 г., где делался акцент на роли творческой интеллигенции в идейной подготовке венгерской «контрреволюции» и давались соответствующие предупреждения советским литераторам⁵. В соответствии с заказом партийно-идеологических инстанций авторы статей стремились выявить и показать взаимосвязь между «ревизионистским наступлением» весны-лета 1956 г. (Кружок Петефи и т.д.) и последующей «контрреволюцией»⁶.

Версия о «контрреволюционном путче», организованном прежними эксплуататорскими классами при активном участии международного империализма, а также о братской интернациональной помощи Венгрии со стороны Советского Союза, занимала монопольное положение в научных работах, изданных по этой теме в СССР, на протяжении трех десятилетий⁷. Конечно, помимо официальной, в СССР существовали и иные точки зрения⁸. Их придерживались не только участники диссидентского движения, на зарождение которого повлияли и венгерские события⁹, но и некоторые профессиональные историки. Один из них, ленинградец В. М. Алексеев, в своей работе на основе крайне ограниченного круга доступной ему литературы попытался выявить причины венгерского восстания, его движущие силы и историческое значение. Завершенное в 1980-е гг. исследование, достаточно аргументированно опровергавшее официальную версию «контрреволюции», было опубликовано только в 1996 г.¹⁰.

С приходом в 1985 г. к руководству КПСС М. С. Горбачева и его команды в Кремле и на Старой площади постепенно намечается более критическое отношение к советской политике в условиях венгерского кризиса 1956 г., ее методам, возникают сомнения в эффективности и результативности силового подхода с точки зрения долгосрочных интересов СССР и мирового коммунистического движения. Сам Горбачев 3 июля 1986 г. на заседании Политбюро говорил, по свидетельству его помощника А. С. Черняева, о том, что методы, примененные в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., в новых условиях неприемлемы¹¹. Москва постепенно отказывалась от функции «верховного арбитра», несущего всю ответственность за

судьбы лагеря и обладающего правом по своему усмотрению решать, что является истинным социализмом, а что подлежит отлучению и наказанию. Однако опережать лидеров социалистических стран в переоценке событий, происходивших в самих этих странах, в Москве, конечно же, не собирались. Осенью 1986 г., в год 30-летия «будапештской осени», в советской научной периодике, как и в венгерской, однозначно доминировала концепция контрреволюции, на русский язык переводится книга Я. Береца «Крах операции “Фокус”: контрреволюция пером и оружием»¹². В условиях только что начавшейся перестройки охранительная позиция советской печати комментировалась на Западе как свидетельство нежелания официальной Москвы идти на концептуальный пересмотр своей внешней политики. Особенно много об этом писала русская эмигрантская пресса, отметившая 30-летний юбилей венгерской революции большим числом публикаций, в том числе спецвыпусками журналов «Страна и мир» (Мюнхен), «Проблемы Восточной Европы» (Нью-Йорк, позже издавался в Вашингтоне). Некоторый шаг вперед в осознании советской читающей публикой неоднозначности венгерских событий был ознаменован публикацией в 1988 г. в сокращенной версии книги Л. Дюрко – продукта переходного этапа в венгерской историографии второй половины 1980-х гг.¹³

В начале 1989 г. в Москве не могли не отреагировать на знаменитое радиовыступление одного из лидеров ВСРП И. Пожгаи, с которого началось изменение официальной венгерской трактовки событий 1956 г. как контрреволюции. Посольство СССР в Будапеште направило в конце января в МИД три телеграммы по этому вопросу, которые незамедлительно были пересланы в ЦК КПСС. Помощник Горбачева А.С. Черняев в письме своему шефу от 1 февраля выразил мнение, что «надо поручить готовить нашу позицию по 1956 году», однако делать это без суеты¹⁴.

К лету 1989 г. группа экспертов международного отдела ЦК КПСС во главе с заместителем заведующего отделом В.Л. Мусатовым, ознакомившись с некоторыми прежде закрытыми архивными материалами, подготовила рабочий документ, в котором впервые была предпринята попытка взглянуть по-новому на октябрьские события 1956 г. в Венгрии¹⁵. Необходи-

мо при этом иметь в виду существование целого ряда факторов, препятствовавших радикальной переоценке. Во-первых, большое количество человеческих жертв вследствие событий осени 1956 г., причем среди них были и сотни советских военнослужащих¹⁶. Во-вторых, хотелось по возможности избежать осуждения Я. Кадара и его соратников, которые в сложной обстановке начала ноября 1956 г. смогли удержать страну в Организации Варшавского договора, а на протяжении трех последующих десятилетий последовательно выступали за стабильные и дружественные советско-венгерские отношения (такая установка в отношении Кадара и его роли продолжала сохраняться и после его кончины в июле 1989 г.).

Как бы там ни было, характеристика событий как контрреволюции была признана упрощенной; оставить в силе эту оценку означало бы оправдание беззаконий, вершившихся в Венгрии в годы правления Ракоши. Обращалось внимание и на то, что большинство участников массового движения стояло на платформе социализма, выступая, прежде всего, против сталинских «искажений». В то же время участие в событиях экстремистов, вершивших насилие на улицах Будапешта и других городов и отнюдь не преследовавших цели «улучшения социализма», не позволяло однозначно говорить о справедливом характере «народного восстания»; в последние дни октября суть происходившего в немалой мере определяли именно террористические акции (в том числе кровавая расправа над безоружными людьми около здания будапештского горкома 30 октября). В сложившейся острой ситуации советскому руководству, как отмечалось в документе, не удалось избежать вмешательства в венгерские дела, что означало нарушение суверенитета страны. Вместе с тем, со стороны СССР отнюдь не ставилось целью восстановить в Венгрии власть команды Ракоши, полностью скомпрометировавшей себя. Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами была названа документом, свидетельствующим о поисках политических путей разрешения кризиса. В то же время в условиях суэцкого конфликта и обострения холодной войны Советский Союз должен был реально считаться с неже-

лательной перспективой утраты Венгрии как своего союзника и это не могло не повлиять на выбор окончательного решения, согласованного с другими партиями, включая КПК и СКЮ¹⁷.

Новый взгляд на события осени 1956 г. в Венгрии нашел отражение и в печати. На страницах журнала «Новое время» были предприняты осторожные попытки, отказавшись от ярлыков и жестких формулировок, скорректировать привычный односторонний подход таким образом, чтобы не создавалось впечатление радикальной переоценки; акцент делался на неоднозначности происходившего¹⁸. Та же позиция, хотя и в меньшей мере, проявилась и на заключительном этапе работы над соответствующими главами большого синтетического труда – «Краткой истории Венгрии с древнейших времен до наших дней»¹⁹. Однако в некоторых публикациях 1989–1990 гг. продолжал по инерции господствовать прежний, однозначно «контрреволюционный» подход. Это касалось и мемуаров генерала армии П. Н. Лащенко, в 1956 г. генерал-лейтенанта, командовавшего Особым корпусом советских войск в Венгрии²⁰. Лащенко и другой участвовавший в военной акции генерал, Г. И. Обатуров, обратились к М. С. Горбачеву с письмом, в котором выразили решительный протест против ревизии подхода к венгерским событиям как к «контрреволюционному путчу»²¹. Преодолению в научном сознании сложившихся идеологических клише в некоторой мере способствовало ознакомление квалифицированного отечественного читателя с исследованиями зарубежных авторов, благодаря реферативным изданиям ИНИОНа²².

Выраженное помощником М. С. Горбачева А. С. Черняевым мнение о невмешательстве Москвы во внутренние венгерские дела, связанные с переоценкой событий 1956 г., не было единственным в среде советской партийно-государственной номенклатуры. Иной позиции придерживался председатель КГБ СССР В. А. Крючков (осенью 1956 г. служивший под началом Ю. В. Андропова третьим секретарем посольства СССР в Венгрии). Развернувшаяся в Венгрии кампания по пересмотру характера тех событий, по мнению Крючкова, была направлена на «дискредитацию всего пути, пройденного ВСРП, подрыв авторитета партии и ее нынешнего руководства, разжигание недружественных Советскому Союзу настроений»²³.

Для того, чтобы по возможности воспрепятствовать ее проведению, Крючков предлагал передать в распоряжение партаппарата ВСРП хранившиеся в архивах КГБ документы 1930-х годов, проливающие свет на неблагоприятную роль И. Нады как агента-осведомителя органов НКВД, якобы виновного в аресте и гибели некоторых венгерских коммунистов. Учитывая популярность И. Нады среди сторонников кардинальных реформ и превращение этого политика в своего рода символ сопротивления венгерского общества навязываемым ему извне формам правления, его компрометация могла стать орудием (насколько эффективным – это другой вопрос) контрреформаторских сил в ВСРП в их противоборстве со своими оппонентами. В.А. Крючков убедил членов Политбюро ЦК КПСС в том, что предложенный им шаг отвечает интересам СССР, поскольку ослабил бы политические и моральные позиции антисоветски настроенных сил в рядах активизировавшейся в 1989 г. и уже открыто претендовавшей на власть венгерской оппозиции. Документы были переданы в Будапешт²⁴, и первый секретарь ЦК ВСРП Карой Грос доложил партийному пленуму о раскрывшихся фактах, которые весьма болезненно воспринимались большинством партактива. Не только реформаторски настроенные председатель ЦК ВСРП Режё Ньерш и премьер-министр Миклош Немет, но и гораздо менее последовательный в этом отношении К. Грос пришли к выводу о нецелесообразности обнародования полученных из Москвы документов, поскольку оно лишь подлило бы масла в огонь политического противостояния, но отнюдь не повлияло бы на происходящий пересмотр исторических оценок. ЦК КПСС давления не оказывал, предоставив венграм право самим выносить оценки. Документы об И. Наде, о которых идет речь, не публиковались до 1993 г.

После последовавших осенью 1989 г. в ряде стран Восточной Европы революционных событий и падения режимов, не заинтересованных в пересмотре оценок политики СССР на восточноевропейском направлении, новая советская позиция невмешательства во внутренние дела стран региона (а, следовательно, и в ревизию прежних официальных оценок) звучала с еще большей однозначностью. На пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. М.С. Горбачев говорил: «Мы твердо встали на

путь товарищеских отношений, невмешательства в дела наших братских партий, тем более стран. И это – путь правильный. Это – один из главных уроков нашей предшествующей деятельности, нашей истории, взаимоотношений с социалистическими братскими странами»²⁵. Этому предшествовало опубликованное вскоре после «бархатной революции» в Чехословакии Заявление Советского правительства о пересмотре оценки ввода войск в эту страну в августе 1968 г.²⁶

Летом 1990 г., вскоре после парламентских выборов в Венгрии, завершившихся убедительной победой правоцентристской коалиции, комиссия по иностранным делам Госсобрации Венгерской республики обратилась в Верховный Совет СССР с требованием осудить действия СССР в октябре-ноябре 1956 г., но это обращение осталось тогда без ответа²⁷. Позже, в 1991 г., уже после августовского путча, в дни 35-летия венгерского восстания аналогичное по содержанию открытое письмо направила М. С. Горбачеву группа из 20 конгрессменов США, но президент СССР не торопился на него публично реагировать, исходя из того, что новое руководство страны, обладающее совсем иным политическим мышлением, не считает ту давнюю акцию правильной и вместе с тем не несет ответственности за действия своих предшественников²⁸. Но на встрече в Москве с премьер-министром Венгрии Й. Анталлом он все же осудил советское вмешательство²⁹. Это произошло в начале декабря 1991 г., за считанные дни до распада СССР и прекращения полномочий Горбачева.

Президент России Б. Н. Ельцин, посетив Венгрию в ноябре 1992 г., выступил 11 ноября с речью в Госсобрании Венгерской республики, ставшей одним из первых программных внешнеполитических документов посткоммунистической власти, касавшихся политики России на восточноевропейском направлении³⁰. Согласно оценке Ельцина и его команды, трагедия 1956 г. «навсегда останется несмываемым пятном» на советском режиме; «следы от гусениц танков, которые перепачивали улицы Будапешта, навечно отпечатались в душах тех, кому дороги идеалы свободы и демократии», а этих людей – большинство и в Венгрии, и в России. Действия СССР в Венгрии осенью 1956 г. были расценены как проявление тоталитаризма, который, как «любая тирания, никогда не замыкается

рамками одной страны». Венгерское национальное восстание было поставлено в контекст тех исторических процессов, которые привели в конечном итоге к ликвидации власти КПСС. Отмежевываясь от «идеологии насилия» и соответствующей политической практики, президент РФ заверил венгерскую элиту в том, что новая Россия не унаследовала от СССР амбиций «старшего брата». В качестве жеста доброй воли венгерскому правительству была передана большая порция документов из российских архивов (в их отборе в соответствии с поручением тогдашнего главы российского архивного ведомства Р.Г. Пихои принимал участие и автор этих строк). Это позволило в последующие несколько лет осуществить качественный прорыв в изучении роли советского фактора в венгерских событиях 1956 г.³¹ Венгерская историография и общественное мнение, где пересмотр отношения к сути событий 1956 г. начался задолго до этого, была в полной мере подготовлена к этому скачку³².

Таким образом, коренной пересмотр советской, а затем и российской элитой характера венгерских событий 1956 г., сопровождавшийся признанием не только политической нецелесообразности, но и юридической незаконности внешней военной акции по подавлению будапештского восстания, был закономерно предопределен процессами, происходившими в конце 1980-х – на рубеже 1990-х гг. (кризис и последующий крах КПСС в роли монополюбно правящей партии, распад советского блока и изменение характера отношений между СССР, затем Россией, и бывшими социалистическими странами Центральной и Юго-Восточной Европы).

Что касается самой Венгрии, то провозглашение в 1990 г. дня начала восстания 1956 г., 23 октября, национальным праздником повысило официальный статус этой памятной даты, и до этого на протяжении трех с половиной десятилетий зримо присутствовавшей в национальной исторической памяти³³. Всю прошедшую с тех пор четверть века изучение событий осени 1956 г. в широком контексте национальной и мировой истории оставалось одним из магистральных направлений венгерской исторической науки, этому кругу проблем посвящена не одна сотня работ. Вместе с тем «будапештская осень» (или память о ней) продолжает активно присутствовать не

только на страницах научных изданий, учебников, в СМИ и кинодокументалистике, но и в конкурентной политической борьбе, сильно обострившейся в Венгрии начиная со второй половины 2000-х годов, в условиях углублявшегося экономического кризиса, безуспешных попыток леволиберальных правительств улучшить положение и возвращения в 2010 г. к рулю управления страной команды ФИДЕСа во главе с В. Орбаном. Достаточно вспомнить довольно бурную осень 2006 г. Организаторы уличных политических митингов тех месяцев настойчиво пытались актуализировать в историческом сознании венгерской нации память о событиях 1956 г., возродить некоторые символы «будапештской осени», вызвать к жизни «духи прошлого». Так, в некоторых массовых действиях тех недель, свидетелем которых был и автор этих строк, открыто имитировались и даже цитировались конкретные формы и проявления массового движения 1956 г. подобно тому, как осенью 1956 г. молодежь следовала традициям революции 1848 г., что проявилось тогда и в выборе маршрутов шествий, и в специфической форме изложения требований в прокламациях из 12–16 пунктов. В 2006 г. основные митинги проходили в эпицентрах наиболее бурных событий 50-летней давности. Толпа, как и в 1956 г., размахивала национальными флагами с дырой посередине – на месте зияющей дыры после 1949 г. красовался герб ВНР. Все это содержало в себе ярко выраженные элементы карнавальности и бутафории. Достаточно сказать об извлеченном из музейных запасников и заведенном, «рычащем», советском танке, призванном, по мнению политиков новой генерации, символизировать преемственность в событиях. Игра на параллелях между происходившим осенью 1956 г. и осенью 2006 г. проявилась во многих митинговых речах. В который уже (кстати, заметим, далеко не в последний) раз политики, в большинстве своем родившиеся уже после 1956 г., апеллировали к наследию «будапештской осени» для того, чтобы скомпрометировать своих же сверстников в глазах потенциальных избирателей. Между тем, кардинальное различие событий 1956 и 2006 гг. особенно четко проступало при сопоставлении их внешнеполитических аспектов. Это хорошо понимали и венгерские правые, склонные к националистической риторике. Ведь в отличие от осени 1956 г. теперь уже не было

ни малейших оснований говорить хотя бы о минимальном российском вмешательстве во внутренние дела суверенного государства, о стоящих на повестке дня задачах национально-освободительного характера. В силу этого любые попытки проведения параллелей носили заведомо фарсовый характер. Молодежь, митинговавшая осенью 2006 г. у стен парламента, адресовала свои конкретные претензии отнюдь не Москве, а своим собственным властям, не сумевшим справиться с экономическими проблемами³⁴.

Не лишне в этом контексте напомнить и об эволюции взглядов и амплуа Виктора Орбана, наиболее яркой, незаурядной фигуры посткоммунистической Венгрии, уже более четверти века играющего одну из первых скрипок (часто именно первую) на венгерской политической арене. Будучи в Венгрии в исторические недели лета 1989 г., когда набрал динамику процесс «смены систем», помнится жесткость и наступательность его не только антисоветской, но в немалой мере и антироссийской риторики на митинге в связи с перезахоронением останков Имре Надя. Однако убедившись в последующее десятилетие, что не так уж легко выдерживать конкуренцию с посткоммунистами кадаровской выучки в борьбе за голоса либерально настроенного избирателя, прежний ультралиберал трансформируется в последовательного консерватора с сильным националистическим дискурсом. Избранная новая политическая ниша, заставив умелого популиста Орбана менять всю программную риторику, дала ему в условиях кризиса и массовых разочарований в прежней политике новые возможности для завоевания избирателя. Ярый проатлантист превращается в одного из самых громких евроскептиков, чему, впрочем, сильно благоприятствовал сложившийся еще при социалистических правительствах важный внешнеэкономический вектор, ибо Венгрия лишь ценой колоссальных потерь могла отказаться от реализации выгодных проектов сотрудничества с Россией в экономической, особенно энергетической сфере. По контрасту с годами его первого премьерства (1998–2002), российское направление провозглашается теперь зрелым Орбаном одним из приоритетных в венгерской внешней политике. Но апелляция исторической политики властей к опыту «будапештской осени» отнюдь не

сходит на нет, не вытесняется на обочину исторической памяти, а тем более (вопреки ожиданиям некоторых плохо знающих венгерские реалии официозных российских политических наблюдателей) не оборачивается апологетикой любых советских действий в Венгрии эпохи социализма. Речь идет теперь все больше о поисках (с учетом многообразного исторического опыта) новых возможностей внешнеполитического балансирования малой страны в условиях обострения геополитического соперничества более крупных держав. Здесь, действительно (при всей неповторимости конкретных явлений), приходят на ум некоторые, может быть, тоже не всегда обоснованные исторические параллели – например, с осторожными попытками хортистских премьер-министров графа П. Телеки и М. Каллаи расширить поле самостоятельных внешнеполитических маневров в тени нацистской Германии. Или же вспоминается активизация Яношем Кадаром (лояльным союзником СССР) внешнеэкономического сотрудничества с Западом в 1970-е гг. в интересах превращения Венгрии в витрину мирового социализма. Однако тот же Кадар в августе 1968 г. в условиях чехословацкого кризиса предпочел после долгих колебаний подчеркнуть свою верность союзническим обязательствам в надежде (как оказалось, тщетной) на спасение реформ и в силу опасений новых осложнений в отношениях с СССР³⁵. Как август 1968 г. продемонстрировал всему миру ограниченность суверенитета не только Чехословакии, но и кадаровской Венгрии – члена ОВД, так и весна 2015 г. не дает никаких оснований усомниться в ограниченности суверенитета орбановской Венгрии – члена НАТО, ЕС и шенгенской зоны. Реформаторская программа кадаризма реализовывалась в 1968 г. в условиях объективных исторических лимитов, наложенных на страну ялтинско-потсдамской моделью, также и сегодняшние демагогические программные обещания Орбана о превращении унаследованного от посткоммунистов «драндулета с дутыми шинами» в конкурентоспособный гоночный автомобиль если и могут быть на практике до известной степени воплощены, то только (это прекрасно понимает и сам венгерский лидер!) в рамках уже состоявшегося исторического и геополитического выбора Венгрии. Особая позиция Орбана в вопросе о санкциях против России в условиях современного

украинского кризиса, обусловленная реальной ролью российского фактора в венгерской экономике и первостепенностью национальных приоритетов для сохранения этим политиком своего лица (и голосов избирателей), ни в коей мере не ставит под сомнение избранный еще на рубеже 1980-х – 1990-х гг. европейский и евроатлантический выбор Венгрии, поддержанный и, судя по всем опросам, до сих пор последовательно поддерживаемый большей частью населения страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Оценка венгерских событий содержалась также в письмах советского правительства лидерам западных держав в связи с Суэцким кризисом. См., в частности: Правда. 1956. 6. 11; 16. 11; 20. 11.

² *Долматовский Е.А.* В Венгрии весной 1957 г. М., 1957; Захарченко В., Попов Ю., Стародуб А. Будапешт, октябрь-ноябрь 1956 г. О том, что мы видели своими глазами. М., 1956.

³ Что произошло в Венгрии. Репортаж. М., 1956; Толкунов Л., Одинец М. Венгрия сегодня. М., 1957.

⁴ О событиях в Венгрии. Факты и документы. М., 1957. (Англоязычное издание, предназначенное для изложения официальной советской точки зрения перед зарубежной аудиторией: *The Truth about Hungary: Facts and Eyewitness Accounts.* Moscow, 1957). К этой же категории относились и переводные издания, авторы которых (в том числе посещавшие Венгрию журналисты из социалистических стран либо западной коммунистической печати) трактовали события в духе советской официальной версии. См.: Пристер Е. Венгерский репортаж. М., 1957; Штиби Г. Я пережил венгерские события. М., 1957; Штиби Г. Я видел Венгрию. М., 1957.

⁵ «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г. // Источник, 2003. № 6. С. 77–88. Первый секретарь ЦК КПСС сделал принципиально важное (по сути дела программное) заявление о том, что в новых условиях борьба с культом личности «является для нас уже пройденным этапом», в свете опыта венгерских событий более актуальной становится борьба с ревизионизмом. Вспоминая годы юности, оратор поведал об опасности детской игры со спичками – игры, в результате которой возникали пожары, и, между прочим, предупредил слушателей, что у властей есть способы борьбы как с пожарами, так и с опасными играми в спички. В среде творческой интеллигенции, до тех пор питавшей некоторые иллюзии в отношении позиции Хрущева, откликнулись незамедлительно. «Пахло арестами,

тем более что Хрущев в своей речи сказал, что мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов», – вспоминал писатель В. Каверин. См.: Оттепель 1957–1959. Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 375.

⁶ См.: *Израэлян В.Л., Николаев Н.Н.* Из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года // Вопросы истории. 1957. № 12. Та же тенденция отличала переводные работы венгерских авторов, в том числе члена Политбюро ВСРП, одного из идеологов партии Д. Немеша. См.: Немеш Д. Ревизионизм и контрреволюция в Венгрии // Новая и новейшая история. 1958. № 6.

⁷ История Венгрии. Т. 3. М., 1972 (главу о консолидации кадаровского режима в 1956–1962 гг. писал В. А. Крючков, в 1956 г. третий секретарь посольства СССР в Венгрии, а в 1988–1991 гг. – председатель КГБ СССР); Безушко П. П. Контрреволюционные силы и строительство социализма в Венгрии. М., 1971. Та же точка зрения нашла отражение и в синтетических трудах по истории внешней политики СССР, а также по всемирной истории. См.: История внешней политики СССР. 1917 – 1976 гг. В 2 томах. 3-е, дополненное издание. Том 2. 1945–1976 гг. М., 1977. С. 266–269; Всемирная история. В 13 томах. Том 12. М., 1979. С. 53, 90, 91.

⁸ *Любищев А.А.* О смысле и значении венгерской трагедии. Предисловие и публ. М. Д. Голубовского // Знамя. 1991. № 10. С. 173; Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3–6; 2000. № 1–6; Пустынцев Б. Что мы помним о Венгрии 1956 года? // Звезда. 2006. № 10. О широком спектре отношения советского общества (в том числе интеллигенции) к венгерским событиям см.: Стыкалин А. С. Венгерские события 1956 г. и советское общество // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сборник статей. Отв. ред. Н. И. Басовская. М., 2009. С. 183–197.

⁹ См.: 1956. Осень в Будапеште. Ред.-составитель В. Ф. Коркин М., 1996. С. 195–216; «По данным агентуры и оперативной техники...». Справка КГБ СССР об академике Л. Д. Ландау. Публ. С. С. Илизарова при участии В. Ю. Афиани и др. // Исторический архив. 1993. № 3. С. 151–161.

¹⁰ *Алексеев В.* Венгрия, 56. Прорыв цепи. Предисловие В. Шейниса. М., 1996.

¹¹ В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. М., 2006. С. 61.

¹² Версия об активном участии в событиях вооруженных банд, посланных с Запада, нашла отражение и в синтетических трудах второй половины 1980-х гг. по истории международных отношений. См.: История международных отношений и внешней политики СССР,

1917–1987 гг. В 3 томах. Том 2. 1945–1970 гг. Под редакцией Г. В. Фокеева. М., 1987. С. 245, 246. Особенно усиленно она тиражировалась в политико-пропагандистской литературе. См., например: Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории. М., 1987. С. 368, 371. Во всех этих работах необходимость советского военного вмешательства пытались доказать с позиций защиты не просто социализма, а той его модели, которая сложилась в Венгрии в 1950-е гг. Но это вступало в противоречие с трактовкой самим М. С. Горбачевым истоков трудностей, возникавших в ходе социалистического строительства в странах Восточной Европы. См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987. С. 168.

¹³ Дюрко Л. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий. Главы из книги // Иностранная литература. 1988. № 7, 8.

¹⁴ Архив Горбачев-Фонда. Фонд Черняева. Док. 7403. Необходимо иметь в виду, писал А. С. Черняев: «даже если Грос (К. Грос, сменивший в мае 1988 г. Я. Кадара на посту первого секретаря ЦК ВСРП – А.С.) согласится с нашей оценкой, он не сможет ее реализовать, потому что вряд ли уже владеет идейно-политической ситуацией. Тем самым мы и его, и себя поставим в неловкое положение». Начавшаяся переоценка событий «будапештской осени» (принявшая к весне просто «обвальный» характер) была воспринята как один из важных симптомов продолжающейся сдачи позиций ВСРП, что, конечно, не могло радовать руководство КПСС. Тем не менее, делался вывод о необходимости устраниваться от вмешательства в идейно-политическую борьбу, которая разыгралась в Венгрии вокруг вопроса о характере октябрьских событий. «1956 год для венгров сейчас – частность, хотя и в контексте угрозы общего развала в стране. И мы будем выглядеть не очень солидно, если в такой момент на высшем уровне «проявим беспокойство» лишь по этому конкретному пункту, затрагивающему наше прошлое», – продолжал Черняев. По его мнению, надо «стараться удерживать проблему 1956 года на уровне научного спора, не допускать превращения ее в политическую полемику с кем бы то ни было (как, впрочем, и с нашим 1939 годом)». Архив Горбачев-Фонда. Там же. Параллели с 1939 г. были закономерны, поскольку в свете предстоящего 50-летия начала Второй мировой войны в прибалтийских республиках СССР все более активно поднимался вопрос о переоценке советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Причем вопрос этот ставился в плоскость актуальной политики, связывался с признанием нелегитимности ввода советских войск в Прибалтику летом 1940 г.

¹⁵ В обсуждении документа в процессе его разработки принимали участие и ведущие специалисты-унгаристы из академических институтов (Т. М. Исламов и др.).

¹⁶ По этой причине экспертам аппарата ЦК КПСС, по признанию В.Л. Мусатова, было куда проще пойти на кардинальную переоценку советских действий в Чехословакии в августе 1968 г. См.: Muszátov V. Moszkva és 1956. Viták 1989–1990 között a Szovjetunióban // História. Bp., 1997. № 8.

¹⁷ Ibidem. По свидетельству В.Л. Мусатова, мнение советских специалистов было изложено венгерской стороне в ходе межпартийных консультаций летом 1989 г.

¹⁸ См.: Леонидов В. (псевдоним зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС В.Л. Мусатова). В поисках истины (о событиях в Венгрии в 1956 г.) // Новое время. 1989. № 24. С. 28–31; Поиск истины продолжается. Что происходило в Венгрии в октябре–ноябре 1956 г. Круглый стол // Новое время. 1989. № 27. С. 32–36.

¹⁹ Книга, писавшаяся во второй половине 1980-х годов, вышла только в 1991 г. (Отв. редактор Т.М. Исламов, автор глав по новейшей истории А.И. Пушкин).

²⁰ Лащенко П.Н. Венгрия, 1956 год // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 42–50. Представленную в этом источнике позицию были призваны подкрепить перепечатанные статьи маргинальных венгерских авторов. См.: Фориж Й. О контрреволюции в Венгрии // Военно-исторический журнал. 1990. № 8.

²¹ Muszátov V. Op. cit. Такая позиция находила понимание и в «братских» партиях, чьи лидеры резонно опасались утраты власти вследствие развернувшихся в обществах этих стран демократических процессов. Хрущев «своими реформами вызвал 56-й год в Венгрии. А теперь вот Горбачев дестабилизирует социалистическое содружество», – говорил советским эмиссарам болгарский лидер Т. Живков. См.: В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). Издание 2-е, дополненное. М., 2008. С. 137.

²² См., например: Политическая история стран Восточной Европы после 1945 г. в зарубежных исследованиях М., 1991.

²³ Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. 1993. № 1. С. 71.

²⁴ «Если ЦК ВСРП сочтет целесообразным создание комиссии для дополнительного выяснения деятельности И. Надя в период его жизни в СССР и обратится к нам, то с советской стороны будет сделано все необходимое для прояснения интересующих венгерскую сторону вопросов. Что касается оценок политической деятельности И. Надя, в том числе во время событий 1956 года, то, по нашему мнению, этот вопрос относится к компетенции ВСРП и венгерской исторической науки» (Текст указаний послу СССР в Будапеште в связи с обращением Р. Ньерша. Не позднее 18 сентября 1989 г. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 103. Д. 182. Л. 69. См.

также постановление Политбюро ЦК КПСС «Об ответе на обращение Р. Ньерша». 18 сентября 1989. Там же. Ф. 3. Оп. 103. Д. 182. Л. 12.

²⁵ Цит. по стенограмме пленума: Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 342. Л. 39–48.

²⁶ Правда. 1989. 5. 12. В нем отмечалось: «Вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 г. не было обоснованным, а решение о нем в свете известных теперь фактов было ошибочным». В опубликованном тогда же совместном заявлении руководителей всех стран ОВД (включая Венгрию), принявших в августе 1968 г. участие в чехословацкой акции, также говорилось, что ввод войск в Чехословакию явился вмешательством во внутренние дела и должен быть осужден. См. записку Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлева и соответствующее постановление Политбюро ЦК КПСС. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 191. Л. 21, 112.

²⁷ Следствием парламентского обращения явилось постановление Политбюро ЦК КПСС «Об изучении архивов ЦК КПСС, касающихся событий 1956 г. в Венгрии». В нем отмечалось, что переоценка в законодательном порядке характера событий и объявление дня их начала – 23 октября – национальным праздником «демонстрирует стремление новых венгерских властей сделать этот вопрос одним из центральных в своей политике смены общественно-политического строя в стране. Беспрецедентное по резкости обращение венгерского парламента к Верховному Совету СССР с требованием осудить тогдашнее советское военное вмешательство свидетельствует об их намерении использовать этот вопрос как средство давления на нас». В этих условиях решено было занять более наступательную позицию: «Необходимость новых аргументированных выступлений с нашей стороны по этой теме, в том числе с использованием материалов архива ЦК КПСС, представляется в свете этого очевидной». Работникам Международного отдела ЦК КПСС В.Л. Мусатову, В.Д. Дорохину и Л.В. Николаеву было поручено ознакомиться с материалами архива ЦК КПСС, касающимися принятия решения о вводе войск и других аспектов венгерского кризиса, и подготовить соображения о соответствующих публикациях в журнале «Известия ЦК КПСС». РГАНИ. Ф. 89. Пер. 11. Док. 23. Журнал этот после августа 1991 г., как и другие структуры КПСС, прекратил существование. По свидетельству В.Л. Мусатова, из влиятельных лиц советского истеблишмента академик Г.А. Арбатов особенно настойчиво убеждал коллег в необходимости отреагировать на обращение венгров. *Muszátov V. Op. cit. P. 11.* Позиция Г.А. Арбатова нашла отражение и в его книге. См.: Арбатов Г.А. Моя эпоха в лицах и событиях. Автобиография на фоне исторических событий. М., 2008.

²⁸ *Muszátov V. Op. cit.* Все-таки 23 октября 1991 г. пресс-служба президента СССР М.С. Горбачева заявила, что советское вмешательство

в Венгрии в 1956 г. противоречило международному праву. Правда. 1991. 24. 10.

²⁹ *Muszátov V.* Op. cit. В публикациях, относящихся к 1991 г., советские военные действия в Венгрии осенью 1956 г. уже все более трактовались не как интернациональная помощь, а как незаконная полицейская акция, направленная на сохранение существующего режима сталинистского типа, как неправомерное вмешательство СССР во внутренние дела Венгрии, подрывающее международный престиж СССР. Такая трактовка нашла отражение даже в довольно «консервативном», не склонном радикально порывать с советскими традициями «Военно-историческом журнале» (1991. № 10. С. 55), перешла в массовую и учебную литературу. См.: Очерки истории XX века. М., 1991. Часть 2. С. 130.

³⁰ Полностью опубликовано: Звезда. 1996. № 10.

³¹ На русском языке см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998.

³² См.: *Стыкалин А. С.* От революции 1956 г. к «смене систем» в 1989 г.: метаморфозы исторической памяти венгерской нации // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. редактор К. В. Никифоров. М., 2011. С. 324–349.

³³ Там же.

³⁴ Совершенно некорректной и недобросовестной представляется и попытка «сыграть» на параллелях, предпринятая составителями сборника документов «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР» (М., 2009). Стремление подтянуть венгерские события 1956 г. под определение «цветной революции» (по образцу с событиями последнего десятилетия на постсоветском пространстве) носит явно вульгарный характер. См.: Стыкалин А. С. О некоторых явлениях современной российской историографии в трактовке роли Запада в восточноевропейских кризисах времен холодной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Вып. 2 (25).

³⁵ *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.

Б. Й. Желицки*

Глава 13.

Венгрия в процессе восточноевропейских системных преобразований XX века

Автор статьи детально исследует процесс системных политических преобразований в Венгрии в XX веке и дает сравнительный анализ развития этой страны и государств Центральной и Юго-Восточной Европы.

Ключевые слова: Венгрия, социалистическое содружество, СССР, Центральная и Юго-Восточная Европа, Европейский союз, венгерские события 1956 г., Матьяш Ракоши, Янош Кадар, Имре Надь, Йожеф Анталл, Миклош Немет.

The author thoroughly examines the process of systemic political changes in Hungary in the XX century and provides a comparative analysis of the development of this country and of the states in Central and South-Eastern Europe

Keywords: Hungary, the socialist community, the Soviet Union, Central and South-Eastern Europe, the European Union, the Hungarian events of 1956, Matyas Rakosi, Janos Kadar, Imre Nagy, Jozsef Antall, Miklos Nemeth.

В нелегком и безжалостно жестоком для ее народа XX веке Венгрии пришлось пережить несколько кардинальных перемен политической системы и общественно-политического строя, что само по себе отличает ее от многих стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Напомним ключевые для венгерской истории события первой половины двадцатого столетия. Это распад двуединой Авс-

* Бела Йожефович Желицки – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

тро-Венгерской монархии и провозглашение Венгерской Республики с многопартийным демократическим устройством. Это утверждение на короткий период Венгерской Советской республики в 1919 году, а затем становление – почти на четверть века – Венгерского Королевства без короля. И снова восстановление Венгерской Республики с ее кратковременно существовавшей в 1945–1947 гг. номинальной (ограниченной) народно-демократической многопартийностью. Республика жила под контролем Союзной Контрольной Комиссии под советским председательством, которая позволила вернувшимся из московской эмиграции коммунистам в 1947–1948 гг. совершить практически насильственную смену общественного строя, утвердить однопартийную коммунистическую диктатуру сталинского образца и провозгласить страну Венгерской Народной Республикой.

Все эти крутые повороты истории сопровождались суровыми испытаниями для страны и ее народа.

Последняя системная смена политического устройства в модифицированном виде просуществовала вплоть до конца 1980-х гг. Тогда, в результате очередного перелома под знаком всеобщей демократизации и системных преобразований, страна осуществила очередной разворот – в сторону современного неокapитализма.

Напомним, с установлением в 1948 г. коммунистической диктатуры, в Венгрии сложился жесткий режим тоталитарной власти М. Ракоши и его окружения. Режим, по сути, до мелочей копировал порядки, утвердившиеся в СССР под руководством И.В. Сталина. В 1956 г. это вызвало резкое общественное сопротивление. После подавления советскими войсками этой, по сути, народной революции в ВНР было восстановлено прежнее общественно-политическое устройство, но уже в новом, несколько смягченном варианте. Оно, хотя далеко не во всех проявлениях, но все же отличало эту страну от других государств со схожей системой. Сложившийся в Венгрии режим со временем не без основания именовали «мягкой диктатурой» Я. Кадара.

Говоря о смене политических режимов и систем, нельзя пройти мимо главного исторического фактора – внешнего вмешательства, превратившего историческую Венгрию в ма-

лое европейское государство. После Первой мировой войны Венгрия усилиями западных миротворцев оказалась наиболее травмированной страной центральноевропейского региона. При послевоенном переустройстве она потеряла две трети территории, съжившись подобно шагреновой коже. Из влиятельной многонациональной европейской державы (вместе с Австрией), определявшей баланс сил в Европе, она была превращена в малую центральноевропейскую страну.

Миротворцы, при определении ее новых государственных границ, на месте многонациональной Австро-Венгерской монархии создали малые, якобы национальные, а по сути – такие же мононациональные государства, каковой была ненавистная им монархия. Применительно к Венгрии ситуация сложилась следующим образом. При делении территорий треть венгерского этнического населения (3,5 млн), несмотря на то, что оно в основном компактно проживает вдоль новых границ страны, было отдано сопредельным, в основном, новообразованным государствам, в которых венгры оказались на положении национального меньшинства. При этом о достойной защите прав национальных и этнических меньшинств никто не позаботился.

Наличие за пределами страны венгерских национальных меньшинств, безусловно, отличает ее от других государств. Это обстоятельство неоднократно проявлялось в ходе общественно-политических перемен, включая лавинообразный переход к демократическим преобразованиям рубежа 1980–1990-х гг.

И еще один важный момент. Образованные в начале прошлого века две новые европейские страны – Чехословакия и Югославия, а также Румыния были приговорены Версалем к статусу «национальных государств». На самом же деле они получили в наследство значительные национальные анклавы и фактически стали странами с многонациональной структурой. Примечательно, что каждая из них, имеет в своем составе значительное венгерское нацменьшинство.

Стоит обратить внимание и на искусственный характер конструкций, созданных при версальском переделе Европы. Такие страны, как Чехословакия и Югославия (тогда – Королевство сербов, хорватов и словенцев), уже дважды приходили к распаду, умножая число малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы, с которыми великие державы (не

впервые в истории истекшего века) позволяли себе не считаться. А те, в свою очередь, были вынуждены искать себе защиты – то на Востоке, то на Западе. Надо признать, что и по сей день ситуация мало изменилась.

Версальский передел Европы посеял зерна недоверия, привел к противоречиям и проблемам, которые так и не были решены в XX веке¹. Ситуация позволяла – и позволяет теперь – ведущим державам не только влиять, но, как показали события Второй мировой войны, манипулировать малыми государствами или вовлекать их в разного рода союзы.

Перемены, приведшие в конце 1940-х гг. к установлению коммунистического единовластия в Центральной и Юго-Восточной Европе, не решали национальную проблему. Она была загнана в холодильную камеру «реального социализма». Активизация общественно-политической жизни в странах региона вновь заставила обратить внимание на эту проблему. Она давала о себе знать в Центральной Европе, приводя к распаду государств, провозглашенных ранее «национальными». Но особенно – на Балканах, где вопрос нацменьшинств заявил о себе с особой остротой.

Если Чехия и Словакия мирно разошлись по национальным квартирам, то на территории бывшей Югославии и в Румынии имели место жестокие схватки на национальной почве. В Румынии ущемление прав венгерского национального меньшинства привело к массовым протестам и стало прелюдией революции 1989–1990 гг.

Венгрия как страна с достаточно однородным национально-этническим составом не имела таких проблем. Но правовая неопределенность венгерского национального меньшинства в Чехословакии, как показали исторические события 1945–1949 гг., или национальная политика Н. Чаушеску в 1967–1990 гг. в Румынии, вызвали закономерную озабоченность и в этой стране.

Во второй половине 1980-х гг. в Венгрии прокатилась волна протестов в защиту венгерского населения Трансильвании. На волне этих настроений появились и окрепли политические движения оппозиционного толка, что впоследствии способствовало демократическим преобразованиям и смене политического режима.

Став частью Восточного блока, Венгрия была вовлечена в экономическое, политическое и военное сотрудничество с СССР в рамках СЭВ и Варшавского договора. К середине 1980-х гг. государства, объединенные этими восточноевропейскими союзами, оказались в состоянии застоя, а затем – экономического и общественно-политического кризиса, приемлемый выход из которого не смогли предложить ни официальные круги европейских социалистических стран, ни Москва.

В результате сложных социально-экономических процессов на рубеже 1980–1990 гг. ситуация стала развиваться лавинообразно. События, связанные со стремлением стран к демократизации политического строя, восстановлением и утверждением национальных суверенитетов выплеснулись на регион практически одновременно, развалив общественно-политические режимы.

Хотя проблемы перехода стран региона от авторитарных методов управления к демократическому устройству уже анализировались историками и экономистами, на наш взгляд, они еще недостаточно изучены. Особенно с точки зрения их синхронности и последовательности. Еще в меньшей степени они изучены на уровне сравнительных исследований.

Сегодня с определенной исторической дистанции более четко видны причины, которые привели восточный блок в состояние кризиса, а затем – к распаду и краху. Однако вполне очевидно, что для правящих элит состояние кризиса наступило неожиданно, события развивались стремительно, лавинообразно. Крах отдельных режимов в европейском ареале «реального социализма» наступил почти одновременно в ряде стран, но везде проходил по-разному.

При этом не секрет, что в высшем партийном руководстве отдельных государств даже не ощущали наступления застоя, как и последующего назревания кризиса и тем более – приближения полного краха. Многие из них, в отличие от Польши или Венгрии, отрицали необходимость реформ и перемен. Между тем, застойные явления были весьма глубоки. Экономическая жизнь и общественно-политическая сфера стран региона требовали изменений, обновления и модернизации. Правда, все это не могло реализоваться без отказа от привычных

диктаторских или авторитарных (в зависимости от конкретной страны) методов управления экономикой и обществом, без модернизации и отмены коммунистического единовластия, без расширения демократии и перехода к плюралистической многопартийной системе.

Общеизвестно, что для Советского Союза как ядра коммунистической системы, где с приходом к власти М. С. Горбачева уже начали ощущать необходимость каких-то (правда, конкретно не детализированных) перемен, приходило осознание неизбежности отдельных – но не системных – преобразований. В СССР с середины 1980-х гг. пропагандировались идеи «ускорения», «нового мышления» и «перестройки», которые, несомненно, оказали определенное влияние на другие страны социалистического ареала². Разумеется, причин для перемен и реформ было предостаточно, ведь в СССР также накопилось немало проблем, причем далеко не только в сфере экономики. Однако разговоры о необходимости решения назревших проблем не сопровождались конкретными действиями, система разворачивалась медленно. Не имея конкретно поставленных задач, она не могла привести общество к ожидаемым переменам.

При этом в Советском Союзе с растущей настороженностью наблюдали за уже неконтролируемым развитием событий в Польше, где в роли альтернативной политической силы, противостоявшей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), выступило мощное профсоюзное объединение «Солидарность». Вслед за Польшей в авангарде демократических общественно-политических преобразований оказалась Венгрия, где во второй половине 1980-х гг. наблюдался стремительный рост альтернативных общественных организаций и движений. Они предлагали свои программы и выдвигали свои требования, оказывая заметное влияние на все венгерское общество, которое осторожно, но неизбежно демократизировалось. Причем, в отличие от многих других стран, не без участия самой правящей партии, ВСРП.

В частности, рост влияния и престижа венгерских альтернативных общественных и политических формирований подтолкнул правительство Венгрии к открытию границы с Австрией, что сделало возможным, чтобы беженцы из ГДР могли

отправиться на Запад в ожидании лучшей доли. По сути, такая акция способствовала падению власти Э. Хонеккера, одного из самых жестких постсталинских режимов в европейском социалистическом ареале. Стремительные перемены начались в Чехословакии, где закостенелость режима была не менее существенной. Затем настала очередь Болгарии, где лидеру компартии Т. Живкову пришлось уйти со своего поста.

Наиболее жестоким и кровавым оказался путь к демократии в Румынии: в конце декабря 1989 г. настал конец диктаторскому режиму Н. Чаушеску. В Югославии процесс смены политического строя привел к продолжительной и кровопролитной гражданской войне. Все европейские страны бывшего социалистического лагеря, находившиеся ранее, как сегодня принято говорить, под советским внешним управлением, искали свои пути выхода из кризиса, стимулы дальнейшего развития по пути демократизации и суверенизации. При этом все они, установив более-менее демократические порядки, в подавляющем большинстве были увлечены новой идеей, сформулированной тогда, как «возвращение в Европу».

В СССР процесс демократизации вылился в горбачевскую перестройку и к введению 1 марта 1990 г. президентской власти, а затем и к изъятию из Конституции положения о ведущей роли КПСС (что в ряде государств Центральной и Юго-Восточной Европы уже ранее стало реальностью).

В этой связи небезынтересно привести слова из документа, принятого ЦК КПСС в январе 1991 г., под названием «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе»: «Политическое и идеологическое лицо Восточной Европы качественно изменилось. Прежняя система власти в большинстве стран региона разрушена, бывшие правящие партии отброшены на обочину политической жизни. Происходящие сдвиги идут в направлении смены общественного строя, трансформируется шкала признанных общественных ценностей. Переориентируется внешняя политика этих стран». Отмечалось также, что «Декларированные намерения максимально быстро “вернуться в Европу” наталкиваются на ряд объективных ограничений»³.

Обращаясь к венгерскому процессу перехода к плюралистической демократии, следует отметить, что этот опыт был

уникален и имел ряд черт, отличавших его от подобного рода преобразований в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Венгерская специфика, по нашему мнению, заключалась не столько в исключительно мирном характере процессов демократических преобразований, сколько в организованном и контролируемом осуществлении перемен с участием партийной власти. А также в сравнительно продолжительных переговорах оппозиционных сил с правящей партией и другими официальными общественными формированиями, в ходе которых достигался разумный компромисс между силами оппозиции и властью. Венгерский процесс перехода от монолитной коммунистической однопартийной власти к многопартийной демократии – от начала и до конца – осуществлялся в конституционных рамках.

Такое явление имело место далеко не в каждой из бывших соцстран. Так, в отличие от ГДР или Румынии, в Венгрии не была разрушена государственная машина, ее механизмы функционировали, сохранились и действовали политические институты власти.

В отличие от Чехословакии и Польши, в Венгрии не были парализованы центральные партийные и государственные органы. Не без их помощи и согласия совместно с оппозиционными силами осуществлялся постепенный демонтаж государственно-политических структур, унаследованных от эпохи диктаторского социализма. При этом, что также немаловажно, продолжала функционировать экономика и государственные структуры, т. е. полностью сохранилась их способность управления страной и обществом.

Одним из важных отличий венгерского процесса демократических преобразований явилось то, что сама правящая компартия (ВСРП), участвуя в осуществлении перемен, была готова и шла на компромиссы с силами оппозиции. При этом, являясь единственной правящей политической силой, ВСРП постепенно видоизменялась. Благодаря реформаторам и представителям творческой интеллигенции, действовавшим в ее руководящих структурах, партия становилась соучастницей демократических преобразований. Так, если до весны 1988 г. в ее политическом руководстве еще преобладали сторонники «наведения порядка», то со временем ситуация стала менять-

ся. В феврале 1988 г. лидер венгерского Народного фронта, член высшего руководства ВСРП И. Пожгаи еще «удостоился» строгого выговора за участие во встрече самих авторитетных деятелей науки и культуры, собравшихся в с. Лакителек для обсуждения реального положения в стране. Затем «отец» венгерской экономической реформы, член высшего партийного руководства Р. Ньерш был привлечен к ответственности за участие в создании реформаторского внутрипартийного объединения Новый мартовский фронт. В апреле пятеро основателей молодежной организации Фидес были задержаны полицией. Но в апреле же ситуация уже изменилась.

В мае 1988 г. прошла конференция ВСРП, которая сменила консервативное руководство партии. Новым генеральным секретарем был избран премьер-министр К. Грос. Новое руководство продвигало демократические перемены в стране.

Решением ЦК ВСРП была образована специальная комиссия для изучения актуального на тот момент вопроса о том, что представляли собой венгерские события 1956 г.⁴, которые до этого именовались не иначе, как «контрреволюция». Изучив документы, партийная комиссия пришла к выводу о том, что в Венгрии осенью 1956 г. произошло народное восстание. Заявление об этом председателя комиссии И. Пожгаи в январе 1989 г. потрясло партию, но было положительно встречено народом. Партийные реформаторы после этого добились пересмотра решения ЦК ВСРП от 7 апреля 1988 г. об исключении из партии четырех ученых-экономистов, предупреждавших руководство страны о назревании экономического и политического кризиса.

С февраля 1989 г. ВСРП начала стремительно меняться, а ее ЦК становился сторонником демократизации страны, поддерживавшим идею многопартийной политической системы.

В дальнейшем ВСРП, будучи государственной партией, добровольно шла на отказ от своего единовластия. Она давала согласие на то, чтобы путем мирных демократических парламентских выборов без оговорок уступить центральную власть тем политическим силам, которые получают большинство голосов избирателей.

Из сказанного следует, что в условиях демократического перехода ВСРП не была разгромлена (в отличие от румынс-

кой, чехословацкой или болгарской правящих партий) или парализована (как ПОРП или СЕПГ). Она оставалась силой, которая контролировала ситуацию (впрочем, это отличало ее и от КПСС, и от КПЮ). Разумеется, такое положение дел не исключало постоянного прессинга со стороны общественности, выступавшей за дальнейшие шаги по демократизации жизни страны, за расширение свобод и прав граждан.

Таким образом, ВСРП, как уже отмечалось, становилась участницей демократических преобразований, демонтажа унаследованной и в определенной мере уже «либерализованной» политической системы «реального социализма», установленной еще при Я. Кадаре. Разумеется, при этом демократические силы в партийном руководстве надеялись, что ВСРП останется у власти и после завершения политического перехода к парламентской демократии. Ведь в какой-то степени именно благодаря поддержке демократических элементов в партии могли окрепнуть зарождавшиеся общественные и политические новообразования, которые вскоре, на первых же демократических выборах в парламент, завоевав поддержку избирателей, получили большинство голосов.

В конечном счете, мирный характер перехода к многопартийной парламентской демократии в Венгрии был обеспечен соглашением между партийной властью и оппозиционными организациями и партиями во время продолжительных переговоров в рамках Национального круглого стола с участием всех политических сил страны. Они договорились о самых разных аспектах становления подлинной политической демократии и о переходе страны к рыночной экономике.

В этой связи следует отметить роль венгерских реформаторов и приобретенного ими исторического опыта на этапе 1960–1970-х гг. Венгрия, как известно, еще тогда стала испытательным полигоном допустимых в условиях социалистической системы реформ. Несмотря на сопротивление со стороны противников реформ, идеи реформаторства набирали силу, а их сторонники – влияние в стране. Происходило это, как в самой правящей ВСРП, так и за ее пределами. С конца 1970-х гг., когда в стране все больше пространства стали завоевывать откровенно оппозиционные силы, необходимость проведения преобразований во всей системе общественно-полити-

ческой жизни становилась уже очевидной. Во второй половине 1980-х гг. это осознали и в самой государственной партии.

Говоря о реформаторской роли партии, уместно напомнить о следующем. Еще в 1953 г., по инициативе премьер-министра Имре Надя, была предпринята попытка некоторой модернизации тогдашнего социализма. Посредством реформ в экономике и введения отдельных изменений в сфере политической жизни Надь хотел избавиться от свойственных системе жестких догматических канонов. Другой вопрос, что тогда эти инициативы не встретили понимания и поддержки со стороны партийного аппарата и вскоре были отвергнуты последовательными догматиками в ракошистском руководстве Венгерской партии трудящихся. Эти попытки, как и последующие «кадаровские реформы» 1965–1968 гг., наткнулись на жесткое противостояние ортодоксально мыслящих партийных деятелей как в самой стране, так и за рубежом. Реформаторские инициативы были обречены. Их полномасштабному развертыванию помешали тогда и некоторые обстоятельства международной политической жизни, в частности, известные события 1968 г. в Чехословакии, а несколько позже – в Польше.

Следует отметить, что если до середины 1960-х гг. венгерский социализм мало чем отличался от советского образца и от его разновидностей в других соцстранах региона, то со временем кадаровский социализм приобрел некоторые специфические черты. Кадар постепенно избавлялся от диктаторского варианта режима власти, сохранив, однако, его авторитарные черты. В регионе заговорили о наименее идеологизированной, «мягкой кадаровской диктатуре», о пользе венгерских реформ, которые впоследствии открывали путь широким демократическим преобразованиям.

Нельзя не учитывать, что в «социалистическом содружестве» и тогда, да и на более позднем этапе, нашлось немало ярых противников венгерской реформы (она встретила резкое осуждение со стороны партийной элиты в Румынии, ГДР и Болгарии).

Характерно, что и теперь некоторые наблюдатели, глядя на экономические успехи современного Китая, задаются вопросом о причинах такого экономического «взлета» и говорят об упущенных возможностях реформ в восточноевропейском

регионе. Но при этом забывают о венгерских (да и советских) начинаниях, уничтоженных доморощенными догматиками. Многие из бывших ортодоксальных коммунистов, ссылаясь на опыт Китая, хвалят реформы Дэн Сяопина, несмотря на то, что в недавнем прошлом сами мешали реформированию своих экономик, отвергали необходимость их проведения.

Ярким подтверждением тому является отношение к венгерским реформам, которые не могли получить должного завершения именно по причине их осуждения лидерами «братских» компартий европейских государств в 1960–1980-е гг. Сегодня же многие вынуждены сожалеть об упущенных возможностях. Вспомнить о них и делать выводы из прошлого всегда полезно. Но теперь уже другое время, другая эпоха и другие проблемы.

Демократические перемены, структурные и системные преобразования, проведенные в Венгрии в 1987–1990 гг., то есть, на этапе кардинальных общественно-политических и системных преобразований, были осуществлены мирными средствами и проводились гладко, без особых потрясений и сопротивлений даже со стороны политических элит. И в этом велика роль как реформаторов прошлых лет, так и политических сил, участвовавших в этом процессе. Иными словами, в мирном переходе к современной европейской демократии, в проведении демократических преобразований конца 1980-х гг. присутствует доля накопившегося политического опыта прежних лет, в том числе довольно редкой для региона экономической реформы 1968 г.

Венгерские альтернативные или неформальные демократические организации и движения (как их тогда именовали) действовали с конца 1970-х гг., но организационно оформились и открыто заявили о своих целях и задачах, о своем оппозиционном характере только после 1987 г. В последующие годы они окрепли, приобрели сторонников, стали неотъемлемой частью венгерской политической жизни. Отдельные новообразования заявили о намерениях стать политическими партиями, о готовности прилагать усилия к демократическому переустройству страны. При этом все они сохранили самостоятельность, обретая имидж в публичных дискуссиях и прочих организованных ими мероприятиях. Венгерские оппозицион-

ные организации вышли на арену политической борьбы в качестве самостоятельных организаций, а затем и партий. Как отмечалось, они, в отличие от польской «Солидарности», не объединились в единую оппозиционную организацию, а сохранили свой суверенитет и развивались автономно. Большинство из них уже в начале 1988 г. преобразовались в полноценные партии со своими программами.

Самые популярные из этих новых оппозиционных формирований – Венгерский демократический форум (ВДФ), Союз свободных демократов (ССД), Союз молодых демократов (Фидес), и др. Все они, как и возобновившие свою деятельность «исторические» партии, функционировавшие на этапе многопартийной народной демократии (1944–1948 гг.), сохранили самостоятельность и оригинальный облик. И лишь в начале 1989 г. заключили между собой соглашение, создав временное объединение для согласования позиций и последующего ведения переговоров с представителями правящей ВСРП. Их временный союз без объединения существенно менял ситуацию: он придавал оппозиционным организациям политический вес при ведении переговоров с партийной властью. Образованный ими временный «Оппозиционный круглый стол» на протяжении нескольких месяцев вел переговоры с правящими силами. По их завершении этот процесс стали именовать «переговорной революцией»⁵.

В сентябре 1989 г. сторонам, участвовавшим в круглом столе, удалось договориться об условиях мирного перехода к плюралистической демократии, о проведении первых демократических парламентских выборов на многопартийной основе, о процедурах становления в стране демократического устройства, о характере и структуре демократических институтов будущего государства и пр. Национальный круглый стол тем самым выполнил функцию Учредительного собрания Венгрии, переименованной в Венгерскую Республику.

Отметив роль партийной структуры в демократизации, в смене политического строя в Венгрии во второй половине 1980-х гг., следует обратить внимание на вклад правительства и парламента страны в процесс кардинальных общественно-политических перемен. Здесь также проявляется венгерская специфика.

Последнее коммунистическое правительство Венгрии, возглавляемое с ноября 1988 г. бывшим заведующим экономическим отделом ЦК ВСРП М. Неметом, сторонником реформ и демократических преобразований, внесло в парламент ряд законопроектов, которые способствовали успеху как переговорного процесса за общенациональным круглым столом, так и проведению самих демократических преобразований. Ради сохранения гражданского мира и реализации намеченных Национальным круглым столом решений, правительство сделало все для успешного принятия парламентом этих законопроектов. Это же правительство совершило уникальный для «социалистического содружества» поступок. В условиях политической демократизации оно прибегло к удалению ненавистного народу символа холодной войны на границе с Австрией – пограничного заграждения. Причем, не согласовав это предварительно с Москвой. 27 июня 1989 г. министры иностранных дел Венгрии и Австрии Д. Хорн и А. Мок перерезали первые куски проволочных заграждений, и начался их демонтаж. Характерно, что впоследствии эти действия расценивались в Европе как шаг общеевропейского значения, имевший далеко идущие последствия. Правительство Венгрии выразило открытость миру, демонстрировало добрососедство с сопредельной Австрией, желание страны не быть в будущем изолированной от Европы.

Будапешт по-своему подошел и к решению еще одной проблемы, требовавшей срочных действий. Туристы из ГДР буквально осаждали посольства ФРГ не только в венгерской столице, но и в других социалистических странах, отказывались возвращаться на родину. В августе 1989 г., во время т. н. паневропейского пикника, организованного на уже открытой границе Венгрии с Австрией, несколько сот восточных немцев сбежали на Запад. Это событие дало сигнал десяткам тысяч граждан ГДР, которые практически штурмовали здание западноевропейского посольства в Будапеште, выступить с требованием выпустить их на Запад. Проблема требовала срочного решения, но договор между Берлином и Будапештом от 1967 г. обязывало Венгрию не выпускать их в третьи страны. Венгрия начала переговоры с Берлином, но там, впрочем, как в Бухаресте и в Праге, настаивали на аресте осаждавших посольство ФРГ восточных немцев и передаче арестованных властям ГДР.

Правительство Венгрии поступило иначе. После переговоров с ФРГ и предупреждения Москвы о возможных последствиях венгерское правительство открыло пути для выезда восточных немцев из страны. Оценивая впоследствии действия венгерского правительства и некоторые результаты демократических преобразований, Д. Хорн, будучи уже в роли премьер-министра, подчеркивал: «Смена системы стала для нас управляемым процессом, в котором сыграла свою роль, как экономическая реформа 1968 г., так и то обстоятельство, что Венгрия – единственная из стран-членов Варшавского договора – до конца поддерживала открытые отношения с Западом, с Европейским сообществом. Реформаторы у нас никогда не исчезали и, по правде говоря, мы никогда не хотели их исчезновения. Мы активно участвовали в хельсинкском процессе, мы первыми и единственными подняли вопрос о возможности контактов с НАТО, ввели всемирные паспорта (свободный выезд в любые страны мира – Б.Ж.)...Эти шаги были немислимы у любого из наших соседей. Все это присутствовало в наших тогдашних решениях, включая открытие границ»⁶. Такой политический курс правящих сил встречал полную поддержку венгерского народа.

Весной 1990 г. в Венгрии состоялись первые парламентские выборы на многопартийной основе. К ним готовились как все оппозиционные партии, так и ВСРП, которая 7 октября 1989 г. провела свой последний, XIV съезд. Партия практически заявила о самороспуске и, демонстрируя готовность к демократическим переменам, преобразовалась в Венгерскую социалистическую партию (ВСП), которая без каких либо привилегий, наравне с другими политическими силами, приняла участие в выборах. В марте-апреле 1990 г., на парламентских выборах, прошедших в два тура, внушительную победу одержали оппозиционные партии во главе с ВДФ. Они и сформировали первое коалиционное демократическое правительство во главе с Й. Анталлом. ВСП, набрав всего 8,5% голосов избирателей, хотя и вошла в парламент, оказалась в оппозиции к парламентскому большинству.

Новый премьер-министр Венгрии в своем первом выступлении назвал свой кабинет правительством свободы, народа, экономического перелома и воссоединения с Европой⁷.

А спустя некоторое время достижения Венгрии по изменению политического строя страны он оценивал так: «То, что произошло за истекшие два года, не имеет аналогов в нашей истории, но не было ничего схожего и во всей европейской истории. Мы с исключительной сознательностью и упорством, но при этом без капли крови совершили революцию, стали пионерами в этом деле, показывая пример всему региону. И это так считает весь мир»⁸.

Интересно, что Й. Анталл, посетивший Советский Союз в начале декабря 1991 г. (еще до распада СССР), первым из государственных деятелей бывшего социалистического региона пошел на небывалый в политической практике поступок. Возглавляемая им правительственная делегация наладила с Российской Федерацией (находившейся тогда еще в составе СССР) исключительно самостоятельные отношения, как с суверенной страной. Находясь в Москве с официальным визитом, он встретился с Б. Н. Ельциным, и эта встреча привела к установлению дипломатических отношений между РФ и Венгрией. Был заключен рамочный Договор о сотрудничестве и равноправных отношениях между двумя государствами. В ноябре 1992 г. российская делегация во главе с президентом РФ посетила Будапешт с ответным государственным визитом.

Такое оптимистическое начало, к сожалению, не получило должного развития. Госдума РФ отказалась ратифицировать российско-венгерский договор 1991 г. из-за одного абзаца в преамбуле, осуждавшего советское военное вмешательство в Венгрию в ноябре 1956 г. (договор был ратифицирован только в 1995 г.). В Венгрии такая необоснованная задержка с ратификацией важного межгосударственного документа была воспринята как проявление «имперских амбиций», как знак возможной агрессии с Востока в будущем. Данное обстоятельство на фоне распада и войны в Югославии осложнилось вскоре и небезызвестным выступлением ГКЧП в Советском Союзе. Эти события сыграли свою роль в повороте Венгрии к Западу. Впрочем, так отреагировали на них и другие центральноевропейские государства, добившиеся суверенитета и демократического переустройства. И хотя Венгрия, Польша и Чехословакия вначале отдавали приоритет региональному сплочению

и сотрудничеству в рамках Вишеградской «тройки», ориентация на скорейшее «возвращение в Европу» взяла верх.

Страны региона наперегонки ринулись в Европейский союз, где искали и надеялись получить защиту и безопасность. В результате, пожертвовав частью недавно приобретенного суверенитета, пройдя через коридоры НАТО, они стали членами ЕС. В новой объединенной Европе – свои правила и союзнические обязанности, которые необходимо соблюдать. И свои проблемы, которые в современных непростых условиях предстоит решать. Совместно или по отдельности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.; *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.

² *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

³ Цит. по опубликованному документу: «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе» // Центрально-Европейский Ежегодник, 2003. М., 2003. С. 337.

⁴ *Bibari M.* Magyar politika 1944–2004. Politikai és hatalmi viszonyok. Budapest, 2005. 377–379. old.

⁵ Подробнее см.: Венгерская «переговорная революция» // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007. С. 75–128.

⁶ *Népszabadság*, 1999. szeptember 9–10. *Pozsgay Imre.* 1989. Politikuspálya az állampártban és rendszerváltásban. Budapest, 1993. 169. o.

⁷ *Magyar Hírlap*. 1994. április 8.

⁸ Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989–1994) // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008. С. 115.

В. В. Волобуев*

Глава 14.

Е. Гедройц и Ю. Мерошевский о формировании восточного направления внешней политики современной Польши

Статья посвящена взглядам эмигрантских польских публицистов Е. Гедройца и Ю. Мерошевского на взаимоотношения поляков с соседними народами и той роли, какую сыграли эти взгляды в формировании внешнеполитической доктрины Польши в посткоммунистический период.

Ключевые слова: Польша, внешняя политика, Третья Речь Посполитая

The article deals with the views of the Polish émigré publicists Jerzy Giedroyc and Juliusz Mieroszewski on the Poles' relations with the neighbouring countries, and with the role these views were playing in the formation of Poland's doctrine of foreign-policy in the post-Communist period.

Keywords: Poland, foreign affairs, Third Republic

Уроженец Минска Ежи Гедройц – одна из главных фигур польской антикоммунистической эмиграции. Во время Второй мировой войны он служил в рядах польских войск на Западе, а в 1946 г. создал в Риме Литературный институт, который уже в следующем году был перенесен в местность Мэзон-Лафит под Парижем, где образовался польскоязычный ежемесячник «Культура»¹. Место было выбрано не случайно: центром послевоенной польской эмиграции являлся Лондон; там базировались органы власти, считавшие себя продолжением независимой Польши. Гедройц же решил ориентировать

* Вадим Вадимович Волобуев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

свое издание не на эмиграцию, а на страну, причем, упор сделать на вопросы культуры, ибо только в этой области, как он считал, можно выиграть борьбу с коммунистической идеологией². Журнал быстро приобрел популярность: в начале 1960-х гг. власти ПНР признали его (наравне с радио «Свободная Европа») основным центром антикоммунистической пропаганды³.

Гедройцу удалось найти единомышленника в лице публициста Юлиуша Мерошевского, который, хотя и жил в Лондоне, сторонился тамошней эмиграции. Это освобождало его от идеологических скреп и позволяло свободно поднимать весьма щекотливые для поляков вопросы. Именно Мерошевский выработал политическую концепцию, которая заложила основы взглядов «Культуры» как на перемены в стране, так и на выстраивание внешней политики Польши в отношении восточных соседей после падения социалистического строя.

Мерошевский одним из первых в среде эмиграции выступил за признание тех границ Польши, которые были установлены после Второй мировой войны, т.е. за сознательный отказ поляков от претензий на Львов, Вильнюс и Гродно с Брестом. Однако это был лишь первый шаг в его концепции. Вторым шагом должна была стать борьба за независимость Литвы, Украины и Белоруссии. Лишь такое положение, по мысли публициста, могло уберечь Польшу от опасности со стороны России. Кроме того, оно позволило бы наладить мирное сосуществование России и Польши, т.к. в этом случае исчезла бы почва для их векового противоборства⁴. Мерошевский писал: «Сутью польско-российских отношений всегда было соперничество, и мы это соперничество проиграли, хотя и не в непосредственном столкновении с Москвой, а на Украине. Нам нечего было предложить восточноевропейским народам, кроме эксплуатации и колонизации. Поэтому поляки говорят о ягеллонской идее с восхищением, а украинцы или литовцы – с отвращением»⁵. Полякам, говорил Мерошевский, пора по этой причине перестать ностальгировать по восточным землям, а вместо этого бороться за их независимость от России. Публицист указывал: «Требую от других свободы, необходимо самому признавать ее в отношении украинцев, литовцев и всех народов, угнетаемых Советской Россией. Утверждение, будто

к востоку от границы 1939 г. у нас нет никаких интересов, означает применение к другим того же принципа, который мы осуждаем, когда речь идет о нас»⁶.

Журнал выступил за диалог с восточноевропейскими народами без каких-либо предварительных условий, что позволило ему наладить сотрудничество с рядом литовских, белорусских, украинских и русских эмигрантов⁷. В 1959 г. журнал вместе с украинскими авторами выпустил антологию «Расстрелянное возрождение» – сборник украинских текстов 1920-х гг. Планировались аналогичные антологии по-белорусски и по-литовски, однако, они не увидели свет. В 1976 г. в Париже возникло Товарищество польско-украинской дружбы. В 1977 г. в Эдмонтоне при участии Гедройца была проведена первая польско-украинская конференция историков и литературоведов, а «Культура» вместе с рядом советских (В. Буковский, Н. Горбаневская, В. Максимов, А. Амальрик), чехословацких и венгерских диссидентов обратилась к читателям с «Декларацией по украинскому вопросу», где не только обращалось внимание на стремление к независимости народов, населявших СССР, но и указывалось, что в ликвидации «советского колониализма» заинтересованы также и русские.

Из русских авторов в журнале публиковались Борис Пастернак, Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Юлий Даниель. Редактор возникшего в 1974 г. журнала советской эмиграции «Континент» Владимир Максимов приезжал к Мэзон-Лафит, чтобы «поучиться, как делать журнал»⁸. В 1975 г. на страницах «Культуры» основатели «Континента» (в том числе И. Бродский, А. Синявский, В. Максимов, В. Некрасов) опубликовали свою декларацию «Мера ответственности». При этом Гедройц сторонился той части русской эмиграции, которая была связана с «белым» движением и нацистскими коллаборационистами, ибо те и другие выступали за «единую и неделимую Россию»⁹.

Гедройц и Меровский не ставили знака равенства между Россией и СССР, в отличие от значительной части польской эмиграции. В рамках своей концепции Меровский призывал «европеизировать» Россию, т.е. включить ее как активного партнера в систему европейских государств. Именно такое положение должно было, по мысли публициста, уберечь Польшу

от опасности с Востока. Пока же существует «железный занавес», говорил Ю. Мерошевский, «не мы европеизируем Россию, а Россия тянет нас в Азию».

При этом учитывались политические резоны такого выбора. В разговорах сотрудников «Кульгуры» повсеместно было принято убеждение, что если поляки не признают права украинцев на Львов, а литовцев – на Вильно, то эти народы заключат антипольский союз с Германией, которому Запад, во имя мира и демократии, не будет препятствовать¹⁰. Гедройц заявлял: поиск западной поддержки для польских территориальных претензий на Востоке абсурден. В такой ситуации поляки должны уяснить себе, что чем сильнее их позиции на востоке, тем больше будут с ними считаться на западе¹¹. В стремлении убедить оппонентов он использовал даже и такой довод: «ненависть к России [среди народов Восточной Европы] имеет стихийный характер и в наших интересах использовать ее для налаживания польско-украинского и польско-белорусского сотрудничества». Твердо придерживаясь курса на это сотрудничество, Гедройц последовательно отказывался помещать на страницах журнала материалы, которые могли вызвать раздражение у литовцев, белорусов или украинцев¹². Гедройц и Мерошевский отвергали также предложения договориться с СССР за счет указанных республик (на чем настаивали так называемые «ялтинцы», т.е. деятели крестьянской партии во главе со С. Миколайчиком и христианские демократы К. Попеля, пытавшиеся удержаться на польской политической сцене в послевоенный период¹³). Мерошевский в 1975 г. писал, что отношения с Украиной нельзя трактовать как средство давления на Россию, поскольку тогда получалось бы, что позиция Москвы имеет для Польши большее значение, чем позиция Киева. Между Польшей и Украиной, указывал Мерошевский, Россия всегда выберет Украину, независимо от того, будет ли Польша полностью суверенным государством или останется советским сателлитом. Поэтому нет смысла мечтать о пересмотре отношений с Россией за счет отказа от близости с Украиной¹⁴. В далекой перспективе Мерошевский и Гедройц предполагали создание федерации центрально- и восточно-европейских стран на равноправной основе с Польшей. Гедройц видел следующие преимущества такой федерации: 1) она станет фунда-

ментом нового демократического устройства послевоенного мира и явится препятствием для национализма; 2) федерация будет обладать достаточными ресурсами для противодействия немецкой, советской или какой-либо иной экспансии; 3) федерация гарантирует общую безопасность в случае военного конфликта; 4) федерация позволит решить проблему нацменьшинств; 5) новая политическая реальность породит новые культурные импульсы. Однако, идея федерации оказалась малопривлекательной как для огромной части польской эмиграции (поскольку не решала проблемы восточной границы), так и для украинской (чьи лидеры в большинстве своем вообще не хотели входить ни в какую федерацию с поляками). По сути, единственными сторонниками федерации с украинской стороны были председатель Украинской национальной рады Я. Стецко и постоянный автор «Культуры» Б. Осадчук¹⁵. В конце жизни и Мерошевский отказался от идеи федерации в пользу национальных государств¹⁶.

С польской стороны традиционными федералистами являлись пилсудчики, но их концепции предполагали верховенство Польши, а с этим Гедройц согласиться не мог. Он писал в 1973 г.: «Для среднего украинца, литовца или чеха, не говоря уже о белорусе, слово федерация отождествляется с польским империализмом и полонизацией... Прежде всего, надо начать с основ, нормализовать отношения, пробудить у соседей доверие к нашим намерениям»¹⁷. Гедройц указывал, что в межвоенное двадцатилетие поляки находились во вражде со всеми соседями и нацменьшинствами, и говорил, что национальные предубеждения (например, тезис о более высокой польской культуре) надо всеми силами преодолевать¹⁸.

Для основной массы польской политической эмиграции подобные воззрения были неприемлемы, ибо означали предательство национальных интересов. Считалось, что Польша без кресов (т.е. без восточных земель) была обречена на подчинение России. По мнению несгибаемых эмигрантов, коммунистическое правление в Польше, а, следовательно, и границы были явлением временным, зависящим от международной обстановки. Принятие же новых границ – это признание, пусть частичное, легитимности коммунистической власти. Ведущий публицист лондонских «Ведомостей» (главного органа бри-

танской Полонии) Прагер в 1960 г. охарактеризовал заявление Мерошевского о признании послевоенных восточных границ как «беспримерное проявление безответственности»¹⁹. На страницах же издаваемого в Австралии «Тыгодника Польского» в статье, озаглавленной «В защиту исторической правды и доброго имени поляков» Гедройца однажды обвинили в том, что он – не поляк, а литовец; дескать, именно таковым его считает литовская эмиграция (род Гедройцев, действительно, происходил из Литвы и Белоруссии)²⁰. Гедройц вспоминал в 1987 г.: «Много лет назад... мы заявили, что Львов и Вильно останутся в руках украинцев и литовцев. Ко мне тогда приехал добрый знакомый, выдающийся социалист Зыгмунт Заремба, и уже в дверях воскликнул: “Пан Ежи, что вы делаете? Я разделяю ваше мнение, но вас сметут с лица Земли”»²¹.

Такому жесткому неприятию со стороны эмигрантов позиции «Культуры» по вопросу восточной границы способствовало и то, что значительная часть этих эмигрантов, особенно в среде военных, происходила как раз с восточных земель довоенной Польши, отошедших позднее к СССР. В их среде зачастую не было принято вообще смотреть на украинцев как на народ. К примеру, в 1963 г. польскоязычное издание «Дзеник чикагский» выступило со статьей, в которой заявлялось: «украинство Львова – дело очень недавнее. Его начали пропагандировать лишь в начале XX века. А до конца XIX столетия Украина была понятием географическим, вроде Волыни или Подолья, а отнюдь не государственным или национальным»²². В свою очередь, подавляющая часть украинской эмиграции тоже происходила с этих территорий, а потому несла груз непростых взаимоотношений с поляками в довоенный и военный периоды²³. Заставить их пожать друг другу руки было делом трудновыполнимым.

Зато взгляды редколлегии «Культуры» пришлось ко двору в современной Польше. Причины этого выразил известный диссидент, главный редактор «Газеты Выборчей» Адам Михник: «публицистика Мерошевского как хорошее вино – чем старше, тем лучше... Мы этого не ценили, у нас было ощущение, что его мысли – это такие абстрактные рассуждения человека, который разгуливает себе по Гималаям и разглагольствует – вот, мол, развалится Советский Союз, и Россия захочет отдать

Польше Львов, а мы его не возьмем. В 1972 г. все это казалось чем-то совершенно абсурдным. Сегодня... видна необычайная пронизательность, воображение и гуманизм этого человека». «Именно Мерошевский и Гедройц, – продолжал Михник, – сумели выстроить политическую мысль, которая выходила за пределы классической польской дилеммы, когда с одной стороны – непримиримые, ожидавшие, что разразится мировая война или разольется Тихий океан, который остановится как раз на Буге, а с другой стороны – [пассивная] масса поляков»²⁴.

Используя парадигму Мерошевского о поддержке независимости восточных соседей, польская дипломатия уже в 1989–1991 гг. вела переговоры с Украиной, Литвой и Белоруссией как с независимыми государствами, придерживаясь линии двунаправленности своей внешней политики – на Москву и на республиканские центры²⁵. Впрочем, поначалу даже и среди оппозиции, пришедшей к власти на волне крушения социалистического строя в 1989 г., такая парадигма не находила единодушной поддержки. А. Михник вспоминает: «Разумеется, в этом было некоторое противоречие: с одной стороны – ставка на Украину, Белоруссию и Литву, а с другой – на демократическую Россию. Помню, как в 1989 году я поехал на первый съезд Руха в Киев и с сказал с трибуны: “Да здравствует свободная, демократическая и справедливая Украина!”. Так после этого один из министров в правительстве Тадеуша Мазовецкого... два часа мне объяснял, что я совершил историческую ошибку, поскольку нельзя одновременно поддерживать демократию в России и говорить: “Да здравствует свободная Украина!”»²⁶.

Тем не менее, Польша оказалась первой страной, которая признала независимость Украины – государства, которое традиционно занимало центральное место в восточноевропейской публицистике «Культуры».

Проводником идей «Культуры» в переломный период падения социалистического строя явился человек, ничего общего с парижским журналом не имевший – министр иностранных дел Кшиштоф Скубишевский. Аполитичный профессионал, он вряд ли руководствовался в своей политике благородными призывами к поддержке национального самосознания народов Восточной Европы (не случайно Гедройц относился к Скубишевскому холодно). Скорее, им двигал прагматизм, ибо

создание буферной зоны с Россией объективно лежит в интересе Польши. В новых реалиях приоритетом для Польши стало вхождение в европейские структуры – Евросоюз и НАТО²⁷. Гедройц вполне разделял этот взгляд, но указывал, что на этом нельзя останавливаться – Польша должна стать ходатаем перед данными организациями за Украину, Румынию, Молдавию и Болгарию²⁸.

В 1990-е гг. все более весомую роль в восточноевропейской публицистике «Культуры» приобретает Белоруссия. Это неудивительно: она оказалась единственной страной, где победили силы, ориентированные на новое объединение с Россией. «Культура» оказалась едва ли не единственным органом прессы, озабоченным белорусским самосознанием. Стоит, правда, отметить, что Гедройц, кажется, следовал распространенному среди белорусских униатов и католиков штампу, согласно которому собственно белорус – это человек малообразованный и неразвитый, а интеллектуальная элита должна называться литвинами (не путать с литовцами). Михник вспоминал: «Когда Милош получил Нобелевскую премию, Гедройц взбесился: “Он же теперь свихнется”. Я отвечаю: “Пан Ежи, он ведь – упрямый литвин”. “Какой литвин, пан Адам? Он – самый обычный белорус с неустоявшимся духовным складом, и теперь он свихнется”»²⁹.

Летом 1996 г. Гедройц писал на страницах «Культуры»: «В последнее время у нас очень напряженные отношения с Белоруссией, чье поглощение Россией представляет для нас величайшую опасность. К сожалению, дальше деклараций и конференций дело не идет... Польские книги и журналы там недоступны. Наша задача – это помощь в развитии национального самосознания белорусов и поддержка польского меньшинства»³⁰. В конце того же года он заявлял: «Кризис, который ныне переживает Белоруссия, в высшей степени опасен как для Польши, так и для Европы... Мы должны сделать все для сохранения в Белоруссии демократического и парламентского устройства. Тут главное – не пересолить. Слишком много нынче официальных выступлений, визитов в Минск и т.д. Следует ограничиться общественными акциями, обращениями к международным организациям и т.п., чтобы не создавалось впечатление, будто мы вмешиваемся во внутренние дела

Белоруссии. Нужно помнить, что у наших восточных соседей все время сохраняется опасение перед польским империализмом. А наши дипломатические посты часто занимают люди, мягко выражаясь, малокомпетентные»³¹. Во исполнение этого наказа в № 1–2 «Культуры» за 1998 г. появилась «Белорусская декларация свободы», подписанная несколькими представителями белорусской оппозиции (поэтами Р. Барадулиным и А. Антипенко, писателями В. Быковым и В. Орловым, кинорежиссером В. Дашуком, актером В. Шалкевичем, литературными критиками С. Дубавцом и В. Конаном, дирижером В. Матюховым и др.) и рядом польских деятелей науки и культуры (режиссером А. Вайдой, переводчиком Е. Помяновским, философом К. Помяном, поэтом Ч. Милошем, писателями О. Токарчук и Г. Герлингом-Грудзиньским, поэтессой В. Шимборской и др.). Авторы Декларации утверждали, что после двух столетий «колониального развития» Белоруссия утратила вкус свободы; авторы требовали «свободы творчества и мышления, интеллектуального и культурного нонконформизма, защиты основных ценностей европейской культуры и цивилизации»³². Следуя традиционной для парижского издания линии, данная инициатива избегала прямых политических лозунгов, делая упор на независимость искусства. Именно поэтому среди подписантов не оказалось ни одного общественного деятеля. Тем не менее, политический посыл Декларации и ее в равной мере антилукашенковская и антироссийская («два столетия колониального развития») направленности были очевидны.

А в конце того же года по инициативе Гедройца и при финансовой поддержке Польского Института в Минске был издан совместный номер «Культуры» и белорусского оппозиционного ежеквартальника «Фрагменты».

Таким образом, парижская «Культура» оказалась одним из центров притяжения тех, кто рассматривал Белоруссию как самостоятельную величину, равноудаленную от Польши и России. В 2000 г., уже после смерти Гедройца, белорусский писатель Сократ Янович вспоминал о времени до 1989 г.: «"Культура" Ежи Гедройца больше всего пронзила меня уважением к белорусской проблематике, которой в то время все пренебрегали. Если я иногда признаюсь, что созреванием своего национального сознания обязан полякам, то имею в виду круг

читателей парижской “Культуры”, который по большому счету начал возникать передо мной уже на излете ПНР. Я охотно поддавался уговорам, начав писать в подпольную польскую прессу. Завязывались новые контакты, постепенно я выходил из провинции в мир. Это было бы невозможным без уроков “Культуры”, которые переделывали мое сознание, взламывали односторонний взгляд на поляков как на клерикалов, не высовывающих носа из своего прихода, в пользу взгляда на них как на открытых людей, готовых ко встрече со мной, белорусом, не таким, как они. Я сразу попал под влияние белорусской тематики и ее восприятия как необходимой вещи в разрешении польских вопросов. Это было невероятное открытие. Я не предполагал, что белорусская окраина огромного Советского Союза может оказаться настолько важной... И вдруг эта “Культура” с текстами, из коих следовало, что мы совсем не такие добродушные парни с голодными подтеками на щеках и довольно таки пустыми и грубыми черепами. Этот совершенно другой подход эмиграции контрастировал с разрешенной в ПНР национальной самодеятельностью, которая не выходила, да и не могла выйти, за пределы стишков, песенок, народных танцев и крестьянских съездов»³³.

Трудно переоценить заслуги Гедройца и Мерошевского в деле преодоления взаимных предубеждений поляков, украинцев, белорусов и литовцев. Именно они примирили польское общественное мнение с послевоенными реалиями и указали ориентиры внешней политики после распада советского блока. Благодаря им польская элита вместо культивирования памяти о прошлом (как это произошло после Первой мировой войны) занялась выстраиванием взаимоотношений с Белоруссией, Украиной и Литвой на новых основаниях, учитывавших не только польские интересы, но и интересы бывших советских республик. Украинский публицист «Культуры» Б. Осадчук не так уж и преувеличил, когда писал уже после смерти Е. Гедройца, что без него «польско-украинская граница сегодня могла бы быть польско-украинским Косовом со взаимным истреблением. Мы же после длинной череды конфликтов и войн, коротких периодов дружбы, получили систему, опирающуюся на согласие и сотрудничество, даже дружбу, в общих чертах напоминающую воплощение планов и договоров Пилсудско-

го с Семеном Петлюрой. Без Гедройца, его взглядов и практической деятельности, ничего бы этого не было»³⁴. Переоценить значение парижского ежесеместника в изменении сознания поляков трудно. Едва ли найдется другой столь же влиятельный центр, сумевший так четко и разумно расставить приоритеты Польши в изменившемся мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Ziętara P.* «Kultura» na tle powojennej emigracji // Aktualność przesłania paryskiej «Kultury» w dzisiejszej Europie. Zbiór studiów. Lublin, 2007. S. 98.

² *Ungier L.* Polityka wschodnia w wizji «Kultury» // Aktualność przesłania... S. 90; *Ziętara P.* Op.cit. S. 101–102; *Habielski R.* Między Londynem a Maisons-Laffitte. Emigracja niezłomna i «Kultura» // Spotkania z paryską «Kulturą». Zbiór i oprac. Z. Kudelskiego. Warszawa, 1995. S. 73–74.

³ *Ziętara P.* Op. cit. S. 108.

⁴ *Mieroszewski J.* Ewolucjonizm. Paryż, 1964. S. 8, 22–27, 33, 49; *Mieroszewski J.* Polityczne neurozy. Wybór. Warszawa, 1984. S. 8–10.

⁵ *Bakuła B.* Dialogi paryskiej «Kultury» z Europą Wschodnią i środkową // Wokół idei Jerzego Giedroycia. Lublin, 2011. S. 16.

⁶ Цит. по: *Турчзан М.* Paryska «Kultura» wobec konfliktów politycznych w Polsce (1976 – 1989). Poznań, 2011. S. 102.

⁷ *Bakuła B.* Op.cit. S. 13.

⁸ *Habielski R.* Mapa Maisons-Laffitte (Giedroyc i Londyn) // Jerzy Giedroyc. Kultura. Polityka. Wiek XX. Warszawa, 2009. S. 344.

⁹ *Bakuła B.* Op. cit. S. 17.

¹⁰ *Stępnik A.* Ukraina, Litwa i Białoruś w «Zeszytach Historycznych» (1962–1991) // *Nowikowski S.M., Stobiecki R.* Jerzego Giedroycia rozrachunki z historią i polityką: studia i szkice w czterdziestą rocznicę «Zeszytów Historycznych». Łódź, 2005. S. 58.

¹¹ *Habielski R.* Między Londynem a Maisons-Laffitte... S. 82.

¹² *Stępnik A.* Op.cit. S. 60–61.

¹³ *Ziętara P.* Op.cit. S. 106.

¹⁴ *Stępnik A.* Op. cit. S. 58.

¹⁵ *Bakuła B.* Op.cit. S. 20.

¹⁶ Ibid. S. 16.

¹⁷ *Stępnik A.* Op. cit. S. 59.

¹⁸ Ibid. S. 56.

¹⁹ *Habielski R.* Między Londynem a Maisons-Laffitte...S. 82.

²⁰ *Stępnik A.* Op.cit. S. 57.

²¹ Ibid. S. 62.

²² Ibid. S. 60.

²³ *Bakuła B.* Op. cit. S. 14.

²⁴ *Michnik A.* Mieroszewski // Jerzy Giedroyc... S. 147.

²⁵ *Kranz J.* Polityka zagraniczna Polski – rzut oka na lata przełomu (1989–1999) // Aktualność przesłania... S. 339; Михалев О.Ю. Обще-ственно-политические условия переориентации внешней политики Польши (1989–1993 гг.). Воронеж, 2008. С. 40.

²⁶ *Michnik A.* Op.cit. S. 149.

²⁷ Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.-СПб., 2015. С. 209–215.

²⁸ *Bakuła B.* Op. cit. S. 21.

²⁹ *Michnik A.* Op. cit. S. 151–152.

³⁰ *Barszczewski L.* Jerzy Giedroyc – Białoruś – Rosja // Jerzy Giedroyc... S. 54–55.

³¹ Ibid. S. 54.

³² Ibid. S. 55–56.

³³ Ibid. S. 53.

³⁴ Цит. по: *Stępnik A.* Op. cit. S. 68.

Л. С. Лыкошина*

Глава 15.

Российско-польские отношения в контексте украинского кризиса

В статье рассматривается проблема влияния украинского кризиса на динамику развития российско-польских отношений. Констатируется зависимость последних от степени активности России и Польши на Украине, являющейся сферой соперничества за уровень влияния между РФ и РП.

Ключевые слова: Польша, Россия, Украина, кризис, российско-польские отношения.

The article concerns the problem of the impact of Ukrainian crisis to the dynamics of development of Russian-polish affairs. The author emphasizes their dependence on the level of activity both Russia and Poland in Ukraine, as in the scope of the rivalry for the level of influence between Russian Federation and Polish Republic.

Keywords: Poland, Russia, Ukraine, crisis, Russian-polish affairs.

Развитие в последнее десятилетие российско-польских отношений вписывается в рамки некой закономерности: чем активнее Польша пытается укрепить свои позиции на бывшем постсоветском пространстве, в частности, на территории УЛБ¹, тем с большим противодействием Москвы она сталкивается. Причем наиболее очевидно проявляется в данной связи роль «украинского фактора»: чем настойчивее Польша заявляет о себе на Украине, тем более напряженными становятся отношения между РФ и РП.

* Лариса Семеновна Лыкошина – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ИНИОН РАН; ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

Украинский кризис 2004 г. был урегулирован при самом непосредственном вмешательстве польской стороны, в частности, президента А. Квасьневского. События в Киеве вызвали сочувствие и одобрение значительной части польского общества: вся Польша распевала песенку «Вместе нас много», ставшую гимном «оранжевой революции»; немало поляков было на Майдане, три тысячи наблюдателей работали на избирательных участках. Украину посетил Л. Валенса, а будущий польский президент Б. Коморовский прилетел на Майдан вместе с детьми, чтобы они почувствовали «вкус революции». Общественное мнение Польши было явно на стороне Ющенко. После того, как он выиграл во втором туре, казалось, что и Польша победила на Украине. Министр иностранных дел РП А. Ротфельд говорил тогда, что массовая поддержка поляками «оранжевой революции» может стать основой для перелома в отношениях двух стран. Сменивший его на посту главы польского МИД С. Меллер также отводил Украине особое место во внешней политике Польши. Как никогда часто звучали в то время слова о том, что «без свободной Украины не будет свободной Польши и без свободной Польши не будет свободной Украины».

Активность Польши в ходе украинских событий акцентировала с собой силой несоответствие стратегических целей России и Польши. Оценивая «оранжевую революцию», президент А. Квасьневский заметил, что «для каждой великой державы... Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной»².

В то время российские аналитики говорили даже о некоей «доктрине Квасьневского», направленной на изоляцию России. Как полагает Н. Бухарин, «А. Квасьневский своим поведением в Киеве фактически заморозил российско-польский политический диалог»³.

2004 г. ознаменовался целым рядом событий, по меньшей мере, не способствующих благоприятному развитию российско-польских отношений: Главная военная прокуратура РФ приняла решение о закрытии Катынского дела в отношении лиц, признанных виновными в превышении должностных полномочий, в связи с их смертью, что вызвало несогласие Варшавы; в этом же 2004 г. был установлен государственный

праздник РФ – День народного единства, что вряд ли способствовало улучшению российско-польских отношений; наконец, 2004 г. стал годом вступления Польши в ЕС, и, соответственно, возросла ее роль в реализации восточной политики Евросоюза.

Новый этап развития Польши как полноправного члена европейского сообщества ознаменовался в буквальном смысле слова «обменом ударами» между Варшавой и Москвой, явно не соответствующими европейским ценностям: в июле 2005 г. в Варшаве подверглись нападению и избиению дети российских дипломатов. В августе в Москве были избиты два польских дипломата.

Не способствовала благоприятному развитию отношений между двумя странами и внутривнутриполитическая ситуация в Польше: победа на президентских и на парламентских выборах 2005 г. партии «Право и справедливость» (ПиС), отнюдь не отличающейся симпатией к России.

В период пребывания у власти партии ПиС и президентства Л. Качиньского суть восточной политики Польши сводилась к стремлению проводить таковую как общую политику ЕС. Польша при этом претендовала на роль своего рода эксперта по Востоку, знатока проблемы, способного противостоять России в ее попытках сохранить свое прежнее влияние в регионе. Л. Качиньский заявлял в 2006 г., что Польша видит свою задачу в расширении границ «демократического мира дальше, на восток и юг». По инициативе польского президента был создан Фонд поддержки демократии в странах бывшего СССР. В задачу Фонда входили пропаганда опыта польских реформ и укрепление образа страны как посредника в общении с Западом⁴.

С 2007 г., с приходом к власти правительства Туска, ситуация несколько изменилась. В восточной политике Польша, скорее, отказалась от концепции Гедройца, чем продолжила ее. Если понимать суть этой концепции как особое внимание к проблемам Украины и Белоруссии, то можно заключить вслед за профессором Р. Кузьняром, что «прометеизм»⁵ уступил место нормальности. Приоритет отдавался интересам Польши, а УЛБ перестала рассматриваться как земля обетованная польской внешней политики⁶.

В этом контексте происходило улучшение отношений с Россией. Правительство Туска предприняло попытку изменить характер значимых для страны польско-российских отношений. В первом экспозе Туска (ноябрь 2007 г.) говорилось о стремлении Польши наладить диалог с Россией «такой, какая она есть». В 2007- 2008 гг. министр иностранных дел Р. Сикорский встречался со своим российским коллегой в Брюсселе и в Москве. В 2008 г. состоялся визит Туска в Москву. Несмотря на наличие многих трудных проблем самого разного характера: от спорных вопросов, связанных с поставкой газа в Польшу из России, до российского эмбарго на польское мясо и разных взглядов на историю – отношения России и Польши явно улучшились. Кардинально их не изменила даже реакция президента Л. Качиньского на вооруженный грузинско – российский конфликт в 2008 г. Польский президент однозначно обвинил Россию в агрессии и проявил готовность бороться «за нашу и вашу свободу» против России.

Авиационная катастрофа под Смоленском в апреле 2010 г., приведшая к гибели польского президента Л. Качиньского и представителей высшего польского руководства, не способствовала дальнейшему развитию направления на диалог и сотрудничество между двумя странами, хотя сразу после катастрофы казалось, что поляки оценят искреннее сочувствие, проявленное российским президентом и российским обществом в целом. Но лидер оппозиционной партии ПиС Я. Качиньский развернул в стране масштабную антироссийскую кампанию, призванную убедить поляков в ответственности российской стороны за происшедшую трагедию. Определенная часть польского общества позитивно восприняла версию событий, предложенную Я. Качиньским.

Однако большинство поляков придерживалось иной точки зрения, о чем свидетельствовали результаты президентских выборов 2010 г., приведших к власти Б. Коморовского. Новый президент считал необходимым нормализацию отношений с Россией. Трудно заподозрить президента Коморовского и премьера Туска в особой любви к России, но стремление выстраивать взаимоотношения между двумя странами, исходя из принципа нормальности и видения России «такой, какая она

есть» (по выражению Туска), безусловно, присутствовало в политике польского руководства.

Несомненно, значимым событием в развитии российско-польских отношений стал визит президента России Д. Медведева в Польшу в декабре 2010 г. Это был первый визит такого высокого уровня после почти восьмилетнего перерыва. Коморовский отметил, что визит явился открытием новой главы в российско-польских отношениях и залогом их «решительно-го улучшения, важным шагом в долгом пути, по которому Россия и Польша должны идти все быстрее»⁷.

«Мы с удовлетворением отмечаем, – констатировал Коморовский, – что чем глубже Польша укореняется в западной системе безопасности, экономики и политики, тем больше растут шансы на хорошее сотрудничество с партнерами, находящимися вне Евросоюза и НАТО. Это нормально и понятно. Польский голос в этих организациях важен... Польский голос в НАТО и ЕС – голос за сотрудничество этих организаций с Москвой»⁸.

Динамика развития отношений подтверждала стремление придерживаться линии на развитие диалога и сотрудничества. Несомненно, значимым событием в этом контексте стал состоявшийся в августе 2012 г. визит в Польшу Патриарха Кирилла. Это был первый в истории визит в Польшу главы русской православной церкви. Патриарх и глава Конференции польского епископата архиепископ Юзеф Михалик подписали совместное «Послание народам России и Польши» с призывом к диалогу и взаимопониманию.

Поступательное в целом развитие российско-польских отношений было вновь осложнено в связи с событиями на Украине в 2014 г. Польские политики решительно и однозначно осудили позицию России. Когда в январе 2014 г. начались события на Майдане, ЕС не имел плана действий. Едва ли не первой на происходившее отреагировала Польша. Уже 22 января польский премьер Д. Туск отправился в Европу со своим планом, предусматривающим санкции против России, финансовую помощь Украине, создание условий для нормальных выборов, подписание с Украиной договора об ассоциации с ЕС. С этими предложениями он посетил 7 стран ЕС.

18 февраля, когда начался штурм Майдана, в Киев отправился Р. Сикорский вместе со своими немецким и французским коллегами. Итогом стало подписание соглашения с Януковичем. Но реализовать соглашение не удалось из-за государственного переворота 22 февраля. Контекст событий изменился в связи с событиями в Крыму. Именно польский премьер отреагировал первым, предложив созвать чрезвычайное заседание Совета ЕС. Тогда, в марте 2014 г., было принято решение о первых санкциях и о подписании политической части договора об ассоциации с Украиной.

Стремясь к выработке консолидированной польской позиции, Д. Туск провел в марте встречу с ведущими польскими политиками, представлявшими разные политические силы, вплоть до оппозиционной ПиС. Глава ПиС по итогам встречи заметил: «мы близки к такому положению вещей, когда можно говорить о единстве польских политиков по украинскому вопросу»⁹.

Президент Б. Коморовский в том же марте 2014 г. созвал Совет национальной безопасности для рассмотрения вопроса об Украине. Президент отметил, что безопасности Польши ничто не угрожает, но сложившаяся ситуация отрицательно влияет на международный порядок. Польша должна сделать соответствующие выводы в плане модернизации армии¹⁰. По его мнению, дестабилизация ситуации на Украине в интересах России, добывающей ослабления связей региона с Киевом¹¹.

Способ разрешения конфликта, «ключ к поддержке Украины», как полагает Коморовский, находится в ЕС и США. Польша поддерживает США и старается влиять на ЕС с тем, чтобы Евросоюз осознал что, «если России удастся осуществить план дестабилизации Украины и приостановки процесса модернизации, то это будет угрозой всему политическому порядку в Европе»¹².

В той же тональности оценивал ситуацию на Украине и премьер Д. Туск. В мае 2014 г. он заявил, что на Украине идет война, но «война особого типа, без объявления войны»¹³. По мнению польского премьера, ситуация напряженности провоцируется Россией, шансов на дипломатическое урегулирование остается все меньше. При таком положении дел НАТО и ЕС должны быть готовы к защите своих границ¹⁴.

Ярким выражением польской позиции стало выступление в сейме 8 мая 2014 г. министра иностранных дел Польши Р. Сикорского, который основное внимание уделил проблеме Украины¹⁵. Министр выразил мнение, что действия России, «безусловно, нарушают принципы мирного сосуществования народов», они «недопустимы с правовой точки зрения и политически небезопасны». Польша руководствовалась в отношениях с Россией постулатом Д. Туска, согласно которому надо воспринимать Россию «такой, какая она есть». Но это было возможно до тех пор, пока Россия соответствовала критериям современного мира. Сейчас Россия, по мнению польского министра, вступила на путь агрессии, и Польша делает соответствующие выводы.

Ситуация на Украине побудила польское руководство одобрить в октябре 2014 г. новую Стратегию национальной безопасности взамен принятой в 2007 г. В ноябре 2014 г. новую Стратегию утвердил президент Коморовский. Комментируя принятый документ, он отметил, что ситуация на восточных рубежах Польши ухудшилась, этот регион превратился в зону нестабильности, причем в ближайшее время положение вряд ли изменится. Польский президент отметил необходимость укрепления обороноспособности страны, что предполагает увеличение с 2016 г. расходов на оборону до 2% бюджета. В документе отмечается, что безопасность Европы будет зависеть от четырех главных факторов – НАТО, Евросоюза, стратегического присутствия США на европейском континенте и отношений с Россией. В отношении РФ в документе отмечается важность «разрешения трудных вопросов с учетом стандартов международного права»¹⁶.

В Стратегии признается, что вблизи польских границ «существует риск региональных и локальных конфликтов», в которых Польша может участвовать как опосредованно, так и непосредственно. «Польша не свободна также от политического натиска, использующего военную аргументацию. В ее ближайшем соседстве происходит большая концентрация военного потенциала», который не исключает военных угроз для страны. В Стратегии указывается на необходимость «взвешенной международной интеграции и самостоятельности в сфере бе-

зопасности, в том числе расширения обороноспособности страны»¹⁷.

В 2014 г. на фоне ухудшения отношений между странами из Польши были высланы несколько российских дипломатов за деятельность, несовместимую с их статусом. Симметричную ответную меру предпринял и российский МИД. Польское руководство в одностороннем порядке отменило намеченные на 2015 г. перекрестные годы культуры России в Польше и Польши в России. Российская сторона заявила, что на ответные меры не пойдет.

Ухудшение российско-польских отношений получило отражение в общественном сознании. По данным Польского Центра исследования общественного мнения (2014 г.), нынешнее состояние польско-российских отношений преобладающее большинство поляков оценивает как плохое (65%). Причем чаще всего такой позиции придерживаются индивидуальные сельские хозяйства и в целом те поляки, которых затрагивают санкции российского правительства¹⁸.

Примечательно, что хотя у поляков в целом превалирует прагматическое отношение к внешней политике, и они считают, что Польша должна защищать, прежде всего, собственные интересы, 31% респондентов полагают, что Польше следует отстаивать свои принципы, невзирая на политические выгоды. Чаще к такого рода взглядам склонны сторонники правых и центристских партий (соответственно 37 и 34%). Респонденты, симпатизирующие левым партиям, чаще проявляют прагматизм (67%)¹⁹.

Исследования показывают, что в ситуации вынужденного выбора при ответе на вопрос о том, следует ли Польше отдавать предпочтение хорошим отношениям с Россией или странами бывшего СССР, такими как Украина или Грузия, в 2014 г. сторонников предпочтения хороших отношений с Россией было 38%; со странами бывшего СССР – 34%, 28% не смогли определиться. Чаще хорошие отношения с Россией предпочитают прагматичные сторонники левицы (61%)²⁰.

Осенью 2014 г. в связи с избранием Д. Туска на пост председателя Европейского совета ЕС, правительство Польши возглавила Эва Копач (Гражданская платформа). Общая линия оста-

лась прежней, однако акценты несколько сместились в пользу прагматизма. Э. Копач осудила «захват территории суверенного украинского государства», но сочла нужным заметить, что ответственность за решение стоящих перед украинцами задач лежит на них самих²¹.

О готовности Варшавы поддерживать политику санкций против России и в дальнейшем принимать самое активное участие в разрешении украинского кризиса поспешил заявить и новый министр иностранных дел Польши Г. Схетына²².

С осуждением политики России выступили и ведущие польские СМИ. Так, главный редактор влиятельной «Gazeta Wyborcza» Адам Михник назвал политику России «агрессивной» и «империалистической» и призвал людей культуры быть «капитолийскими гусьями», предупреждающими об опасности (открытое письмо А. Михника лидерам ЕС перепечатали 12 европейских газет). За свою активность в восточной политике Польши он получил награду польско-литовского Форума диалога и сотрудничества им. Е. Гедройца²³.

Вместе с тем в общественном дискурсе Польши представлена и другая точка зрения. В частности, профессор Б. Лаговский полагает, что Польше было бы выгоднее выступить союзницей России, так как в российско-польских отношениях нет серьезных проблем. При этом профессор отдает себе отчет в том, что поляки на это не пойдут. В украинских делах для Польши оптимальной могла бы стать роль наблюдателя, а не активного субъекта, тем более что Польша – лишь помощник США. Б. Лаговский сравнивает присоединение Россией Крыма с присоединением Польшей Вильнюса после Первой мировой войны (так называемый мятеж Желиговского²⁴).

Следует отметить, что не все поляки готовы забыть о сложных моментах в истории польско-украинских отношений новейшего времени, в частности, о зверствах Украинской повстанческой армии (УПА), о Вольнской резне. Многих в Польше возмутил принятый Верховной Радой Украины закон о признании ОУН-УПА борцами за независимость Украины, тем более, что приняли его через несколько часов после выступления

президента Коморовского в Верховной Раде, в ходе которого польский лидер призывал к польско-украинскому единению и заверял украинцев в неизменной симпатии своей страны к делу защиты украинской демократии. Польские социал-демократы сочли это «пощечиной Польше», и такое мнение отнюдь не чуждо многим в Польше. Правда, вскоре Коморовский заявил, что «несчастье этого закона заключается в том, что он делает невозможным польско-украинский исторический диалог, без которого нет примирения и решения важных вопросов»²⁵, но горькое чувство оскорбленной исторической памяти осталось.

Не только страх перед Россией испытывают поляки в связи с украинскими событиями (как об это свидетельствуют социологические опросы), но и неприятие роста национализма на Украине.

Весьма примечательна акция, проведенная в Грушовицах, бывшей в довоенный период украинской деревней. Здесь после демократической революции 1989 г. необандеровцы нелегально установили памятник УПА в форме ворот с трезубцем (эмблема бандеровцев) и надписью «Слава героям УПА, бойцам за свободную Украину». В связи с событиями на Украине на монументе в Грушовицах появилась надпись «Смерть палачам Волыни и Донбасса», а неподалеку от него были установлены таблички с фотографиями жертв Волынской резни 1943 г. и жителей Новороссии, погибших в 2014 г.

Организации националистов «Лагерь Великой Польши» (OWP)²⁶ и «Славянский союз» (ZS)²⁷ провели осенью 2014 г. в Варшаве несколько акций протеста против политики польских властей на Украине. Акции прошли под антибандеровскими и антиамериканскими лозунгами.

Заметным явлением современной политической жизни страны стало оживление движения кресовян (выходцев из Восточных Кресов – восточных окраин Речи Посполитой). Участники состоявшегося в Варшаве учредительного съезда Патриотического союза организаций кресовян и ветеранов (PZOKiK) поставили перед собой цели противостоять украинским националистам – наследникам ОУН–УПА и добиваться принятия на официальном уровне формулировки «геноцид

поляков» в отношении преступных действий украинских националистов на Восточных Кресах в 1939–1947 гг.

• • •

Можно констатировать, что развитие российско-польских отношений в последнее десятилетие проходило волнообразно, периоды напряженности сменялись периодами конструктивного диалога. Диаметрально противоположный подход к оценке событий на Украине со стороны Польши и России, претензии РП на особую роль в украинской политике, активность Польши в проведении недружественной по отношению к России политики ЕС стали причиной резкого ухудшения отношений между двумя странами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ УЛБ (Украина, Литва Белоруссия) – принятая в польской литературе аббревиатура, введенная издателями и авторами журнала «Культура» Е. Гедройцем и Ю. Мерошевским.

² *Kwasniewski A.* Trzeba bić na alarm // http://wyborcza.pl/1,75478,15554149,Aleksander_Kwasniewski__Trzeba_bic_na_alarm.html#TRrelSST

³ *Бухарин Н.* Российско-польские отношения. 90-е годы XX века – начало XXI века. М., 2007. С. 46.

⁴ Визит президента Медведева в Польшу // <http://www.itar-tass.com/prnt.html?NewsID=15749343>

⁵ Прометеизм – политическая концепция Ю. Пилсудского, направленная на ослабление России (впоследствии СССР) посредством поддержки сепаратистских движений нерусских народов.

⁶ *Kuźniar R.* Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. W-wa, 2012. S. 375.

⁷ *Komorowski B.* Stoimy w obliczu wielkiego wyzwania // <http://www.prezydent.pl/aktualnosci-krajowe/art,31,stoimy-w-obliczu-wielkiego-wyzwania>

⁸ Президент Польши Бронислав Коморовский: чувствую себя счастливым // Известия. 2010. 6 декабря. С. 5.

⁹ *Kaczyński J.* Jesteśmy blisko stanu, w którym można mówić o jedności polskich polityków w sprawie Ukrainy // http://wyborcza.pl/1,75478,15552545,Kaczynski__Jestesmy_bliisko_stanu__w_ktorym_mozna_mowic.html#ixzz3L9370twlhttp://wyborcza.

pl/1,75478,15552545,Kaczynski__Jestesmy_bliisko_stanu__w_ktorym_mozna_mowic.html#TRrelSST

¹⁰ *Komorowski B.* Pilnujemy własnego bezpieczeństwa // <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,278,pilnujemy-wlasnego-bezpieczenstwa.html>

¹¹ *Komorowski B.* Kryzys na ukrainie-wywolywany-by-utrudnic-wybory // <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,289,kryzys-na-ukrainie-wywolywany-by-utrudnic-wybory.html>

¹² Prezydent zatwierdził strategię bezpieczeństwa // [http://www.pap.pl/palio/html.run?_Instance=cms_www.pap.pl&_PageID=1&s=infopakiet&d z=kraj&idNewsComp=183349&filename=&idnews=186660&data=&statu s=biezace&_Checksum=-1458796835](http://www.pap.pl/palio/html.run?_Instance=cms_www.pap.pl&_PageID=1&s=infopakiet&dz=kraj&idNewsComp=183349&filename=&idnews=186660&data=&statu s=biezace&_Checksum=-1458796835)

¹³ *Tusk D.* Tusk o Ukrainie: mamy do czynienia z wojna choć bez wypowiedzenia // <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/tusk-o-ukrainie-mamy-do-czynienia-z-wojna-choc-bez-wypowiedzenia,424408.html>

¹⁴ *Tusk D.* Dobrze ze polacy martwia sie Ukraina // http://www.google.ru/search?ie=UTF-8&hl=ru&q=Misja%20kijowska-rozmowa%20z%20prezydentem%20RP&gws_rd=ssl#newwindow=1&hl=ru&q=Tusk+D.+Dobrze+ze+polacy+martwia+sie+ukraina

¹⁵ Informacja ministra spraw zagranicznych o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. // http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku

¹⁶ Prezydent zatwierdził strategię bezpieczeństwa // http://www.pap.pl/palio/html.run?_Instance=cms_www.pap.pl&_PageID=1&s=infopakiet&d z=kraj&idNewsComp=183349&filename=&idnews=186660&data=&statu s=biezace&_Checksum=-1458796835

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Polacy o stosunkach polsko-rosyjskich i polityce wschodniej Polski. Komunikat z badan CBOS .W-wa, 2014. № 77 // http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_077_14.PDF

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ Expose premier Ewy Kopacz // http://wyborcza.pl/1,76842,16735622,Expose_premier_Ewy_Kopacz_STENOGRAM_html

²² *Gawlik P.* Schetyna: Polska powinna wrócić do negocjacyjnego stołu w sprawie Ukrainy // http://wyborcza.pl/1,75478,16762052,Schetyna_Polska_powinna_wrocic_do_negocjacyjnego.html#ixzz3e4Lp93Di

²³ *Michnik A.* Nikt tak pięknie nie mówił o pokoju // http://wyborcza.pl/1,75968,16381653,Nikt_tak_pieknie_nie_mowil_o_pokoju.html#ixzz3e4MTueAM

²⁴ Согласованный с Ю. Пилсудским захват Вильнюса генералом Л. Желиговским в 1920 г. (по решению Лиги наций Вильнюс отошел к Литве). Было образовано государство Срединная Литва, которое в 1922 г., по итогам референдума, отошло к Польше.

²⁵ Коморовский: героизация УПА исключает исторический диалог с Украиной // http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/04/23/n_7134273.shtml

²⁶ Националистическая организация, созданная в 2003 г.; апеллирует к идеям Р. Дмовского.

²⁷ Основан в 2006 г.; его приверженцы придерживаются идеологии панславизма.

О. Н. Майорова*

Глава 16. Президентские выборы в Польше 2015 г.

В статье рассматриваются предвыборная кампания и сенсационные итоги президентских выборов в Польше, состоявшихся в мае 2015 г., анализируются причины поражения действующего президента Бронислава Коморовского и победы кандидата от оппозиционной партии Право и справедливость Анджея Дуды.

Ключевые слова: Польша, президентские выборы, избирательная кампания, электорат.

The article deals with the election campaign and the sensational results of the presidential elections in Poland, which took place in May 2015. The author analyses the reasons of the defeat of the working president Bronislaw Komorowski and the victory of the opposition candidate Andzej Duda from the party Law and Justice.

Keywords: Poland, presidential elections, election campaign, electorate.

Для современной политической жизни в Польше характерно, главным образом, такое явление, как «польско-польская война», что отражает чрезвычайно высокий уровень политической напряженности и степень разобщенности польского общества. Данное положение наблюдается, по крайней мере, с 2005 г., когда стало ясно, что не посткоммунисты (в лице социал-демократов) и их противники (в лице правых партий) были главными противостоящими сторонами, а две правые

* Ольга Николаевна Майорова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

партии – Гражданская платформа (ГП) и Право и справедливость (ПиС). В 2005 г. ГП, проиграв и парламентские, и президентские выборы, оказалась в оппозиции; началась ожесточенная борьба между партиями, в программах которых было немало общего. ПиС в коалиции с популистскими партиями «Самооборона» и Лига польских семей находилась у власти лишь до августа 2007 г., когда на досрочных парламентских выборах победила ГП, а главой правительства стал ее лидер Дональд Туск.

Противостояние президента Л. Качиньского (ПиС) и премьера Д. Туска (ГП) было предвестником обострения «польско-польской войны», которая в полной мере разразилась в стране после трагической гибели Л. Качиньского и неудачи его брата Ярослава на президентских выборах 2010 г. Отказ Туска от борьбы за президентское кресло привел к выдвижению Гражданской платформой другого кандидата – Бронислава Коморовского, который одержал победу над своим основным конкурентом Я. Качиньским. В условиях обостренной борьбы в 2011 г. прошли очередные парламентские выборы, и ГП вновь одержала уверенную победу. Впервые в истории Польши после 1989 г. правящая партия сумела победить дважды подряд, а ее глава второй раз возглавить правительство¹. В августе 2014 г. Дональд Туск был избран на пост председателя Европейского совета, новым премьер-министром Польши стала Эва Копач. В настоящее время позиции ее правительства достаточно сложны: рейтинги ГП уступают популярности партии Качиньского.

В такой непростой обстановке проходили в 2015 г. президентские выборы, итоги которых стали сенсационными. В первом туре, состоявшемся 10 мая, ни один из 11 кандидатов не набрал и половины голосов; явка составила 48,96%. Вопреки опросам и предсказаниям политологов, на первом месте оказался кандидат оппозиционной партии ПиС Анджей Дуда, получив 34,76%; на втором месте – Б. Коморовский с поддержкой 33,77%, т.е. разрыв составил всего 1%.

Настоящей сенсацией стало и то, что 20,8% избирателей проголосовали за независимого кандидата, рок-музыканта Павла Кукиза, что явилось проявлением недовольства поляков проводившейся правящей элитой политикой. Голоса за Кукиза

выражают протест против способа функционирования всей польской политической сцены, отрыва политиков от ежедневной жизни простых людей, против навязчивой пропаганды успеха, отсутствия общественной солидарности с группами обездоленных². Кукизу – харизматичному деятелю, удалось привлечь к себе симпатии избирателей. Бывший вице-премьер, министр финансов, бывший президент Национального Банка Польши Л. Бальцерович позитивно высказывался о Кукизе.

Какие уроки должны извлечь политики из «победы» Кукиза? Все, кто не голосовал за Коморовского, выразили неодобрение статус-кво, представляя большинство общества. Кукиз одержал решительную победу именно среди молодых избирателей, которые практически не ощущают преимуществ положительной экономической динамики. Именно молодые люди испытывают трудности: заключение трудового договора на неопределенное время; невысокие заработки; мизерные перспективы взять кредит, не говоря о пенсии; дорогое жилье. Единственной перспективой для человека с высшим образованием остается эмиграция.

Остальные кандидаты получили незначительный процент голосов: Януш Корвин-Микке (партия КОРВиН) – 3,26%; Магдалена Огурек (Союз демократических левых сил – СДЛС) – 2,38; Адам Ярубас (Польская крестьянская партия – ПКП) – 1,60; Януш Паликот (Твое движение) – 1,42; независимый кандидат режиссер Гжегож Бруан – 0,83; Марианн Ковальский (Народное движение) – 0,52; Яцек Вильк (Конгресс новой правицы) – 0,46; Павел Танайно (Непосредственная демократия) – 0,20%.

Во втором туре – 24 мая – выиграл Анджей Дуда, получив 51,55% голосов. Коморовский набрал 48,45%, т.е. с отрывом в 3%; на этот раз участие в выборах приняли 55,34% избирателей.

Сразу после оглашения результатов Коморовский признал свое поражение, поздравил Дуду и пожелал ему быть успешным президентом, выразив надежду на то, что польская демократия поможет «остановить волну ненависти и агрессии». Дуда, в свою очередь, пообещал, что двери президентского дворца будут открыты для любых общественных инициатив, и он сделает все для укрепления польской демократии.

Объясняя такие результаты общественной поддержки двух политиков, российский исследователь Л. С. Лыкошина ссылается на такое уже упоминавшееся выше явление, как «польско-польская война». «Война», по ее словам, делит общество на две, хотя и неравные, части. Этот эффект усиливается тем, что «значительная часть населения вообще не участвует в выборах, не видит партии, которая могла бы представлять их интересы»³.

В последние годы Гражданская платформа, вице-председателем которой до вступления в должность президента был Коморовский, занимала лидирующее положение. Поэтому считалось, что «польско-польская война» партией ПиС проиграна. Однако в последнее время она значительно увеличила свой рейтинг. В частности, это показали выборы в органы самоуправления, прошедшие в Польше в ноябре 2014 г. Тем не менее, даже это усиление партии ПиС аналитиками не рассматривалось как основание для ожидания от Дуды полученного им результата.

Объяснение итогов президентских выборов 2015 г. можно найти также как среди объективных, так и субъективных факторов. К первым относится сложный период как в мире в целом, так и в Европе, в том числе в контексте конфликта на Украине, ухудшения в этой связи отношений с Россией, что сказывается на экономике Польши и настроениях избирателей. Кроме того, существуют внутривосточные проблемы – закрытие угольных шахт в Силезии, безработица среди молодежи.

Если говорить о субъективных факторах, то следует обратить внимание на личности основных кандидатов. Коморовский, по оценкам аналитиков, хороший президент: Польша достаточно успешно продвигалась по сложному пути современной жизни. Он потомственный аристократ; после окончания исторического факультета Варшавского университета увлекся журналистикой, работал в подпольных оппозиционных журналах. После краха социализма в Польше занялся политикой и быстро преуспел на этом поприще. В 1990–1993 гг. исполнял обязанности заместителя министра национальной обороны в правительстве Т. Мазовецкого. В начале 1990-х гг. участвовал в работе Демократического союза, который после объединения с Либерально-демократическим конгрессом был преобразован в христианско-демократическую партию

Союз свободы. В 1991 г. он был впервые избран в Сейм Польши и с тех пор неизменно переизбирался депутатом. В 1997–2000 гг. занимал пост председателя комиссии Сейма по вопросам национальной обороны, а в 2000–2001 гг. – министра обороны в правительстве Е. Бузека. В 2001 г. примкнул к партии Гражданская платформа, с 2005 г. – вице-маршал, а в 2007 г. – маршал Сейма Польши. В 2010 г. стал президентом Польши, опередив во втором туре своего главного соперника Ярослава Качиньского, брата погибшего президента Леха Качиньского, всего на 6% (53% против 47%). Главным козырем Коморовского тогда стала более дружественная позиция по отношению к России и ЕС. В отличие от своего соперника, Коморовский отстаивал интеграцию с ведущими странами ЕС, тогда как Качиньские придерживались курса на сотрудничество с новыми членами ЕС из Центральной и Юго-Восточной Европы и сдержанность по отношению к Германии и Франции. Коморовский женат, у него пятеро детей; главное его увлечение – охота⁴.

Дуда – уроженец Кракова, юрист по образованию; до начала избирательной кампании рядовые избиратели практически ничего о нем не знали. Долгое время он занимался преподавательской деятельностью, а в 2005 г. примкнул к партии ПиС, став ее юридическим советником. В 2008 г. занял пост заместителя госсекретаря в канцелярии президента Л. Качиньского, затем избран депутатом Сейма Польши и Европарламента. Дуда – сторонник сближения с Украиной. В одном из интервью радиостанции RMF он, в частности, говорил о возможной отправке польских военнослужащих для поддержки украинской армии в Донбассе. Несколько лет назад Дуда снялся в документальном фильме «Туман», в котором ставится под сомнение официальная версия причин гибели под Смоленском Л. Качиньского и обосновывается версия о вине в трагедии российских спецслужб. Ему 43 года, родители – профессора университета; он женат, есть дочь.

Одной из основных причин поражения Коморовского политики называют его «летаргическую», запоздалую, нескоординированную, недостаточно наступательную избирательную кампанию. Особенно пассивной она оказалась в преддверии первого тура, поскольку он был слишком уверен в себе, очевидно, считая, что в любом случае победит⁵. Правым же пропа-

гандистам удалось в значительной мере овладеть общественным мнением и убедить избирателей: все, что делает Дуда, в отличие от Коморовского, – замечательно и профессионально. Это говорилось в ситуации, когда Дуда еще не сделал ничего существенного, а Коморовский отработал на посту президента 5 лет, причем, как показывали зондажи, его деятельность оценивалась позитивно⁶. По словам Туска, Коморовский – хороший президент, но не лучший сражающийся кандидат.

Следует отметить также значимость президентских выборов в европейском контексте. Европейский поезд набирает темп, и для Польши важно стать его существенной частью, убеждал Туск, ссылаясь на евроскептические взгляды ПиС и добавляя, что в ближайшее время страна не войдет в зону евро⁷. А поддерживавший его бывший президент Польши А. Квасьневский заявлял: «Коморовский – идеальный человек центра, что делает его политиком, не вызывающим сильных эмоций, но способным на компромисс». Л. Бальцерович высказывал мнение, что Польша не заслуживает столь высокого риска, если президентом станет Дуда: это может явиться серьезной ошибкой как с точки зрения экономических перспектив, так и позиции Польши в беспокойном мире⁸.

Неправильной и неэффективной называют и стратегию Коморовского запугивать возможным приходом к власти партии Качиньского молодых, которые не помнят событий десятилетней давности.

Польский социолог Я. Чапиньский выделил один из аспектов избирательной кампании: следует ли кандидатам привлекать в ее ходе свою семью, оправдано ли ее вовлечение в политику? По его мнению, Коморовский не воспользовался одним из своих главных козырей – главы многодетной семьи; на встречах его сопровождала только жена. Несомненно, в кампании активнее участвовали дочь и жена Дуды, чем кто-либо из пяти детей Коморовского. К тому же, семью Дуды хорошо подготовили для выступлений. Дети же и внуки президентской пары включились в кампанию только перед вторым туром, сняв, в частности, очень трогательный ролик⁹.

Что касается Дуды, то некоторые эксперты отмечали правильность стратегии лидера партии ПиС Я. Качиньского, выдвинувшего в качестве кандидата на президентский пост не-

известного, но симпатичного молодого политика, который, к тому же, получил благословение влиятельной католической церкви. Лидеры ПиС учитывали важный фактор: поляки хотят перемен, новых лиц. Дуда, помимо этого, сосредоточился на современных технологиях: кампания в социальных сетях, использование методов, применяемых во время избирательных кампаний в США. Он проехал многие города и повяты в автобусе (Дуда-bus), раздавал бесплатный кофе в центре Варшавы. Оппозиционный кандидат проявлял инициативу, пытался внести новые идеи, притягательные лозунги, обещания, т.е. всеми способами привлекал к себе внимание, что, несомненно, сыграло свою роль.

Дуда работал со своими избирателями, говоря о внутренних проблемах, а Коморовский больше концентрировался на высокой политике, в том числе – на внешней.

На начальной стадии избирательной кампании в теледебатах кандидатов Коморовский участия не принимал. Но после поражения в первом туре он был вынужден согласиться на дискуссии, которые состоялись 17 и 21 мая. Мнения экспертов по поводу их победителя разделились¹⁰. Скорее, правыми можно назвать тех, кто заметил: дебаты «не дали явного эффекта», они практически ничего не изменили в рейтинге кандидатов. Коморовский был хорошо подготовлен по существу, а Дуда, хотя и говорил интересно, раздавал массу популистских обещаний: повышение пенсий, снижение пенсионного возраста, налогов, помощь молодым и малоимущим семьям, введение налогов на супермаркеты и банки.

Польский политолог В. Яблоньский, утверждавший, что Дуда «нокаутировал» Коморовского, подчеркнул, что столкновение Коморовского с Дудой имеет более важное значение, чем рядовая текущая кампания, назвав его объявлением смены поколений. Он выразил мнение, что политик, который концентрирует внимание на своих прошлых заслугах, обречен на поражение, так как «биографией избирателей не накормишь». Больше шансов имеет кандидат, уверяющий, что находится среди людей и знает их проблемы, тем более, что значительная часть польского общества считает себя обманутой¹¹.

Останавливаясь в ходе теледебатов на вопросах внешней политики, Коморовский отметил, что Польша должна стре-

миться быть важной частью Европы, иметь здесь сильных друзей, а не сильных противников. Веймарский треугольник позволяет Польше сохранять хорошие отношения с Францией и Германией, что, в свою очередь, способствует принятию благоприятных для Польши решений в Евросоюзе. Дуда же пропагандировал усиление национальной идентичности в Евросоюзе и более активное акцентирование своих интересов: поляки не должны априори соглашаться со статусом государства категории «В».

Говоря о безопасности Польши, оба кандидата согласились, что в ее интересах иметь на своей территории базы НАТО. Вместе с тем Коморовский, в частности, призывал также создавать собственную систему противоракетной обороны. Он напомнил, что за время его президентства расходы на модернизацию польской армии выросли с 4 до 8 млрд злотых.

Относительно России Коморовский заметил, что именно она начала конфронтацию со всем западным миром, и Польша следует действовать в качестве его составной части. По его мнению, Россия станет безопасной для Польши, если откажется от имперских устремлений и начнет реализацию реформ. По словам же Дуды, Польша должна проводить наступательную внешнюю политику, под которой подразумевается давление на международные институты с целью их воздействия на Россию.

Касаясь ситуации на Украине, президент заявил, что поддерживает эту страну, но об отправке на Донбасс польских солдат речь не идет. Его соперник настаивал на том, чтобы страна руководствовалась собственными приоритетами: «В наших интересах, чтобы Украина была в Евросоюзе, но война на Украине – не в интересах Польши»¹².

Таким образом, во время теледебатов кандидаты обсуждали будущее Польши в Евросоюзе, отношения с соседями, вопросы исторической памяти, причины авиакатастрофы под Смоленском, вооружение польской армии, экономические и социальные проблемы, зарплаты поляков и налоги, пенсионную систему. Так, Дуда обещал отменить непопулярное решение о повышении пенсионного возраста до 67 лет, а Коморовский предлагал законодательно закрепить право уходить на заслуженный отдых после 40-летнего трудового стажа.

Что касается активности избирателей, то, как отмечалось выше, явка в первом туре составила 48,96%, а во втором – 55,34%. Следует обратить внимание на низкую явку электората Коморовского: выступающих за сохранение статус-кво труднее мобилизовать и призвать к более активной, а не только декларативной поддержке¹³. Даже если посмотреть на географическое разделение голосов между условными востоком и западом Польши, то видно, что именно на востоке, где явка выше, большинство голосов получил Дуда. Слабая дисциплина избирателей – это традиционная проблема центристских партий, к которым с некоторыми оговорками можно отнести и ГП.

Следует отметить, что Коморовский выиграл в обоих турах только в возрастной категории 30–39-летних. Победу же Дуде в значительной мере обеспечили молодые люди, а также жители сельской местности и малых городов; за Коморовского же голосовали в основном избиратели более крупных городов. Дуда был также популярен среди граждан с неполным средним и профессиональным образованием¹⁴.

В значительной мере, как подчеркивал политолог П. Вроньский, результаты выборов определили молодые; именно эта общественная группа, для которой перелом 1989 г. является историческим явлением, добивалась исполнения своих амбициозных стремлений, активизации желаний, требовала хоть каких-то «перемен»¹⁵.

Анализируя причины поражения Коморовского, политолог Я. Шиманек утверждал: после нескольких лет монополии Гражданской платформы граждане убедились, что хотят политических перемен. В определенный момент электорат ГП начал снижаться, что продемонстрировали уже выборы в Европарламент и в органы самоуправления в 2014 г. По его мнению, результаты выборов четко показали, что Дуда значительно расширил традиционный электорат ПиС. К тому же, Коморовский как кандидат в определенный момент стал опровергать свой имидж. В течение его 5-летней каденции создавался образ консервативного, стабильного, не высказывавшего опрометчивых планов политика. Но перед вторым туром президент предложил пенсионную реформу, изменения в конституции и референдум по одномандатным округам. Все это предпринималось исключительно для привлечения голосов избирателей, так как

идея одномандатных округов являлась главным лозунгом Кукиза, который, как уже отмечалось выше, получил более 20% голосов¹⁶.

Коморовский, несмотря на достигнутые в годы его президентства экономические успехи Польши, проиграл. Для постороннего наблюдателя может показаться странным, что поляки, с одной из самых стремительно развивающихся экономик в Европе, столь активно выражают свое недовольство сложившимся в стране положением. Однако следует иметь в виду, что многие жители, особенно в провинции, не ощущают экономических преимуществ от успехов Польши, доказательством чего являются эмигрировавшие из страны за последние 10 лет 2 млн поляков. Иными словами, позитивные экономические перемены, на которые постоянно указывают аналитики, не в равной степени коснулись всех регионов и всех общественных групп. Польский социолог и политолог Я. Станишкис в интервью «Российской газете» подчеркивала актуальность перемен в Польше: «Мы имеем чрезвычайно высокий уровень эмиграции, главным образом, молодых образованных людей, и по этой причине демографические проблемы, старение населения, кризис семейной политики. Необходимо привести в движение механизмы, которые дадут больше шансов для развития. И об этом говорил Дуда. А Бронислав Коморовский хвалил то, что есть, и с этой точки зрения можно сказать, что это конфликт поколений»¹⁷.

Коморовский «заплатил» за свою чрезмерную приверженность ГП, несмотря на формальную нейтральность. Бывший лидер Лиги польских семей (ЛПС) и вице-премьер в правительстве ПиС-Самооборона-ЛПС Р. Гертых, в последнее время благожелательно настроенный к ГП, подверг ее критике, заявив, что партия проиграет парламентские выборы осенью 2015 г., так как не имеет продуманной медийной политики, поднимает темы, интересующие лишь небольшую часть общества, например, партнерские союзы, вопросы искусственного оплодотворения, и не умеет рекламировать свои достаточно внушительные успехи¹⁸.

Таким образом, главные причины победы Дуды, как считают политологи, его прекрасно выстроенная избирательная кампания, усталость электората от правления ГП, а также неудач-

ная и запоздалая предвыборная кампания Коморовского. Дуда, по словам А. Матерской-Сосновской, победил «благодаря новизне, тому, что это новое лицо на сцене и ... благодаря обещаниям»¹⁹.

Оценивая итоги прошедших выборов, нынешний председатель Форума гражданского развития Л. Бальцерович остановился, прежде всего, на их значении для экономического развития Польши. Он отметил, что А. Дуда в ходе кампании представил значительно больше негативных для экономики предложений, чем Б. Коморовский; реализация экономической программы Дуды, по его словам, может стать ударом для Польши. Он подверг критике и отход ГП от первоначальной программы, что, по его мнению, было серьезной ошибкой, поскольку в итоге ее экономическая часть почти не отличалась от риторики ПиС и получила название «ПиС бис». Единственным успешным рецептом решения современных проблем в экономике он считает реформы, поскольку Польша не имеет другого выхода. По его мнению, следует усиливать, а не ослаблять свободное рыночное направление в политике²⁰.

Прогнозы политологов неутешительны: в стране, как считает декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики С. Караганов, будут нарастать евроскептицизм и враждебность по отношению к России. Победа Дуды свидетельствует о некотором сдвиге в сторону евроскептицизма в стране, которая вплоть до настоящего времени была в Центральной Европе еврооптимистом. «В Брюсселе и традиционных европейских элитах, которые выросли на строительстве Евросоюза, рассматривают поражение Коморовского как свое собственное»²¹, – полагает эксперт. Он указал на ключевую роль Польши во втягивании Евросоюза в украинский кризис. Британские СМИ, в частности, также отмечали, что в условиях «глубокой нестабильности у соседей, главным образом, на Украине, Евросоюзу нужна Польша, которая останется зрелым и ответственным актором на дипломатической сцене». Польша должна закрепить достижения, полученные от расширения ЕС, она является «наиболее наглядным в ЕС примером успеха»²².

Приход к власти Дуды не принесет России и Польше никакого потепления, подчеркнул директор Европейского центра

геополитического анализа М. Пискорский, скорее, наоборот. «Риторика Дуды, по сравнению с риторикой Коморовского, будет намного более антироссийской и воинственной. Коморовский, как и ГП, учитывал мнение основных стран – игроков Евросоюза, например, Германии. Отношение Берлина к украинскому кризису, так же как и к кризису в европейско-российских отношениях, было более умеренным, чем у других стран, и это было сдерживающим фактором для Коморовского», – утверждает он. Партия же ПиС, которую представляет Дуда, напрямую связана с США. «Можно сказать, что она представляет интересы Вашингтона в Польше. Партия призывает американское руководство к введению военных баз в страну, переносу их из стран Западной Европы, например, Германии, в Польшу», – заключает Пискорский²³.

Таким образом, предвыборная кампания и итоги президентских выборов в Польше позволяют представить различные настроения в обществе, зафиксировать снижение рейтингов Гражданской платформы, увеличение популярности Права и справедливости, поражение левого крыла польской политической сцены, усиление протестных настроений, особенно среди молодежи. Все эти изменения, несомненно, отразятся на результатах очередных парламентских выборов осенью 2015 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015.

² Polscy wyborcy udzielili lekcji demokracji elitom politycznym // www.tvn24.pl. 2015. 26. 05; Jan Sowa: Paweł Kukiz może skończyć jako przystawka dla PiS-u//PAP. 2015. 13. 05.

³ Подробнее см.: Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М., 2015; она же: Коморовский выиграет выборы президента // РИА Новости <http://ria.ru/world>. 2015. 22. 05.

⁴ Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. ...

⁵ Kublik A., Wroński P. Kronika katastrofy. Jak Bronisław Komorowski nie został prezydentem // Gazeta Wyborcza. 2015. 27. 05.

⁶ Janicki M., Władyka W. Prezydencki buspas // Polityka. 2015. № 13. 25.03–30.03.

⁷ Tusk: Komorowski nie jest dobrym aktorem, ale świetnym prezydentem // www.tvn24.pl. 2015. 15. 05; Donald Tusk: nie oceniamy Komorowskiego przez pryzmat kampanii//www.wiadomosci.onet.pl. 2015. 15. 05.

⁸ Kwaśniewski poparł Komorowskiego. «Wybieram doświadczenie i przewidywalność»// www.tvn24.pl. 2015. 12. 05; «Trzeba osłonić Polskę przed powrotem reżimu» // www.tvn24.pl. 2015. 15. 05.

⁹ Z rodziną, czy bez? Jak kandydaci prowadzą kampanię // www.tvn24.pl. 2015. 14. 05.

¹⁰ Debata Komorowskiego i Dudy. Opinie ekspertów // www.tvn24.pl. 2015. 18. 05; «Wybory to nie randka w ciemno». «Ja jestem kandydatem stabilnym». Oświadczenia kandydatów // *Ibid.* 2015. 21. 05.

¹¹ Debata Komorowskiego i Dudy. Opinie ekspertów...

¹² Duda kontra Komorowski. Decydująca debata w TVN, TVN24 i TVN24BiŚ // www.wiadomosci.onet.pl. 2015. 22. 05.

¹³ *Janicki M., Władyka W.* Op. cit.

¹⁴ Młodzi za kandydatem PiS. Komorowski wygrał tylko w jednej grupie wiekowej // www.tvn24.pl. 2015. 24. 05.

¹⁵ *Wróński P.* Wybory prezydenckie 2015. Naród sam wybrał sobie przywódcę. Duda wygrał z Komorowskim// <http://wyborcza.pl>. 2015. 25. 05.

¹⁶ Wyborcy zmęczeni Platformą. I już nie boją się PiS // www.tvn24.pl. 2015. 25. 05.

¹⁷ Выбор строго ограничен. При всех различиях между ними Коморовский и Дуда дуют в одну дуду // *Российская газета*. 2015. 25. 05.

¹⁸ Giertych do PO: odrealniliście się zupełnie // www.tvn24.pl. 2015. 25. 05.

¹⁹ Wyborcy zmęczeni Platformą. I już nie boją się PiS...

²⁰ Prof. Leszek Balcerowicz: jedyną receptą na obecne problemy są reformy; Polska nie ma innego wyjścia // www.wiadomosci.onet.pl. 2015. 08. 06.

²¹ Новый президент Польши может ухудшить отношения с Россией // *Взгляд*. 2015. 25. 05.

²² Światowe media komentują wybory w Polsce// www.wiadomosci.onet.pl. 2015. 22. 05.

²³ Новый президент Польши может ухудшить отношения с Россией...

РАЗДЕЛ IV

БАЛКАНЫ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ МОСКВА-НАТО-ЕС

Е. Ю. Гуськова*

Глава 17.

Сербия на пути в ЕС: есть ли шанс?

В статье анализируется долгий, и пока безрезультатный, путь Сербии в Евросоюз, начиная с 2000 г. Поддержка Сербии со стороны европейских структур была, скорее, декларативной: ее не отталкивали, но и не давали приближаться слишком близко. Кроме того, евроинтеграция Сербии была обусловлена выполнением ряда условий, главными из которых являлось сотрудничество с Трибуналом и переговоры с Приштиной о самостоятельности Косова. Сербия пошла на уступки по всем позициям, но вместо начала переговоров в 2015 г. получила новые условия: признать независимость Косова, согласовать свою внешнюю политику со стандартами ЕС и поддержать санкции в отношении России.

Ключевые слова: Сербия, Евросоюз, Международный Трибунал по бывшей Югославии, Косово, генерал Младич, евроинтеграция.

In article it is analyzed long, and still ineffectual, a way of Serbia to the European Union, since 2000. Support of Serbia from the European structures was declarative rather: she was not pushed away, but also did not allow to come nearer too close. Besides, European integration of Serbia was caused by performance of a number of conditions, from which cooperation with Tribunal and negotiations with Pristina on independence of Kosovo were main. Serbia made concessions on all positions, but instead of the beginning of negotiations in 2015 received new conditions: to recognize independence of Kosovo, to coordinate the foreign policy with standards of the EU and to support sanctions concerning Russia.

Keywords: Serbia, the European Union, the International Tribunal for the Former Yugoslavia, Kosovo, General Mladic, the European integration.

* Елена Юрьевна Гуськова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса. Институт славяноведения РАН.

Руководство Сербии мечтает, чтобы страна стала членом Европейского союза (ЕС), начиная с 2000 г., на это брошены все силы государственного аппарата. Однако отношения с Евросоюзом складываются трудно, обусловлены рядом политических обстоятельств и до сих пор не имеют четко обозначенной перспективы.

«Игра» в сотрудничество началась после смены президента Югославии (Сербия и Черногория) С. Милошевича в 2000 г. В те годы поддержка Сербии со стороны европейских структур скорее была декларативной: ее не отталкивали, но и не давали приближаться слишком близко. О возможности движения тогда еще Югославии в сторону Европы более открыто заговорили лишь летом 2003 г. К этому времени Сербия приняла план гармонизации экономических отношений с Евросоюзом и готова была начать радикально изменять законодательство, экономику, армию и военную доктрину, внутреннюю и внешнюю политику, совершенствоваться в области прав человека и нормализовать межэтнические и конфессиональные отношения. Однако Европа пыл Сербии остудила. Продолжение разговоров о евроинтеграции обуславливались выполнением Белградом дополнительных условий, но они не носили экономического характер.

В 2000 г. правящая Демократическая партия (ДП) своим главным приоритетом внешней политики определила вступление в ЕС, поэтому требования Запада стремилась выполнять. Однако условия были для Сербии трудными: сотрудничество с Гаагским трибуналом, признание вины Сербии за развязывание войн в 1990-е гг. отказ от автономного края Косова, расширение прав мусульман в Санджаке и т.д. Руководство страны, в отличие от народа, с пониманием встретило условия и ряд из них начало выполнять: извинилось перед всеми участниками конфликта, осудило все преступления, совершенные и не совершенные сербами, согласилось на переговоры с руководством Косова, восстановило экономические и политические отношения со всеми республиками бывшей Югославии. Казалось, что многие условия для вступления в ЕС осуществлены.

В январе 2008 г. представитель Европарламента по Юго-Восточной Европе, резкая в своих высказываниях Дорис Пак, не скрывавшая своей неприязни к сербам, отчитывала прези-

дента Сербии Бориса Тадича за то, что только 40% сербов позитивно относятся к ЕС. В открытом телефонном разговоре при свидетелях она бранила его за неспособность защитить экономические и политические интересы ЕС в Сербии, говорила о том, что ЕС больше не будет поддерживать политика, который много обещает, но ничего не делает, и потому дата подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации будет отложена. Она предложила Б. Тадичу лишь Промежуточное соглашение¹.

Министрам иностранных дел стран ЕС не удалось прийти к консенсусу относительно Соглашения о стабилизации и ассоциации с Сербией. Вето Голландии и Бельгии вынудило страны Евросоюза искать альтернативную формулу выражения поддержки сербским проевропейским силам в решающий момент президентских выборов, когда страна должна была сделать выбор между Европой (Б. Тадич) и Россией (Т. Николич, тогда еще радикал). Поэтому Главы МИД 27 стран-членов Евросоюза предложили Сербии 7 февраля 2008 г., после второго тура президентских выборов, подписать Промежуточное соглашение, предшествовавшее полноценному Соглашению о стабилизации и ассоциации, которое рассматривается как символический шаг на пути к членству в ЕС. Но и здесь голландцы и бельгийцы отказались открывать двери в ЕС для Сербии, пока они не выдадут всех сербов, обвиняемых в военных преступлениях, Гаагскому трибуналу. В результате сошлись лишь на «временном политическом соглашении о сотрудничестве между ЕС и Сербией для создания рамок, способствующих развитию политического диалога и свободной торговли, либерализации визового режима и образовательному сотрудничеству». Прецедентов подобного соглашения не существует. Министр иностранных дел Сербии Вук Еремич горячо поблагодарил Европу за этот жест.

Только 29 апреля 2008 г. ЕС подписала с Сербией Соглашение о стабилизации и ассоциации и Временный договор о торговле. Но Совет министров ЕС сразу после подписания заблокировал Соглашение, обусловив его применение сотрудничеством Сербии с Гаагским трибуналом и независимостью Косова. Тогда в Сербии позиция правительства вызвала резкую критику оппозиционных партий. Его расценивали как согла-

сие на отделение Косова, а, значит, как предательство сербских интересов. За процессом подписания Соглашения начался мучительный процесс выполнения условий для его «деблокады», который длился до 2010 г.

Этапами на этом пути стали арест и передача Трибуналу президента Республики Сербской (РС) Радована Караджича летом 2008 г., согласие на развертывание европейской миссии ЕВЛЕКС² в Косове в декабре 2008 г., извинения хорватам и мусульманам за жертвы во время войн в начале 1990-х гг., признание геноцида мусульманского населения в Сребренице, посещение президентом Сербии Сребреницы и Вуковара, согласие Сербии с резолюцией ГА ООН, в которую не вошел тезис Сербии о непризнании одностороннего отделения Косова.

Посчитав, что Сербию должны поощрить за столь активную деятельность, президент Б. Тадич в декабре 2009 г. передал председательствующему ЕС шведскому премьеру Фредерику Райнфелту просьбу Сербии о членстве в ЕС. Это был односторонний акт, который должен был подтолкнуть ЕС к рассмотрению сербского вопроса. Но в Стокгольме Тадича не обнадежили, сказав, что «путь к членству в ЕС – долгий»: кандидатура Сербии должна рассматриваться сначала в Совете министров, потом в Европейской комиссии (ЕК). Для окончательной оценки ЕК необходимо утвердить степень проведения реформ и согласования сербского законодательства с европейским в 35 областях.

Несмотря на то, что Сербия показала свою уступчивость по многим вопросам, оставались еще требования, которые Европа обозначила как приоритетные: арест командующего Армией РС генерала Ратка Младича, президента Республики Сербская Краина (РСК) Горана Хаджича, признание независимости Косова. Последнее прикрывалось словами «нормализовать отношения». Руководство Сербии понимало, что за этим могут последовать и требования соблюдения прав человека в южных районах Сербии, а затем и о признании их права на отделение, о признании независимости Воеводины, размещении военных баз НАТО на территории Сербии, вступлении в НАТО и т.д.

К сожалению, только в Сербии путь в ЕС обусловлен таким количеством требований, что этот процесс, скорее, похож на развал страны, а не на интеграцию в Евросоюз. Это не просто

условия, это уступки, разрушающие страну, ее национальную идентичность и культуру. И они не имеют никакого отношения к евростандартам и согласованию законодательства страны и Евросоюза.

Парламент Голландии 13 октября 2010 г. вынес решение предложить европарламентариям отложить рассмотрение кандидатуры Сербии до сообщения Браммерца в декабре 2010 г. о полном сотрудничестве Сербии с Гаагским трибуналом. Под этим сотрудничеством понимался арест и передача Трибуналу генерала Р. Младича.

Еще 20 ноября 2006 г. в письме Дж. Бушу Б. Тадич пообещал сотрудничать с Трибуналом, что включало обнаружение, арест и передачу в Гаагу Р. Младича. По Косову же Тадич пошел на признание «политических реалий». В ответ в Вашингтоне пообещали содействие в приеме в ЕС и НАТО. И как аванс – приняли Сербию в программу «Партнерство ради мира».

США предполагали признать Косово в декабре 2007 г., сразу после окончания переговорного процесса между Белградом и Приштиной, но не позже января 2008 г. Однако в эти планы вмешались события в Сербии, а именно – планировавшиеся на 3 февраля 2008 г. президентские выборы. Понимая, что шансы Б. Тадича победить на выборах крайне снизятся, если Косово провозгласит свою независимость, соратники президента и он сам по разным каналам стали просить американцев и европейцев отложить признание Косова до окончания выборов в Сербии. Их убеждали, что Тадич является самым прозападным лидером в регионе, поэтому его победа будет означать, что Сербия останется на пути евроатлантических интеграций³. США не возражали, но предложили Тадичу список того, что он не должен делать, в случае провозглашения независимости края⁴ (т. н. красная линия), с чем он согласился. Вашингтон был уверен, что после провозглашения независимости Косова Тадич будет сверять все свои действия с позицией США.

Во время предвыборной кампании президент убеждал избирателей, что он и за Косово, и за Европу, что будет до конца выступать против независимости края, подчеркивая, правда, что только путь в Европу решит эту сложную проблему. Чтобы поднять рейтинг президента, министр иностранных дел Сербии Вук Еремич умолял представителя США в СБ Джеки Вол-

лкот сделать заседание СБ ООН 16 января 2008 г. открытым, чтобы на нем мог выступить Б. Тадич. Американцы согласились с этим планом. Все выглядело корректно: президент говорил о том, что «Сербия никогда не признает независимость Косова и будет защищать свою территориальную целостность и суверенитет посредством использования всех доступных демократических средств, юридических аргументов и методов дипломатии»⁵. Появление Тадича в СБ очень помогло ему в президентской гонке. Чтобы смягчить удар по Сербии со стороны косоваров, планировавших провозгласить независимость, Евросоюз начал в январе 2008 г. переговоры о либерализации визового режима Европы с Сербией.

Поиск скрывавшегося генерала Младича должен был показать Европе, что Сербии можно доверять, что в ней соблюдаются законы, что желание быть с Европой есть высший национальный интерес. Арест генерала, как уступка требованиям ЕС и США, становился неизбежным.

Главный прокурор МТБЮ Серж Браммерц регулярно приезжал в Белград, чтобы получить отчет о проделанной работе. А затем он представлял ЕК доклад о том, как Сербия выполняет требования Европы по сотрудничеству с Трибуналом. Каждый раз перед приездом Браммерца белградская полиция и спецназ активизировали свою деятельность, причем, делали это грубо, громко и публично, чтобы никто не сомневался в их активности.

Сербское правосудие пыталось выйти на след генерала через людей, которые, якобы, могли помогать Младичу скрываться. Искали генерала и за рубежом. В Кении даже арестовали хорвата Игора Меяшки, которого приняли за генерала Младича.

Правительство постоянно увеличивало сумму, готовую выплатить тому, кто назовет местонахождение Младича. Специальная команда, созданная для поимки генерала, устраивала обыски в квартирах и домах соратников и родственников Младича. В Боснии генерала искали у его сестры Радинки, в Белграде – у журналистки Лиляны Булатович, которая написала несколько книг о генерале, в ноябре 2010 г. – в этнографическом селе «Байка» около Аранджеловаца и в одноименном ресторане в Белграде. В мае 2007 г. полиция обыскала военный объект

на Делиградской улице, т.к. получила информацию, что там скрывается Р. Младич. В октябре того же года обшарила казарму в местечке Бела-Црква, в 2008 г. – цеха фабрики «Вуич – Валево», а также другие объекты, дома и квартиры. Все эти меры не принесли результатов.

Поэтому главным планом полиции стало заставить сына генерала выдать отца. Много месяцев МВД «работало» с семьей генерала Младича – женой Босой, сыном Дарко, невесткой Биляной и внуками Анастасией и Стэфаном. Сначала оказывалось давление на сына. Полицейские обзванивали или объезжали всех знакомых или коллег Дарко, чтобы запретить им сотрудничать с младшим Младичем (у Дарко маленькая компьютерная фирма). Чтобы свести доходы семьи на нет, много месяцев около фирмы Дарко стояла полицейская машина и проверяла документы у всех входящих и выходящих из нее. Затем семье ограничили выезд из Сербии: в 2010 г. черногорская полиция выдворила Дарко с детьми из страны, родственников жены вернули с македонско-сербской границы, не позволив ехать к Младичам в Белград. Самому Дарко не запретили выезжать в Москву, но тщательно обыскивали прямо на границе, пытаясь найти хоть какой-то «московский след» генерала. Жену генерала Босу привлекли к суду за хранение наградного оружия мужа и патронов к ним, лишили пенсии. Силловые структуры «неформально» разговаривали с невесткой: Биляне предложили развестись с мужем, а когда она отказалась, пригрозили: «Теперь вы сами несете ответственность за свою жизнь и жизнь своих детей». Вскоре Биляна была уволена из фирмы «Телеком» по предписанию «сверху» без объяснения причин и без возможности найти другую работу. Посланник Сербской радикальной партии Драган Тодорович неоднократно обращал внимание парламента на нарушение прав человека и ограничение свободы в отношении семьи генерала Младича⁶. Но давление на семью усилилось, начались обыски. Дом жены генерала и квартиру сына обыскивали в общей сложности 13 раз. Вооруженные до зубов люди в масках врываются в квартиру, как правило, рано утром, когда семья еще спала, не обращая внимания на то, что в доме были маленькие дети. Из дома полиция уносила деньги, тетради с дневниковыми записями генерала, личные бумаги и фотографии семьи, вещи.

В мае 2011 г. генерал Младич был арестован в селе Лазарево и передан Гаагскому трибуналу. Затем последовал арест Г. Хаджича. Однако это не приблизило Сербию к Евросоюзу. Перед властью стояло новое испытание – признать независимость Косова.

Автономный край Косово и Метохия давно обнаружил стремление отделиться от Сербии. Его активно поддерживали США, распространившие свое влияние и на ряд международных организаций, лидеров некоторых европейских государств.

Хотя Б. Тадич в 2007 г. упорно повторял, что для Сербии нет альтернативы ЕС и это никак не связано с признанием Косова, европейские политики Великобритании, Франции, Германии, США, как видно из депеш американских дипломатов, объявленных на сайте Викиликс, не уставали повторять руководству Сербии, что это две взаимозависимые вещи⁷. По предложению Франции, решение о сербской кандидатуре в ЕС должно зависеть от взаимного признания Сербии и Косова. И в последующей дипломатической переписке эти два вопроса больше не разделяются⁸.

Убедившись, что сербы с трудом продвигаются в направлении полного отказа от Косова, американцы разработали план под названием «Стратегия К-1»⁹. О нем ничего не было известно, пока документы американских дипломатов не стали достоянием общественности. Цель плана – заставить Белград признать Косово и сделать это мирно без потрясений и серьезных последствий. Стратегия включала в себя четыре этапа.

На первом из них США должны были помочь прийти к власти в Сербии «демократическому» руководству (на выборах в январе 2007 г.), которое признает независимость края. Вашингтон рекомендовал в предвыборной кампании делать упор на *реалистическую политику* в отношении Косова, Ставка делалась также на молодежь: для них проводились концерты, дискуссии, семинары, интернет-презентации. Их призывали голосовать за будущее, за демократию. Деньги на поддержку ДП шли из неправительственных организаций, гуманитарных фондов, западных посольств и т.д.

На втором этапе ставилась задача «управления последствиями» отторжения Косова, что означало убедить общество

в неизбежности потери. Для этого рекомендовалось активное использование СМИ, которые должны заполниться позитивными статьями о светлом будущем, о решении насущных жизненных вопросов. Поскольку США и их политика не очень популярны в Сербии, «Стратегия» предполагала, что убеждать сербов должны не иностранцы, а «прогрессивные» сербы, что и было сделано. О том, что Косово потеряно, говорили писательница Биляна Срблянович, политики Вук Драшкович, Чедомир Йованович и другие.

На третьем этапе предполагалось задобрить Сербию рядом денежных дотаций и широко обсудить в обществе, как улучшить жизнь с их помощью. В общей сложности планировалось предоставить Сербии около 60 млн долл. (из них более 20 млн – для Санджака и южных областей Сербии, 1 млн – для Дома молодежи).

Четвертый этап должен ориентировать Сербию на будущее (евроатлантические интеграции), а не на прошлое (Косово). Как пишет автор публикации об американских депешах, «и отдали мы прошлое за будущее»¹⁰, причем бесперспективное и ложное. Судя по документам, еще в начале 2006 г. и американцы, и европейцы знали, что ЕС не может в обозримом будущем предложить Сербии вступить в Евросоюз. Ангела Меркель открыто сказала Б. Тадичу еще в ноябре 2006 г., что Сербии придется ждать решения не меньше 10 лет. А Михаел Флугер из немецкого МИДа извещал США, что Германия «не желает видеть» Сербию в ЕС¹¹.

В 2007 г. переговоры между Белградом и Приштиной начались под руководством международного посредника Марти Ахтисаари, который имел свое решение проблемы приближения Косова к независимости. В конце января 2007 г. в Париже специальный представитель ООН изложил свой план о будущем статусе Косова генсеку ООН Пан Ги Муну, а затем в Вене – членам Контактной группы, в которую входили представители России, США, Великобритании, Франции, Германии и Италии. Представляя план, М. Ахтисаари подчеркивал: «Назначение Всеобъемлющего предложения об урегулировании статуса Косова состоит в определении положений, необходимых для обеспечения жизнеспособного, устойчивого и стабильного будущего Косова»¹². В документе не упоминалось слово «неза-

висимость», однако фактический смысл предложений заключался именно в этом. Так, Приштине разрешали иметь флаг, гимн и вступать в международные организации, в частности, в ООН; предусматривались собственные вооруженные силы. В марте 2007 г. Сербия на завершающей сессии венских переговоров отвергла план Ахтисаари как односторонний и неприемлемый. По мнению Белграда, «предложение Марти Ахтисаари открыло двери независимости южному сербскому краю, а сербам из Косова предоставило значительно меньше того, что они имеют сейчас... Более 200 000 сербов покинули Косово в 1999 году. По официальным данным УНХЦР, на сегодняшний день из них вернулись только 7100»¹³.

В конце марта 2007 г. план М. Ахтисаари был внесен на рассмотрение в Совет Безопасности ООН. 5654-е заседание СБ состоялось 3 апреля при закрытых дверях. Члены Совета заслушали сообщение Ахтисаари. Россия воспротивилась этому плану «о надзорной автономии в Косове». В результате твердой позиции России и Китая СБ не поддержал план М. Ахтисаари.

Несмотря на отсутствие договоренностей и решений Совета Безопасности, 17 февраля 2008 г. Косово провозгласило свою независимость. В Декларации о независимости края отмечалось, что она отражает волю народа и «находится в полном соответствии с рекомендациями специального посланника ООН Марти Ахтисаари и его Всеобъемлющего предложения по решению вопроса статуса Косова»¹⁴. Суверенитет Косова отказались признать Сербия, члены СБ ООН – Россия и Китай. Многие государства (Греция, Испания, Румыния, Кипр, Словакия) усмотрели в ситуации с Косовом опасный прецедент, угрожающий целостности государств. Косово продолжало оставаться непризнанным краем, несмотря на уговоры, угрозы и ультиматумы со стороны США. А Сербии на пути в ЕС поставлен шлагбаум.

Вашингтон был недоволен, что от объявления независимости края до ее признания мировым сообществом оказалась огромная дистанция. В октябре 2010 г. Балканы посетила госсекретарь США Хилари Клинтон. В Белграде она убеждала власти смириться с потерей края, начать диалог с Косовом, чтобы окончательно решить вопрос его статуса. Отказавшись от уступок, Сербия затормозила и начало переговорного процесса с ЕС.

Под огромным давлением Запада в 2011 г. переговоры между Белградом и Приштиной продолжились. Белград согласился, что руководить этим процессом будет Евросоюз. Обратим на этот факт особое внимание. Когда переговоры шли под эгидой ООН, Сербии в отстаивании своих интересов могла помочь Россия, а в ЕС Белград оставался один на один с организацией, которая полностью поддерживала албанцев в их стремлении к независимости. В Брюсселе 2 июля сторонами был полностью согласован Договор¹⁵, состоящий из 18 параграфов и трех разделов: о свободе передвижения косоваров в Сербии с личными документами, выданными в Приштине, о признании в Сербии дипломов Приштинского университета и о книгах записи актов гражданского состояния. Тем самым был сделан серьезный шаг в деле продвижения Косова к независимости, поскольку устранялись первые барьеры на пути выхода края из изоляции.

В мае 2012 г. в Сербии прошли президентские и парламентские выборы, которые Б. Тадич проиграл. К власти пришла Сербская прогрессивная партия (СПП), а Президентом стал ее лидер Томислав Николич. СПП, получив власть, забыла о своей оппозиционности и активно продолжила линию Б. Тадича по косовскому вопросу.

Осенью 2012 г. переговоры по Косову перешли в фазу практического осуществления. Премьер-министр непризнанного Косова Хашим Тачи, соглашаясь на переговоры, говорил о нормализации межгосударственных отношений, а новоизбранное руководство Сербии убеждало население страны, что готово выполнять все договоренности предыдущей власти, но не будет обсуждать статус края. В начале 2013 г. переговоры между Белградом и Приштиной вошли в решающую фазу. К этому времени стороны смогли согласовать следующие вопросы:

1. Определение параметров присутствия Косова на международных форумах. Сербия согласилась с тем, что на столах будет стоять табличка «Республика Косова» со сноской «в соответствии с резолюцией 1244 СБ ООН». Это фактически означало согласие с внешнеполитической самостоятельностью Косова.

2. Признание в Сербии личных документов, выданных в Косове.

3. Взаимное признание университетских дипломов, выданных после 2008 г.

4. Решение о свободе передвижения албанцев по Сербии с косовскими документами и автомобильными номерами, выданными в Косове или УНМИК-ом (передвижение свободно), или косовскими учреждениями (меняются на временные).

5. Создание границы между Сербией и Косовом. В договоре от 2 июля 2011 г. говорится о пересечении «административной линии (границы)»¹⁶.

6. Договоренность о совместном управлении границей, установлении погранично-таможенных переходов.

7. Уплата таможенного сбора на границе по законам Косова.

8. Создание в Косове единой таможенной зоны.

9. Договоренность о таможенной печати с надписью «Таможня Косова».

10. Взаимная отмена торгового эмбарго.

11. Договоренность об обмене кадастровыми книгами и книгами записи актов гражданского состояния.

12. Учреждение «канцелярий по связям» в Белграде и Приштине. Сначала говорили, что будут назначаться офицеры по связям, потом их называли чиновниками, а затем премьер-министр заявил, что в Белграде для связи с Косовом назначат «одного из лучших дипломатов из Косова»¹⁷. Следовательно, речь шла об учреждении дипломатических представительств.

13. Включение четырех общин Севера Косова с большинством сербского населения в единую финансово-бюджетную систему края.

14. Создание специальной полиции по охране памятников сербской православной культуры.

К этому следует добавить, что формат переговоров на уровне премьеров и президентов говорил о скрытом признании Белградом власти Косова как законной. Албанцы же без утайки рассматривали переговоры как встречи на высшем уровне о нормализации межгосударственных отношений. Одним из последствий договоренностей явилось то, что Совет управляющих Европейского банка реконструкции и развития принял решение о включении Косова в состав стран-членов банка, признав тем самым его самостоятельность. 19 апреля премьер-министры Сербии и Косова И. Дачич и Х. Тачи закончили пе-

реговорный процесс, согласившись с текстом Договора о нормализации отношений.

На наш взгляд, оценивая Договор, важно понять, отражает ли он соглашение Белграда с независимым государством или с автономным краем в составе Сербии, даже если слово «независимость» в тексте отсутствует? По нашей оценке, все пункты договоренностей с приштинскими властями максимально приблизили Косово к независимости, устранили присутствие Сербии в Косове, даже в общинах с большинством сербского населения. Сегодня уже никто не скажет, что Косово является сербской территорией. У Сербии не осталось никаких рычагов, чтобы влиять на внутреннюю жизнь Косова и даже северных территорий с большинством сербского населения, управлять или что-то предпринимать на территории Косова и Метохии, хотя Косово продолжает формально оставаться Автономным краем в составе Сербии. Косову не хватает только места в ООН, но, похоже, Белград готов уступить и в этом вопросе.

К сожалению, серьезные уступки Белграда в отношении Косова не приблизили Сербию к началу переговорного процесса с ЕС. В 2015 г. от Сербии стали требовать не только признания полной независимости Косова, но и согласования своей внешней политики со стандартами ЕС, что означает поддержать санкции в отношении России. В 2015 г. ведущие европейские страны еще не пришли к единому мнению о том, когда начнутся переговоры с Сербией. Германия настаивает, что сначала надо обсудить главу 35 обязательных документов ЕС, которая напрямую касается отношений Белграда и Приштины, в то время как другие страны полагают, что можно начать и с других глав, не затрагивающих напрямую упомянутых вопросов¹⁸.

Длительность процесса осуществления мечты правящей политической элиты Сербии о вступлении в ЕС усилили евроскептицизм многих жителей этой страны. 8–25 сентября 2012 г. по просьбе Белградского центра безопасности проводилось исследование общественного мнения в Сербии. Вопросы касались вхождения в Евросоюз, членства в НАТО и одобрения независимости Косова¹⁹.

Стать членами ЕС в последнее десятилетие мечтали все руководители Сербии. В начале столетия многие верили в то,

что вступление в ЕС принесет долгожданную стабильность, благополучие и обеспечит надежность существования. В сентябре 2002 г. почти 70% населения Сербии одобряли вступление в ЕС, против были только 12%. В 2008 г. число тех, кто «за» уменьшилось до 60%, а в 2012 г. опустилось до 48%. Число противников ЕС выросло до 36%. Самое большое число евроскептиков живет в Белграде, а среди них больше всего тех, кто родился между 1982 и 1992 гг.

Факт, что молодежь выступает против евроинтеграции, некоторые аналитики пытаются объяснить тем, что они якобы жили во время С. Милошевича, однако оппоненты уверяют, что таким людям сегодня по 30–39 лет, а они-то как раз «за» ЕС. В их поколении соотношение позиций составляет 54:28 в пользу тех, кто «за» ЕС. Эта приверженность ЕС как раз объясняется тем, что союз с Европой понимался как альтернатива режиму С. Милошевича. Сегодня же молодежь голосует иначе: 54% учащихся «против» вступления в ЕС, а 36 – «за».

Исследование позволяет рассмотреть зависимость ответа на вопрос от уровня образования. Так, в 2012 г. европейский путь Сербии поддерживали 53% людей с высшим образованием и 49% – со средним. Одновременно каждый третий житель Сербии с университетским или средним образованием – противник ЕС. Интересно и другое: в столице живет больше евроскептиков, чем, например, в Воеводине или центральной Сербии. Сами белградцы поделены: 41% – «за», 40% – «против»; больше всего приверженцев евроинтеграции живет в Воеводине (50%) и в Центральной Сербии (48%).

Опрос показал также, что чем выше заработная плата, тем выше симпатии к ЕС. Например, среди тех, кто получает более 100 тыс. динаров²⁰ в месяц, число сторонников ЕС достигает 63%. Поддерживают европейский путь и бедные, т.е. те, у кого зарплата меньше 20 тыс. динаров (46%). Вероятно, первые просто боятся потерять свой доход и увязывают вступление в ЕС со стабильностью своего будущего, а вторые разочарованы существующей ситуацией и надеются улучшить свое положение, если страна станет членом ЕС.

Если рассматривать приверженцев и противников ЕС, исходя из их партийной принадлежности, то самыми горячими сторонниками являются члены Демократической и Либераль-

ной партий. Но не очень отстают и другие партии. Среди регионалов, социалистов, партий национальных меньшинств и даже Демократической партии Сербии число сторонников также превышает число противников евроинтеграции. Самыми яркими противниками ЕС являются члены движения «Двери» (81%), радикалы (66%) и прогрессисты (48%).

Один из вопросов исследования касался безопасности Сербии. Предлагалось ответить на вопрос, какой путь для Сербии самый лучший для ее безопасности? 44% опрошенных полагают, что это военный нейтралитет (невоенное сотрудничество со всеми), для 18% безопасностью является сотрудничество с Россией, для 16% – с Евросоюзом. И только 4% среди факторов безопасности назвали НАТО. На конкретный же вопрос о том, должна ли Сербия стать членом НАТО, «нет» ответили 65% (в 2011 г. – 66%), «да» – 14% (в 2011 г. – 16%). Эти данные показывают, что число натоскептиков имеет, хотя и незначительную, тенденцию уменьшаться, как, впрочем, и число сторонников этого военного блока. Однако большая разница в числах сторонников и противников НАТО говорит о том, что сегодня сербы негативно относятся к этой организации, помнят бомбежки 1999 г. и не готовы рассматривать вопрос о членстве в альянсе.

Интересными являются ответы на вопрос о Косове и Метохии, о возможных действиях правительства. 11% опрошенных полагают, что Сербия может признать независимость КиМ, если это откроет путь к ЕС. При этом 62% считают, что край нельзя признавать ни при каких условиях, а вот 9% высказались за то, чтобы власть Сербии признала независимость КиМ незамедлительно. Эти цифры являлись красноречивым показателем настроений в обществе и давали недвусмысленный сигнал руководству страны, в каком направлении надо вести переговоры и что должно стать их конечным итогом.

Апрельский (2015 г.) опрос общественного мнения показал, что 80,6% граждан Сербии не хотели бы видеть свою страну в НАТО, и лишь 18,4% не поддерживают союз Сербии с Россией. Приоритет отношений с ЕС над отношениями с Россией поддерживают только 13,6% населения. Количество же тех, кто хотел бы видеть Сербию в ЕС, снизился с 56,4% (ноябрь 2014) до 42,3% в марте 2015 г.²¹

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Evropska Unija nezadovoljna Tadićem // B92. 2008. 29 jan.; <http://www.b92.net>

² ЕВЛЕКС (EULEX) – специальная миссия ЕС в составе 2000 гражданских лиц и представителей правоохранительных органов, предназначенная для подготовки Косова к независимости.

³ *Врзић Н.* Викиликс: Тајне београдских депеша. Београд, 2011. С. 54.

⁴ Документ не опубликован.

⁵ Документ ООН. S/PV.5821

⁶ *Тодоровић Д.* Највеће плачке тзв. Демократске власти. Београд, 2015. С. 125.

⁷ Врзић Н. Указ. соч. С. 42.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Документ ООН. S/2007/168

¹³ Там же. A/62/PV.8

¹⁴ Deklarata e Pavaresise se Kosoves // http://www.assembly-kosova.org/common/docs/Dek_Pav_sh.pdf

¹⁵ <http://www.politika.rs/rubrike/tema-dana/Dogovoreni-zakljucitimova-Beograda-i-Pristine.sr.html>

¹⁶ <http://www.politika.rs/rubrike/tema-dana/Dogovoreni-zakljucitimova-Beograda-i-Pristine.sr.html>

¹⁷ <http://www.tanjug.rs/novosti/68317/primena-sporazuma-od-10--decembra.htm>

¹⁸ <http://www.tanjug.rs/novosti1/169237/jesmo-li-blize-otvaranju-poglavlja.htm>

¹⁹ Сваки други ученик и студент против ЕУ // Политика. Београд, 2012. 18 окт. С. 5.

²⁰ Около 1000 евро.

²¹ <http://www.nspm.rs/istrazivanja-javnog-mnjenja/srbija-april-2015-istrazivanje-javnog-mnjenja.html>

А. И. Филимонова*

Глава 18.

Военное сотрудничество Сербии с США

В статье анализируется стремление США установить военно-стратегический контроль над Балканским регионом, в котором ключевая роль принадлежит Сербии. Правительство США заключило с Сербией ряд соглашений, обеспечивающих ВС США режим наибольшего благоприятствования, логистическую, транспортную и иную поддержку, равно как и фактически освобождение от каких бы то ни было форм контроля со стороны сербского государства. Военное сотрудничество Сербии с США развивается неуклонно и динамично, оставляя все меньше пространства для так называемой политической нейтральности страны.

Ключевые слова: США, Сербия, Балканы, Косово и Метохия, Армия освобождения Косова, межгосударственное партнерство, военные учения, развитие и эксплуатация военных комплексов и объектов.

The article analyzes the US desire to establish military control over the strategic Balkan region, where the key role belongs to Serbia. The US government has concluded a number of agreements with Serbia, providing US forces MFN, logistics, transportation and other support, as well as the fact exemption from any form of control on the part of the Serbian state. Military cooperation of Serbia with the United States is developing steadily and rapidly, leaving less space for the so-called political neutrality of the country.

Keywords: USA, Serbia, Balkan, Kosovo and Metohija, Liberation Army of Kosovo, inter-state partnership, military sphere, sphere of security, military training, development and operation of military complexes and objects.

* Анна Игоревна Филимонова – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению современного балканского кризиса, Институт славяноведения РАН.

Балканы являются плацдармом для осуществления целей США на пространстве Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Сербия – главная страна балканского региона в политическом, экономическом и военном отношении. В августе 1998 г. высокий военный дипломат США заявил: «Для установления долгосрочного мира в регионе Сербию необходимо поставить в позицию невозможности обороняться, с исчерпанными ресурсами и без надежды на помощь России»¹. После агрессии НАТО в 1999 г. США (НАТО) получили под свой полный контроль Албанию, Македонию, Румынию и Болгарию, что вскоре нашло оформление в виде членства этих стран в альянсе. Для установления всеохватывающего и длительного контроля США над Балканами и всей Юго-Восточной Европой всемерное ослабление военного и оборонительного потенциала, а также расчленение Сербии является необходимым условием.

После прямой агрессии НАТО против Сербии США осуществляли операцию «асимметричной войны» с задействованием ЦРУ и военной разведки. Целью ставилось резкое сокращение численности Армии Сербии, особенно – тяжелого вооружения всех видов и родов войск, а также постановка сербских разведслужб под так называемый гражданский контроль (по сути, уничтожение защиты Армии и государства со стороны контрразведки).

Так, после насильственной смены правящей власти в ходе «революции 5 октября 2000 г.» в Сербии проводилась реорганизация армии, в результате которой были упразднены легендарные стратегические группировки – Первая, Вторая и Третья армии, стратегические составы РВ и ПРО. На политическом уровне началась череда перманентных внутривнутриполитических кризисов, выразившихся в столкновениях противоборствующих политических факторов, партий и движений, попыток низвержения правительства.

Развернувшееся после «цветной революции» военное сотрудничество США и Сербии в действительности служило задаче превращения обороноспособности сербского государства в дисфункциональную систему, неспособную к оказанию сопротивления в случае внешнего нападения или внутренних кризисов. В 2001 г. были отправлены в отставку 42 генерала Армии Сербии, в 2002 г. – 32. Легендарного боевого генера-

ла, командующего Третьей армией, Небойшу Павковича, отправили в отставку в начале 2001 г., даже несмотря на личное обращение сербского патриарха Павла к президенту СРЮ В. Коштунице с просьбой о поддержке генерала. Однако, как свидетельствует заместитель начальника Генштаба полковник (ныне в отставке) Горан Евтович, Коштуница просьбу патриарха во внимание не принял, обосновывая это тем, что «таково распоряжение американцев, и это нужно сделать»².

Истинная причина «реформ» заключалась в последующих решениях Союзного правительства: 25 апреля 2002 г. принята Информация о присоединении к программе «Партнерство ради мира» (ПРМ), 22 августа – Информация о создании межминистерской группы по координации подготовки вступления СР Югославии в программу ПРМ.

Армией Югославии интенсивно «занимались» представители США. Как отмечает Г. Евтович, они «присутствовали в различных государственных и других кабинетах, предлагая услуги и раздавая советы». В первую очередь, это тогдашний посол США в Сербии Вильям Монтгомери и его помощник Берт Брауне, а также высокий представитель ЦРУ, глава Международной кризисной группы Джеймс Лайон³.

Тогда во главе министерства обороны Сербии и Черногории был поставлен высокий функционер демократической партии Борис Тадич. Психолог по профессии, Тадич в конце 2002 – начале 2003 гг. под официальным предлогом профессиональной подготовки для поста председателя Комитета скупщины по обороне и безопасности СиЧ, прошел в США специальный курс обучения в области безопасности. Тот же курс немного позднее завершил еще один сербский политик, пламенный сторонник евроатлантических ценностей – Драган Шутановац, министр обороны в 2007–2012 гг. Результатом деятельности указанных «курсистов» США стало введение НАТО стандартов во все сферы Армии Сербии.

Тадич на посту министра обороны начал искусную политическую кампанию, создав условия для своей победы на президентских выборах 2004 г., после этого он запустил долгосрочные процессы. Первым шагом Тадича в качестве министра обороны стал курс на присоединение Сербии к программе «Партнерство ради мира»; переход на стандарты и процедуры

США/НАТО; уменьшение численного состава Армии до 50 тыс. чел. в течение двух лет, а затем – до 30 тыс. (в настоящий момент ВС силы Сербии сокращены до 12 500 чел.). В результате деятельности Тадича как министра обороны Сербия получила Армию, полностью подчиненную партийному руководству и политикам, безоговорочно ориентировавшимся на европейскую и атлантическую интеграцию. Это положение дел остается таковым и поныне⁴.

Тогдашний министр иностранных дел Вук Драшкович, без одобрения правительства и парламента, 18 июля 2005 г. подписал Договор о транзите войск НАТО через территорию Сербии («Соглашение о сухопутных линиях коммуникации НАТО через бывшую Сербию и Черногорию»). Затем президент Тадич заключил три главных военных соглашения Сербии с США. Эти соглашения в конце мая-начале июня 2009 г. были представлены на рассмотрение Народной Скупщины Республики Сербия и ратифицированы ею. Первый законопроект – подтверждение Соглашения между правительством Сербии и Черногории и правительством США о сотрудничестве в области нераспространения оружия массового поражения и развития оборонных и военных отношений, подписанное в Белграде еще 5 апреля 2006 г.⁵ Статьи данного документа освобождают солдат и другой персонал США от уголовной ответственности в случае смерти или повреждения кого бы то ни было на территории Сербии и Черногории; освобождают оснащение, материалы и другие средства правительства США и его договорных партнеров (в том числе частных военных кампаний) от таможенного или любого иного контроля со стороны сербских властей; предоставляют США право строить объекты на территории Сербии в соответствии с американскими правилами.

Второй документ – Соглашение о снабжении и взаимных услугах⁶ между министерством обороны Республики Сербия и министерством обороны США – был подписан в Белграде 8 ноября 2006 г. По этому соглашению Сербия обязуется оказывать поддержку США по логистике, резервам и обслуживанию. Третий документ – Соглашение между правительством Республики Сербия и правительством США о защите статуса, доступа и использования военной структуры в Республи-

ке Сербии или т.н. СОФА – договор⁷. Его подписали Б. Тадич и К. Райс в Вашингтоне 7 сентября 2006 г. Министерство обороны Республики Сербия скрывало этот договор от общественности почти год. Договор позволяет пребывать на территории Сербии юридическим и физическим лицам по договору с США (в том числе частным военным кампаниям); открывает доступ к использованию объектов, необходимых для осуществления Программы межгосударственного партнерства, включая объекты, связанные с транспортировкой и складированием; разрешает персоналу США пребывать на территории Республики Сербия только с личными документами, выданными со стороны США; освобождает ввоз, вывоз и использование оснащения, материалов, оборудования и т.п. от инспектирования, разрешений, других ограничений, а также уплаты таможенных пошлин и других видов налогообложения, существующего в Республике Сербия. Обратим особое внимание на ст. 9 данного документа: она предусматривает, что армия США и частные кампании, которые она привлечет, получают право на правовой иммунитет даже в случае совершения уголовных преступлений на территории Сербии. Это означает ликвидацию правовой компетенции Республики Сербия и установление верховенства юрисдикции США.

Изменения кардинально затронули службы разведки и контрразведки. Так, если до реорганизации в Армии Сербии существовала высокопрофессиональная система органов безопасности под управлением Генерального штаба, командующих армиями и корпусами, то в результате многоходовой операции были созданы условия для разрушения служб безопасности. 1 июля 2002 г. принимается «Закон о службах безопасности СР Югославии», ослабивший, дезориентировавший и поставивший разведслужбы под гражданский контроль. Военная разведка коренным образом изменила модель функционирования: была выведена из подчинения Армии, формально переподчинена Союзному правительству, а неформально – министру обороны («партийному человеку»), сфера компетенции которого не включает сферу безопасности. Таким образом, по определению Г. Евтовича, «мы получили государство в государстве».

Непосредственно в здании Министерства обороны Сербии расположилась канцелярия НАТО по связи (NATO Military

Liaison Office, MLO) – на том же этаже, где и сейчас находится кабинет министра обороны и его секретариат.

В течение 2007–2009 гг. в Сербии были приняты Закон об обороне, Закон об армии, Стратегия национальной безопасности и Стратегического планирования, по которым стандарты и процедуры альянса, политика обороны, организационная, формационная, логистическая и любое иное функционирование оборонной и военной системы полностью уподоблены НАТО. Наряду с ликвидацией обязательного призыва это представляет собой практически ликвидацию системы обороны страны.

За координацией деятельности, связанной с Программой помощи в области безопасности и Программой сотрудничества в области обороны с Министерством обороны Сербии, «отвечает» Канцелярия по сотрудничеству в области обороны (подчиняется Европейскому командованию ВС США), расположенная в посольстве США. Активность канцелярии включает в себя военно-образовательную, гуманитарную помощь, программу государственного партнерства с Национальной гвардией Огайо.

Заметим, что во время наводнений в Сербии весной 2014 г. со стороны альянса не было предоставлено ни одного вертолета и ни единого средства спасения. Россия же направила два самолета помощи со спецсредствами, а российские спасатели извлекли из водного плена более 3 тыс. человек. Декларированные «гуманитарные цели в случае стихийных бедствий» явно не имеют отношения к действительности.

Программа помощи в области безопасности и Программа сотрудничества в области обороны сфокусированы на развитие корпуса офицеров и младших командиров, как будущего ядра руководства Вооруженными силами Сербии в соответствии со стандартами США/НАТО. С начала работы Программы в 2007 г. Сербия получила 1,4 млн долл. Успешно завершили обучение всего 137 чел., 60% военного обучения и образования численного состава Армии Сербии за рубежом осуществляется в США.

Соглашение СОФА означало начало процесса интенсивного военного сотрудничества с США независимо от программы «Партнерство ради мира». Оно осуществляется в рамках «Программы государственного партнерства Сербии и Огайо». Про-

грамма связывает штат Огайо с Сербией, ставя целью развитие двусторонних отношений Сербии и США. Цель Программы обозначена как «участие Национальной гвардии в миссиях» для «развития региональной стабильности и гражданско-военных отношений как поддержки целей политики США». Помимо взаимодействия Сербии с Национальной гвардией Огайо, «военно-военная» программа включает участие сербской стороны в различных частях Европейского командования США.

Однако Программа, равно как и состав Национальной гвардии (16 тыс. служащих, из которых 11 300 приходится на сухопутные войска и 5 100 – на служащих ВВС), большинство которой составляют военные в отставке (т.е. ныне – гражданские лица), позволяет наряду с развитием «военно-военного» сотрудничества расширять «гражданско-военную» и «гражданско-гражданскую» линию взаимодействия. Координация осуществляется через региональное командование ВС США и соответствующие канцелярии при посольствах США⁸.

Официальным началом сотрудничества стал визит командующего Национальной гвардией Огайо генерал-майора Грегори Вейта в Сербию в сентябре 2007 г. Сотрудничество развивалось настолько успешно, что через четыре года после ее начала США расценили Программу государственного партнерства с Сербией как наиболее успешную из всех 62 подобных программ, развиваемых США по всему миру. И настолько успешно, что США проводят модификацию нормативно-правовых актов, чтобы привести их в соответствие с сотрудничеством, которое превзошло первоначально рамки.

За прошедший период особенно интенсивно проходило обучение офицеров и младшего командного состава, обмен опытом формирования корпуса младших командиров, совместные учения, «помощь армии гражданским структурам в случае стихийных бедствий». Как уже отмечалось, наводнения 2014 г. показали полное отсутствие какой бы то ни было помощи со стороны США, следовательно, «гуманитарный» аспект можно отсечь как обозначенный в сугубо декоративных целях.

Чикагский саммит НАТО (май 2012) подтвердил поддержку альянсом атлантического пути Западных Балкан. На встрече министров иностранных дел стран НАТО 4 декабря 2012 г. была вынесена резолюция о политическом развитии Запад-

ных Балкан исключительно в контексте процесса евроатлантической интеграции; военно-политическое присутствие США в Сербии вышло на новый уровень. Балканы постепенно превращаются в мобилизационный пункт США/НАТО, где предпринимаются серьезные усилия по подрыву «балканских детонаторов» в регионе и в направлении «перенастройки» балканских стран на позицию «бивалентной враждебности» – по отношению к России и собственным народам, суверенитету и независимости своих стран.

В 2013 г. посольство США получило новую резиденцию на ул. Карагеоргиевича, 92. По имеющейся информации, здесь расположен региональный центр ЦРУ по Балканам. Аналогичные гигантские по масштабам «разведцитадели» успешно функционируют в Сараево, Скопье, Загребе. В том же году власти США приняли решение разместить при посольстве США в Белграде пункт ФБР. Официальный предлог – отслеживание высокотехнологичного криминала, сопровождение интернет-коммуникации исламистов, отбывающих с Балкан на фронт Исламского государства (ИГ). Однако учитывая, что наибольшее число боевиков в ИГ с Балкан поступает, в первую очередь, из БиГ и Косова, то размещение центра ФБР в Сербии, скорее всего, связано с отслеживанием связей Сербии с Россией, внутривнутриполитическим и экономическим шпионажем.

Ключевым аспектом военного сотрудничества Сербии с США, с Национальной гвардией Огайо, является совместный проект строительства полигона для обучения и стрельб на базе «Юг», проведение совместных учений и обучения. Летом 2011 г. в новосформированном Центре по обучению прошли первые симуляционные штабные учения бригадного уровня.

На встрече в Нью-Йорке сербского президента и главы альянса в сентябре 2013 г. в рамках генеральной Ассамблеи ООН Т. Николич подчеркнул, что Сербия открыта для более широкого сотрудничества, хотя «не собирается менять сторону». В ответ Андерс Фог Расмуссен, игнорируя ремарку Николича относительно нежелания кардинальной смены внешнеполитического вектора страны, указал, что НАТО готова шаг за шагом расширять практическое военное сотрудничество и политический диалог с Сербией⁹. К 2013 г. относится 160 пунктов военно-технического взаимодействия Сербии с США/НАТО,

однако получили развитие и ранее незапланированные меры. Так, например, в июле 2013 г. Великобританией был основан еще один Трастовый Фонд по ликвидации «избытков» техники и вооружения Сербии, которую начал осуществлять Технический Исследовательский Институт Крагуевца.

Министр обороны (ныне – премьер) Александр Вучич в мае 2013. г. в Вашингтоне встречался с министром обороны США Леоном Панеттой. А. Вучич в ходе встречи отметил необходимость повышения двустороннего военного сотрудничества на более высокий уровень, получения профессиональной и финансовой поддержки Сербией для развития базы «Юг», равно как дальнейшего обучения военнослужащих Армии Сербии на территории США.

В июне 2014 г. совместно с США на базе «Юг» были проведены международные военные учения «Платиновый волк – 2014» с целями усиления взаимодействия в условиях кризиса. База «Юг» (площадь в 35 га, планируется ее расширение до 60 га) находится на горе Цепотина, в 5 км от Буяновца, близ сухопутной линии безопасности и административной границы с Косово и Метохией. Полковник Армии США Тревор Холт особенно отметил необходимость усиление «интероперабельности». В учениях, кроме Армии Сербии, участвовали силы Европейского командования США, Болгарии, Румынии, Греции и Македонии. Задачи учений были связаны с патрулированием, обеспечением безопасности КПП, обеспечение безопасности военных объектов, сопровождение конвоев.

Учения проходили в две фазы. На первом этапе они проводились на полигоне «Боровац», в ходе которого отработан метод «Несиловое оружие». Обучение проводили непосредственно инструкторы США, участники учений ознакомлены с возможностями не причиняющих вреда методов и средств – обездвиживания лиц без применения оружия, применение дубинок и контроля массовых собраний. Вторая фаза – «Операция сохранения мира» – посвящалась оказанию различного вида содействия боевым операциям, разведке, пехотному и моторизованному патрулированию, сопровождению конвоев, блокады и обыска, противодействию взрывчатым веществам.

8 сентября 2014 г., по определению министра обороны Сербии Братислава Гашича, двустороннее военное сотруд-

ничество Сербии с США являет собой наилучшую часть двустороннего сотрудничества¹⁰. Заявление Гашича прозвучало в ходе его обоснования в Скупщине Сербии законопроекта о подтверждении сотрудничества между Правительством Сербии и правительством США в сфере защиты секретных военных сведений¹¹. То есть в области обмена разведывательной и контрразведывательной информацией. В результате была сформирована смешанная комиссия Сербии-США по вопросам реформы системы обороны и принят план совместной деятельности на предстоящий трехлетний период.

Обширный документ американского конгресса под названием «Акт о предотвращении российской агрессии 2014» (Russian Aggression Prevention Act 2014) в пункте 304 говорит о военном сотрудничестве и сотрудничестве в области разведки со странами, не являющимися членами НАТО, в числе которых фигурирует и Сербия. Документ предполагает усиление сотрудничества и «интеракции» ВС ряда стран, тяготеющих к членству в альянсе: Хорватия, Украина, Грузия, Черногория. В документе ясно упомянуты «Вооруженные силы Косова», что выявляет план создания армии «Республики Косова» как стратегического курса США. В новой стратегии США, приоритетом которой является борьба с Россией, период 2015–2017 гг. станет военно-тактической консолидацией стран-членов НАТО, включая страны Европы, не являющиеся членами альянса – Хорватию и Сербию, которым отводится значимая роль.

Неоформленные официально, однако фактически существующие «Вооруженные силы Косова» («ВСК») ведут свое происхождение от Армии освобождения Косова (АОК). В середине 1990-х гг. АОК объединила взаимоконфликтующие диверсионные группы албанцев. АОК обучалась иностранными военными специалистами по стандартам США/НАТО. Большинство боевиков АОК в период с 1990 по 1996 гг. прошли диверсионно-террористическую подготовку на базах в Албании. Известны тренировочные лагеря в местах: Тирана, Элбасан, Драч, Кукес, Крума, Байрам Цурия, Тропоя и др. на севере страны. Подготовка боевиков способствовали и служили прикрытием легальные органы власти и институты страны, включая разведку ШИК, полицию, армию, посольства и др. В состав АОК входили иностранные «псы войны»: батальон «Атлантичес-

кий» включал наемников из США и Канады; «Абу Бекир Садик» и «Браво» – наемников-моджахедов.

Проведение контртеррористической операции силами армии СРЮ было остановлено 78-дневными бомбардировками Североатлантическим альянсом суверенного государства. В результате западной военной агрессии 1999 года и вторжения 50-тысячного контингента НАТО из края бежали более 250 тыс. сербов. Террористическое формирование албанских «эскадронов смерти» – АОК – США привели к власти. Боевиков, подчеркнем, специализирующихся на проведении карательных операций против сербских органов правопорядка и гражданского населения. В 2008 г. террористы АОК провозгласили «независимость Косова». АОК не была разоружена, более того, прикрываясь Резолюцией 1244 о демилитаризации АОК, она тут же (сентябрь 1999 г.) была трансформирована в Косовский защитный корпус (КЗК) и Косовские полицейские силы (КПС).

Однако характер ее деятельности и боевые задачи оставались без изменения. США, со своей стороны, оказывали всестороннюю поддержку СБК. 27 июня 2012 г. вступило в силу соглашение США с «правительством Косова» SOFA. Одним из пунктов является расширение в рамках Программы государственного партнерства сотрудничества СБК с Национальной гвардией Айовы. Национальная гвардия штата Айова стала своеобразным патроном СБК. В 2013 г. НАТО присвоили СБК статус «интероперабельности», что означает возможность взаимодействия и функционирование на основе стандартов США/НАТО. Тем самым, до провозглашение официальных ВС «Республики Косова» остается один шаг.

Предполагается, что «ВСК» будут располагать 5-ти тысячным личным составом и 3-х тысячным корпусом резервистов, что соответствует региональным армиям.

Приштинское законодательство разрешает прохождение обучения и иностранным гражданам (нужно только получить ряд приштинских документов). Поэтому в «Республике Косова» диверсионно-террористическую подготовку проходили боевики сначала «сирийской оппозиции», а сейчас – Исламского государства. АОК являет собой иную модель «обрушения режима», отличающуюся от массовых «фронтов сопротивления» в Египте и Ливии. Опыт АОК – формирование мобиль-

ных «герильских» групп, эту методологию ведения войны еще в 1994 г. начало транслировать созданное под патронатом ЦРУ «Национальное движение по освобождению Косова». Тем самым Косово превращается в мощный, комплексный военный полигон. Задействована также и Албания: здесь в старых лагерях АОК на севере страны и по сей день находятся американские силы быстрого реагирования¹².

Несмотря на официальное разрешение только на легкое стрелковое вооружение, реальная картина обстоит иначе. Во-первых, только согласно официальным данным КФОР, в регионе остается примерно полмиллиона (!) нелегальных единиц боевого оружия, сотни тысяч гранат и других взрывчатых веществ. «Боезапас» постоянно пополняется. Пути снабжения Косова оружием идут из Тетова (северо-запад Македонии) через Кукес к Призрену и Печи; из Черногории через Рожай до Печи; через Нови Пазар (Сербия) к южной части Косовской Митровицы. И это при том, что сербы подвергаются арестам и преследованиям даже за охотничьи ружья¹³. Во-вторых, подразделения подвергшегося сокращению КФОР оставили СБК бронетранспортеры, вертолеты и др. технику. В-третьих, инструкторами СБК являются иностранные военные специалисты из частных военных компаний (например, американской «MPRI»).

Детально расписаны фазы становления «ВСК»: в период до конца 2016 г. предполагается изменение «Конституции Косова» и законодательной системы, относящейся к сектору безопасности; с 2017 по 2019 гг. будет проведено перевооружение, закупка вооружения, оборудования и боеприпасов для выполнения новых миссий. Финальный этап (2020–2024 гг.) определяется пока неясно – «увеличение комплектования личного состава, его подготовка и тренировка»¹⁴. Если окажется, что сербское (или любое иное) население будет готово с оружием в руках защищать свои жизни, то подавлять сопротивление будет не просто албанская полиция, а албанская армия, поднаторевшая в диверсионно-карательных операциях именно против гражданского населения. В данных условиях сербское население края фактически находится на осадном положении, а вероятности благоприятного развития ситуации для сербов практически не существует, поскольку невозможно силами обычных граждан противостоять системе – системе власти,

системе карательных органов («косовской полиции», «косовской армии»). Эта одна из наиболее уязвимых точек Балкан, способных в близкой перспективе взорвать регион.

В планах Вашингтона Балканский регион должен быть инкорпорирован в евро-атлантические структуры полностью и без остатка. Государственный департамент США демонстрирует твердую убежденность в незыблемости своих балканских завоеваний и «пристегивании» Сербии к новой геополитической реальности, включая контроль не только над югом, но и над «сербским» севером Косова (четыре сербские общины – Звечан, Лепосавич, Северная Косовская Митровица и Зубин Поток). Бывший заместитель госсекретаря США Филип Гордон неоднократно подчеркивал, что США продолжают твердо поддерживать суверенитет и территориальную целостность Косова, независимо от того, какое правительство существует в Белграде. Он еще в июле 2012 г. четко разъяснил жесткое требование администрации США к Сербии: «Ни мы, ни Евросоюз не ожидаем, что Сербия признает Косово, этого она делать не должна. Однако Сербия должна признать реальность демократического, суверенного, независимого мультиэтнического Косова в его нынешних границах. И, наконец, Белград должен прекратить поддержку нелегальной параллельной системы безопасности и судопроизводства в северном Косове и обеспечить свободу передвижения для всех...»¹⁵.

Глава Главного штаба ВС Албании Иероним Базо 18 марта 2014 г. с нескрываемым удовлетворением утверждал, что создание двух албанских армий является «великим достижением, которому завидуют многие страны»¹⁶. Весной 2014 г. стало известно о планах Х. Тачи, при согласии Брюсселя и НАТО, сформировать на севере Косова особый «сербский батальон» в составе 500 военнослужащих и 500 резервистов. В целом для «приштинского правительства» трансформация СБК в полноценную армию, которая является неотъемлемым атрибутом государственности, является в настоящий момент одной из приоритетных задач.

Надежным тылом США на Балканах воинских подразделений является база «Бондстил», расположенная в Косове около города Урошевац. Это самая крупная американская база в Европе (названа по имени Джеймса Бондстила, ветерана войны

во Вьетнаме), позволяющая контролировать акватории двух морей – Средиземного и Черного, а также маршруты, ведущие на Ближний Восток, в Северную Африку и на Кавказ. База была построена в рекордно короткий срок, в июле – октябре 1999 г., сразу после завершения натовских бомбардировок Югославии. Сейчас она является центром восточного сектора ответственности КФОР/НАТО, занимая площадь около 1000 га. На территории базы расположены 300 объектов (аэродромы, ангары, инфраструктура, обеспечивающая базирование вертолетных, артиллерийских и танковых частей, магазины, кинотеатры, спортзалы, библиотеки, две церкви, самая современная в Европе больница); база покрыта дорожной сетью протяженностью 25 км и обнесена 14-километровыми земляными и бетонными ограждениями с колючей проволокой и 11 сторожевыми вышками. Персонал «Бондстила», по имеющейся информации, составляет 6 тыс. чел.

Оперативные возможности базы «Бондстил» выходят далеко за рамки не только Косова, но и всего Балканского региона. Логистическую поддержку базе могут оказывать аэродромы Тираны, Приштины, Болоньи, Драча, Скопья, Тузлы.

База «Бондстил» призвана также выполнять охранную функцию на протяжении маршрута трансбалканского нефтепровода – американско-британского проекта, задуманного для осуществления поставок нефти из района Каспия через Болгарию, Македонию до албанского порта Влёра на побережье Адриатики и далее супертанкерами в Западную Европу и США. Характерная деталь: строительство базы «Бондстил» осуществляла та же компания Halliburton (с ней тесно связан бывший вице-президент США Дик Чейни).

После того, как в 2002 г. «Бондстил» посетил комиссар по правам человека Совета Европы Альваро Хил Роблес, он описал базу как «малое Гуантанамо». По имеющимся данным, база, помимо прочего, является перевалочным пунктом перемещения заключенных.

Именно на базе «Бондстил» после ранения в июня 2000 г. был спасен Рамуш Харадиная. Американцы трогательно спасали ему жизнь, не спрашивая о судьбах других, в кого в резне 7 июня в Стрелце было выпущено со стороны поделщиков Харадиная более 6 000 пуль. Администрация ООН в КиМ за-

щищала Харадинай, саботируя судебный процесс против него, демонстративно не замечая, «как летят головы свидетелей». Так, в Тахира Земяя и его сына были выпущены более 60 пуль. Еще один «национальный герой», бывший командир АОК Абдул Мушколай, также как и Харадинай освобожденный МТБЮ по всем статьям обвинения в 2008 г., поскольку все свидетели против него «случайно» умерли или были физически ликвидированы, открыто угрожает северу КиМ и Сербии. «Наша работа, – заявляет он, – не завершена, мои люди готовы к борьбе в любой момент. В этот раз война не ограничиться Косовом. Мы будем государством, которое будет воевать с другим государством... война может вспыхнуть в любой момент... северная Митровица может взорваться в любой момент»¹⁷.

База «Бондстил» является связующим звеном между военными базами США в Болгарии и Румынии. Региональная военно-политическая консолидация и мобилизация про-вашингтонских сил обрела окончательный вид, что означает стратегическое и тактическое усиление НАТО в регионе. Учитывая, что границы КиМ с Албанией и Македонией практически не существует, а юг центральной Сербии (общины с албанским большинством Прешево, Буяновац и Медвежья) тяготеет к «Республике Косова», равно как и западная часть Македонии, южная и восточная часть Ульциня, части общин Плав и Рожая (Черногория), юг Греции (Эпир), пресловутая «Великая Албания» начинает свое функционирование, минуя акт формализации. Центр албанского присутствия США смещается на ось Тирана-Приштина, вовлекая юг центральной Сербии. Не случайно в Сербии столь интенсивно разворачивается строительство именно автомагистрали Приштина-Ниш.

Пока внутренние и международные условия не благоприятствуют развитию наиболее радикального – силового сценария отделения юга центральной Сербии и присоединения его к «Республике Косова» (или той или иной форме «великоалбанского объединения»). Однако на идеологическом, политическом, институциональном и культурно-образовательном уровнях осуществляется полномасштабная глубокая подготовка для максимального обособления в границах Сербии. В регионе идет перераспределение влияния от центра к неправительственным факторам – албанской политической

элите и клановым группам, ведущим борьбу за власть. Причем идейно-политическая составляющая носит наиболее опасный амбивалентный характер: с одной стороны, развиваются установки этнического албанского сепаратизма, враждебного по отношению к сербскому государству (в албанской среде царит непримиримое разделение на «мы» и «они»). С другой стороны, подобные установки в случае развития сыграют роль детонатора в демонтаже Сербии как полиэтнической страны со значительной частью концентрированно проживающего мусульманского населения. Пример «Республики Косова», находящейся в полшаге от полного признания своей независимости, не может не вдохновлять.

1 февраля 2013 г. «министр обороны» «Республики Косова» Агим Чеку (бывший командир АОК, затем – командующий Косовским защитным корпусом) находился с визитом в США, по итогам которого были подписаны соглашения о сотрудничестве со штатом Айова и Национальной гвардией Айовы, оформленные в Программу Государственного партнерства с «Республикой Косова» и Силами безопасности Косова. Чеку оценил Программу как исключительно полезную для становления СБК и наращивания мощностей, необходимых для их трансформации в профессиональные силы. В качестве ответной меры Чеку заверил своих партнеров в готовности СБК присоединиться к иностранным операциям Национальной гвардии. Штат Айова, со своей стороны, провозгласил А. Чеку своим почетным гражданином¹⁸.

Помощник посла США в «Республике Косова» Келли Дагман по поводу пятилетнего «юбилея» существования «Республики Косова» наметила следующий «ключевой шаг», необходимый для «нормализации отношений» Белграда и Приштины – «рекрутирование как можно большего числа сербов в их состав». Средством реализации этой задачи будут служить канцелярии общин (в системе ассоциаций нацменьшинств «Республики Косова»). Общинным канцеляриям вменяется в обязанность контактировать с гражданами, выявлять целевую аудиторию – молодых людей (обоюго пола) до 25 лет и «знакомить их с силами безопасности Косова». Министр СБК, которым вскоре предстоит трансформация в полноценную боеспособную албанскую армию, А. Чеку, призвал молодежь формируемой, согласно

Брюссельскому соглашению, сербской ассоциации принять участие в процессе рекрутирования. Так, Приштинская община Грачаница выразила полную поддержку планам «Министерства обороны Косова» в побуждении сербской молодежи присоединяться к СБК и тем самым «обеспечить свою надежное место работы, улучшить безопасность своей ассоциации, получить возможность улучшения образования»¹⁹. Приштине безвозмездно передается не только имущество Республики Сербии общей стоимостью в 220 млрд долл., имущество изгнанных сербов стоимостью в 4 млрд долл., 580 тыс. га сельхозугодий и др.²⁰, но и самое ценное – человеческий потенциал. Дальнейшие планы США подразумевают «мутирование» сербской молодежи в бойцов Косовских сил безопасности – фактически не разоруженной Армии освобождения Косова, которой предстоит «возрождение» в виде «Армии Республики Косова».

Сербская власть в апреле 2013 г. подписала Брюссельское соглашение, лицемерно и ложно представляемое как статусно нейтральное. Соглашение, в котором нет ни слова о сербской Конституции и Резолюции СБ ООН № 1244, утверждает действие Конституции и законов «Республики Косова» и передает территорию края, включая север, под управление Приштины.

11 января 2014 г. «Республика Косова» заключило с Албанией договор о стратегическом партнерстве, причем место было выбрано более чем символичное – Призрен, где в 1878 г. была создана Призренская лига. Тирану и Приштину связывает самая современная автотрасса, а границы между КиМ и Албанией не существует. Для албанцев юга центральной Сербии (общины Прешево, Буяновац, Медвежья) создан специальный совместный фонд. Одна из его целей – поддержка албанских семей и высокого уровня рождаемости. 19 апреля, спустя ровно год после подписания Брюссельского соглашения, состоялось совместное заседание правительств «Косова» и Албании в... местечке Кукеш, именно там, где находился печально известный «Желтый дом», где у похищенных сербских военнослужащих и гражданских лиц изымались внутренние органы для черного рынка трансплантологии. Хашим Тачи, Эдита Тахири и Беджет Паццоли, с одной стороны, албанский премьер Эди Рама с другой, а также албанские представители Македонии и Черногории торжественно отметили 15-летие

«борьбы Армии освобождения Косова». Одна из рекомендованных по результатам встречи мер – объединение образовательных планов и программ «Косова» и Албании; все шаги в этом направлении начали координировать лично министры образования Линдита Николе и Рам Буя. Указанные акции неотвратимо создают «Великую» («Природную») Албанию, которая, разрастаясь, не оставит в итоге шансов на российское присутствие в регионе. Север КиМ, являющийся единственным барьером, отделяющим от слияния территории, которые архитекторы проекта «Великая Албания» полагают албанскими, оказывается во все более тяжелом положении. Фактически обычное, гражданское население, является «живым щитом» на пути «зеленого коридора». Когда этот барьер падет (если сербы севера и далее будут оставаться без защиты, это неизбежно произойдет), в военно-стратегическом аспекте это позволит силам США/НАТО выйти на г. Копаоник, главную высоту региона, что позволит им контролировать не только всю территорию Сербии, но и гораздо более широкие пространства.

В середине января 2015 г. военнослужащие Армии Сербии с «коллегами из США, Болгарии и Румынии» участвовали в военных учениях под названием «Платиновый лев» в Болгарии (полигон «Ново село»). Цель учений министерство обороны Сербии сформулировало как «увеличение интероперабельности и степени обученности вооруженных сил в ходе реализации задач военных операций в мультинациональной среде»²¹.

С 4 по 15 мая 2015 г. в Сербии проводились учения «Logex 15», организованные Европейским командованием ВС США при сотрудничестве с представителями Объединенного генерального штаба ВС США и НАТО. Открыл учения представитель министерства обороны США полковник Тафт Блэкберн, руководителем учений являлся майор Джошуа Андерсон, т.е. майор армии США командовал офицерами Сербии более высокого, нежели он сам, рангами. Затем отряд пехоты Третьей бригады Сухопутной армии с 9 мая по 4 июня 2015 г. принял участие в учениях «Совместная решимость» в Германии, организатором также являлось Европейское командование ВС США. Это было логистическое учение оперативного уровня. Военное учение такого типа является «продуктом партнерского сотрудничества с НАТО», организуется оно Европейским

командованием ВС США и проводится каждые два года. В этих учениях приняли участие 4 500 военнослужащих США, Канады, Чехии, Италии, Венгрии, Великобритании и Грузии и др. Цель учения – помимо ставшего уже традиционным «развития интероперабельности» – «формирование навыков взаимной коммуникации подразделений сухопутных войск стран-партнеров при реализации операций в многонациональной среде». Однако помимо навыков координации действий в области логистики отрабатывались наступательные и оборонительные операции²². В 2015 г. в рамках сотрудничества с НАТО предполагается провести еще пять военных учения и шесть – в рамках взаимодействия с европейским командованием ВС США.

Таким образом, в настоящее время происходит военно-стратегическая переориентация Сербии на геополитические цели США, так называемый статус «военной нейтральности» становится все более формальным. Если произойдет военное столкновение США и России Армия Сербии, приближающаяся к военным стандартам США/НАТО, в случае неизменности внешнеполитического курса, должна будет оказывать логистическую, оперативную, информационную и любую иную поддержку Вашингтону.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Субашић Б.* Агресија НАТО није престала // Вечерње новости. 2013. 30. март.

² *Јевтовић Г.* Под окупацијом и у власти НАТО (ЕУ) – како смо «реформисали» и «модернизовали» систем одбране и војску. Растурање моћне и традиционалне војне структуре (4) // Фонд стратешке културе 4 марта 2015 <http://www.fsksr.rs/fond-strateske-kulture/politika/pod-okupacijom-i-u-vlasti-nato-eu-kako-smo-reformisali-i-modernizovali-sistem-odbrane-i-vojsku-rasturanje-mocne-i-tradicionalne-vojne-strukture-4/>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Споразум између Владе Републике Србије и Организације Северноатлантског пакта о безбедности информација // http://www.mod.gov.rs/cir/aktuelno/bezbednosni_sporazum/011008_sporazum_rs_nato.pdf ; Закон о потврђивању споразума о снабдевању и узајамним услугама између министарства одбране Републике Србије у име Владе Републике Србије и министарства одбране Сједињених Америчких

Држава // <http://www.parlament.gov.rs/>

⁶ Закон о потврђивању споразума између Владе Србије и Црне Горе и Владе Сједињених Америчких Држава о сарадњи у области спречавања ширења оружја за масовно уништење и унапређивању одбрамбених и војних односа // Ibidem.

⁷ Закон о потврђивању споразума између Владе Републике Србије и Владе Сједињених америчких држава о заштити статуса и приступа и коришћењу војне инфраструктуре у Републици Србији // Ibidem.

⁸ Програм државног партнерства Србије и САД // http://www.mod.gov.rs/sadrzaj.php?id_sadrzaja=4364

⁹ <http://nato.mae.ro/en/node/389>

¹⁰ <http://www.blic.rs/Vesti/Politika/493757/Gasic-Vojna-saradnja-Srbije-i-SAD-najbolji-deo-saradnje>

¹¹ Sporazum između Vlade Republike Srbije i Vlade Sjedinjenih Američkih Država u vezi sa bezbednosnim merama za zaštitu tajnih vojnih podataka // http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/lat/pdf/predlozi_zakona/2600-14Lat.pdf

¹² <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/222374/OVK-skoluje-teroriste-pred-ocima-Kfora>

¹³ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Hronika/145251/Kosmet-prepun-oruzja->

¹⁴ <http://www.balkaneu.com/farewell-security-forces-kosovos-armed-forces-born/>

¹⁵ <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2012/194814.htm>

¹⁶ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/389856/Mnogi-nam-zavide-sto-imamo-dve-albanske-vojske>

¹⁷ <http://web-tribune.com/iza-kulisa/svaki-sef-albanske-familije-ima-oj-naredenje-da-ubije-u-istoj-noci-3-srpska-oca>

¹⁸ <http://www.mksf-ks.org/?page=3,24,692>

¹⁹ <http://www.vesti-online.com/Vesti/Srbija/302861/Kosovske-bezbednosne-snage-regrutuju-Srbe>

²⁰ <http://sandzakpress.net/kolika-je-imovina-srbije-na-kosovu>

²¹ <http://www.blic.rs/Vesti/Drustvo/527621/Vojska-Srbije-na-vezbi-Platinasti-lav-u-Bugarskoj>

²² <http://www.blic.rs/Vesti/Drustvo/556869/Vojska-Srbije-na-vezbi-Zajednicki-odgovor--u-Nemackoj>

И. В. Руднева*

Глава 19.

Новая власть в Республике Хорватия: новый ли политический курс?

В статье выявлены ключевые моменты ориентации государства: опора на собственные силы в решении внутренних проблем, традиционное сотрудничество с Германией, курс на самостоятельную выработку тактики и стратегии решения спорных балканских территориальных и правовых вопросов, изменение отношения к Российской Федерации. Анализируя исторические и региональные особенности Хорватии, а также международную ситуацию в целом автор констатирует изменение вектора развития в сторону большего регионализма и евроскептицизма.

Ключевые слова: Хорватия, ЕС, политический курс, парламентские выборы, регионализм, евроскептицизм, традиционные ценности.

The author identifies the key points of state policy: self-reliance in solving internal problems, traditional cooperation with Germany, course of independent strategies addressed to disputable Balkan territorial and legal issues, changes in relation to the Russian Federation. Analyzing historical and regional peculiarities of Croatia, as well as the international situation in general, the author states the change of the vector of development towards greater regionalism and euroscepticism.

Keywords: Croatia, the EU, political course, parliamentary elections, regionalism, euroscepticism, traditional values

В начале 2015 г. в Республике Хорватия прошли президентские выборы, на которых победу одержала кандидат от «Хорватского демократического содружества» (ХДС) Колина Гра-

* Ирина Владимировна Руднева – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению современного балканского кризиса, Институт славяноведения РАН.

бар-Китарович. В первом туре выборов (28 декабря 2014 г.) она заняла второе место (37,22%). Во втором туре (11 января 2015 г.) одержала победу над действующим президентом Иво Йосиповичем, набрав 50,74% голосов.

Родилась новый хорватский президент 29 апреля 1968 г. в городе Риека. В школьные годы К. Грабар-Китарович получила гранты и уехала учиться в США. В 1992 г. она окончила философский факультет Загребского университета. В 1995–1996 гг. училась в Дипломатической академии в Вене. В 2000 г. получила степень магистра международных отношений факультета политических наук Загребского университета. В 2002–2003 гг. была стипендиатом американской образовательной программы Фулбрайта в Университете Джорджа Вашингтона; стипендиатом Школы управления им. Дж. Ф. Кеннеди при Гарвардском университете; приглашенным исследователем в Школе углубленных международных исследований им. Пола Нитце при Университете Джона Хопкинса в Вашингтоне.

Политическую карьеру К. Грабар-Китарович начала в 1992 г., вступив в правоцентристскую партию «Хорватское демократическое содружество». Активными членами этой партии являлись отец и супруг будущего президента. В том же году К. Грабар-Китарович поступила на работу в департамент международного сотрудничества министерства науки и техники Хорватии, в 1993 г. – в МИД Хорватии, где в 1995–1997 гг. возглавляла департамент связей с Северной Америкой.

В 1997–2002 гг. она работала посланником в посольстве Хорватии в Канаде. В 2001–2003 гг. была советником министра иностранных дел. В ноябре 2003 г. избрана в парламент от ХДС. С декабря 2003 по февраль 2005 г. – министр по вопросам европейской интеграции. С 2004 г. возглавляла переговорную группу по вступлению Хорватии в ЕС.

С 17 февраля 2005 по январь 2008 г. К. Грабар-Китарович занимала пост министра иностранных дел и европейской интеграции (первая в истории страны женщина, возглавившая МИД). Вела активную работу по подготовке к вступлению Хорватии в ЕС и НАТО. В 2008–2011 гг. – чрезвычайный и полномочный посол Хорватии в США. С июля 2011 по сентябрь 2014 г. – помощник генерального секретаря НАТО по обще-

ственной дипломатии (первая женщина – помощник главы НАТО). 15 февраля 2015 г. приведена к присяге в качестве президента, вступила в должность 19 февраля 2015 г. Стала самым молодым президентом и первой женщиной на этом посту в истории страны. Владеет английским, испанским и португальским языками. Замужем за Яковом Китаровичем (с 1996 г.); дети – Катарина (2001 г.р.) и Лука (2003 г.р.)¹.

Изменился ли политический курс с приходом нового президента? Рассмотрим отдельные аспекты развития Республики Хорватия при новом руководстве. Своими основными задачами К. Грабар-Китарович назвала выведение страны из экономической рецессии, укрепление энергетической безопасности, борьбу с безработицей и утечкой из страны молодежи². Это, действительно, очень важные и серьезные проблемы, с которыми столкнулась Хорватия в условиях общемирового экономического кризиса.

1 июля 2013 г. Республика Хорватия стала 28 членом Европейского союза (ЕС). В 2012 г., в ходе подготовки к общенациональному референдуму по вопросу о вступлении в ЕС, власти Республики Хорватии приводили доводы в пользу подобного шага. Предшественник К. Грабар-Китарович на посту президента Иво Йосипович в своем личном блоге в интернете заверял население, что Хорватия не утратит суверенитета и будет иметь в рамках организации свой самостоятельный и равноправный голос. «Хорватии в ЕС, – утверждал он, – будет обеспечен долгосрочный мир и безопасность, что является предпосылкой для экономического, культурного и любого другого направления». Далее президент пообещал молодежи равные возможности с европейцами в области образования и трудоустройства, программы обмена специалистами. Единый европейский рынок, по мнению Йосиповича, также будет полезен для развития хорватской экономики. Кроме того, Хорватия всегда может рассчитывать на «финансовую помощь для тех, кто слабее и менее развит»³. Но вступление страны в ЕС не принесло желаемого экономического роста и снижения социальной напряженности. Напротив, жесткие требования со стороны европейских финансовых структур по экономии средств вынуждали руководство страны сокращать социальные программы, снижать уровень заработной платы, сокращать рабочие места.

По данным Госкомстата страны за 2013 г., уровень зарегистрированных безработных достиг максимального уровня за последние десять лет и составил 21,9%. По данным Службы занятости Хорватии, в конце января 2013 г. было зарегистрировано более 372 000 безработных. В январе инфляция в стране составила 5,2%, в результате темпы роста потребительских цен оказались ниже, чем ожидалось, но в то же время и самыми высокими за последние четыре года. Больше всего выросли цены на жилье (на 14,3%), воду и электроэнергию, газ и другие виды топлива. На 6,2% зафиксирован рост цен на продукты питания и безалкогольные напитки, в то время как цены на алкогольные напитки и табак увеличились на 5%. Цены на услуги здравоохранения подросли на 3,4%⁴. В последующие годы эти показатели только выросли. В 2014 г. Министерство финансов Республики Хорватия констатировало, что страна уже шестой год находится в состоянии рецессии. Правительство дало неутешительные прогноз экономического роста, который составит минус 0,7%⁵.

В хорватском обществе наблюдаются разочарование и апатия, усиливаются беспокойство за свое будущее и раздражение от неспособности властей стабилизировать экономическую ситуацию. Красноречиво об этом говорят результаты социологических опросов. Только 7% респондентов старше 15 лет выразили желание жить в своей стране. Те, кто чтит историю и традиции, предпочли бы переселиться в Германию, более авантюрные натуры предпочитают переехать в США. Жители Хорватии не отказались бы эмигрировать также в Швейцарию, Австрию, Канаду и Австралию.

Во многом именно этим объясняется желание части населения страны внести изменения в политический и экономический курс, предоставив очередной шанс ХДС в противовес находящейся в настоящее время у власти Социал-демократической партии (СДП). Выборы президента отчетливо показали, что хорватское общество разделилось. В выборах в первом туре приняло участие менее половины от общего числа избирателей, во втором – 59% от общего числа избирателей. Перевес голосов за нового президента был минимальным⁶. Хорваты выбирали между партией СДП, экономический и политический курс которой разочаровал многих, и партией ХДС, за ко-

торой тянется шлейф участия в гражданской войне 1990-х гг., военные преступления, многочисленные коррупционные скандалы, причастность к организованной преступности. Подобное разделение грозит стране ростом социальной и международной напряженности.

После 100 дней мандата К. Грабар-Китарович в Хорватии был проведен социологический опрос. Его результаты показали, что треть респондентов оценивает деятельность нового президента сильно зависимой от ХДС. И процент убежденных в этом граждан неуклонно растет. Так, с начала 2015 г. число считающих, что лидер страны не самостоятельна в своих действиях, выросло с 19% до 21%, находится под влиянием ХДС – с 30% до 33%⁷. Говоря о ХДС, нельзя обойти вниманием те процессы, которые происходят с этой хорватской партией. Многочисленные коррупционные скандалы отпугнули избирателей от ХДС. За последние годы партия значительно помолодела, сменила лидеров и начала разрабатывать новую программу, в основу которой положена идея антикоммунизма, возвращения к национальным традициям и исконным хорватским ценностям. Они критикуют оппонентов из СДП в отсутствии «демократии» в их деятельности, в несостоятельности экономических программ. В риторике новых лидеров заметна ностальгия по началу 1990-х гг., когда ХДС являлась консолидирующим общественно-политическим фактором в стране. Однако в современных тяжелых экономических условиях партии нечего предложить избирателям. Хорватские политологи отмечают, что среди членов ХДС нет сильных экономистов, способных решить самую насущную проблему страны, стабилизировать экономическую ситуацию. Реваншистские настроения 1990-х гг. могут отпугнуть инвесторов и настораживают европейское сообщество.

В отличие от своего соперника по выборам, К. Грабар-Китарович призвала развиваться не в рамках общеевропейского пространства, как это делалось последние десятилетия, а вернуться в страну и содействовать ее процветанию. Иными словами, руководство страны склонно переориентировать хорватов от настроений о помощи извне на внутренние потенциалы. Новый президент закрыла вопрос о коррупции и организованной преступности, который постоянно ставился

при И. Йосиповиче. И это понятно, так как он напрямую ассоциируется с ХДС.

Актуальным для нового президента является вопрос ветеранов. Политика социал-демократов в последние годы была направлена на существенное сокращение числа людей, обладавших статусом «ветеран», уменьшение им пособий и пенсий, сокращение социальных программ. Все это вызывает недовольство ветеранских организаций и выражается в частых акциях протеста. Следует отметить, что при премьер-министре от ХДС Ядранке Косор протестные действия ветеранов характеризовались как «хулиганство», а последний инцидент с захватом церкви уже при К. Грабар-Китарович определен как «терроризм». Выступления участников войны становятся радикальнее, а ответ властей, соответственно, жестче.

Приход к власти К. Грабар-Китарович сопровождается началом усиления роли католической церкви в обществе. В начале 1990-х гг. религиозный фактор играл существенную роль в жизни хорватов. Ватикан одним из первых признал независимость современной Хорватии. Католической церкви предоставлялись налоговые льготы и привилегии, выделялись земли и недвижимость. Однако с началом ухудшения экономической ситуации в стране власти все больше стали задумываться о сокращении расходов в религиозной сфере. Церковные хорватские иерархи все чаще стали упрекать руководство страны в намеренном занижении роли церкви в жизни хорватов и финансовых препонах для ее полноценного функционирования. К. Грабар-Китарович, подчеркивая приверженность исконным хорватским ценностям, одним из первых своих визитов на посту президента осуществила поездку в Ватикан.

Курс на самобытность и исторические корни новой хорватской власти еще более наглядно проявляется во внешней политике. К. Грабар-Китарович сразу же после вступления в должность определила внешнеполитические ориентиры. 12 января 2015 г. во время выступления на национальном телеканале НРТ (Хорватская Радио-телекомпания) она заявила: «Мы возродим партнерство с нашим другом Германией, решим открытые вопросы с соседями, будем бороться за права хорватов не только в своей стране». Озвучен тезис, традиционный для ХДС с начала 1990-х гг.

Решать вопросы с соседями Грабар-Китарович сразу начала довольно оригинально. Так, она поставила под сомнение целостность Сербии, перечислив соседние государства, с которыми Хорватия будет сотрудничать, в том числе и Воеводину. Для дипломата с большим стажем подобные высказывания трудно назвать ошибкой. Недружелюбным жестом стал отзыв посла Хорватии в Сербии в декабре 2014 г. связи с «великосербскими» заявлениями Воислава Шешеля в годовщину событий в Вуковаре и нежеланием сербских властей комментировать подобные выступления. Позднее президент оправдывалась, что ее решение было поспешным и не ведет к дальнейшему развитию добрососедских отношений между странами⁸.

Республика Хорватия не скрывает лидерских амбиций в регионе. На всевозможных региональных и международных форумах новый президент подчеркивает готовность поддержать ряд стран бывшей Югославии на пути в евроатлантические структуры. Так, К. Грабар-Китарович активно включилась в обсуждения последних событий в Македонии, Боснии и Герцеговины и Сербии.

Новый хорватский лидер, упоминая защиту прав хорватов в других государствах, не скрывает желания страны по-прежнему вмешиваться в дела соседней Боснии и Герцеговины. Одним из условий вступления Хорватии в ЕС было невмешательство в политическую и общественную жизнь соседнего государства. И хорватские власти воздерживались от громких заявлений и активных действий до момента вступления страны в Европейский союз. Как только страна вошла в состав организации, все обещания были забыты. Хорватское руководство стало активно комментировать любые события в БиГ, давая оценки политическим лидерам, обсуждая перспективы будущего развития соседнего государства. На территорию БиГ транслируются десятки хорватских радиостанций и ряд телевизионных каналов.

Практика членства в ЕС показала, что внешнеполитические ориентиры для стран бывшей Югославии диктует организация, но в то же время она не собирается решать региональные территориальные споры, исторически сложившиеся межнациональные или религиозные разногласия. Болезнен-

ные для стран региона вопросы отложены на неопределенный срок. Так, у Хорватии существует территориальный спор со Словенией. Европа вмешиваться не стала, заняв нейтральную позицию. Вопрос будет решать Международный арбитраж в далеком будущем. Пока же стороны обмениваются взаимными обвинениями. Подобный подход к решению проблем показал опыт рассмотрения Международным судом взаимных судебных исков Сербии и Хорватии. Суд не признал наличия форм геноцида в событиях Балканского конфликта начала и середины 1990-х гг. Обе стороны остались неудовлетворенными решением судебной инстанции и продолжают противостояние на дипломатическом уровне. Хорватское руководство все чаще выражает готовность самостоятельно решать разногласия внутри региона без привлечения европейских арбитров.

Серьезно изменилась при новом хорватском президенте политика в отношении России. У социал-демократов имелись большие надежды на строительство Южного потока, который сулил новые инвестиции, рабочие места в регионе. На Хорватию в тот период оказывалось давление со стороны ЕС, но, несмотря на это, хорватский парламент объявил отношения с Россией в числе приоритетных⁹. Тем не менее, в отношениях с Российской Федерацией К. Грабар-Китарович четко идет в фарватере европейской политики. Не успев прийти к власти, она в интервью каналу БХТ1 поддержала необходимость введения Сербией санкций против России. «Я знаю, что у них особая дружба и особые отношения с Российской Федерацией, что нормально, но в данный момент, когда весь Евросоюз и весь современный мир проводит санкции против России, полагаю, что Сербии все-таки не стоило бы поддерживать баланс в этих отношениях, а уважать эти международные санкции, так как они были введены не без повода», – заявила президент Хорватии.

• • •

Смена президента Хорватии показывает, что внутри- и внешнеполитический вектор в республике меняется. Перемены эти, прежде всего, вызваны экономическими трудностями, безработицей, растущей социальной напряженностью. При-

ближающиеся парламентские выборы окончательно определят расстановку сил в стране. Многовековой опыт развития хорватских земель показывает, что во времена стабильные в экономическом и политическом плане, она тяготеет к союзу с сильными державами, в кризисные же моменты отмечается стремление граждан к возрождению, укреплению и развитию национальной идеологии, которая часто приобретает форму национализма не в самых лучших его проявлениях. Хотелось бы надеяться, что новые хорватские власти ради усиления своего влияния в обществе не пойдут на дестабилизацию ситуации в регионе, не ввергнут страну в новый виток националистической эйфории. Правда, риторика последних месяцев не обнадеживает.

С приходом нового президента К. Грабар-Китарович политика Республики Хорватия не может измениться существенным образом. Страна является членом Европейского союза и следует тем нормам и общей линии, которую он определяет. Однако в силу ее региональных особенностей и международной ситуации в целом, можно констатировать определенное изменение вектора развития в сторону большего регионализма и евроскептицизма.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Kolinda Grabar-Kitarovic. Živopis // predsjednica.hr/stranica/5/

² Kolinda Grabar-Kitarovic. Govori u poslanice: Mladi, ostanite u Hrvatskoj // <http://predsjednica.hr/objava/2/3/372>

³ Josipović ohrabrio građane putem Facebooka: Ulaskom u EU ne gubimo suverenitet, već dobivamo trajni mir i sigurnost // <http://www.jutarnji.hr/template/article/article-print.jsp?id=1000111>

⁴ Стопа незапослености у Хрватској највиша у последњих 10 година – 21,9 одсто <http://www.advance.hr/vijesti/stopa-nezaposlenosti-u-hrvatskoj-najvisa-u-10-godina-inflacija-najvisa-od-2008-najvise-rasle-cijene-stanovanja-energije-i-prehrane/>

⁵ Шеста година рецесије у Хрватској // <http://www.vaseljenska.com/vesti-dana/sesta-godina-recesije-u-hrvatskoj/>

⁶ Potpuni rezultati izbora za predsjednika Republike Hrvatske, 11 siječnja 2015 // http://www.izbori.hr/106pre/rezult/2/html/r_00_0000_000.html?t=1421048390973

⁷ Što građani Hrvatske misle o potezima Kolinde/ Najbolji potez je odlazak u Njemačku, a najgori potez je...// <http://www.jutarnji.hr/iznenadenje--sto-gradani-hrvatske-misle-o-potezima-kolinde-koji-njen-potez-je-najbolji--a-koji-najgori/1334079/>

⁸ Smiruje se diplomatski rat Hrvatske i Srbije. Pusić vraća veleposlanika Markovića u Beograd // <http://www.jutarnji.hr/smiruje-se-diplomatski-rat-hrvatske-i-srbije-pusic-vraca-veleposlanika-markotica-u-beograd/1325111/>

⁹ Suradnja s Rusijom strateški je interes hrvatskog gospodarstva // <http://www.advance.hr/vijesti/suradnja-s-rusijom-strateski-je-interes-hrvatskog-gospodarstva/>

А. А. Пивоваренко*

Глава 20.

Военно-политические аспекты сближения Республики Хорватия и НАТО

1 апреля 2009 г. Республика Хорватия (РХ) вместе с Албанией вступила в НАТО, став 27-м и 28-м членами Североатлантического альянса. В его состав вошли: вторая из республик бывшей Югославии (после Словении) и последнее из государств Юго-Восточной Европы, являвшихся до июня 1991 г. членами советских экономического и военного блоков СЭВ и ОВД (наряду с СССР, ГДР, Болгарией, Венгрией, Польшей, Румынией и Чехословакией). В результате шестого расширения альянс «официально» проник на западное побережье Балканского полуострова, соединившись с южным (Греция) и восточным (Болгария и Румыния) флангами, потенциально включая 293-километровое черногорское побережье. Данная статья характеризует основные военно-политические аспекты сближения Хорватии и НАТО в период вступления и первые годы членства.

Ключевые слова: Хорватия, НАТО, США, ФРГ, Европейский Союз, Хорватское Демократическое Содружество, Социал-демократическая партия, Республика Сербская Краина, Туджман Франьо, Месич Стипе, Грабар-Китарович Колинда, Афганистан.

On the 1st of April 2009 Republic of Croatia with the Republic of Albania joined NATO, becoming 27th and 28th members of the Organization. They were also the second republic of the former Yugoslavia (after Slovenia) and the last state in the region of Central and Southeastern Europe, who before 1991 were the members of Soviet economic and military blocks Comecon and The Warsaw Pact (including USSR, GDR, Bulgaria, Hungary, Poland, Romania and Czechoslovakia). After the 6th Enlargement of NATO the Alliance had

* Александр Александрович Пивоваренко – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

officially got a access to the western coast of the Balkan Peninsula, completing the southern (Greece) and the eastern (Bulgaria, Romania) ones, and potentially including the 293 km coast of Montenegro. The following article characterizes the main aspects of the Croatian accession to NATO.

Keywords: Croatia, NATO, USA, Germany, the European Union, the Croatian Democratic Union, the Social Democratic Party, the Republic of Serbian Krajina, Franjo Tudjman, Stipe Mesic, Kolinda Grabar-Kitarovic, Afghanistan.

Говоря о Хорватии, необходимо прежде всего отметить, что по отношению к другим республикам бывшей Югославии она является примером состоявшегося унитарного национального государства. Согласно официальным данным переписи 2011 г., население страны составляет 4,28 млн. человек, 3,87 млн. (90,4%) которых – хорваты¹. Это государство с решенным территориальным вопросом. Следует напомнить, что появление унитарной моноэтничной Хорватии стало возможно только после военного разгрома в мае-августе 1995 г. непризнанной Республики Сербская Краина, закончившегося единовременным уходом из республики, по меньшей мере, 300 граждан нехорватской народности, в основном сербов. Хорватии, в отличие от другой унитарной мононациональной бывшей югославской республики Словении, не удалось оказаться среди участников масштабного евроатлантического призыва 2004 г. из-за отставания в процессе демократизации, начавшемся только в 2000 г., необходимости поствоенного урегулирования на востоке страны, наличия территориальных споров с соседями. Все же спустя 5 лет она сумела получить статус полноценного военного, а 1 июля 2013 г. – и политического союзника западного мира.

История вступления Хорватии в НАТО – это пример силового решения вопроса внутреннего устройства, территориального и национального, для решения основополагающей геополитической задачи. Данный опыт важен как в связи со сближением с альянсом других балканских государств, сталкивающихся с феноменом широких внутренних автономий и непризнанных государств (Босния и Герцеговина, Сербия с Косово, Македония), так и в контексте развития ситуации

в других странах, например, Украине. Ее высшие государственные деятели, как известно, прямо призывают перенимать опыт борьбы Хорватии против Республики Сербская Краина (Ю. Луценко, советник президента Украины П. Порошенко, 7 сентября 2014 г.)².

Говоря об аспектах сближения Хорватии и НАТО, выделим, прежде всего, *хронологический*. Впервые о необходимости выбора европейской (евроатлантической) линии внешней политики в республике заговорили еще в 1989–1990 г., в канун первых многопартийных выборов в республике. Пункт о европейской интеграции в той или иной форме содержался в программах всех политических партий, среди которых выделялись Хорватское демократическое содружество (ХДС), Социал-демократическая партия (СДП), Хорватская социал-либеральная партия (ХСЛП). Необходимо отметить, что в то время социалистическая Хорватия (СР Хорватия) еще находилась в составе Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), являвшейся основателем и идеологом всемирного Движения неприсоединения. Открытое выступление за сближение с западной частью еще существовавшего биполярного мира могло раньше времени скомпрометировать нарождавшиеся движения. Именно поэтому до определенного времени говорилось лишь о политическом и экономическом сближении. В Программной декларации 17 июня 1989 г. ХДС провозглашала целью вступление СР Хорватии и СФРЮ в Европейский союз (ЕС), но наравне с другими организациями, такими, как Рабочее сообщество Альпы-Адриатика и Ассамблея европейских регионов³. Социал-демократическая партия, возникшая в результате перестройки Союза коммунистов Хорватии, в первой после реорганизации программе говорила о сотрудничестве с ЕС для «дальнейшего вхождения в это сообщество»⁴. Однако после провозглашения независимости (25 июня 1991 г.) и с началом военных действий пункт о сотрудничестве с НАТО становится обязательным для всех «государственных» политических сил.

Весной 1994 г. штаб-квартиру НАТО в Брюсселе посетила дипломатическая делегация Республики Хорватия (РХ) в составе заместителя министра иностранных дел, главного военного советника президента РХ и посла в Республике

Бельгия, в ходе которой хорватская сторона выразила желание участвовать в программе «Партнерство ради мира». Это событие является отправной точкой в процессе вступления РХ в НАТО⁵. Однако процесс оказался заморожен еще на 5 лет. Это было связано с решающими событиями войн в Хорватии и Боснии и Герцеговине, в которых активным образом участвовала хорватская армия, уже проходившая реорганизацию согласно стандартам НАТО, а также некоторой изоляцией, в которой оказался режим президента РХ Франьо Туджмана после 1995 г. в связи с обвинениями в «авторитарности» и «притеснении демократии». Лишь 23–24 апреля 1999 г. делегация Хорватии в статусе наблюдателя получила возможность впервые участвовать в саммите НАТО в Вашингтоне, что стало первым симптомом возвращения на избранный путь. Основные же шаги были сделаны уже после смерти Ф. Туджмана (10 декабря 1999 г.), когда в стране состоялась первая за период независимости смена власти и прошли политические реформы.

25 мая 2000 г. во Флоренции министр иностранных дел Т. Пицула и генеральный секретарь НАТО Д. Робертсон подписали соглашение о принятии Хорватии в программу «Партнерство ради мира». В эти же дни Хорватия была принята в Совет Евро-атлантического сотрудничества и стала членом Парламентской ассамблеи НАТО. В феврале 2001 г. открылось представительство РХ при НАТО, первым руководителем которого стал генерал А. Тус. В том же году Хорватия подписала Индивидуальный план действий по членству (Individual Partnership Action Plan), первый среди документов, определявших степень прогресса и регламентировавших шаги, которые необходимо предпринять для членства (включая стандартизацию вооруженных сил, интеграцию систем обороны, список экономических и политических реформ). Уже в мае 2002 г. Хорватии было предложено подписать следующий основополагающий документ, план действий по членству (Membership Action Plan). В мае 2003 г. в Тиране министры иностранных дел США, Хорватии, Албании и Македонии подписали документ о создании Адриатической хартии – ассоциации регионального стратегического партнерства, целью которой является «обеспечение интеграции в институты ев-

ропейской, политики, экономики, безопасности и обороны» (группа А3, затем А5). В 2008 г. из организации выпала Македония в связи с обострением македоно-греческого спора, но подключились Черногория и Босния и Герцеговина, а Сербия получила статус наблюдателя⁶. Данное событие символизировало начало сближения государств региона в постконфликтный период и на принципиально новых геополитических началах.

«Значительный прогресс» на пути к вступлению Хорватии в НАТО был отмечен на трех саммитах НАТО: пражском (21 декабря 2002 г.), Стамбульском (28–29 июня 2004 г.), Рижском (28–29 ноября 2006 г.). Наконец, на саммите в Бухаресте (2–4 апреля 2008 г.) Хорватия и Албания получили официальное приглашение стать членами НАТО. 4 апреля, в первые часы после окончания саммита, в Загреб с дипломатическим визитом прибыл президент США Д. Буш. 15 апреля министр иностранных дел РХ Г. Яндрокевич в ответом письме Генсеку НАТО Х. Схеффферу сообщил о согласии РХ приступить к завершающему этапу переговоров. 9 июля подписан протокол о вступлении Хорватии в НАТО⁷.

Параллельно происходил процесс внешней и внутренней ратификации. Моментом начала внешней ратификации можно считать декабрь 2005 г., когда Сенат США принял Резолюцию, в которой Хорватия рекомендовалась к вступлению в НАТО «в кратчайшие сроки» и выражалась похвала правительству и народу «за прогресс в защите прав этнических меньшинств», выполнение требований Плана действий по членству, участию в международных воинских контингентах и войне против терроризма, Адриатической хартии США, сотрудничеству с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) и т.д.⁸ В процессе внутренней ратификации следует отметить некоторое расхождение, произошедшее между руководством страны и политическими партиями, с одной стороны, и общественностью – с другой. 2 ноября 2006 г. была сформирована государственная комиссия по подготовке вступления в североатлантическую организацию. В состав комиссии вошли: президент РХ Стипе Месич, премьер-министр Иво Санадер, председатель Сабора Владимир Шекс. Была принята резолюция о единстве всех политических сил для реше-

ния стратегических внешнеполитических задач – вступления в ЕС и НАТО. Однако, согласно опросу аналитического центра GFK, на который ссылается официальный информационный ресурс НАТО в РХ, в мае 2007 г. лишь 52% населения поддерживало вступление в альянс⁹. Референдум о присоединении к блоку не был проведен. Несмотря на инициативу активистов против вступления в НАТО, собравших, по открытым данным, 450 тыс. подписей за референдум, в апреле 2008 г. премьер-министр страны объявил, что он проведен не будет, в связи с тем, что «согласно последним исследованиям, более 70% населения поддерживает вступление в НАТО»¹⁰. Таким образом, с одной стороны мы видим факт расхождения мнения электората с правящей партией и руководством страны, а с другой – элементы манипулирования социологическими данными. Можно также говорить о расхождении мнения значительной части общества и парламента как инструмента выражения его взглядов в целом, так как ни одна из главных партий Хорватии не показала несогласия со вступлением в НАТО. Данная практика вовлечения государства в надгосударственные структуры и военные альянсы является показательной и нуждается в изучении применительно к новым потенциальным участникам расширения НАТО на Балканах.

Говоря о *политическом* аспекте сближения, подчеркнем, что для Хорватии, как и для остальных стран Юго-Восточной Европы, взаимодействие с Североатлантическим альянсом увязывалось с политическим реформированием в рамках сближения с ЕС. Уникальной особенностью Хорватии стало то, что процесс также связывался с содействием деятельности МТБЮ и урегулированием отношений с соседями. Это следует из текста заключительной декларации пражского саммита НАТО 2002 г., в котором приняли участие президент, министр иностранных дел и министр обороны республики¹¹. Этот аспект представляется важным, так как, в отличие от участников расширения 1999 и 2004 гг. (кроме Словении), Хорватия была вынуждена решать ряд конкретных и политически трудных вопросов. В их числе: урегулирование государственной границы со Словенией и Черногорией, выдача МТБЮ подозреваемых в военных преступлениях, стабилизация отношений с СР Югославией (затем Сербией), поддержка территориальной

целостности Боснии и Герцеговины, что для Загреба означало свертывание параллельных хорватских государственных и силовых структур в республике. Курс на урегулирование отношений с соседями был закреплен принятием в конце марта 2002 г. концепции национальной безопасности и национальной обороны¹². Реализуя эти решения, хорватское правительство должно было принимать в расчет реакцию общественности, настроенной националистически и воспринимавшей любые уступки как сдачу позиций.

В силу этой и, вероятно, других, более серьезных причин, взаимозависимость всех трех процессов не стала абсолютной. Достаточно вспомнить, что хотя процесс вступления Хорватии в ЕС начался раньше (15 февраля 2000 г., когда была создана рабочая группа Хорватия-ЕС), закончился он лишь спустя 4 года после вступления в НАТО в 2009 г. Показав готовность сделать уступки Словении в вопросе выхода в открытое море в районе Пиранского залива в 2010 г., Загребу удалось поставить это решение под сомнение летом 2015 года. Наконец, долгое отсутствие прогресса в урегулировании территориального спора с Люблянкой в районе Пиранского залива, по сути, никогда не угрожало членству Хорватии в НАТО, состоявшемуся за год до подписания декларации о пограничном урегулировании. Таким образом, можно сделать вывод, что утверждение присутствия западного военного блока в хорватской части Балкан развивалось по своему собственному сценарию и расписанию.

Отдельной темой является сотрудничество РХ и МТБЮ. Следует отметить, что в последние годы президентства Ф. Туджмана Хорватия пыталась уклониться от следования статьи 29 Устава МТБЮ, в которой прописывалось сотрудничество государств бывшей Югославии с трибуналом в вопросах расследования военных преступлений, поимки и выдачи лиц, подозреваемых в нарушении международного гуманитарного права. Это выразилось в изменении трактовок хорватских военных операций (которые назывались «полицейскими», а не «военными»), саботировании указаний о выдаче тех или иных лиц, обличении деятельности международных организаций, обвинявшихся в ограничении суверенитета Хорватии. 14 апреля 2000 г. Сабор принял Декларацию о со-

трудничестве с Гаагским трибуналом, которая содержала конкретное обязательство увеличить активность хорватской судебной системы в расследовании военных преступлений. Хорватия активизировала сотрудничество, передав Гаагскому трибуналу ряд подозреваемых и документацию¹³. В обмен на это Загреб получил право вести собственное судопроизводство по ряду эпизодов. В результате ряд резонансных дел (процессы над генералами Т. Орешковичем, М. Норацем и Т. Мерчепом) рассмотрел хорватский суд (при этом процесс над Т. Мерчепом начался лишь в 2010 г., хотя предметный интерес к его персоне возник еще в 2000 г.). Получили амнистию подсудимые, попавшие в Гаагский трибунал еще при Туджмане. Так, генерал Т. Блакшич, сдавшийся трибуналу в 1996 г. и приговоренный в 1999 г. к 45 годам тюремного заключения, уже в 2004 г. был выпущен на свободу. Показательна история генералов Анте Готовины, Младена Маркача и Ивана Чермака, командовавших войсками в операциях «Молния» и «Буря» по разгрому Сербской Краины, которые были переданы в Гаагу в 2004–2005 гг. В апреле 2011 г. А. Готовину и М. Маркача приговорили к 24 и 18 годам лишения свободы соответственно, И. Чермака оправдали. Решение вызвало волну протеста в Хорватии. В стране обострились антиевропейские настроения, упал уровень поддержки вступления в ЕС. Противоположная реакция наблюдалась в ноябре 2012 г., когда после пересмотра дела Гаагский трибунал принял решение оправдать и освободить А. Готовину и М. Маркача. К настоящему времени из 32-х хорватов (включая и выходцев из Боснии), обвиняемых Гаагой, семеро оправданы и еще трое освобождены досрочно. Обстоятельства данных процессов, степень осуждения хорватской стороны по числовым показателям (средняя длительность тюремного приговора, общая сумма лет), в сравнении с сербской, позволяют утверждать, что стремившаяся в НАТО Хорватия получила послабления во взаимоотношениях с МТБЮ в ответ на определенные шаги со своей стороны.

Сближение РХ и НАТО характеризуется высокой степенью *международной дипломатической и военной* вовлеченности. В XXI веке республика стала постоянным участником международных военных и миротворческих миссий. В фев-

рале 2003 г. в Афганистан в миссию ISAF (International Security Assistance Force) были направлены первые 50 человек воинского контингента Хорватии. В декабре 2010 г. Сабор принял решение об увеличении численности миссии на 350 человек, что сделало хорватский контингент одним из самых представительных среди малых европейских стран¹⁴. 25 ноября 2005 г. хорват Д. Храстич назначен политическим советником Высокого представителя НАТО в Афганистане. Данное кадровое решение символизировало «признание заслуг РХ в процессе стабилизации Республики Афганистан»¹⁵. В 2009 г. хорватские контингенты действовали в 14 миссиях «голубых касок» ООН по всему миру (Индия и Пакистан, Чад, Афганистан, Зап. Сахара, Либерия, Гаити, Кот д'Ивуар, Кипр, Грузия, Судан, Ливан, Бурунди, Голанские высоты, ЦАР) общей численностью в 451 чел. В настоящий момент хорватские военные специалисты работают в 9 миссиях. Говоря о дипломатическом участии, нельзя не отметить жизненный и карьерный путь К. Грабар-Китарович, ставшей в январе 2015 г. четвертым президентом Хорватии. До избрания на этот пост она являлась заместителем посла РХ в Канаде (1997–2000), министром иностранных дел и европейской интеграции (2002–2005, 2005–2008), послом в США (2008–2011). К. Грабар-Китарович является первой женщиной, ставшей заместителем Генерального секретаря НАТО (2011–2014 гг.). Активная деятельность в рамках международных военных и гуманитарных миссий и структурах НАТО стала источником приобретения современного военного опыта и своеобразной формой международной интеграции.

Вовлечена в евроатлантические процессы и военная инфраструктура Хорватии. 27 сентября – 12 октября 2007 г. на территории РХ состоялись военные учения НАТО Noble Midas 07. Впервые в истории хозяином учений стала страна, еще официально не вступившая в НАТО. В маневрах приняли участие 9 тыс. солдат из 12 стран, включая 800 солдат ВМС США, 40 кораблей, 6 подводных лодок, 1 авианосец, 29 самолетов, 23 вертолета. Были задействованы такие военные объекты, как база ВМФ «Лора» (г. Сплит), аэродромы Сплит и Земуник, военный полигон «Эуген Кватерник» (г. Слунь), «Црвена земля» (г. Книн) и др.¹⁶ Следует отметить, что, согласно постановлению пра-

вительства «О создании военных баз особого назначения» (19 июня 2004 г.), насчитывается 39 объектов военно-морских сил. В их числе 13 гаваней «наземного» базирования, 12 гаваней «подземного» базирования, 14 «маскированных пристаней»¹⁷. Наличие продолжительной береговой линии, большого количества островов различной площади (более 1000) и разветвленной сети военно-морских объектов делает РХ достаточно выгодной точкой для расположения международных военно-морских сил и инфраструктуры.

Главным морским объектом является база и учебный центр ВМС «Лора» в г. Сплит. Его площадь составляет 53 га, акватория – 23 га. В состав комплекса входят: вертолетная база, подземный аэродром, средняя военно-морская школа, ракетная база «Жрновица», комплекс складов и наблюдательных объектов. Считается, что инфраструктура базы сегодня находится в упадочном состоянии и более целесообразным для НАТО признается строительство базы с нуля в отдаленном от крупного города районе. Несмотря на это, база «Лора» и сейчас способна разместить у себя группировку как минимум из 8 кораблей¹⁸.

Основным же сухопутным военным объектом является полигон «Эуген Кватерник» (г. Слунь). Построенный в 1965 г., он являлся главной тренировочной площадкой 5-го хорватского военного округа Югославской народной армии. Полигон имеет площадь 24 тыс. га и перепад высот от 230 до 1000 м. над уровнем моря, что делает его универсальным и одним из крупнейших в Европе. Еще в 2002 г. началась модернизация полигона на средства ВС США, оценивших его как перспективное место для проведения учений¹⁹. Сегодня он регулярно используется. Проводятся маневры хорватских вооруженных сил и сил европейских армий, совместные учения хорватской армии с армиями других стран балканского региона, здесь проходят обучения подразделений, направляющихся в международные миссии²⁰.

Другим примечательным объектом является аэродром Удбина в Средней Далмации, в прошлом – одна из главных баз ВВС Югославии, а до 1995 г. – воздушных сил Республики Сербской Краины, которая подверглась бомбардировкам НАТО в ноябре 1994 г. В 2000-е гг. Удбина, находящаяся неда-

леко от полигона «Эуген Кватерник», использовалась как перевалочный пункт для военных транспортников НАТО, здесь также проводились учения американских командос и европейских сил специального назначения (SOCEUR)²¹. Судя по имеющимся в открытом доступе фотоматериалам, состояние инфраструктуры далеко от идеального. Однако в феврале 2015 г. правительство Хорватии заключило соглашение со швейцарской компанией Swiss Space Systems, занимающейся созданием малых суборбитальных летательных аппаратов, согласно которому в Удбине будет построен исследовательский центр²².

Отметим и некоторые особенности *военного строительства и стратегического позиционирования* Хорватии в НАТО. Оно определялось утвердившимся в последние 15 лет тезисом: после окончания кризиса 1990-х гг. регион бывшей Югославии находится в фазе стабилизации, которая характеризуется урегулированием отношений с соседями, сокращением потенциалов вооруженных сил, передачей ряда функций, связанных с обороной и безопасностью законодательной ветви власти²³. Отсутствие традиционных и видимых угроз стало причиной застоя в производстве основополагающих документов в области национальной безопасности. На сегодняшний день в Хорватии основным документом является Стратегия национальной обороны, которая была принята еще 2002 году. В ней до сих пор используется термин «Союзная республика Югославия», а стратегическим курсом внешней политики является уже состоявшееся вступление в НАТО и ЕС²⁴. В 2010 г. был обнародован новый документ – Проект стратегии национальной безопасности, однако, по сравнению со стратегией 2002 г., он является менее проработанным. Гораздо более регулярно обновляются документы, отражающие положения в вооруженных силах Республики Хорватия: Стратегический обзор обороны (2013 г.), выпускающийся ежегодно Стратегический план Министерства обороны на 2 года, Долгосрочный план развития ВС РХ (2015–2024). В связи с выполнением стратегических задач внешней политики РХ по вступлению в ЕС и НАТО, нарастанием кризисных явлений в международной безопасности²⁵, сохраняющимися противоречиями в ряде республик бывшей Югославии, возникла потребность в форму-

лировании нового стратегического документа. Распоряжение о его подготовке было отдано президентом Хорватии Колиндой Грабар-Китарович 4 апреля 2015 г.

Известно, что в разработке нового документа будут участвовать генералы А. Готовина и М. Маркач (члены президентского Совета по национальной безопасности), разработчики военных операций «Молния» и «Буря» по разгрому Республики Сербская Краина в мае и августе 1995 г. Вероятно, будет принимать участие и Мирослав Туджман, сын первого президента Ф. Туджмана, в 1993–1998 гг. возглавлявший Хорватскую информационную службу (ХИС, внешняя разведка)²⁶.

Стратегическая оценка международной ситуации оказала влияние на состояние вооруженных сил Республики Хорватия. Военное строительство в минувшие годы осуществлялось, исходя из следующих установок:

1) в настоящем и ближайшем будущем РХ не сталкивается с угрозой прямого военного вторжения на свою территорию;

2) расширение присутствия «мощнейших политических и военных субъектов международного сообщества» (ЕС, НАТО, США) в Юго-Восточной Европе является фактором укрепления стабильности региона²⁷;

3) РХ как член НАТО и ЕС взяла на себя союзнические обязательства, связанные с участием в коллективной обороне;

4) на национальную безопасность РХ и ее союзников влияют, прежде всего, асимметричные и неконвенциональные угрозы (терроризм, распространение оружия массового поражения, организованная преступность, киберпреступность)²⁸;

5) в соответствии с Долгосрочным планом развития ВС РХ, военный бюджет подвергается последовательному долгосрочному сокращению.

Направление развития определялось понятиями: оптимизация бюджета, стандартизация, техническая переориентация. Оптимизация бюджета подразумевает сокращение расходов на оборону в государственном бюджете до доли менее 2% от ВВП. В 2003 г. военный бюджет составлял 2,48% от ВВП (4,81 млрд. хорватских кун)²⁹, в 2009 г. – 1,52% от ВВП (5,1 млрд. кун)³⁰. В 2014 г. военный бюджет составил 1,3% от ВВП (4,26 млрд. кун)³¹. Следует отметить, что уменьшение доли ВВП не обязательно означало сокращение выделяемой суммы,

в связи с тем, что в 2000-е гг. ВВП Хорватии демонстрировал тенденцию к росту. Лишь с началом экономического кризиса в стране с 2011 г. стали стабильно сокращаться и военные расходы. Следует, однако, ожидать пересмотра этой политики: по итогам саммита стран НАТО 2014 г. в Уэльсе, было принято решение о повышении доли оборонительных расходов до 2% ВВП, из которых не менее 20% должно быть израсходовано на модернизацию вооружения и развитие технологий³². Следствием бюджетного планирования стало численное сокращение армии и технического парка.

В конце 1994 г., то есть в период приготовления решающего наступления сербо-хорватской войны, вооруженные силы насчитывали 96 тыс. чел., из них 89 тыс. – в сухопутных войсках (в мае-августе 1995 г. вследствие проведенной мобилизации их численность выросла – А.П.), 320 артиллерийских орудий, 393 ед. бронетехники (из них 232 танка), 40 самолетов (26 боевых), 22 вертолета (10 боевых), 28 ед. морской техники³³. Данные показатели можно считать исходными, так как они отражают состояние вооруженных сил в период высшего напряжения, вызванного войной. В это время сохраняла материально-технический ресурс техника, доставшаяся Хорватии после распада ЮНА или приобретенная за рубежом.

Начиная с 2000-х гг., Хорватия начала планомерное сокращение своей армии. В 2006 г. численность вооруженных сил составляла 23 874 чел.,³⁴ а к 31 декабря 2014 г. – уже 18 135 чел.³⁵ Перспективной целью является сокращение общей численности до 15 000 чел. к концу 2017 г.³⁶

По состоянию на 2011 г., технический парк сухопутных сил составлял 261 танк (186 Т-55, а также М47, М84 и Т-72М), 8 САУ, 104 БМП, 38 БТР, 2 БРДМ-2, 548 артиллерийских и противотанковых орудий, 222 РСЗО, 790 минометов.

Военно-воздушные силы РХ насчитывали шесть истребителей МиГ-21бис, 4 МиГ-21УМ, 2 Ан-32, 5 тренировочных самолетов Zlin Z242L, 20 тренировочных самолетов PC-9, 4 противопожарных самолета CL-415, 1 – АТ-802F, 14 транспортных вертолетов Ми-8, 10 – Ми-171 и 8 – Bell 206В.

Военно-морские силы РХ составляли две отдельные роты морской пехоты, 3 подводные лодки, 2 корвета, 3 ракетных

катера, 2 малых десантных корабля, 8 речных патрульных катеров, 4 десантных катера, 1 тральщик, 1 учебный корабль, 1 спасательное судно, 1 транспортный корабль, 2 буксира, а также 21 артиллерийская батарея береговой обороны и 3 батареи противокорабельных ракет³⁷.

Следует отметить, что, несмотря на достаточно представительный и разнообразный состав вооружения, техническое состояние большинства единиц техники оставляло желать лучшего. Согласно информации хорватской прессы, в 2012 г. лишь 75 танков и 3 боевых самолета находились в исправном состоянии или имели не использованный до конца ресурс³⁸. Особенно удручающим представляется состояние авиационных сил, где основным боевым самолетом является МиГ-21 – советский истребитель, производившийся в 1960–1980-е гг. Тем не менее, из положений Стратегического обзора обороны РХ за 2013 г. следует, что МиГ-21 до 2019 г. будет оставаться основой ВВС страны, хотя и с оговоркой, что это положение является «временным, до принятия окончательного решения о защите воздушного пространства республики». Модернизацией самолетов будет заниматься украинская компания. К списанию готовятся транспортные самолеты АН-32³⁹.

Перевооружение же хорватской армии в последние годы осуществляется, прежде всего, за счет внешних поставок бронемашин. В октябре 2007 г. был заключен договор на поставку 126 боевых машин пехоты (БМП) Patria AMV (Финляндия)⁴⁰. Большая часть машин собиралась по лицензии в Хорватии на машиностроительном заводе «Джуро Джакович». В том же году было закуплено 10 итальянских бронеавтомобилей (БА) Iveco LMV. Планировался заказ более масштабной партии, однако, по всей видимости, он был отменен после того, как в 2014 г. США передали Хорватии 212 БА класса MRAP (анг. *mine resist ambush protected* – бронемшины с усиленной противоминной защитой, используются для перемещения по территориям, где действуют иррегулярные формирования, для перевозки в условиях повышенной террористической опасности, снабжения удаленных опорных пунктов и гарнизонов – АП)⁴¹. Кроме того, к 2011 г. Хорватии было передано 50 армейских вездеходов Humvee, часть из них – в рамках поддержки хорватского контингента в Афганистане⁴².

5 декабря 2014 г. министерство обороны РХ и ФРГ подписали договор на поставку 15 гаубиц (12 учебных, 3 боевые) PzH 2000. В августе 2013 г. также был подписан договор о поставке 580 немецких автомобилей небоевого назначения⁴³. Проводятся программы переоснащения в области стрелкового вооружения и точечной модернизации военно-морских сил.

Производя перевооружение и оптимизацию внутри страны, Хорватия продолжает наращивать возможности в области экспорта вооружений. Если в 2012 г. хорватский оружейный экспорт составлял около 120 млн. евро, то в 2013 г. – 143 млн., а в 2014 г. – уже более 200 млн. евро⁴⁴. Вооружение поставляется в 39 стран, среди которых союзники Хорватии по НАТО (в т.ч. США), а также Израиль, Австралия, Россия, Казахстан, Босния и Герцеговина, Македония, Косово, арабские страны. Поставляется вооружение и в «горячие точки», такие, как Ирак, Сирия. В структуре экспорта присутствует как современное стрелковое оружие хорватского производства (пистолеты HS2000 и пистолет-пулемет VHS), поставляемое в западные страны, так и, вероятно, списанное в хорватской армии вооружение советского производства, пригодное для экспорта в регионы, где ведутся военные действия⁴⁵. По-видимому, имеет место и реэкспорт вооружения из стран Запада.

Таким образом, с одной стороны, существует тяжелое вооружение «традиционных» войн (танки, артиллерия, самолеты, вертолеты), полученное еще в социалистические времена и 1990-е гг., ресурс которого объективно подходит к концу. Производится модернизация наиболее современных и конкурентоспособных моделей (например, танк М-84, аналог советского Т-72), а также поддержание парка таких родов войск, как авиация, без которой вооруженные силы любой страны теряют свою полноценность. Оставшийся потенциал старого вооружения реализуется путем экспорта. С другой стороны, в вооруженные силы поступает современная легкая бронетехника зарубежного образца (или собранная в Хорватии по иностранной лицензии), по своему предназначению подходящая, скорее, для военно-полицейских операций против слабовооруженных иррегулярных формирований. Наконец, производятся отдельные небольшие закупки тяжелого вооружения, которые не могут быть расширены в связи с ограничениями

бюджета и отсутствием в стратегических документах указания на риски возникновения в регионе полномасштабной войны, где такое вооружение необходимо. Представляется, что на сегодняшний день армия Хорватии находится в стадии переходного периода, по окончании которого изменится ее характер и круг возможностей. Из отличающейся разнообразием вооружений, но самостоятельной военной силы, созданной для задачи обороны государства в полномасштабной региональной войне, она станет стандартизированным элементом единой региональной системы безопасности НАТО.

Сокращение тяжелого вооружения определяет постановку целей во внешней политике. Хотя хорватские стратегические документы предусматривают военное присутствие страны на суше, на море и в воздухе, очевидно, что, имея ограниченные производственные возможности, небольшой бюджет и высокую стоимость современного вооружения, прежде всего, авиационного, это сопряжено с трудностями. По этой причине Хорватия заинтересована в сокращении вооружений соседних государств, прежде всего, обладающей значительным военно-техническим потенциалом Сербии и максимальное их участие в системе коллективной безопасности НАТО. Это подчеркивается в Проекте Стратегии национальной безопасности 2010 г.: «Интересам национальной безопасности Республики Хорватия отвечает гарантия евроатлантической перспективы для всех стран юго-восточной Европы. Республика Хорватия будет использовать свое членство в НАТО для поддержки государств непосредственного окружения для переноса опыта преобразований и реформы оборонительной системы и государственного управления, то есть для содействия дальнейшему расширению Альянса...»⁴⁶. Таким образом, Хорватия заинтересована в расширении НАТО за счет государств региона, что отвечает задачам как альянса по закрытию «белых точек» на карте Балкан, так и интересам обеспечения безопасности самой республики в условиях переходного состояния армии.

Подводя общие итоги, хотелось бы отметить следующее:

1. Предпосылки вступления Хорватии в НАТО сформировались еще в начале 1990-х гг. Стремительное сближение Хорватии и Брюсселя, начавшееся с 2000 г., как в политическом, так

и в военном плане, свидетельствует о роли Загреба как важного элемента конструкции нынешнего порядка в регионе. В этом смысле Хорватия вместе с Болгарией и рядом других стран оказалась на гребне волны *натоизации* Балкан – очередного этапа проникновения в регион международных сил – вслед за *фашизацией* (1930-е гг.) и *советизацией* (1950-е гг.) (определения К. В. Никифорова).

2. Общий анализ потенциала вооруженных сил Республики Хорватия при понимании ситуации в армиях других стран региона указывает на выравнивание и сокращение потенциала, доставшегося республикам бывшей Югославии и сохранившегося после окончания войн в регионе.

3. Произошло встраивание вооруженных сил республики в систему коллективной обороны. В этих условиях хорватская армия, имеющая устаревающий парк тяжелой техники и увеличившееся в последние годы количество современных БМП и броневедомостей, приобретает черты сил быстрого реагирования. Результаты саммита НАТО в Уэльсе (2014 г.) указывают на возможность возврата к традиционной армии в случае повышения военных расходов по отношению к ВВП до 2% и выше. В условиях экономических трудностей такое решение станет определенным вызовом для хорватской экономики.

4. Снижение военного потенциала и политическая лояльность всех режимов по отношению к Западу снижают конфликтный потенциал в регионе. Тем не менее, вероятность конфликта все-таки выше нуля. Факторы – не все страны являются членами НАТО, сохраняющаяся этническая неоднородность и социально-экономическая нестабильность, наличие проблемных государств (БиГ, Македония, Косово), общее ухудшение военно-политической обстановки в мире. В случае гипотетического возникновения конфликта в регионе на начальном этапе военные действия будут носить ограниченный и нетрадиционный характер. В случае эскалации Хорватия вероятно станет плацдармом для размещения более крупных сил стран НАТО.

5. Сохранение конфликтного потенциала в регионе делает Хорватию заинтересованной в сокращении военного потенциала соседних стран и поддержании политической стабиль-

ности. Наиболее эффективным механизмом для этого сегодня является сближение с НАТО.

6. Несмотря на то, что Загреб на сегодня является одним из наиболее верных союзников НАТО, это не мешает развитию российско-хорватских отношений. При соответствующей организации диалога (как дипломатического, так и общественного) Хорватия (как Словакия, Венгрия, Греция) может стать страной, с пониманием относящейся к позициям и действиям России в существующих непростых геополитических условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Государственное статистическое агентство Республики Хорватия. Результаты переписи населения 2011 г. Режим доступа: http://www.dzs.hr/Hrv/censuses/census2011/results/htm/H01_01_04/h01_01_04_RH.html

² <http://vz.ru/news/2014/9/7/704456.html>

³ Programaska deklaracija osnivačke skupštine Hrvatske Demokratske Zajednice // *Tuđman F.* S Vjerom u Samostalnu Hrvatsku. Zagreb, 2005. S. 41.

⁴ Stranka Demokratskih Promjena. Osnove političkog programa (3.11.1990) // *Deset godina Socijaldemokratske partije Hrvatske (1990–2000)*. Zagreb, 2000. S. 22.

⁵ Здесь и далее хронологию см. по: официальный сайт НАТО. Раздел «Хронология вступления Республики Хорватия в НАТО». Режим доступа: <http://www.nato.hr/kronologija-pristupanja-republike-hrvatske-nato-u>

⁶ http://www.mod.gov.me/rubrike/Reginalne_inicijative/134976/Americko-jadranska-povelja-A5.html

⁷ <http://www.nato.hr/kronologija-pristupanja-republike-hrvatske-nato-u>

⁸ Резолюция Палаты представителей Конгресса США № 529 от 14.12.2005. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/house-resolution/529/all-info>

Резолюция Сената Конгресса США № 342 от 21.12.2005. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-resolution/342/all-info>

⁹ Официальный сайт НАТО. Раздел «Хронология вступления Республики Хорватия в НАТО». Режим доступа: <http://www.nato.hr/kronologija-pristupanja-republike-hrvatske-nato-u>

¹⁰ <http://www.balkaninsight.com/en/article/croatia-will-not-hold-nato-referendum>

¹¹ <http://www.nato.hr/kronologija-pristupanja-republike-hrvatske-nato-u>

¹² Strategija nacionalne sigurnosti Republike Hrvatske // Narodne novine. 2002. 28.03. №. 32 // http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2002_03_32_692.html

Strategija obrane Republike Hrvatske // Ibid. 2002. 29.03. № 33 // http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2002_03_33_708.html

¹³ Коммерсант. 2002. 13.02. <http://kommersant.ru/doc/933406>

¹⁴ См.: сайт Министерства иностранных и европейских дел РХ. Раздел «Hrvatska u mirovnim misijama i operacijama NATO-a» // <http://www.mver.hr/hr/vanjska-politika/multilateralni-odnosi0/mir-i-sigurnost/mirovne-misije/hrvatska-u-mirovnim-misijama-i-operacijama/hrvatska-u-mirovnim-misijama-i-operacijama-nato-a/>

¹⁵ <http://www.nato.hr/kronologija-pristupanja-republike-hrvatske-nato-u>

¹⁶ Сайт Министерства обороны РХ. Документ NATO NRF vježba: «Noble Midas 07» // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/dokumenti/179-nato-nrf-vjeba-qnoble-midas-07q.html>; <http://www.milavia.net/specials/noble-midas-07/>

¹⁷ <http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/312303.html>

¹⁸ <http://www.vecernji.hr/hrvatska/nato-brodovi-u-posjetu-splitskoj-luci-lora-988397>

¹⁹ <http://arhiva.nacional.hr/clanak/15560/sad-ce-u-slunju-za-pola-milijuna-dolara-izgraditi-najveci-vojni-poligon-u-europi>

²⁰ <http://www.nato.hr/Tags/Eugen%20Kvaternik>

²¹ <http://www.glas-slavonije.hr/185342/1/U-zracnoj-bazi-Udbina-treniraju-i-najbolji-americki-komandosi>

²² <http://www.tportal.hr/vijesti/hrvatska/371888/Udbina-kao-poligon-za-vojne-i-svemirske-projekte.html>

<http://www.s-3.ch/en/home/2015/02/16/official-inauguration-of-swiss-space-systems-croatia>

²³ Так считает военный эксперт, полковник ВС РХ в отставке З. Махечич. См.: Махеčić Z. Security Policies in the Western Balkans: Croatia // Security Policies in the Western Balkans. Belgrade, 2010. P. 61–79. <http://www.bezbednost.org/upload/document/croatia.pdf>

²⁴ Сайт Министерства обороны РХ. Документ «Strategija obrane Republike Hrvatske (2002)» // http://www.morh.hr/images/stories/morh_sadrzaj/pdf/strategija%20obrane%20nn33-02.pdf

²⁵ Нарастание угрозы региональных конфликтов было отмечено в наиболее новом на сегодняшний день документе, связанном с обороной и безопасностью – Стратегическом плане развития вооруженных сил 2015–2024 (2015 г.). См.: http://www.morh.hr/images/stories/morh_2014/pdf/dpr_osrh_2015-24_25112014.pdf

²⁶ <http://www.naslovi.net/2015-04-04/rtv/kitarovic-gotovina-i-markac-u-vnb/14032686>

<http://www.naslovi.net/2015-04-04/rts/kitarovic-gotovina-i-markac-u-vecu-za-nacionalnu-bezbednost/14032847>

²⁷ Сайт Министерства обороны РХ. Документ «Strategija obrane Republike Hrvatske (2002)». S. 4. // http://www.morh.hr/images/stories/morh_sadrzaj/pdf/strategija%20obrane%20nn33-02.pdf

²⁸ Там же. Документ «Strateški pregled obrane (2013)». S. 5–9 // http://www.morh.hr/images/stories/morh_sadrzaj/pdf/strateski_pregled_obrane_nn-101-2013.pdf

²⁹ Там же. Документ «Godišnja razmjena informacija o obrambenom planiranju za 2007. Godinu» // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/dokumenti/156-godinja-razmjena-informacija-o-obrmbenom-planiranju-2007.html>

³⁰ Там же. Документ «Godišnje izvješće o spremnosti obrambenog sustava, provođenju kadrovske politike i ukupnom stanju u Oružanim snagama Republike Hrvatske za 2009. Godinu» // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/dokumenti/1510-godinja-izvjee-o-spremnosti-obrambenog-sustava.html>

³¹ Там же. Документ «Godišnje izvješće o obrani za 2014. Godinu» // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/dokumenti/11347-godisnje-izvjescivanje-o-obrani-za-2014-godinu.html>

³² См.: Там же.

³³ Marijan D. Oluja. Zagreb, 2009. S. 37.

³⁴ Сайт Министерства обороны РХ. Документ «Godišnja razmjena informacija o obrambenom planiranju za 2007. Godinu» // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/dokumenti/156-godinja-razmjena-informacija-o-obrmbenom-planiranju-2007.html>

³⁵ Там же. Документ «Godišnje izvješće o obrani za 2014. Godinu» // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/dokumenti/11347-godisnje-izvjescivanje-o-obrani-za-2014-godinu.html>

³⁶ Там же. Документ «Strateški pregled obrane (2013)». S. 5–9 // http://www.morh.hr/images/stories/morh_sadrzaj/pdf/strateski_pregled_obrane_nn-101-2013.pdf

³⁷ «Зарубежное военное обозрение». 2011. № 7 (772). С. 101–102.

³⁸ <http://www.jutarnji.hr/imamo-75-tenkova--radi-ih-manje-od-trecine--a-od-10-aviona-ispravna-su-nam-samo-tri---/1106280/>

³⁹ Сайт Министерства обороны РХ. Документ «Strateški pregled obrane (2013)». S. 22 // http://www.morh.hr/images/stories/morh_sadrzaj/pdf/strateski_pregled_obrane_nn-101-2013.pdf

⁴⁰ Там же. Документ «Godišnje izvješće o spremnosti obrambenog sustava (2008)». S. 52 // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/>

dokumenti/814-godinje-izvjee-o-spremnosti-obrambenog-sustava-za-2008-godinu.html

⁴¹ Там же. Документ «Godišnje izvješće o obrani za 2014 godinu». S. 24–25 // <http://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/dokumenti/11347-godisnje-izvjescivanje-o-obrani-za-2014-godinu.html>

⁴² <http://arhiva.nacional.hr/en/clanak/50535/croatians-will-guide-aircraft-against-taliban-targets>

<https://archive.is/20130430074748/daily.tportal.hr/133511/USA-donates-13-Humvees-to-Croatian-army.html>

⁴³ Там же. С. 42–43.

⁴⁴ <http://www.hrvatski-vojniki.hr/en/homepage/item/543-military-equipment-exports-on-steady-upward-trend.html>

<http://www.novolist.hr/Vijesti/Hrvatska/Hrvatska-medu-25-najvecih-izvoznika-vojne-opreme-na-svijetu-lanjski-izvoz-880-milijuna-kuna>

<http://www.slobodnadalmacija.hr/Novosti/Hrvatska/tabid/66/articleType/ArticleView/articleId/273055/Default.aspx>

⁴⁵ Характерны сообщения о возможной поставке хорватских Ми-8 вооруженным силам Украины, появившиеся в августе 2014 г. // <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1394706>

⁴⁶ Strategija nacionalne sigurnosti Republike Hrvatske. Nacrt (2010). S. 13 // <http://www.morh.hr/hr/strategija-nacionalne-sigurnosti-1.html>

А. Б. Едемский*

Глава 21.

Конфликт исторической памяти на периферии Евросоюза: хорватский праздник VS сербский траур

На основе научной литературы и учебных пособий по истории, изданных в Хорватии и Сербии, в статье выявлен конфликт исторической памяти в отношении восприятия событий 1991–1995 гг. Избыток диаметрально не совпадающих исторических оценок свидетельствует о неготовности сторон к интеграции и служит поводом для осуществления Хорватией избирательного контроля над реализацией курса Сербии на вступление в ЕС.

Ключевые слова: историческая память, геноцид, этнические чистки, вынужденная миграция, беженцы, дезинтеграция Югославии, Сербия, Хорватия, агрессия, Отечественная война, Евросоюз, Международный суд ООН.

Relying on investigation of scientific literature and national history textbooks have been published in Croatia and Serbia during last two decades, the article reveals the dichotomy of history memory in interconnected perception of the events dated 1991–1995. Abundance of opposing historical accounts shows the willingness of the countries to integration process and serves as a pretext for carrying out the Croatia's monitoring of the implementation of Serbia's course to join the European Union.

Keywords: historical memory, genocide, ethnic cleansing, exodus, forced migration, refugees, Yugoslav dissolution, Serbia, Croatia, aggression, Patriotic war, the European Union, International Court of Justice.

Пятнадцатилетняя тяжба Сербии и Хорватии в Международном суде ООН в Гааге завершилась 3 февраля 2015 г. Иски обеих сторон отклонены. Хорватия, напомним, обвиняла Бел-

* Андрей Борисович Едемский – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

град (Югославскую народную армию – ЮНА и сербские полувоенные формирования) в геноциде хорватского населения, аналогичные контробвинения Загребу предъявлял Белград в отношении событий начала августа 1995 г. на территории Сербской Краины с центром Книн¹. Члены суда (15 постоянных и два судьи ad hoc от Сербии и Хорватии) были почти единодушны: против хорватского обвинения проголосовали 15 судей, отклонение сербского контробвинения принято единогласно. Присутствовавшие при вынесении вердикта министры юстиции обоих правительств (от РС – Н. Селакович, от РХ – О. Миленич) пообещали соблюдать принятое решение.

Из судебных материалов и разъяснений главного судьи П. Томки следовало, что в ходе военных конфликтов первой половины 1990-х гг. на территории Хорватии имели место действия, подходящие под определение «этнические чистки». Оснований для квалификации их как «геноцид» (этнической чистки, проводимой с целью полного физического уничтожения иной этнической группы) обнаружено не было. В частности, признано проведение ЮНА и сербскими полувоенными формированиями выселения хорватов с целью «наказания их военными мерами», что, по мнению суда, также не могло быть признано геноцидом². С момента оглашения данного решения суда оно стало обязательным для всех государств-членов ООН. Присутствовавшие на заключительной церемонии министры юстиции Сербии и Хорватии от имени своих правительств обещали его соблюдать.

Этнические чистки или геноцид?

Аргументация данного решения стала главной темой для дискуссий политологов, а затем и историков. Чем руководствовались судьи: стремлением ли квалифицированно ответить на конкретный вопрос и не раздувать полемику в традиционно конфликтном регионе, или же иными соображениями? Например, желанием снять проблему поспешного принятия в ЕС Хорватии при неурегулированных отношениях с соседними странами и попыткой заложить основы для санации конфликтного очага на периферии ЕС. Или намерением создать гибкое правовое поле для оправдания военных операций на юго-востоке Украины. Или же – под влиянием роста консер-

вативных настроений в Европе – суд априори создавал правовые рамки для будущих военных решений и действий стран ЕС после возможного полного краха мультинациональной модели в Европе. Однозначного ответа нет. Но как бы то ни было, решение Международного суда ООН значительно расширило допустимые границы использования насилия в этнических конфликтах, в том числе против автономистских и сепаратистских тенденций.

Политики двух стран вступили в жесткую полемику. Уже 4 февраля в интервью газете «Вечерни лист» министр юстиции Хорватии О. Миленич заявил, что решение суда подтверждает факт агрессии против его страны, совершенной под руководством Белграда. Он настаивал, что на всей ее территории совершались и военные преступления, и преступления против человечности, проводимые ЮНА совместно с отрядами сербской территориальной обороны, «с целью создания великой Сербии». Хорватский министр подчеркнул, что Загреб будет продолжать настаивать на проведении расследования по «самому спорному вопросу: о признании ЮНА преступной организацией» и подверг критике отказ Сербии от проведения следственных мероприятий в отношении действий представителей «военной верхушки» в хорватских событиях. «Раньше или позже эти люди будут доступны правосудию... Отвечать не будут только мертвые», – заявил министр. По его словам, существующие в Сербии законодательные нормы, не позволяющие выдавать подозреваемых, должны быть приведены в соответствие с законодательством ЕС, если Сербия намерена в него вступить³. Тем самым Загреб дал понять, что в противном случае согласия Хорватии на прием в ЕС официальный Белград не получит.

Достаточно туманное решение Международного суда ООН, отказавшегося назвать преступления геноцидом, но фактически признавшего совершение преступлений, в Сербии было воспринято столь же неоднозначно. Градус напряженности повысила публикация на сайте журнала «Сербская новая политическая мысль» полной версии «брионских записей» – материалов совещания, проведенного президентом Хорватии Ф. Туджманом 31 июля 1995 г. – накануне военной операции «Буря», результатом которой стал разгром РСК и исход сербов с территорий их обитания⁴.

Записи содержали не только известный по газетным публикациям (и сербским учебникам истории) призыв Ф. Туджмана «нанести такие удары, чтобы сербы практически исчезли», но и высказывание М. Туджмана, сына президента Хорватии, руководителя разведслужбы республики, о том, что после разгрома краинским сербам потребуется не менее десяти дней для перегруппировки и начала ответных действий, а «за это время мы здесь все очистим».

Стенограмма также свидетельствовала, что на совещании было решено спровоцировать противника, чтобы иметь возможность заявить, что «сербы дали хорватской стороне повод». Из предложений участников совещания были ясны намерения симитировать налет сербской авиации (П. Домазет) и «обвинить их (сербов. – А.Е.) в совершении диверсионного нападения» с намерением атаковать жизненно важные хорватские территории (М. Маркач)⁵.

Заявления сербских политиков были не менее категоричны, чем их оппонентов в Загребе. Наиболее резко прозвучали комментарии В. Шешеля. Известный сербский политик посчитал, что в решении Международного суда ООН главным для Сербии является подтверждение преступного характера операции «Буря». Усилия Белграда, по его мнению, следовало отныне направить на конкретизацию определения этой операции» как преступления против человечности: «Мы должны ухватиться за тот факт, что совершение Хорватией коллективного преступления уже доказано»⁶.

Возвращение В. Шешеля в Сербию в ноябре 2014 г. (оно считалось временным, для врачебного осмотра и лечения) существенно повысило градус политической дискуссии. Было очевидно, что 60-летний политик, условно выпущенный из тюрьмы гаагского трибунала под предлогом плохого состояния здоровья, не только способен выдерживать многочасовые телешоу, но и участвовать в митингах, добавляя своим сторонникам уверенности. Его выступления в СМИ побуждали и президента, и главу правительства Сербии высказываться более остро с тем, чтобы вновь не оказаться в тени популярности их бывшего шефа по Сербской радикальной партии 1990-х гг. Примером тому – яркое и резкое заявление премьер-министра Сербии А. Вучича 23 марта, в годовщину начала военной

операции НАТО в Югославии. Как отмечали иностранные наблюдатели, впервые за многие годы от имени сербского правительства действия НАТО были названы агрессией и нападением без одобрения СБ ООН⁷.

Последовавшая вскоре попытка Запада вернуть Шешеля за решетку натолкнулась на отказ официального Белграда принудить политика к возвращению, что вызвало очередной обмен колкостями между Загребом и Белградом. В заявлении Министерства иностранных дел и евроинтеграции Хорватии (МИДЕ) указывалось на недопустимость ситуации, когда Белград воздерживается от осуждения действий Шешеля, «обвиняемого военного преступника», который пытается дестабилизировать регион и отношения между Сербией и Хорватией. Этот тезис развил глава кабинета министров Хорватии З. Миланович, заявив, что его страна не является частью балканского региона, в чем явно просматривалась угроза в адрес Белграда о возможной блокаде его усилий по вступлению в ЕС⁸.

Высказывания Милановича парировал министр труда, занятости, по делам ветеранов и социальным вопросам Сербии А. Вулин. Он предложил премьер-министру соседнего государства убедить краинских сербов в том, что они покинули Хорватию по экономическим причинам, а не бежали «перед страхом могилы»⁹.

Хорватия: историю пишут победители

Обращение сербского министра к теме военного разгрома самопровозглашенной при распаде СФРЮ РСК и массовый исход в те дни сербского населения из обжитых территорий – беспроигрышная карта для любого из политиков двух стран. Вот уже два десятилетия она диаметрально противоположным образом освещается в Хорватии и Сербии. 5 августа – день, когда был занят административный центр РСК Книн, отмечается в Хорватии как государственный праздник – День победы и благодарности Отечеству и День защитника Отечества. Для сербского народа начало августа вот уже две десятка лет является днями печальных воспоминаний о потере сотнями тысяч сербов родных жилищ в современной Хорватии и началом непростой жизни в местах новых поселений. Справедливость

максимы «историю пишут победители» в очередной раз подтвердилась и в этом случае.

В самых разнообразных по жанрам произведениях хорватских авторов события августа 1995 г. описываются как молниеносная победная операция в Отечественной войне, позволившая защитить государство, которое смогло выстоять и покончить с сербской агрессией – производной от экспансионистской, великосербской политики С. Милошевича. Этим событиям посвящена как публицистическая и мемуарная литература, так и аналитические материалы, значительная часть которых написана профессиональными историками¹⁰. В научной исторической литературе важное место уделено и наиболее болезненному вопросу – массовому исходу сербов из районов их проживания, а также фактам и событиям, предшествовавшим этому исходу¹¹.

За два прошедших десятилетия в хорватском обществе сложился консенсус в интерпретации событий 1995 г., сформированный как официальной пропагандой и СМИ, так и их изложением в учебниках истории для школ и гимназий, авторами которых, как правило, являются профессиональные историки. История Отечественной войны (именно так называются события 1991–1995 г. в этой республике) занимает на их страницах место по объему равное и даже несколько большее, чем история Хорватии в годы Первой или Второй мировых войн¹².

События 1995 г. представлены как победа в Отечественной войне, одержанная защитниками хорватской государственности над мятежными сербами, получавшими из Белграда поддержку режима С. Милошевича с начала 1990-х гг.

Значительное внимание авторы учебников уделяют борьбе хорватской армии с превосходившими и хорошо вооруженными силами агрессора, противоречивой роли международного сообщества и миротворцев ООН, попыткам достижения договоренностей на специальных конференциях ведущих мировых держав, отказу сербских лидеров идти на какие-либо компромиссы с Загребом.

Районы, в которых сербское население пыталось устроить собственную республику, все авторы называют «оккупированными территориями». Военные операции «Блеск» и «Буря», проведенные в мае и августе 1995 г., называются «освободи-

тельными» действиями (необходимыми для выживания государства) армии, которая смогла превратиться в организованную силу, способную к решению самых сложных задач. Много внимания уделяется причинам массового исхода сербов из Хорватии, жертвам войны, влиянию побед 1995 г. на разгром сербов в Боснии (спасение боснийцев от возмездия со стороны боснийских сербов) и заключению Дейтонских соглашений. Во всех учебниках даются различные трактовки и характеристики исхода сербского населения с «оккупированных территорий» и событиям, имевшим место после их «освобождения» в начале августа 1995 г.

Вот, к примеру, как описываются события лета 1995 г. в учебнике истории для гимназий, вышедшем во второй половине 1990-х годов (к 2008 г. он выдержал десять изданий). По мнению авторов, именно позиция отклонения предложений международного сообщества, занятая лидерами САО Краина, вынудило хорватское руководство принять решение о «возвращении оккупированных частей страны под свое управление». Авторы акцентируют внимание на том, что военная операция против Книна – «центра сербского мятежа в Хорватии» – была проведена только после провала в начале августа 1995 г. женеvских переговоров между представителями Загреба и Книна, а «большое число жителей сербской национальности покинуло оккупированные части Хорватии вопреки призывам президента Туджмана оставаться в своих домах». Особо оговаривается, что сербы «переселились в основном в сербские части Боснии, больше всего на территории вокруг Бая-Луки, откуда в следующие несколько недель были изгнаны почти все не сербы»¹³. Автор популярного учебника для 8 класса С. Корен подчеркивает, что успех операций «Блеск» и «Буря» сделали возможным возвращение на оккупированные территории многочисленных хорватских беженцев, вынужденно покинувших их в начале военных действий. Сербское население этих территорий в своем большинстве бежало в Боснию и Герцеговину сразу же после начала военных действий (т.е. до завершения операции «Буря»), а на освобожденных территориях «осталось небольшое число жителей»¹⁴.

По оценкам авторов (по итогам двух операций), численность сербов, оставивших свои дома в ходе заранее сплани-

рованной эвакуации, составила 150 тыс. чел., «большая часть которых не хотели ни дожидаться прихода хорватских войск, ни принять хорватскую власть». Авторы этого учебника лишь мельком сообщают о том, что происходило на сербских территориях в августе, когда, по их словам, в ходе военных операций «были разрушены отдельные сербские дома» и имели место преступления «в отношении сербских гражданских лиц»¹⁵.

Однако этому же вопросу другой коллектив авторов уделяет значительно больше внимания, указывая, что на территории, освобожденной от власти РСК в результате операции «Буря», совершались убийства и аресты пленных сербских гражданских лиц и солдат, грабежи их имущества. Причины этих событий – «в недостаточно оперативной организации гражданской власти на освобожденных территориях». При этом указывалось, что все сербское гражданское население покинуло освобожденные территории по своей воле в организованном порядке при участии властей РСК, так как «они не видели своего будущего в республике Хорватия»¹⁶.

В выдержавшем к 2007 г. семь изданий учебнике «Хорватия и мир», в разделе «Освобождение хорватской территории», указывалось: «Хорватская армия быстро выросла в подготовленную и оснащенную армию, и хорватские защитники предприняли наступательные действия по освобождению оккупированной территории. Операция «Буря» имела целью занятие Книна – центра сербского мятежа и освобождение самой большой части занятой сербами хорватской территории»¹⁷. Сходная точка зрения и у автора другого учебника – В. Джурич. В главе «Завершение Отечественной войны» она обращает внимание на бесплодные попытки хорватского руководства вернуть «оккупированные территории под контроль хорватской власти» из-за плохой организации и оснащенности армии. И только благодаря «сильному желанию защитить родину и большой денежной помощи хорватов-эмигрантов дальнейшие захваты были остановлены»¹⁸.

Консенсус в отношении интерпретации событий первой половины 1990-х гг. оказался настолько прочным, что и в новом поколении учебных пособий (цикл 2014–2015 гг.) оценки и характеристики были сохранены, часто повторялись текстуально и лишь в некоторых случаях дополнялись с учетом

материалов, ставших доступными в результате расследований и приговоров гаагского трибунала.

Даже в переизданном в 2014 г. учебнике В. Джурич, которому было дано иное название, предполагавшее его существенную переработку, прежние оценки повторялись. В частности, в отношении событий после операции «Буря» отмечалось: «Несколько десятков сербских солдат и гражданских лиц покинули Хорватию и перешли в Боснию и Герцеговину, в районы вокруг города Бая-Лука. Военные действия на территории Краины прекратились через три дня, военные операции Отечественной войны закончились. На освобожденных территориях отдельные безответственные лица грабили оставшуюся сербскую собственность, имели место случаи убийств и поджогов». Джурич, как до нее и другие авторы, к примеру Т. Яковина, уравнивает произошедшее – и по сути событий, и по количеству беженцев – с действиями ушедших из РСК сербов. По ее словам, «одновременно с этим с территории вокруг Бая-Луки были в спешном порядке изгнаны около 20 тыс. хорватов и лиц других национальностей, которые не являлись сербами»¹⁹.

Еще одним примером сохранения прежних трактовок является позиция авторов (К. Эрделя и И. Стоякович) учебника для восьмого класса. В разделе «Освобождение хорватских территорий» они делают акцент на неудачных действиях миротворческих сил ООН, которым «не удалось вернуть хорватские территории под контроль правительства Хорватии». Авторы подчеркивают, что «это удалось сделать только в результате проведения хорватских освободительных военно-полицейских операций, среди которых самыми крупными были «Блеск» и «Буря», в ходе которых хорватская армия показала «завидную боевую готовность и способность к решению поставленных задач»²⁰. В написанном этими же авторами через пять лет учебнике для гимназий трактовка указанных сюжетов была сохранена и расширена упоминанием позиции США. Хорватская сторона, указывают авторы, имела молчаливое согласие международного сообщества (прежде всего, США) на проведение освободительных действий. Особо оговаривают авторы и позицию Сербии: «Измученная экономическими санкциями она не могла провести военную интервенцию в пользу хорват-

ских сербов (хотя в Сербии была проведена частичная мобилизация)». В отношении причин массового исхода сербского населения, позиция авторов осталась прежней: еще во время «Бури» власть на оккупированной территории начала организованную эвакуацию сербского населения. После поражения, почти все сербское население с оккупированных ими территорий покинуло Хорватию. Отдельный абзац посвящен и событиям операции «Буря», «во время проведения и по ее окончании на освобожденной территории, которую должна была контролировать армия Хорватии, отмечалось много случаев криминального характера: убийства оставшихся сербских гражданских лиц, грабеж и уничтожение имущества сербских беженцев». При этом указано, что «хотя на отдельных лиц за такое поведение были наложены юридические санкции, бытует общее представление, что хорватская власть не реагировала должным образом на указанные явления»²¹.

Новая волна унификации оценок событий национальной истории 1991–1995 гг. началась с марта 2015 г. – с издания специального справочника-хрестоматии «Отечественная война», предназначенного для преподавателей истории средних и начальных школ²². Такие же пособия были запланированы о Первой и Второй мировых войнах, но выход этой книги (первой из трех) в очередной раз подтвердил приоритет тематики 1991–1995 гг. для формирования ключевых идеологических установок уже на начальных стадиях образовательного процесса.

Сербия: «война за югославское наследство»

Сербская литература, посвященная последним месяцам военных действий в Хорватии (события 1991–1995 гг. сербские авторы обычно называют гражданской войной или «войной за югославское наследство»), носит, преимущественно, публицистический характер, а наиболее основательные книги о попытке государственного строительства РСХ и ее провала ищут, прежде всего, ответ на вопрос: «кто виноват?»²³. До последнего времени профессиональные сербские историки сторонились этой темы, лишь наблюдали за оценками хорватской историографии или же публиковались в изданиях периферийного характера²⁴. В ведущих профессиональных исторических жур-

налах материалы на эту тему отсутствовали, а единственной работой по теме можно назвать статью хорватского историка Н. Барича о противоречиях в руководящих кругах РСК и отношениях с режимом С. Милошевича в Белграде накануне хорватских операций «Блеск» и «Буря»²⁵.

Расследования в Гааге, где в процентном отношении сербы «лидировали» среди обвиняемых и осужденных, неполнота корпуса документальных источников, отсутствие мемуарной литературы также не способствовали углубленной научной работе. Вместе с тем нельзя утверждать, что сербское общество охватила амнезия исторической памяти. «Обет молчания» профессиональные историки не соблюдали в текстах учебников и учебных пособий для школ и гимназий.

Истории распада Югославии и последовавшим за ним бурным военно-политическим событиям в этих учебниках уделено не так много места в сравнении с тематикой Первой и Второй мировых войн. Подавляющее большинство авторов называют события первой половины 1990-х гг. на просторах «второй» Югославии гражданской войной, уделяя при этом не такое значительное внимание происходившему в Хорватии по сравнению с сюжетами истории собственно Сербии. Некоторые авторы называют период 1991–1995 гг. эпохой «войн за югославское наследство».

Отправной точкой событий им видится принятие новой конституции Хорватии, после чего сербы были лишены статуса государствообразующего народа, имевшегося у них по предыдущей конституции СР Хорватии 1974 г. Авторы особо обращают внимание на то, что «рост межнациональной ненависти и усиление старых страхов предвещали приближающуюся военную развязку». После этого в учебнике приведена скандальная цитата из выступления в то время президента Хорватии Ф. Туджмана о том, что целью операции было «нанести такие удары, чтобы сербы практически исчезли с этих территорий!»²⁶.

Некоторая часть сербских авторов исследует влияние международных факторов. Можно прочесть, что «война в Югославии предоставила ЕС роль международного арбитра», США использовали ее для навязывания своего лидерства ЕС, а Германия увидела в югославском конфликте «возможность осво-

бодиться от существующих у нее ограничений во внешней политике». При этом конфликтующие стороны «в югославской гражданской войне использовали международное сообщество для реализации собственных целей». Значение международных факторов авторы видят и в том, что «хорватская армия за счет иностранной помощи выросла в серьезную силу, целью которой было уничтожение РСК». Ответственность за поражение РСК возлагалась на ее руководство²⁷.

Авторы наиболее массового учебника для восьмого класса Дж. Джурич и М. Павлович (издан в 2009 г. весомым для Сербии тиражом в 60 тыс. экз.) уделили «войне в Хорватии» всего один абзац, указав, что она «была окончена операциями хорватских военных, проведенных в мае и августе 1995 г. против сербского населения». Их итогом стали «падение РСК и изгнание свыше 220 тыс. сербов». Со ссылкой на данные хорватского Хельсинкского комитета, в учебнике указано, что 8% сербских домов было сожжено, а 5 августа отмечается в Хорватии как День победы и благодарности Отечеству²⁸. Еще в одном популярном учебнике для гимназий, выдержавшем к 2009 г. пять изданий, авторы называют события в Хорватии и Боснии и Герцеговине «гражданской войной, продолжавшейся вплоть до 1995 года». Авторы при этом обращают внимание на «хорватское стремление к самостоятельности и собственному государству, выходящему за рамки его границ». По их мнению, причины гражданской войны проистекали и из событий Второй мировой войны: «В Хорватии кипела ненависть между сербами и хорватами»²⁹.

Видные сербские историки, профессора Белградского университета Р. Люшич и Л. Димич считают, что «гражданская война в Хорватии имела характерные особенности национального и религиозного конфликта». Усилия «голубых касок» ООН обеспечить перемирие давали половинчатые результаты; разработанный на рубеже 1994–1995 гг. план Z-4, предусматривавший мирную интеграцию зон проживания сербского народа в состав хорватского государства и получение им широкой автономии в рамках Хорватии, не был реализован. За операцией «Блеск», с заранее спланированной этнической чисткой сербов в западной Славонии, последовала военная акция «Буря» (после неудачи женевских переговоров), в ходе кото-

рой была проведена запланированная этническая чистка сербов (свыше 200 тыс. чел.) с остальных территорий РСХ³⁰.

В свою очередь, автор популярной версии истории Сербии Ч. Антич возлагает ответственность за военные операции против сербов на жесткую позицию в ходе переговоров именно хорватской стороны. По его мнению, в середине лета сербская сторона приняла план Z-4, но переговорщики со стороны Хорватии требовали безусловной капитуляции. Окруженный с трех сторон Книн был занят за неполные два дня. Свыше 300 тыс. сербов насильственно отправили в изгнание. «Хорватские силы, – пишет автор, – на занятых ими территориях убили 1980 сербов, часть из которых – гражданские лица». Он акцентирует внимание на том, что «за преступления, совершенные в отношении сербского народа в Хорватии, перед международным трибуналом в Гааге так никто и не ответил». Автор считает, что, несмотря на осуждение генералов М. Норца и Б. Главаша, статистика осужденных это подтверждает, так как менее 1% процента осуждены судами Хорватии за совершение преступлений над сербами, хотя сербы, проживавшие до 1995 г. в Хорватии, составляли почти 15% населения этой республики и 35% всех, кого считают жертвами войны³¹.

Загреб VS Белград: праздник или скорбь?

7 мая 2015 г. на заседании правительства Хорватии было принято решение о создании Государственного комитета по организации празднования 20-летия завершения военных действий и победы в Отечественной войне. В изданном за два дня до этого сообщении правительства указывалось, что идея создания комитета – совместная инициатива президента и правительства Хорватии. Важной частью торжеств, отмечалось в сообщении, должен был стать военный парад в Загребе. В результате, юбилей был бы отмечен как в Загребе, так и в Книне. Министр обороны Котроманович выразил надежду, что политический класс республики продемонстрирует единство и покажет, что «Буря» была «операцией, на которой нет ни одного пятна, что и подтвердил трибунал в Гааге». «Наша армия, – указал министр, – защищала каждый сантиметр РХ и она заслуживает самой лучшей организации юбилея. У нас есть, что отмечать»³². Слова об общей позиции ведущих

политических сил Хорватии в отношении празднования не стали пустым звуком. В середине июня были разосланы приглашения на торжества, подписанные президентом и премьер-министром Хорватии.

СМИ Сербии внимательно следили за началом хорватских приготовлений, но сербские политики до определенного времени воздерживались от комментариев. В конце июня 2015 г. в сербских правительственных кругах, а затем на совместном заседании правительств Сербии и Республики Сербской была выдвинута идея совместного подхода к трем событиям: Видовдан 28 июня, День прорыва заключенных концлагеря Ясеновац и День скорби 5 августа.

5 августа было решено провозгласить Днем памяти страданий и мучений сербов, организовав в эти дни совместные траурные мероприятия. Данная идея была воспринята хорватскими правящими кругами особо болезненно, как своего рода контрманифестация и «серьезная провокация» в отношении Дня победы 5 августа.

26 июня 2015 г. министр иностранных дел и евроинтеграции Хорватии В. Пушич поспешила заверить, что торжества по случаю юбилея операции «Буря» не являются празднованиями людских страданий, но дня, когда было нанесено окончательное поражение преступной политике сербского вождя С. Милошевича. «Дальнейшая подпитка нетерпимости между народами является не только повторением преступлений прошлого, но и очернением будущего», – указала она³³.

И в Белграде, и в Загребе внимательно следили за ходом подготовки к мероприятиям начала августа. Резко негативную реакцию в Белграде вызвали усилия Загреба по приглашению воинских частей соседних государств и ведущих стран-членов НАТО принять участие в военном параде 4 августа. Они спровоцировали высказывание министра иностранных дел Сербии И. Дачича, предупредившего, что в Сербии «будут считать антисербскими страны, которые отправят свои военные подразделения для участия в параде в Загребе», квалифицируя подобного рода участие концентрированным «проявлением антисербской позиции»³⁴. Ответные высказывания главы правительства Хорватии З. Милановича: «Буря» – это «прежде всего, наш праздник», а подготовка к параду «не направлена про-

тив кого бы то ни было» – выявили и стремление подчеркнуть самостоятельность Хорватии. «Будут ли иностранные гости, этот аспект – второстепенный, – пояснил Миланович. Мы – член НАТО, но, в первую очередь, мы – Хорватия, поэтому, прежде всего, устраиваем парад для себя в наш День победы, который отметим цивилизованным образом». «Но мы его будем отмечать и не станем держать рот закрытым», – пообещал хорватский премьер-министр³⁵.

Призывы Дачича и действия сербской дипломатии оказались услышанными. Ни соседние государства, ни ведущие страны НАТО решили не направлять представителей своих вооруженных сил для участия в параде в Загребе, ограничившись отправкой наблюдателей. Дачич, поблагодарив за понимание позиции Белграда, не удержался и от очередного выпада в адрес Загреба: «Если Хорватия и может отмечать юбилей операции «Буря», то для Сербии этот день – день скорби». При этом Дачич провел аналогии между трагедией в Сребренице и операцией «Буря», заметив, что устраивать парад по поводу «Бури» то же самое, что отмечать расстрел в Сребренице. «Наши взгляды по поводу этой операции хорватской армии – взаимоисключающие. По нашему мнению, праздновать в этот день, учитывая сербский вопрос, нечего. Сербия желает как можно лучших отношений с Хорватией, но необходимо с уважением относиться и к сербским жертвам», – утверждал он³⁶.

Косвенное сравнение Дашичем трагедии в Сребренице и операции «Буря» вызвало своего рода ответную бурю в хорватских СМИ. 17 июля появились комментарии якобы от имени министра обороны Хорватии Котомаровича, произнесенные им, по утверждению прессы, якобы в адрес премьер-министра Сербии. В ответ на тезис о том, что «Буря» – самая большая этническая чистка в Европе после Второй мировой войны, хорватский министр якобы указал, что «радикальная риторика – плохая форма коммуникации», а «комментарии особы, которая в 1990-е годы с оружием в руках содействовала всему самому худшему, призывала к убийствам и взывала к нечестности, не заслуживают доверия»³⁷.

Реакция сербских СМИ и лидеров общественного мнения явилась столь же бескомпромиссной. Вновь раздались призывы к Загребу отказаться от проведения торжеств. Высказыва-

вание политического аналитика Д. Анджелковича «чем бы ни была «Буря» для Хорватии, они готовят парад на гробах. Любое государство должно иметь свой миф, чтобы обосновать свое существование, но их миф сопровождается страшными преступлениями. Хорватия доказывает, что она осталась в девятнадцатом веке»³⁸ – отражало общее настроение.

В общем хоре скорби и траура в сербских СМИ и высказываниях представителей политической элиты довольно одиноко выглядела попытка В. Драшковича (в 1990-е гг. – оппозиционера, писателя и политика, а затем министра иностранных дел Сербии) подняться над ходом полемики между Белградом и Загребом. В статье для газеты «Данас», вспоминая о событиях 1995 г., он писал, что Милошевич знал о планах Ф. Туджмана в отношении сербов Краины и делал все, чтобы они увенчались успехом. Широкая автономия для сербов в Хорватии с неизбежностью стала бы образцом для Косово в Сербии, указывал Драшкович. По его мнению, Милошевич сделал все, чтобы облегчить президенту Хорватии победу над Книном (вывод тяжелого оружия, приказ генералу Младичу отойти от Краины на 500 км и др.) и «оставил сербов безоружными перед мечом Туджмана». По мнению Драшковича, делалось это «в расчете на то, что по образцу действий Туджмана в Хорватии, он (Милошевич. – А.Е.) таким же образом сможет расправиться с албанцами в Косово». Драшкович назвал это планом «2К», предусматривавшим этническую чистку в сербской Краине в обмен на такую же чистку в Косово³⁹.

В Хорватии голоса тех, кто делал заявления, не совпадавшие с оценками подавляющего большинства правящей хорватской элиты, особого резонанса не имели. Пример тому – высказывания президента республики Йосиповича о необходимости организации в Хорватии торжеств таким образом, чтобы они «имели интегрирующую природу», публиковавшиеся преимущественно в СМИ Белграда и Бани-Луки⁴⁰. Как и Йосипович, на периферии готовившихся хорватских торжеств остался лидер сербской общины в Хорватии М. Пуповац. Его неоднократные заявления о необходимости учитывать чувства сербов не были услышаны, хотя и имели несколько больший резонанс в прессе⁴¹.

Перед началом торжеств 4–5 августа центральные и региональные хорватские газеты вышли с поздравлением градо-

начальницы Книна Й. Римац. Праздничный материал (текст обращения, символика операции, фотографии), занимавший всю газетную полосу, вышел на платной основе в разделе «Объявления». Римац «от имени Книна и его жителей» поздравляла гражданок и граждан Хорватии с предстоящим Днем победы и Днем благодарности защитникам Отечества⁴². Ярким событием стало открытие в Хорватском музее истории в Загребе фотовыставки «Освободители»⁴³, сопровождаемой мультимедийными презентациями о ходе и итогах Отечественной войны. Наглядной агитации придавалось важное значение и в других городах. К примеру, в Дубровнике, в центре старого города, заполненного иностранными туристами, были размещены фотографии и плакаты, посвященные осаде Дубровника и совершенным в нем разрушениям в результате обстрелов со стороны ЮНА.

Военный парад 4 августа в Загребе, несмотря на жаркое лето и рекордный туристический сезон на побережье, был ярким событием для республики. Три тысячи участников прошли, символизируя единство нации: и действующие военнослужашщие, и ветераны войны 1991–1994 гг., и «оперативные гражданские силы» – от пожарных до горных спасателей. В торжестве участвовали и представители Книна – кадеты, которые привезли с собой знамя города, открыв парад. Одним из наиболее эффектных моментов парада стали показательные выступления летчиков акробатической группы «Крылья бури», а движение по городу трехсот единиц военной техники (от примитивных до современных) продолжалось немногим более трех часов.

В выступлении на приеме рядом с правительственной резиденцией глава кабинета министров Миланович заявил, что «Хорватия не славит войну, но свободу и мир». Называя свободу непреходящей ценностью, премьер указал, что никому не нужно теперь доказывать «насколько «Буря», после мучительных четырех лет убийств и гонений на оккупированных территориях», была оправдана и предотвратила новые жертвы, и насколько она была неизбежна». «Хорватия, – сказал он, – имела все права предпринять необходимые действия с тем, чтобы остаться живой и неделимой». В выступлении премьер-министра прозвучали и некоторые намеки на самостоя-

тельность в отношении Брюсселя: «Хорватия достигла своих главных целей – членства в ЕС и НАТО... Вместе со своими партнерами мы строим лучшее будущее, но в отношении хорватских интересов мы принимаем решения сами»⁴⁴.

5 августа традиционные торжественные мероприятия были проведены и в Книне. Помимо традиционного возложения цветов к Памятнику хорватской победы «Буря-95» и поднятия государственного флага в книнской крепости (президент Хорватии и глава правительства участвовали в этих мероприятиях по отдельности) был открыт музей «Буря-95» и памятник Ф. Туджману, проведены службы с участием официальных государственных лиц в соборах города.

Основными событиями стали два выступления хорватского президента К. Гробар-Китанович. В одном из них политик не удержалась и от колкостей в адрес южного хорватского соседа, по меньшей мере, дважды противопоставляя культурные традиции в исторической памяти обоих народов. «Мы – народ, который славит победы, а не поражения. Мы – народ, который умеет ценить завоеванную кровью свободу, так как война была здесь, а не где-то там далеко». Она напомнила при этом о 200 тыс. хорватских сыновей и дочерей во главе с первым президентом республики Ф. Туджманом, которые, при минимальных потерях (двое пропавших без вести и двести погибших), «сломили хребет великосербской политике Слободана Милошевича и его сообщников в Хорватии», напомнив, что операция «Буря» помогла предотвратить «возможно, еще большую резню, чем в Сребренице». Президент выразила уверенность, что «военное поражение мятежных сербов и крах великосербской политики Милошевича способствовали падению его режима, открыв путь демократическим процессам в самой Сербии»⁴⁵. Политкорректность, проявившаяся в нейтральном заголовке к данному выступлению на президентском сайте, контрастировала с его интерпретацией в хорватских СМИ. Характерным был заголовок «Пусть сербы откажутся от мифов и вранья», предпосланный редакцией газеты «Свободная Далмация» отчету о торжествах в Книне⁴⁶.

28 июля на заседании сербского правительственного Оргкомитета было решено отметить 5 августа как День памяти страданий и репрессии сербов, провозгласив его траурным

днем скорби по всей территории Республики Сербия. В соответствующем правительственном заявлении содержалась официальная оценка операции «Буря», при проведении которой были убиты и пропали без вести 2 тыс. сербов, а 250 тыс. были вынуждены покинуть свои дома. «Буря», подчеркивалось в документе, стала самой масштабной этнической чисткой в Европе после Второй мировой войны. На континенте не было случаев, когда за столь краткое время (4–7 августа 1995 г.) гонениям подверглось такое количество людей⁴⁷.

Памятные мероприятия в Белграде начались с открытия в Галерее Народного банка Сербии выставки тридцати двух художников и скульпторов, изгнанных из Хорватии во время военных действий против сербов. Она была организована Коалицией обществ беженцев из Хорватии⁴⁸.

Основными событиями мероприятий, проведенных 4 августа вне столицы Сербии, стали выступления премьер-министра Вучича и президента Николича. В отличие от настроений в Загребе, сербское руководство участвовало в панихидах, молитвах и скорбных церемониях. Соответствующим был и тон выступлений. В речи, произнесенной Николичем, прозвучал тезис о прощении, который, впрочем, не означает забвение. Вместе с тем Николич напомнил о необходимости «из камней, которые в нас бросают, строить дома, и об обычае отвечать на брань и оскорбления молитвой»⁴⁹.

Не менее ярким было выступление главы правительства Сербии А. Вучича на траурной церемонии в селении Сремска-Рача вблизи границы с Боснией и Герцеговиной. Памятная церемония началась с его встречи с председателем Республики Сербской М. Додиком и символического возложения венков в воды реки Сава в память о всех пострадавших сербах. Фраза Вучича о том, что за проведенную операцию «Буря» должно быть стыдно всем, кто в ней принимал участие, а Сербия теперь может свободно назвать прошедшее преступлением, прозвучала также весомо, как и его тезис о том, что в новейшей сербской истории сложно найти более скорбный день, чем 5 августа⁵⁰.

5 августа траурные мероприятия были продолжены в Белграде. Центральными мероприятиями в первой половине дня стала проведенная в Церкви Св. Марка панихида по постра-

давшим в хорватской военно-полицейской операции «Буря», после которой министр А. Вулин в парке Ташмайdan возложил венки к памятникам в связи с агрессией НАТО 1999 г.⁵¹

По сообщениям информационных агентств и сербской печати, краткое выступление Т. Николича было достаточно критичным в адрес Хорватии. Николич заявил, что изгнанием хорватских граждан сербской национальности была «выполнена историческая задача НГХ». Операцию «Буря» Николич назвал «зверской акцией с элементами геноцида». «Сербия просит, чтобы совершенное зло никогда не повторилось в отношении кого бы то ни было. Но Сербия – это только одна сторона, и она не может протягивать руку примирения, а вторая сторона – праздновать по поводу чужого несчастья и боли»⁵².

20-летие событий августа 1995 г., по-разному отмеченное в Хорватии и Сербии, стало фактором обострения критической полемики между правящими элитами этих государств. Хорватия, являющаяся с 2013 г. членом ЕС, намерена оказать воздействие на корректировку восприятия в Белграде событий 1991–1995 гг. Избыток диаметрально не совпадающих исторических оценок свидетельствует о неготовности сторон к интеграции и служит поводом для осуществления Хорватией избирательного контроля за реализацией курса Сербии на вступление в Евросоюз.

Попытка международного сообщества в начале февраля 2015 г. заложить основы для консенсусного отношения Белграда и Загреба к истории военного конфликта 1991–1995 г. пока не увенчалась успехом. Анализ исторической литературы, опубликованной в обеих странах в последние десятилетия, свидетельствует о том, что в Хорватии нынешние оценки глубоко укоренены в общественном сознании. Став частью исторической памяти, они уже не являются производной от современной политической конъюнктуры. Позиция хорватского руководства в полемике по поводу 20-летия военной операции «Буря» и ее последствий, основывалась как на этих оценках, так и на понимании того, что победа в Отечественной войне в 1995 г. – основа новой хорватской государственности.

Восприятие в Сербии этих же событий, диаметрально противоположно. И эта точка зрения столь же глубоко укоренилась в исторической памяти сербского народа. Правда, от-

сутствие фундаментальных работ историков по этой теме сохраняет возможность для некоторой корректировки. Позиция официального Белграда в определенной мере также подвержена воздействию субъективного фактора, связанного с деятельностью в 1990-е гг. основных политических игроков, стоящих в настоящее время у власти. Ввиду обеих изложенных причин расчеты на то, что «историческое сознание» в Сербии претерпит изменения в процессе подготовки страны к вступлению в Евросоюз, представляются мало реальными.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб, 2015. С. 387.

² Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia). Summary of the Judgment of 3 February 2015. Not an official document. <http://www.icj-cij.org/docket/files/118/18450.pdf>; Simons M. Croatia and Serbia Cleared of Genocide by Hague Court. 2015. Feb. 3. http://www.nytimes.com/2015/02/04/world/europe/croatia-and-serbia-cleared-of-genocide-by-hague-court.html?_r=0; Charter D. UN court rejects Serbia and Croatia genocide claims // The Times. 2015. Feb. 3. <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/world/europe/article4343067.ece>; Tužbe Hrvatske i Srbije odbijene u cjelosti. 2015. 03. 02. <http://www.nezavisne.com/novosti/ex-yu/Tuzbe-Hrvatske-i-Srbije-odbijene-u-cjelosti/286934>.

³ Ministar Miljenić za Večernji list: Presuda potvrđuje da je Hrvatska bila izložena agresiji koju je vodio Beograd. 2015. 04.02. Vijesti iz medij a <https://vlada.gov.hr/vijesti/ministar-miljenic-za-vecernji-list-presuda-potvrđuje-da-je-hrvatska-bila-izložena-agresiji-koju-je-vodio-beograd/16363>

⁴ Туђманови «Брионски транскрипти» – Ударити Србе да нестану! Ши́ра верзи́ја «Брионских транскрипата» Записник са састанка председника Хрватске Фрање Туђмана са војним врхом који је одржан 31. јула 1995. године на Брионима. Документи. 2015. 06. 02. <http://www.nspm.rs/dokumenti/tudjmanovi-brionski-transkripti-udariti-srbe-da-nestanu.html>

До этого они фигурировали в деле хорватского генерала А. Готовины в МТБЮ в Гааге, а также весной 2014 г. при рассмотрении Международным судом ООН взаимных обвинений Сербии и Хорватии в геноциде во время событий 1991–1995 гг. В Сербии они были опубликованы ограниченным тиражом в августе 2014 г. См.: «Веритас» Билтен Број 174 – август Книн – Београд – Бања Лука.

⁵ Записник са састанка председника Хрватске Фрање Туђмана са војним врхом који је одржан 31. јула 1995. године на Брионима. Документи. 2015. 06. 02. <http://www.nspm.rs/dokumenti/tudjmanovibrionski-transkripti-udariti-srbe-da-nestanu.html>. Из документа такође следовало, што операција «Бурја» не била спланирована заране (первоначално имелись в виду действия в направлении Бихача), идеја ее проведения потребовала перегруппировки сил. В документе нет записей о планах расстреливать колонны сербских беженцев. Более того, участники этого совещания опасались волны хорватских беженцев численностью до 100 тыс. из городов Осиек и Винковцы в направлении Загреба и массовой паники в случае сербских бомбардировок.

⁶ Šešelj: Presuda Međunarodnog suda pravde je kompromis. 2015. 5. 02. blic.rs/.../Seselj-Presuda-Medjunarodnog-suda-pravde-je-kompromis

⁷ Jungvirth G., Martinović I., Komarčević D. Šešelj mora nazad u Hag, zvanični Beograd poručuje: «Ovo je pokušaj rušenja Vučića». <http://www.slobodnaevropa.org/articleprintview/26927719.html>

⁸ Milanović: «Vraćanje Šešelja u pritvor neće destabilizirati regiju, ako je Hrvatska uopće dio regije». <http://www.jutarnji.hr/milanovic--vracanje-seselja-u-pritvor-neze-destabilizirati-regiju--ako-je-hrvatska-uopce-dio-regije-/1323692>

⁹ Vulin Milanoviću: Dođite kod nas, upoznajte 250.000 proteranih iz Oluje. 2015. 1. 04. <http://www.blic.rs/Vesti/Politika/547245/Vulin-Milanovicu-Dodjite-kod-nas-upoznajte-250000-proteranih-iz-Oluje>

¹⁰ O Srbima u Hrvatskoj: selektivna bibliografija 1984.–1999. godine. Zagreb, 2001; Uspon i pad «Republike Srpske Krajine». Priredio D. Pauković. Zagreb, 2005; Radelić Z., Marijan D., Barić N., Binga A., Živić D. Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat. Zagreb, 2006; Barić N. Srpska pobuna u Hrvatskoj: 1990-1995. Zagreb, 2005.

¹¹ Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 810; Povijest Hrvata. Od 1918. do danas. Treća knjiga. Zagreb, 2007. S. 474-475; Goldstein I. Hrvatska povijest. Zagreb, 2003. S. 418-421; Goldstein I. Hrvatska 1918-2008. Zagreb, 2008. S. 743-749; Barić N. Je li 1995. godine Hrvatska počinila «etničko čišćenje» Srba? // Časopis za suvremenu povjest. God. 36. Br. 2. Zagreb, 2004. S. 450-451.

¹² Milinković B. O Srbima u Hrvatskoj: selektivna bibliografija 1984.–1999. godine. Zagreb, 2001; Barić N. Op. cit.; Uspon i pad «Republike Srpske Krajine». Priredio D. Pauković. Zagreb, 2005; Radelić Z., Marijan D., Barić N., Binga A., Živić D. Op. cit.

¹³ Leček S., Najbar-Agičić M., Agičić D., Jakovina T. Povijest 4. Udžbenik za četvrti razred (opće) gimnazije. 10 izdanje. Zagreb, 2008. S. 289-290.

¹⁴ Korjen S. Povijest 8. Udžbenik povjesti za osmi razred osnovne škole. 3. izdanje. Zagreb, 2009. S. 227-228.

¹⁵ *Kolar-Dimitrijević M., Petrić H., Raguž J.* Povijest 4. Udžbenik za četvrti razred gimnazije. Zagreb, 2004. S. 241–242.

¹⁶ *Miljan G., Miškulin I.* Povijest 4. Udžbenik za četvrti razred gimnazije. Zagreb, 2009. S. 239–240.

¹⁷ *Đurić V., Peklić I.* Hrvatska i svijet od sredine XVIII do kraja XX stoljeća. Udžbenik iz povjesti za drugi razred srednjih strukovnjuh škola. Zagreb, 2007. S. 208.

¹⁸ *Đurić V.* Povijest. Udžbenik povjesti za osmi razred osnovne škole. 3. izdanje. Zagreb, 2009. S. 166.

¹⁹ *Đurić V.* Vremeplov 8. Udžbenik povjesti za osmi razred osnovne škole. 1 izdanje. Zagreb, 2014. S. 240.

²⁰ *Erdelja K., Stojaković I.* Tragom prošlosti 8. Udžbenik povjesti za osmi razred osnovne škole. Zagreb, 2009. S. 236–237.

²¹ *Erdelja K., Stojaković I.* Koraci kroz vrijeme 4. Udžbenik povjesti u četvrtom razredu gimnazije. Zagreb, 2014. S. 282, 286–287.

²² *Barić N., Dovranić D., Janković T., Nazor A., Novosel D., Petroci E.* Domovinski rat. Čitanka priručnik za učitelje povjesti u osnovnim školama i nastavnike povjesti u srednjim školama. Zagreb, 2015. В пособии отдельные главы посвящались обзору политических и военных событий. См.: Ibid. S. 51–53, 82–88.

²³ *Јарчевић С.* Република Српска Крајина: државна документа. Београд, 2005; *Секулић М.* Книн је рао у Београду. Друго издање. Ваd Vilbel: Nidda Verlag, 2001.

²⁴ *Бјелажаци М.* Проблеми историографске обраде рата у Хрватској 1991–1995. године // Република Српска Крајина: десет година послје. Уредник Вељко Ђурић Мишина. Београд, 2005. С. 78–89. Вышедшая только в 2015 г. статья сотрудника Института современной истории М. Гулича не была опубликована в сербских центральных исторических журналах. См.: Гулић М. Последњи дани Крајне. Република Српска Крајина између Бљеска и Олује // Kninska Krajina br. VI (urednik Danko Perić). Београд, 2015. С. 177–230.

²⁵ *Barić N.* О околностима и последицама смјене Председника Владе Републике Српске Крајне Борислава Микелића 1995 године // Историја 20. века. 3/2010. С. 151–168.

²⁶ *Рајић С., Николић К., Јовановић Н.* Историја за осми разред основне школе. Београд, 2008. С. 184, 186.

²⁷ *Вајагић П., Стошић Н.* Историја за осми разред основне школе. Београд, 2010. С. 195–196.

²⁸ *Ђурић Ђ., Павловић М.* Историја за осми разред основне школе. Београд, 2010. С. 186. Данный абзац авторы повторили из подготовленного ими ранее учебника для гимназий. См.: Ђурић Ђ., Павловић М. Историја за трећи разред гимназије природно-математичког

смера и четврти разред општег и друштвено-језичког смера. Београд, 2009. С. 250.

²⁹ *Николић К, Жутућ Н, Павловић М, Шпадијер З.* Историја за III разред гимназије природно-математичког смера и IV разред гимназије општег и друштвено-језичког смера. 5 изд. Београд, 2009. С. 228–229.

³⁰ *Љушић Р, Димић Љ.* Историја за осми разред основне школе. Са читанком и радном свеском. 1 изд. Београд, 2010. С. 239. Этот же абзац был повторен авторами в учебнике для гимназий. См.: Љушић Р, Димић Љ. Историја за трећи разред гимназије природно-математичког смера и четврти разред гимназије општег и друштвено –језичког смера. Београд, 2013. С. 286–287.

³¹ *Анџић Ч.* Српска историја. Београд, 2013. С. 307–308.

³² Odbor jednoglasno odlučio: Vojni mimohod u Zagrebu 4. kolovoza, a središnja proslava «Oluje» 5.kolovoza u Kninu.20.05.2015.

<https://vlada.gov.hr/vijesti/odbor-jednoglasno-odlucio-vojni-mimohod-u-zagrebu-4-kolovoza-a-sredisnja-proslava-oluje-5-kolovoza-u-kninu/17010>

³³ Pušić komentirala odluku Srbije da slave 5.kolovoza «Proslava Oluje nije slavlje stradanja ljudi». 2015. 26. 06. <http://www.jutarnji.hr/pusic--proslava-obljetnice-oluje-nije-slavlje-stradanja-ljudi/1373003/>

³⁴ Dačić zapretio: Svaku zemlju koja pošalje vojsku na paradu u Hrvatskoj koja slavi Oluju smatraćemo antisrpskom! 2015. 07. 07.ˆ

<http://www.telegraf.rs/vesti/politika/1646998-dacic-zapretio-svaku-zemlju-koja-posalje-vojsku-na-paradu-u-hrvatskoj-koja-slavi-oluju-smatracemo-antisrpskom>:

Ivica Dačić: 'Pozorno ćemo pratiti koje će države sudjelovati u vojnoj paradi na obljetnicu Oluje, to je antisrpstvo'

<http://www.jutarnji.hr/dacic-zaprijetio--pozorno-ćemo-pratiti-koje-će-drzave-sudjelovati-u-vojnoj-paradi-na-obljetnicu-oluje--to-je-antisrpstvo-/1378775/>:

³⁵ Predsjednik Vlade Milanović: Knin nam je drag, ali vojni mimohod u Zagrebu podržali su svi glavni zapovjednici Oluje 2015. 13. 07.

<https://vlada.gov.hr/vijesti/predsjednik-vlade-milanovic-knin-nam-je-drag-ali-vojni-mimohod-u-zagrebu-podrzali-su-svi-glavni-zapovjednici-oluje/17343>

³⁶ Дачић: Годишњица «Олује» је за Србију дан жалости. Бета. 2015. 16. 07. // <http://www.politika.rs/rubrike/Politika/Dacic-Godisnjica-Oluje-je-za-Srbiju-dan-zalosti.sr.html>

³⁷ *Bernardić A.* «Oluja je spriječila genocid, a Vučić je huškao na ubojstva». 2015. 17. 07. <http://www.24sata.hr/politika/vucicu-oluja-je-sprijecila-novi-genocid-a-ti-si-huskao-na-rat-428815>; «Oluja je spriječila genocid, a Vučić je huškao na ubojstva».2015. 17. 07.

<http://www.znet.hr/2015/07/oluja-je-sprijecila-genocid-a-vucic-je-huska-na-ubojevstva>

³⁸ *Gedošević L.* Ustaško ludilo za proslavu «Oluje» 2015. 21. 07. <http://www.blic.rs/Vesti/Politika/576892/Ustasko-ludilo-za-proslavu-Oluje>

³⁹ *Drašковић V.* Srpski časnici «Oluje». 2015. 29. 07. http://www.danas.rs/danasrs/politika/srpski_casnici_quotolujequot.56.html?news_id=305620

⁴⁰ Josipović: Oluju treba slaviti uz pruženu ruku drugoj strani

^{2015.} 03. 08. <http://www.blic.rs/Vesti/Svet/580100/Josipovic-Oluju-treba-slaviti-uz-pruzenu-ruku-drugoj-strani>

⁴¹ «Хорватии не удалось интегрировать в торжества по случаю операции “Буря” хорватских сербов. Она (Хорватия. – А.Е.) и сегодня закрыта для восприятия их опыта тех времен. Они (сербы в Хорватии. – А.Е.) и в этом году будут проводить свои, отдельные собрания, скорее вечера памяти, чем торжества. Торжества по случаю мира – да, достижение территориальной целостности республики – да, но частью нашей памяти должно быть и все то, что во время “Бури” произошло с сербами», – подчеркнул Пуповац, «Словно 250–300 тысяч людей – это птицы. А о них следовало бы говорить. Сотни убитых, тысячи сожженных домов – это не должно было произойти. Мы не хотим, чтобы наша память о “Буре” была конфликтующей», – сетовал Пуповац, обещая «сделать все, для того, чтобы наиболее подходящим способом вспомнить все жертвы, и не только сербские». Он указал на необходимость «помнить всех, кто бежал и страдал в 1991–1995 г.», надеясь, что «когда-нибудь так и будет, а предпосылки для этого должны создаваться уже сегодня». См.: Lovrić J. Milorad Pupovac: nakon odluke Srbije i RS-a o kontramitaciji. «Treba stvoriti pretpostavke da zajedno obilježimo Oluju». 2015. 28. 06. <http://www.jutarnji.hr/-treba-stvoriti-pretpostavke-da-zajedno-obiljezimo-oluju---/1373735/>

⁴² Slobodna Dalmacija. 2015. 03. 08. S. 7.

⁴³ Domovinski rat. Vodice izložbe. Hrvatski povjesni muzej. Zagreb, 2011. S. 64.

⁴⁴ Predsjednik Vlade Milanović čestitao Dan pobjede i domovinske zahvalnosti i Dan hrvatskih branitelja. 2015. 04. 08.

<https://vlada.gov.hr/vijesti/predsjednik-vlade-milanovic-cestitao-dan-pobjede-i-domovinske-zahvalnosti-i-dan-hrvatskih-branitelja/17459>

⁴⁵ Današnji praznik je svehrvatski slobodarski skup zajedništva i ponosa/ 5. kolovoza 2015. Knin <http://predsjednica.hr/objava/1/1/456>;

⁴⁶ Neka se u Srbije okane mitova i laži // Slobodna Dalmacija. 2015. 06. 08. S. 5.

⁴⁷ Dan žalosti u Republici Srbiji 5. Avgusta. Beograd, 2015. 28. 07 <http://www.srbija.gov.rs/vesti/vest.php?id=243490> Dan žalosti u Republici Srbiji 5. avgusta

⁴⁸ Galerija Narodne banke: Otvorena izložba prognanih slikara i vajara u akciji «Oluja» // Tanjug. 2015. 03. 08. <http://www.blic.rs/Vesti/Beograd/5802TGG85/Galerija-Narodne-banke-Otvorena-izlozba-prognanih-slikara-i-vajara-u-akciji-Oluja>

⁴⁹ Опростити никад не значи заборавити. 2015. 04. 08.

<http://www.predsednik.rs/pres-centar/vesti/oprostiti-nikada-ne-znaci-zaboraviti>

⁵⁰ «Oluja» jedan od najvećih pogroma srpskog naroda. Sremska Rača, 2015. 04. 08.

<http://www.srbija.gov.rs/vesti/vest.php?id=243957>

⁵¹ Minut tuge i sećanja bez sirena u centru Beograda 2015. 05. 08. <http://www.blic.rs/Vesti/Beograd/580599/Minut-tuge-i-secanja-bez-sirena-u-centru-Beograda>

⁵² Nikolić: Zverska akcija s elementima genocida. <http://www.politika.rs/rubrike/dogadjaji-dana/Nikolic-Zverska-akcija-s-elementima-genocida.lt.html>

Е. А. Колосков*

Глава 22.

Албанский фактор во внутривполитическом развитии Македонии (1991–2006 гг.)

Статья посвящена некоторым аспектам истории интеграции албанской общины Македонии в политическую систему этой страны в период от создания современного македонского государства – до прихода к власти правящей коалиции во главе с ВМРО-ДПМНЕ.

Ключевые слова: Республика Македония, Македония, македонцы, албанцы, «албанский вопрос», Косовский конфликт, Македонский кризис 2001, Охридское Рамочное соглашение.

The research is devoted to the history of the integration of the Albanian community in the Macedonian political system. The chronological scope of the study covers the period from the creation of the contemporary Macedonian state till the win of the current ruling coalition led by VMRO-DPMNE.

Keywords: Republic of Macedonia, Macedonia, Macedonians, Albanians, Kosovo war, 2001 insurgency in the Republic of Macedonia, Ohrid Framework agreement

Албанская проблема для внутривполитического развития Македонии остается важнейшим вызовом. Многие отечественные, равно как и зарубежные, исследователи даже полагают, что она может поставить крест на самом факте существования современного македонского государства. Однако на данный момент

* Евгений Александрович Колосков – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет; доцент кафедры общего права и международной политики, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

практически отсутствуют исследования, систематически изучающие участие албанской общины в политической жизни Македонии. Не проанализированы такие важные факторы, как степень вовлеченности албанской общины в политическую жизнь Македонии, нет данных о лояльности македонских албанцев этническим албанским партиям, отсутствуют достоверные сведения о степени вовлеченности или влиянии албанских активистов Республики Македония (РМ) на общеалбанские процессы на Балканах. Все эти пробелы, безусловно, не дают точного представления о влиянии албанского фактора на внутривнутриполитические события в Македонии.

Необходимо еще раз подчеркнуть: хотя данный сюжет имеет, в первую очередь, внутривнутриполитический характер, события в Албании, Косово и Прешевской долине стали катализатором македонского кризиса 2001 г. Албанский сюжет следует рассматривать не только как вопрос этнического (или тем более религиозного) противостояния граждан Македонии славянского и албанского происхождения, а как проблему социально-экономического развития и взаимодействия, проблему интеграции второго по численности этноса РМ в ее политическую структуру.

Действительно, крайне напряженная и взрывоопасная атмосфера албано-македонских отношений, отмеченная отечественной и зарубежной историографией, сомнений не вызывает. Славянские власти Македонии всегда крайне настороженно относились к росту албанского населения в республике. В этом они видели опасность преобладания албанского этноса, как это случилось в Косово, и утраты контроля над страной. У таких опасений имелись реальные основания. С 1953 по 1991 гг. численность албанского населения выросла с 162 тыс. чел. до 441 тыс. чел., что в процентном отношении составило рост с 12,5% до 21,7% от общего числа населения СР Македонии¹. Согласно оценкам МИД РФ, к 2025 г. албанцы станут в Македонии преобладающим этносом².

Сегодня албанские авторы, как и некоторые англоязычные исследователи, зачастую называют одной из причин роста межэтнической напряженности в стране политику, проводимую македонским руководством по сдерживанию рождаемости у албанских македонцев. Так, Х. Полтон в своей книге пишет

о «неомальтузианских» мерах, принятых в 80-е годы XX в.³ К их числу он относит обязанность семей оплачивать медицинское обслуживание детей, если их число превышает «идеальную цифру» (два ребенка) и отказ в пособии на третьего и последующих детей⁴.

Выдвигаются обвинения в низкой вовлеченности албанцев в работу политических учреждений республики, что подтверждается статистическими данными. Так, количество депутатов-албанцев в Собрании СРМ в 1974–1986 гг. сократилось с 9,7% до 6,9%, причем доля албанского населения выросла в указанный период с 17 до 21%⁵. Вместе с тем, в 1990 г. доля албанцев в македонском парламенте значительно увеличилась и достигла 14,6%⁶.

Существуют проблемы и с возможностями получения албанцами высшего образования. Так, количество дипломированных студентов албанского происхождения выросло в 1973–1983 гг. с 4,2 до 4,9%, однако в 1993 г. составило лишь 1,5%⁷. Магистров албанского происхождения до 1996 г. было лишь шестеро, докторов наук – трое⁸. Причины такого положения многогранны, но в основе – отсутствие, по замечанию проф. Д. Димитрова, специальной модели образования на албанском языке и в целом негативное отношение к данной проблеме в Югославии⁹.

Кроме того, отмечается отсутствие албанцев в СМИ. Так, до 1990 г. в Македонии существовала лишь одна газета, выходившая на албанском языке, а к 1995 г. их число увеличилось до четырех (для сравнения: на турецком языке издавались три газеты, на македонском – 40)¹⁰.

Обвинения же албанцев в особой склонности к криминалу не вполне справедливы. Их доля в совершенных преступлениях не превышает официальной численности албанского населения по отношению к македонцам в указанные годы: для 1973 г. – 10,8%, для 1993 г. – 17,4%¹¹.

Следует отметить, что первые попытки «реагировать» на проявление национализма в Македонии предпринимались еще в конце 1960-х гг. 26 сентября 1969 г. на 10-м заседании ЦК СК Македонии констатировался рост национализма «у македонцев и албанцев»¹². Беспокойство вызывали, в первую очередь, активное выражение своей этнической идентичности

и использования «народностями» (так в Югославии назывались национальные меньшинства – Е.К.) флагов Народной Республики Албания и Республики Турция¹³.

После принятия конституции СФРЮ 1974 г., которая в ущерб федерации расширила полномочия республик и автономных краев, македонское руководство осуществило ряд мер, направленных на развитие культуры и образования национальных меньшинств. Положительный эффект от этих мероприятий отмечался и албанской стороной¹⁴. Тем не менее, проводившиеся социологические исследования продемонстрировали уровень взаимного недоверия славянской и албанской этнических общин Македонии: 95% македонских славян и македонских албанцев не позволяли своим сыновьям жениться на девушках других национальностей, для дочерей процент был, разумеется, еще выше¹⁵.

В 1981 г. в Косово прошли массовые студенческие манифестации с требованием предоставить краю статус республики в рамках Югославии. Они вылились в кровавые столкновения и погромы. Союзное правительство ввело в край войска, объявило комендантский час, однако для налаживания межэтнического диалога практически ничего не делалось¹⁶.

Лозунг участников демонстраций: «Республика в составе СФРЮ» предполагал, что эта республика охватит все территории, на которых проживали албанцы в СФРЮ – в Сербии, Черногории и Македонии¹⁷. Это не могло остаться без внимания в Македонии. Косовские события вызывали у его руководства явную обеспокоенность и опасения повторения ситуации в республике. Заседание президиума ЦК СК Македонии 5 июня 1981 г. констатировало, что «албанский национализм и ирредентизм могут иметь крупные последствия»¹⁸.

Через год, в мае 1982 г., съезд СК Македонии выступил с резолюцией, осудившей «контрреволюционные националистически-ирредентистские события в Косово»¹⁹. Обеспокоенность ЦК СК Македонии вызывало изменение идентичности македонцев-мусульман, цыган и турок: для этих народностей становилось характерным смена фамилий с македонских (с окончанием на «-ски» и «-ов») на албанские (с окончанием на «-у», «-а» или «-и») ²⁰. При этом отмечалась активное участие работников образования в данном процессе²¹.

Рост албанского сепаратизма на фоне общего кризиса СФРЮ поставил македонское руководство в весьма непростое положение: с одной стороны, традиционно сложные отношения с проживавшими в Македонии албанцами теперь становились откровенно напряженными в связи с косовскими событиями. С другой стороны, македонское руководство едва ли испытывало теплые чувства к сербскому национализму, чей рост явился ответом на албанский сепаратизм.

Хотя рост влияния Милошевича не вызвал положительного отклика в македонском руководстве, оно использовало пример его политики в отношении албанцев. В 1989 г. в статью республиканской конституции была внесена поправка: отныне Македония трактовалась не как «государство македонского народа и албанского и турецкого меньшинства», а как «национальное государство македонского народа». По мнению К. Беннетта, это отражало «растущую озабоченность македонских славянских властей в связи с албанским национализмом и возможным развалом Югославии»²².

Впоследствии сохранение данной формулировки в новой конституции Республики Македония 1991 г. стало одним из основных пунктов обвинений против официального Скопье. По оценкам отечественных дипломатов, формулировка «национальное государство македонского народа» в переводе на язык современной международно-правовой и политической практики означает «этническое государство македонского этноса»²³. Подобное определение национального государства как этнической категории, соответственно, можно истолковать, как осуществление некоего исконного права определенного этнического образования иметь свое государство. Демократическое содержание данного понятия в таком случае заменяется этнической формулой, в которой весьма явно присутствует элемент дезинтеграции²⁴.

Эксперты МИД РФ справедливо указывали, что основными недостатками Конституции РМ являлся этнический подход к понятиям «народ» и «нация», а также весьма проблематичная «пустота» между «этничностью» македонского народа, его государством и гражданским принципом²⁵.

Не удивительно, что это позволило многим албанским интеллектуалам, в частности П. Менею, известному публицисту

и участнику конфликта 2001 г., написать в своей книге «ОНА: идея и надежда»: «Глигоров, стоявший во главе БЮРМ, использовал в своих целях шовинистический дух даже более дикий, чем прежде. Как и сербы в Косово, македонские политики написали новую конституцию, отбросив даже те малые права [македонских национальных меньшинств], которые были получены по конституции 1974 г. (несмотря на то, что они не выполнялись), и надолго отложив решение албанского вопроса в БЮРМ»²⁶.

Македонское законодательство также первоначально пыталось не допустить формирования партий по национальному признаку²⁷. В первую очередь, это касалось албанских партий. Македонские власти препятствовали их формированию (вплоть до отказа в регистрации и преследовании активистов). Результатом стал отказ албанцев от участия в политической жизни нового государства: в частности, они бойкотировали референдум о независимости 8 сентября 1991 г. Более того, 11 января 1992 г. ряд албанских партий инициировал проведение референдума о «политико-территориальной автономии албанцев в Македонии», а несколько позднее, 3 апреля 1992 г., на митингах в Струге и Тетово было провозглашено формирование автономной республики «Илирида», включавшей в себя западные регионы Македонии с преимущественно албанским населением²⁸.

Необходимо отметить, что данное событие было в целом спокойно воспринято македонским руководством. В частности, Т. Гоцевский в интервью заявил, что данная акция албанского населения не представляла собой серьезной угрозы безопасности государства²⁹.

Дальнейшие кризисы, связанные с албанской общиной РМ, («оружейный заговор» 1993 г., проблема Тетовского университета 1995 г. и спор о флагах 1997 г.) стали одновременно и причиной, и прологом конфликта 2001 г.

Косовский кризис 1999 г. явился отправной точкой македонско-албанского конфликта. Во-первых, он уже очевидно разделил население страны на два лагеря – сторонников и противников войны. Славянское население страны если не поддерживало сербов, то, во всяком случае, сочувствовало им, в то время как албанское (как и турецкое), безусловно, приветствовало бомбардировки Белграда.

24 марта 1999 г. начались натовские бомбардировки Югославии, а в Македонию хлынул массовый поток беженцев из Косово. 1 апреля Македония оказалась перед лицом гуманитарной катастрофы: около 100 тыс. беженцев были собраны в центрах Блаце и Яжинце³⁰. Лишь 4 апреля началась эвакуация беженцев в Турцию. В этот же день страны ЕС также выразили готовность принять беженцев из Косово³¹. Однако ситуация продолжала осложняться, уже 4 мая число беженцев достигло 224 357 чел. (из которых примерно 91 тыс. разместили в лагерях беженцев, а оставшихся – в албанских семьях)³². Ситуация становилась критической, число беженцев достигло более 10% населения РМ. После этого Скопье закрыло границу³³.

Число беженцев, прибывших в Македонию в период боевых действий, точно не известно. Наиболее вероятное их число, приводимое Х. Полтоном, – 300 тыс. чел.³⁴ Македонские очевидцы событий приводят, как правило, цифры более 350 тыс. чел. (население РМ – 2 млн.).

Очевидно, что такой наплыв беженцев и, как следствие, увеличение албанской общины вдвое – пусть и временное – не снизило беспокойство македонского славянского населения республики. А последующий конфликт 2001 г. окончательно изменил их самооценку в стране. Рамочное соглашение, подписанное 13 августа 2001 г. в г. Охрид, не удовлетворило ни одну из сторон конфликта.

Албанцы выражали недовольство тем, что не добились конфедерализации страны (п. 1 Рамочного соглашения гарантировал «суверенитет, территориальную целостность и унитарный характер» Македонии)³⁵. Кроме того, албанский язык все же не стал таким же полноправным «государственным языком», как македонский.

Македонские славяне были в целом недовольны самим фактом уступки «бунтовщикам». Кроме того, в страну начался ввод сил НАТО, в задачу которых входило обеспечение мира и разоружение албанских боевиков в 30-дневный срок.

Сам факт вмешательства войск НАТО и международного сообщества в заключение мира наряду со скандалом вокруг спасения бойцов ОНА силами КФОР в с. Арачиново вызвал массовые выражения недовольства и беспорядки. Широко распространилось мнение о том, что американцы и западные

страны помогают албанским террористам и удовлетворяют их требования за счет славянского населения республики.

После заключения Рамочного соглашения начался новый этап в истории Республики Македония. Фактически после 13 августа 2001 г. можно говорить об иной, так называемой «Рамочной» или «Охридской», Македонии (подобно «Дейтонской Боснии»), стране с новыми правилами внутриполитической игры и гораздо более зависимой от внешнеполитического фактора. Условия соглашения позволили США и ЕС более широко и почти бесконтрольно вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику РМ.

Албанский вопрос, от которого в решающей степени зависит не только безопасность, но и будущее македонского государства, тоже еще далек от решения. Прогрессивные албанские лидеры верят в возможность создания общеполитической культурной автономии только в рамках ЕС (к слову, идея общемакедонской культурной автономии также присутствует). Вместе с тем, объективно крайне низка вероятность вступления Албании в ЕС, не говоря уж о так называемой «Республике Косова».

Неопределенность будущей судьбы албанской общины Македонии в контексте нерешенности албанского вопроса в целом и в условиях реваншистских настроений национально или даже националистически ориентированных македонских политических сил создает благоприятную почву для активизации радикальных элементов. А это рано или поздно может привести к новым конфликтам и дальнейшему росту албанских притязаний в Македонии. Первое десятилетие македонской независимости со всей очевидностью показало, что преимущественно внутренняя албанская угроза была и остается намного реальнее, чем во многом мифические угрозы извне – со стороны Сербии, Болгарии и Греции.

Сегодня достаточно сложно прогнозировать будущее Македонии: множество внутренних противоречий, наличие сильных дестабилизирующих внешних факторов, отсутствие длительных традиций независимости государства – все это, казалось бы, оставляет молодому государству совсем мало шансов на выживание. Тем не менее, Македония существует в таких условиях достаточно давно. И даже в 2001 г., когда каза-

лось, что страна сорвется в полномасштабную межэтническую гражданскую войну, этого не произошло (в том числе и из-за вмешательства извне). Сложно определить, что позволит Республике Македония существовать в дальнейшем: осторожная политика македонских лидеров или внешнеполитическая помощь. Но ясно, что распад Македонии объективно не выгоден никому из здравомыслящих сил как внутри, страны, так и за ее пределами.

Неопределенность положения в стране крупнейшего национального меньшинства и явно высказываемая угроза в виде превращения этой общины в доминирующую группу населения республики заставляет македонское общество активнее искать национальные идеи и все больше застраивать площадь Македонии (центральная площадь г. Скопье) памятниками видным «македонским героям». Кроме того, притязания албанской общины на активное участие в политической жизни спровоцировали достаточно интересную реакцию македонской общественности – македонцы постарались приписать себе две другие известные исторические личности, чье албанское происхождение раньше не оспаривалось: Скандербег* и Мать Терезу**. Данные притязания, в свою очередь, восторга в Албании не вызывают.

Необходимо отметить, что отсутствие албанских партий в политике РМ было относительно кратким, а их возвращение можно назвать триумфальным: в 1998 г. они сразу же оказались в правящей коалиции с право-ориентированной ВМРО-ДПМНЕ. В дальнейшем албанский фактор стал важным для победы в политической борьбе в РМ и оказывал решающее влияние как на выборах 2002 г. (по горячим следам событий 2001 г), так и на выборах 2006 г., когда к власти вернулась реформированная ВМРО-ДПМНЕ. Необходимо отметить, что многие политические партии, отстаивающие права и свободы албанского меньшинства (например, одна из крупнейших на сегодня Демократическая партия албанцев), получили возможность интегрироваться в политическую жизнь Македонии лишь после Охридских соглашений 2001 г.

* По одной из версий, Георгий Кастриоти родился в г. Дебар, РМ.

** Родилась в г. Скопье, РМ.

События весны-лета 2015 г., когда македонцы-славяне, албанцы и представители других этнических групп РМ вместе боролись за или против действующего правительства ВМРО-ДПМНЕ, еще раз продемонстрировали, что данный курс (безусловно, навязанный Македонии международным сообществом в лице ЕС и США) – пусть и неприятная, но, похоже, единственная альтернатива гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ *Мирославски С., Томовски М.* Албанците во Република Македонија 1945–1995. Легислатива, политичка документација, статистика. Скопје, 1997. С. 297.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Фонд 894. Оп. 5. П. 5. Д. 2. Л. 135.

³ *Polton H.* Who are the Macedonians. Indianapolis, 1995. P. 186–188.

⁴ *Ibid.* P. 187–189.

⁵ *Мирославски С., Томовски М.* Указ. соч. С. 296, 329.

⁶ Там же. С. 329.

⁷ Там же. С. 347.

⁸ Там же. С. 348.

⁹ См.: *Колосков Е.А.* Страна без названия: Внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М., 2013. С. 216–229.

¹⁰ *Мирославски С., Томовски М.* Указ. соч. С. 407.

¹¹ Там же. С. 427.

¹² Там же. С. 103.

¹³ Там же. С. 104–105.

¹⁴ *Менај П.* ОНА: порака и надеж. Т. I, дневник, документи, белешки. Скопје, 2008. С. 16–17.

¹⁵ *Polton H.* Op. cit. P. 186.

¹⁶ *Скворцов А.* Косово и Метохия: можно ли защищать права человека посредством насилия? // Библиотека Хроноса. http://www.rummuseum.ru/lib_s/kosovo34.php

¹⁷ *Смирнова Н.Д.* Конфликт в Косово как часть «албанского вопроса» // Косово. Международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 97–98.

¹⁸ *Мирославски С., Томовски М.* Указ. соч. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 174.

²⁰ Там же. С. 176–177.

²¹ Там же. С. 178

²² *Беннет К.* Новый македонский вопрос // Вестник НАТО. 2001. Т. 49. С. 27.

²³ АВП РФ. Фонд 894. Оп. 5. П. 5. Д. 2. Л. 136.

²⁴ Там же. Л. 136–137.

²⁵ Там же. Л. 137.

²⁶ *Менај П.* ОНА: порака и надеж. Т. II, историја, интервјуа, белешки. Скопје, 2008. С. 10.

²⁷ См.: *Колосков Е.А.* Указ. соч. С. 204–215.

²⁸ *Тунтев А.* Република Македонија. Прва декада (1990–1999). Скопје, 2005. С. 20.

²⁹ Интервју со Т. Гоцевским // В личном архиве автора.

³⁰ *Филипс Ц.* Македонија: господари на војната и бунови на Балканот. Скопје, 2009. С. 58.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 78.

³⁴ *Polton H.* Op. cit. P. 200.

³⁵ Рамковен (Охридски) договор. Скопје, 13 август 2001 // Документи за Република Македонија. Скопје, 2008. С. 973.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Э.Г. ЗАДОРЖНЮК (ИЗБРАННОЕ)

Индивидуальные монографии

1. Городское мелкое производство в странах Центральной и Восточной Европы: поиски оптимальной модели. 1940–1980-е годы. М., 1991.
2. Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
3. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной революции». Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 г. – ноябрь 1989 г. М., 2008.

Коллективные труды (член редколлегии)

4. Т.Г. Масарик. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2000. Т. I. Перевод с чешского языка.
5. Т.Г. Масарик. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2004. Т. II. Кн. II. Ч. 2–5; Кн. III. Ч. 1. Перевод с чешского языка.
6. Т.Г. Масарик. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2003. Т. III. Кн. III. Ч. 2–3. Перевод с чешского языка.
7. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах. М., 2005. Кн. 1–2.
8. Власть-общество-реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006.
9. Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.

10. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х-первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. Т. 1.
11. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Вторая половина 1980-х-начало 1990-х годов. СПб., 2013. Т. 2.
12. Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 1960-х–1980-е гг. Хрестоматия. М., 2013.
13. Историк-славист. Призвание и профессия. К юбилею В.В.Марьиной. СПб., 2013.
14. Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М., СПб., 2014.
15. Инакомыслие в условиях «реального социализма». Контуры новой государственности. Конец 60-х–80-е гг. XX в. М., 2014.
16. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015.

Статьи в коллективных трудах и научных журналах

17. Государство и церковь в ЧССР. Аналитический обзор. М., 1982. В соавторстве.
18. Socialistická prestavba mestskej malovýroby v krajinách strednej a juhovýchodnej Európy v rokoch výstavby základov socializmu // Historický časopis. Bratislava, 1987. № 4. На словацком языке.

19. Cooperative and Individual Forms of Economic Activities under Socialism: the Problem of Socialist Motivation // Psychology in macro- and microeconomics. Brussels-Leuven, 1988. На английском языке.
20. O úlohe psychologických faktorov v rozvoji mestskej malovýroby v podmienkach socializmu // Od vzniku Československa k socialistickému dnešku. Banská Bystrica, 1988. На словацком языке.
21. Городское мелкое производство стран Центральной и Юго-Восточной Европы в первой половине 50-х годов: концепции и реальность // Советское славяноведение. 1989. № 3.
22. К вопросу о вовлечении в социалистическое строительство городских непролетарских слоев трудящихся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Bulgarian Historical Review. 1989. № 1.
23. Польские религиоведы о позициях Иоанна Павла II по глобальным вопросам современности. Обзор // Глобальные проблемы современности и религиозная идеология. М., 1989.
24. Взгляд на Чехословакию 1988-ноябрь 1989 гг. По материалам контент-анализа журнала «Тайм» // Советское славяноведение. 1990. № 3.
25. Динамика и противоречия социально-классовой структуры стран Восточной Европы в 40-60-е годы. // Классы и социальные слои: исторические судьбы. СССР и Восточная Европа. 20-60-е годы XX в. М., 1990. В соавторстве.
26. Процесс распада социализма в оценках Запада (журнал «Тайм» о событиях января-декабря 1989 г.) // Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991.
27. Приватизация в Чехо-Словакии: прорывы и тупики // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992.

28. Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. М., 1993. Т. 63. № 12.
29. Instrument of Unity: Love or Steel // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1993. Vol. 63. № 12.
30. Экономические программы и политическая активность социал-демократов в Чехословакии // Политические партии и движения в Восточной Европе: проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.
31. Алгоритм распада // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. В соавторстве.
32. Monstrprocesy ako prvok politicko-ideologického zabezpečenia totalitarizmu v strednej a východnej Európe // Od diktatury ke diktature. Slovensko v rokoch 1945–1953. Bratislava, 1995. На словацком языке.
33. Драматургия президентства. Штрихи к политическому портрету Вацлава Гавела // Кентавр. М., 1995. № 5.
34. Векторы приватизационных процессов в Чехии и Словакии // Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.
35. Кооперация // Русская философия. Словарь. М., 1995.
36. Младороссы // Русская философия. Словарь. М., 1995.
37. Панславизм // Русская философия. Словарь. М., 1995.
38. Воспоминания о будущем. Социал-демократия Восточной Европы в первой половине 1990-х гг. // Свободная мысль. 1996. № 12.
39. The concepts of a New Europe in the Programms of the Political Parties of Social Democratic Orientation in Central Europe // A New Europe. Images of the Democratic Order. Wrocław, 1997. На английском языке.
40. Партии и движения в Чехии: структурная эволюция и проблема приоритетов // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997.

41. Украинские регионы и украинская политика // Украина и Россия: общества и государства. М., 1997. В соавторстве.
42. «Один против всех ...» (О Т.Г. Масарике) // Высшее образование в России. М., 1997. № 2.
43. Страны Вишеградской группы и НАТО // НАТО: Факты и комментарии. М., 1997. Июнь. Вып. 1.
44. «Особые отношения» НАТО - Украина и проблема украинских межрегиональных различий // НАТО: Факты и комментарии. М., 1997. Вып. 3.
45. «Россия и Европа» Т.Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т.Г. Масарик и Россия. СПб., 1997.
46. Социологическая теория и политическая практика Т.Г. Масарика // Социологические исследования. М., 1998. № 4.
47. Социал-демократия Центральной Европы: в конце XX века: Резервуар новых инициатив // Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. М., 1998.
48. Россия и Европа. Концепция Т.Г. Масарика и современность // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
49. Президенты стран Центральной Европы о благе вхождения в НАТО // НАТО: факты и комментарии. М., 1998. Вып. 5.
50. Динамика «особых отношений» НАТО-Украина // Первая годовщина со дня подписания основополагающего акта Россия-НАТО. Итоги и перспективы. М., 1998.
51. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
52. Revolúcie v roku 1989 a procesy vzniku novej regionalnej identity strednej Európy // Politické vedy. Banská Bystrica, 2000. Roč. III. № 2.

53. Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда) // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001.
54. Центральная Европа на рубеже веков: взгляд из России // Русский вопрос. Международный интернет-журнал. Praha, 2001. № 1 (<http://www.russkiivopros.com//index.php?one&id=208&kat=6&csl=27>).
55. Милан Растислав Штефаник и Томаш Гарриг Масарик: жизни и судьбы // Милан Растислав Штефаник: новый взгляд. Мартин, 2001.
56. Становление новых региональных идентичностей в Европе: итоги первого десятилетия (1989–1999 гг.) и перспективы. // Россия. Планетарные процессы. СПб., 2002.
57. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Страны Балтии и Россия. Общества и государства. М., 2002. В соавторстве.
58. Центральная Европа в конце XX века // *Polityczna obecność filozofii*. Toruń, 2002.
59. Отношения в треугольнике НАТО-Россия-Украина // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2002. № 5.
60. Социал-демократия Центральной Европы: достижения и приоритеты на рубеже XX–XXI веков // Европа. Варшава, 2002. Т. 2. № 3 (4).
61. Чешская Республика // Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М., 2003.
62. Словацкая республика // Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М., 2003.

63. Его называют «Учителем народа». О Т.Г. Масарике. // Деловая трибуна. М., 2003. № 1.
64. Регион как единица стабильности в гео (политике) XXI века // Środkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań, 2003. № 1.
65. Геополитический шанс для стран Балтии: расширение зоны стабильности в Европе // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2003. № 7.
66. Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003.
67. Русские и Балтия в прошлом и настоящем // Россия и современный мир. М., 2003. № 3-4. В соавторстве.
68. Вацлав Гавел ушел - что же он думал о России? // Представитель власти. М., 2003. № 6.
69. Нестареющие новости: дела президентские. О Вацлаве Клаусе // Представитель власти. М., 2003. № 9.
70. Сталин 50 лет спустя: интерпретация исторических реалий и политико-психологического портрета. Аналитический обзор // Русский вопрос. Международный интернет-журнал. Praha, 2003. № 1 (<http://www.ruskiivopros.com/>). В соавторстве.
71. На пути к «бархатной» революции: противостояние «властных» и безвластных» в Чехословакии // Славяноведение. М., 2004. № 3.
72. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Т.Г. Масарик. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2004. Т. 2. В соавторстве.
73. Regiony stabilności i regiony niestabilności w Europie // Przegląd politologiczny. Poznań, 2004. № 2. На польском языке.
74. Конфронтация «режима нормализации» и оппозиции в Чехословакии в конце 1980-х годов XX века // Środkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań, 2004. № 1.

75. Украина как «ось» консолидации в 1990-х годах // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2004.
76. Чешско-словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года // Новая и новейшая история. М., 2005. № 6.
77. Социал-демократическая модель в регионе «реального социализма» // Европейская социал-демократия в новом тысячелетии. М., 2005.
78. Чешская социал-демократия на рубеже веков // Европейская социал-демократия в новом тысячелетии. М., 2005. В соавторстве.
79. От мрака «нормализации» к миру демократизации: к вопросу о «бархатном» разводе чехов и словаков // Środokowoeuropejskie studia polityczne. Poznań, 2005. № 2.
80. Социал-демократия в политической жизни Чехии // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005. В соавторстве.
81. Место встречи - Словакия // Год планеты. 2005. М., 2005.
82. Новые региональные идентичности в Европе: становление и перспективы // Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности. М., 2006.
83. «Бархатная» революция в Чехословакии глазами американских дипломатов // Славяноведение. 2006. № 6.
84. «Бархатная» революция в Чехословакии: настоятельность новых интерпретаций // История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.
85. Централизм, самоуправление и региональная идентичность славянства. Наследие М.П. Драгоманова // Свободная мысль. 2007. № 1. В соавторстве.
86. Проблема отношений между чехами и словаками сквозь призму сочинения Т.Г. Масарика «Россия и Европа» // Рус-

- ские и словаки в XIX-XX вв.: контакты, взаимодействия, стереотипы. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 2007.
87. Томаш Гарриг Масарик и его труд о России // Меценат и мир. Литературно-художественный и культурологический международный журнал. Рязань, 2007. № 33-36.
88. Чехия и Словакия в начале нового тысячелетия: разнонаправленные поиски приоритетов политического развития // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX – начало XXI столетия). М., 2008.
89. Хартия 77: уроки тридцатилетней истории // Свободная мысль. 2008. № 2.
90. Хартия 77 и концепция «параллельного общества» в Чехословакии // Новая и новейшая история. 2008. № 5.
91. Социализм против социализма: феномен чехословацкой оппозиции после поражения Пражской весны. 1969-1972 гг. // 1968 – четыредесет година после. Сборник радова. Београд, 2008.
92. «Режим нормализации» в Чехословакии и феномен «параллельного общества» // Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке. М., 2008.
93. Консервативные и либеральные аспекты политической жизни Чехии // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. М., 2008. Часть II.
94. О поисках альтернатив развития чехословацкого общества после крушения Пражской весны» // Наукові праці історичного факультету Запорізького університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVII.
95. Киреевский П.В. // Идеи в России. Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Łódź, 2009. T. 7.
96. Самарин Ю.Ф. // Идеи в России. Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Łódź, 2009. T. 7.

97. Центральноевропейская модель социал-демократии. Словацкий вариант // Социал-демократия в российской и мировой истории. М., 2009.
98. Mladorusi // Enciklopedija Ruske filosofije. Beograd, 2009. На сербском языке.
99. Panslavism // Enciklopedija Ruske filosofije. Beograd, 2009. На сербском языке.
100. Kooperacija // Enciklopedija Ruske filosofije. Beograd, 2009. На сербском языке.
101. Социал-демократия в Словакии и Чехии: вариативность моделей и политические реалии // Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления. М., 2010.
102. Реципрокный характер перестройки в СССР и революций 1989 – начала 1990-х годов в странах «восточного блока» // Наукові праці історичного факультету Запорізького університету. Запоріжжя, 2010. Вип. XXVIII.
103. Чехословацкая оппозиция после поражения Пражской весны: исходные точки идейной дифференциации // Дебаты. 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010.
104. Роль нарративов в интерпретации «революций с определениями» // Наукові праці історичного факультету Запорізького університету. Запоріжжя, 2010. Вип. XXIX.
105. Диссидентское движение в Чехословакии: ключевая идея и формы реализации // Środkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań, 2010. № 3.
106. Вацлав Гавел – от диссидентства к президентству // Свободная мысль. 2010. № 12.
107. Jeunes-russes // Dictionnaire de la Philosophie Russe. Lausanne, 2010. На французском языке.
108. Panslavisme // Dictionnaire de la Philosophie Russe. Lausanne, 2010. На французском языке.

109. Cooperation // Dictionnaire de la Philosophie Russe. Lausanne, 2010. На французском языке.
110. Vybrané aspekty sociálnodemokratického diskurzu na Slovensku na prelome 20. a 21. storočia // Studia politica slovacica. Bratislava, 2011. № 2. На словацком языке.
111. Современные политические трансформации: славянский мир как зачинатель ненасильственных революций и их нарративы // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011.
112. Вацлав Гавел: провозвестник революций нового типа // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2011. Вип. XXX.
113. К вопросу о чешско-словацких отношениях // Česko-Ruské vztahy v 19. a 20. století. Praha, 2011.
114. К проблеме соотношения региональной и национальной идентичностей (на примере словацко-венгерских отношений) // Историки-слависты МГУ. Книга 8. Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011.
115. Новейшие книги по ключевым событиям чехословацкой истории второй половины XX века (Тематический обзор) // Славяноведение. 2011. № 1.
116. Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // Славяноведение. 2012. № 5.
117. Штрихи к портрету Т.Г. Масарика // Новая и новейшая история. 2012. № 5.
118. Милан Кундера, Вацлав Гавел и чешская доля // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012.
119. Революции с определениями: поступь истории и динамика нарративов // Sacrum et Profantum. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры. М., 2012.

120. Чешская Республика: параметры многовекторности // Российский совет по международным делам. Российские эксперты о взаимоотношениях с Россией стран бывшего СССР и социалистического блока (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=83#top).
121. Словацкие католики и чехословацкое государство в послеавгустовское двадцатилетие. 1969-1989 гг. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2012. Вип. XXXIII.
122. Государство и церковь: феномен паломничества в Словакии (к 25-летию «демонстрации со свечами») // Славяноведение. 2013. № 5.
123. Т.Г. Масарик и восточноевропейские культуры: «Россия и Европа» – до и после // Беларусь, Расія, Україна: дыялог народаў і культур. Калектыўная навуковая работа. Гродна, 2013.
124. «Славянский мир, сомкнись тесней...». К 210-летию со дня рождения Ф.И.Тютчева и 140-летию его кончины // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности. М., 2013. Кн. 1.
125. Словацкие социал-демократы в начале третьего тысячелетия: векторы эволюции // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности. М., 2013. Кн. 2.
126. Чехословацкое государство и словацкие христиане в период «нормализации». 1969–1989 гг. // Церковь и время. 2013. № 1 (62).
127. Украина-2013: выбор новых неопределенностей // Российский совет по международным делам (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1396&active_id_13=43).
128. Российские и словацкие историки: вместе, нельзя врозь // Российский совет по международным делам (http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=268).

129. Odras vzniku Slovenskej Republiky v 1993 r. v zrkadle ruskej tlače: konštatovanie nepodstatnosti // 20 rokov samostatnej Slovenskej Republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja. Bratislava, 2013. На словацком языке.
130. Gustáv Husák a Michail Gorbačov: od apríla (1987) do apríla (1988) // Gustáv Husák. Moc politiky – politik moci. Praha-Bratislava, 2013. На чешском языке.
131. Двадцать лет независимости: ускоренное взросление и экзамены на завтра // Словакия. 2013. № 2 (январь).
132. А.И. Герцен, Т.Г. Масарик и славянский вопрос // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013.
133. Ф.И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории. 2014. № 1.
134. Тарас Григорьевич Шевченко и идея славянского единения // Славяноведение. 2014. № 6.
135. «Русской земли человек замечательный». К 200-летию юбилею Т.Г. Шевченко // Свободная мысль. 2014. № 2. В соавторстве.
136. «Бархатный развод» Чешской и Словацкой федеративной республики (ЧСФР) в зеркале прессы распавшегося СССР // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуяна. М., 2014.
137. Т.Г. Шевченко и русская культура: непрестанное взаимное обогащение // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014.
138. Чешская доля: иллюзии и реальности (полемика Милана Кундеры и Вацлава Гавела) // Poznańskie Studia Slawistyczne. Poznań, 2014. № 6.
139. The Welfare State Model in the Programs of Social Democratic Parties of Visegrád Group Countries at the End of 20-th

- Century // Theory and Practice of the Welfare State in Europe in 20-th Century. Prague, 2014. На английском языке.
140. Сценарии развития украинского кризиса // Российский совет по международным делам (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3053#top).
141. The USSR and the Revolutions of 1989-90: Questions of Causality // The Revolutions of 1989. A Handbook. Wien, 2015. На английском языке.
142. 25-летняя эволюция революций нового типа: от «бархатной» (1989 г.) к перманентной украинской (2013-2015 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М., 2015.
143. Творчество Тараса Шевченко: ширящиеся рецепции и интерпретации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2015. Вып. 50.
144. Революции нового типа: от «in vitro» к «in natura» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2015. Вып. 52.

Публикации

145. «Подлинная революция – это революция реформистская». (Из книги Т.Г. Масарика «Россия и Европа») // Славяноведение. 1997. № 5 (автор предисловия, переводчик и комментатор).
146. Т.Г. Масарик о Ф.М. Достоевском // Вопросы литературы. Сентябрь- октябрь 1997 (автор предисловия, переводчик и комментатор).
147. Иван Лысяк-Рудницкий. Между политикой и историей. М., СПб. 2007. Перевод с украинского (один из переводчиков).

148. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х-первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. Т. 1 (член авторского коллектива, переводчик, комментатор).
149. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Вторая половина 1980-х-начало 1990-х годов. СПб., 2013. Т. 2 (член авторского коллектива, переводчик, комментатор).
150. Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 1960-х–1980-е гг. Хрестоматия. М., 2013 (член авторского коллектива, переводчик, комментатор).

Литература

Славяноведение в СССР. Биобиблиографический словарь. New York, 1993.

Scholars of Bohemian, Czech and Czechoslovak History Studies. Praha, 2005.

Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук. Биобиблиографический словарь. М., 2012.

В научном багаже Э.Г. Задорожнюк около 400 научных трудов.

Научное издание

Коллектив авторов

МЕЖДУ МОСКВОЙ И БРЮССЕЛЕМ

Художественный редактор *Л.Г. Ордынская*

Ответственный редактор *К.В. Никифоров*

Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 15.01.2016 г.
Формат 60x90/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз.
Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96

ISBN 978-5-7576-0356-8

9

785757 603568